118.

КРАСНЫЙ АРХИВ

6 (91)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ГЛАВНОГО АРХИВНОГО
УПРАВЛЕНИЯ НКВД СССР

Содержание

О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)». — Сучанская долина в годы гражданской войны. — Германские оккупанты в Полесье. — Франко-германский кризис 1875 г. — К истории рабочего движения 80-90-х годов. — К истории волнений на Глушковской суконной фабрике. — К истории Каракалпаков XVIII в. — Борьба царского правительства и цензуры с революционным «Кобзарем» Т. Г. Шевченко. — Новые данные об убийстве Ладо Кецховели. — Новые данные о диссертации Н. Г. Чернышевского.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1938

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ШЕСТОЙ
(ДЕВЯНОСТО ПЕРВЫЙ)

1938

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1938

EXCHANGE
ALL-UNION LENIN LIBRARY
INTERNATIONAL BOOK EXCHANGE
MOSCOW

APR 22 1939

О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском „Краткого курса истории ВКП(б)“

Постановление ЦК ВКП(б)

I

Выход в свет «Краткого курса истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)» является крупнейшим событием в идейной жизни большевистской партии. С появлением «Краткого курса истории ВКП(б), партия получила новое могучее идейное оружие большевизма, энциклопедию основных знаний в области марксизма-ленинизма. Курс истории партии — научная история большевизма. В ней изложен и обобщен гигантский опыт коммунистической партии, равного которому не имела и не имеет ни одна партия в мире.

«Краткий курс истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)» является важнейшим средством в деле разрешения задачи овладения большевизмом, вооружения членов партии марксистско-ленинской теорией, т. е. знанием законов общественного развития и политической борьбы, средством повышения политической бдительности партийных и непартийных большевиков, средством поднятия дела пропаганды марксизма-ленинизма на надлежащую теоретическую высоту.

Создавая «Краткий курс истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», ЦК ВКП(б) исходил из следующих задач:

1) Необходимо было дать партии единое руководство по истории партии, руководство, представляющее официальное, проверенное ЦК ВКП(б) толкование основных вопросов истории ВКП(б) и марксизма-ленинизма, не допускающее никаких произвольных толкований. Изданием «Курса истории ВКП(б)», одобренного ЦК ВКП(б), кладется конец произволу и неразберихе в изложении истории партии, обилию различных точек зрения и произвольных толкований важнейших вопросов партийной теории и истории партии, которые имели место в ряде ранее изданных учебников по истории партии.

2) Создавая «Краткий курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) ставил своей задачей ликвидировать вредный разрыв в области пропаганды между марксизмом и ленинизмом, который образовался за последние годы и который привел к тому, что ленинизм стали преподавать как самостоятельное учение в отрыве от марксизма, в отрыве от диалектического и исторического материализма, в отрыве от истории партии, забывая, что ленинизм вырос и развился на основе марксизма, что марксизм есть основа ленинизма, что, не зная этой основы ленинизма, нельзя понять ленинизм.

Создавая «Курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) ставил своей задачей дать такое руководство по теории и истории ВКП(б), в котором были бы воссоединены в одно целое искусственно расщепленные составные части единого марксистско-ленинского учения — диалектический и исторический материализм и ленинизм, а исторический материализм был бы связан с политикой партии,— руководство, в котором было

бы показано неразрывное единство, целостность и преемственность учения Маркса и Ленина, единство марксизма-ленинизма, и изложено то новое, что внесено Лениным и его учениками в марксистскую теорию на основе обобщения нового опыта классовой борьбы пролетариата в эпоху империализма и пролетарских революций.

3) В противоположность некоторым старым учебникам, излагавшим историю ВКП(б) прежде всего вокруг исторических лиц и имевшим в виду воспитание кадров на лицах и их биографиях,— «Краткий курс» излагает историю партии на базе развертывания основных идей марксизма-ленинизма и имеет в виду воспитание партийных кадров, в первую очередь, на идеях марксизма-ленинизма.

Создавая «Краткий курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) исходил из задачи преподать учение марксизма-ленинизма на основе исторических фактов. ЦК ВКП(б) имел в виду, что такое изложение марксистско-ленинской теории наиболее отвечает интересам дела, так как на исторических фактах лучше, естественнее и понятнее демонстрировать основные идеи марксизма-ленинизма, так как сама история ВКП(б) есть марксизм-ленинизм в действии, так как правильность и жизненность марксистско-ленинской теории проверены практикой, на опыте классовой борьбы пролетариата, и сама марксистско-ленинская теория развивалась и обогащалась в теснейшей связи с практикой, на основе обобщения практического опыта революционной борьбы пролетариата.

4) Создавая «Краткий курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) ставил задачу освободить марксистскую литературу от упрощенчества и вульгаризации в толковании ряда вопросов теории марксизма-ленинизма и истории партии.

Такого рода вульгаризация и упрощенчество нашли выражение, например, в распространенных до последнего времени, явно антимарксистских и давно осужденных партией, взглядах о роли личности в истории, когда вопрос о роли личности в истории излагался некоторыми лже-теоретиками и пропагандистами с полу-эсеровских позиций.

К такого рода вульгаризаторству и упрощенчеству марксизма-ленинизма относится неправильное толкование вопроса о победе социализма в нашей стране.

Широкое распространение приобрели извращения марксистско-ленинских взглядов по вопросу о характере войн в современную эпоху, непонимание различия между войнами справедливыми и несправедливыми, неправильный взгляд на большевиков как на своего рода «пацифистов».

В исторической науке до последнего времени антимарксистские извращения и вульгаризаторство были связаны с так называемой «школой» Покровского, которая толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события, и, тем самым, искажала действительную историю.

Антиисторическая фальсификация действительной истории, антиисторические попытки приукрасить историю, вместо правдивого ее изложения, приводили, например, к тому, что в нашей пропаганде история партии изображалась иногда, как сплошной путь побед, без каких бы то ни было временных поражений и отступлений, что явно противоречит исторической правде и, тем самым, мешает правильному воспитанию кадров.

Антимарксистская вульгаризаторская путаница сказалась также в распространении неправильных взглядов на советское государство, в принижении роли и значения социалистического государства, как главного оружия в руках рабочих и крестьян для победы социализма

и для защиты социалистических завоеваний трудящихся от капиталистического окружения.

«Краткий курс истории ВКП(б)» кладет конец этой и тому подобной вульгаризации и опошлению марксизма-ленинизма, восстанавливая установки марксизма-ленинизма.

5) Создавая «Краткий курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) ставил своей задачей наглядно продемонстрировать силу и значение марксистско-ленинской теории, научно раскрывающей законы развития общества,— теории, которая учит применять эти законы для руководства революционной деятельностью пролетариата,— теории, которая, как и всякая наука, непрерывно развивается и совершенствуется и которая не боится заменять отдельные устарелые положения и выводы новыми выводами и положениями, соответствующими новым историческим условиям.

ЦК ВКП(б) исходил из того, что без знания теории марксизма-ленинизма, без овладения большевизмом, без преодоления своей теоретической отсталости, наши кадры будут хромать на обе ноги, ибо задача правильного руководства всеми отраслями социалистического строительства требует овладения со стороны практиков основами марксистско-ленинской теории, требует умения руководствоваться теорией при разрешении вопросов практической деятельности.

Ошибочно думать, будто задача овладения теорией посильна лишь небольшому кругу работников. Овладение марксистско-ленинской теорией — дело наживное. Именно теперь, при Советской власти и победе социализма в СССР, созданы неограниченные возможности для того, чтобы наши руководящие кадры успешно овладевали марксистско-ленинской теорией, изучили историю партии, труды Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Для того, чтобы овладеть теорией марксизма-ленинизма, надо лишь проявить желание, настойчивость и твердость характера в достижении этой цели. Если можно успешно овладеть такими науками, как, например, физика, химия, биология, то тем более нет оснований сомневаться, что можно полностью овладеть наукой марксизма-ленинизма.

6) Создавая «Курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) ставил задачу помочь кадрам, ведущим теоретическую и пропагандистскую работу, перестроиться, улучшить качество работы, начать ликвидировать свою теоретическую отсталость, устранить недостатки и пробелы в своей идеологической подготовке и поднять пропагандистскую работу на должную высоту.

Все эти задачи, поставленные ЦК ВКП(б), нашли свое разрешение в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

II

Каковы основные недостатки пропагандистской работы?

В каком направлении необходимо перестроить пропагандистскую и теоретическую работу партии?

1) Основным недостатком постановки партийной пропаганды является отсутствие необходимой централизации руководства партийной пропагандой и вытекающие отсюда кустарщина, неорганизованность в деле пропаганды.

Кустарничество и неорганизованность в области партийной пропаганды выразились прежде всего в том, что партийные организации основной формой пропаганды избрали устную пропаганду через кружки, забывая, что кружковый метод пропаганды был свойственен преимущественно нелегальному периоду партии, в силу условий работы партии в то время, и что в условиях Советской власти и при наличии в руках большевистской партии такого мощного орудия пропаганды,

как печать, созданы совершенно новые условия и возможности для неограниченного размаха пропаганды и для централизованного руководства ею.

Вместо того, чтобы использовать эти возможности, партийные организации продолжают цепляться за старые формы пропаганды, не учитывая того, что кружки в нынешних условиях уже не могут являться главным методом обучения наших кадров большевизму, что основным методом обучения кадров марксизму-ленинизму должен являться испытанный на опыте старшего поколения большевиков метод самостоятельного изучения истории и теории большевистской партии, а партия должна притти на помощь кадрам в этом отношении через печать и централизованную высококвалифицированную консультацию по возникающим у них в процессе изучения вопросам, через лекции, доклады и т. п.

Избрав основным методом пропаганды устную пропаганду через кружки, партийные организации увлеклись ошибочной затеей объединить в кружки всех коммунистов, поставив ставку на количественное расширение сети партийных кружков, на погоню за огульным «охватом» и при том в обязательном порядке всех без исключения коммунистов партийными кружками.

В погоне за количеством кружков партийные организации выпустили из рук главное звено — качество пропаганды.

Обилие кружков, лишив партийные организации возможности контролировать пропагандистскую работу по существу, привело к тому, что партийные организации выпустили из своих рук руководство пропагандой, сведя свою деятельность главным образом к собиранию канцелярско-статистических сведений об «охвате» коммунистов учебой в кружках, их численности и посещаемости. В результате кружки превратились в автономные и бесконтрольные организации, ведущие работу на свой риск и страх.

Обилие кружков привело, далее, к тому, что кадры пропагандистов оказались переполненными малоподготовленными теоретически, а зачастую политически неграмотными и непроверенными людьми, которые не только не могут помочь членам партии и беспартийным овладеть большевизмом, но способны лишь подменить изложение марксистско-ленинской теории вредным упрощенчеством и запутать своих слушателей.

В погоне за количеством пропагандистов партийные организации выпустили из своих рук теоретическое руководство подготовкой и переподготовкой пропагандистских кадров и контроль за работой пропагандистов в кружках. Вместо того, чтобы централизовать руководство пропагандистами и обеспечить тем самым подъем качества работы с пропагандистами, парторганизации и в этом деле ошибочно взяли курс на количество, распылив дело помощи пропагандистским кадрам путем создания большого количества парткабинетов при предприятиях, семинаров пропагандистов, краткосрочных курсов пропагандистов и т. д. Погоня за количеством этих учреждений в ущерб качеству привела к тому, что парткабинеты и семинары пропагандистов оказались лишенными необходимого партийного руководства, а недостаток квалифицированных кадров руководителей пропсеминаров и парткабинетов привел к снижению качества их работы, к неудовлетворенности пропагандистов постановкой дела в них, превращая посещение семинаров и кабинетов в формальную повинность.

Превратив посещение кружков в обязанность для членов партии, рассматривая партийцев как вечных школьников начальных классов, неспособных к самостоятельному изучению марксизма-ленинизма, парторганизации прибегли к целому ряду административных ухищре-

ний для вовлечения и удержания членов партии в кружках, встали на путь мелочной опеки и регламентации работы коммунистов в кружках.

В работе кружков укоренились неправильные и тормозящие идейно-политический рост членов партии школярские методы, выразившиеся в насаждении «единых дней» учебы для всех кружков, единых регламентов их работы, в изгнании из кружков метода беседы и живой товарищеской дискуссии.

Не ограничиваясь этим, парторганизации задались бюрократической и вредной затеей «контролировать» каждого читающего марксистско-ленинскую книгу и заставлять отчитываться в прочитанном.

В результате этих неправильных установок в пропагандистской работе, у коммунистов, обязанных в течение ряда лет заниматься в одних и тех же кружках и лишенных надлежащей помощи в изучении марксистско-ленинской литературы у себя дома, теряется интерес к теоретической подготовке, а посещение занятий кружков зачастую превращается в тягостную обузу.

Нарушение принципа добровольности при вступлении в кружки, бюрократически-административная практика механического, принудительного зачисления членов партии в кружки, неправильный взгляд на кружки как на единственную форму партийного просвещения, подорвали у партийцев веру в то, что они могут успешно изучать марксизм-ленинизм путем самостоятельного чтения. Тем самым нанесен ущерб делу глубокого, самостоятельного усвоения коммунистами основ марксизма-ленинизма, идейному росту партийных кадров.

Необходимо восстановить коммунистам веру в свои силы и способности к овладению марксистско-ленинской теорией.

Необходимо разбить вредный предрассудок, будто учиться марксизму-ленинизму можно только в кружке, тогда как в действительности главным и основным способом изучения марксизма-ленинизма является самостоятельное чтение.

2) Одной из основных причин непомерного раздувания кружковой работы и устной пропаганды вообще, в ущерб пропаганде через печать, явился вредный разрыв в организации печатной и устной пропаганды, нашедший свое выражение в раздельном существовании отделов пропаганды и отделов печати как в обкомах, крайкомах и ЦК нацкомпартий, так и в аппарате ЦК ВКП(б).

В пропаганде марксизма-ленинизма главным, решающим оружием должна являться печать — журналы, газеты, брошюры, а устная пропаганда должна занимать подсобное, вспомогательное место. Печать дает возможность ту или иную истину сразу сделать достоянием всех, она поэтому сильнее устной пропаганды. Расщепление же руководства пропагандой между двумя отделами привело к принижению роли печати в пропаганде марксизма-ленинизма и, тем самым, к сужению размаха большевистской пропаганды, к кустарничеству и неорганизованности.

Отделы партийной пропаганды и агитации, ограничив свою деятельность устной пропагандой, погнавшись за количеством кружков, не использовали для дела пропаганды партийную печать, и в результате лишили себя возможности руководить пропагандой по существу.

В свою очередь отделы печати, будучи лишены необходимых квалифицированных кадров пропагандистов, которые почти целиком ушли в устную пропаганду, оказались неспособными вести пропаганду марксизма-ленинизма через печать.

3) Важнейшим недостатком в деле партийной пропаганды является пренебрежение со стороны партийных организаций к делу политической подготовки, к делу марксистско-ленинской закалки наших кад-

ров, нашей советской интеллигенции,— кадров партийных, комсомольских, советских, хозяйственных, кооперативных, торговых, профсоюзных, сельскохозяйственных, просвещенских, военных, то-есть кадров партийного, государственного и колхозного аппарата, при помощи которых управляют рабочий класс и крестьянство Советской страной. Практика нашей партийной пропаганды, сосредоточившись на охвате, главным образом, рабочих от станка, упустила из виду командные кадры — нашу советскую, партийную и непартийную интеллигенцию, состоящую из вчерашних рабочих и крестьян.

«Краткий курс истории ВКП(б)» ставит одной из своих задач положить конец этому дикому, антиленинскому, пренебрежительному отношению к нашей, советской интеллигенции и к нуждам ее политического, ленинского воспитания.

«Краткий курс истории ВКП(б)» обращен, в первую очередь, к руководящим кадрам партийных, комсомольских, хозяйственных и иных работников, ко всей нашей партийной и непартийной интеллигенции как в городе, так и в деревне.

Наши партийные, советские, хозяйственные и другие руководящие ленинские кадры, занятые практической работой, сильно отстали в области теории. Создавая курс истории партии, ЦК ВКП(б) ставил задачу начать ликвидацию этой теоретической и политической отсталости наших кадров.

ЦК ВКП(б) исходил из того, что «...если бы мы смогли, если бы сумели наши партийные кадры, снизу доверху, подготовить идеологически и закалить их политически таким образом, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке, если бы мы сумели сделать их вполне зрелыми ленинцами, марксистами, способными решать без серьезных ошибок вопросы руководства страной, то мы разрешили бы этим девять десятых всех наших задач» (Сталин).

ЦК ВКП(б) исходил из того, что искусство большевистского руководства требует знания теории, т. е. законов развития общества, законов развития рабочего движения, развития пролетарской революции, развития социалистического строительства и умения пользоваться этими законами в практической работе по руководству социалистическим строительством.

Все наши кадры составляют огромную армию советской интеллигенции. Советская интеллигенция всеми своими корнями связана с рабочим классом и крестьянством. Это совершенно новая интеллигенция, подобной которой нет ни в одной стране мира.

Ни одно государство не могло и не может обойтись без своей интеллигенции, тем более не может обойтись без своей интеллигенции социалистическое государство рабочих и крестьян. Нашу интеллигенцию, выросшую за годы Советской власти, составляют кадры государственного аппарата, при помощи которых рабочий класс ведет свою внутреннюю и внешнюю политику. Это — вчерашние рабочие и крестьяне и сыновья рабочих и крестьян, выдвинувшиеся на командные посты. Особое значение имеет интеллигенция в такой стране, как наша, где государство направляет все отрасли хозяйства и культуры, в том числе и сельское хозяйство, и где каждый государственный работник, чтобы сознательно и с успехом выполнять свою работу, должен понимать политику государства, его задачи во вне и внутри страны.

Следовательно, задача марксистско-ленинского воспитания советской интеллигенции является одной из самых первоочередных и важнейших задач партии большевиков.

ЦК ВКП(б) констатирует, что несмотря на столь важную роль интеллигенции в советском государстве, до настоящего времени еще не пре-

одолено пренебрежительное отношение к нашей интеллигенции, представляющее из себя вреднейшее перенесение на нашу советскую интеллигенцию тех взглядов и отношений к интеллигенции, которые были распространены в дореволюционный период, когда интеллигенция находилась на службе у помещиков и капиталистов.

Это пренебрежительное отношение к интеллигенции находит свое выражение в запущенности идейно-воспитательной работы с кадрами, в забросе политической работы среди интеллигенции, служащих, учителей, врачей, студенчества, колхозной интеллигенции и т. д., в пренебрежительно-высокомерном отношении к партийному и непартийному интеллигенту, как к человеку второго сорта, хотя бы это был вчерашний стахановец, выдвинутый в силу своих заслуг на руководящий пост советского государства.

Такое антибольшевистское отношение к советской интеллигенции является диким, хулиганским и опасным для советского государства. Необходимо понять, что именно заброшенность политической работы среди интеллигенции, среди наших кадров, привела к тому, что часть наших кадров, оказавшаяся вне политического влияния партии и лишенная идейной закалки, политически свихнулась, запуталась и стала добычей иностранных разведок и их троцкистско-бухаринской и буржуазно-националистической агентуры.

ЦК ВКП(б) считает, что этому «махаевскому», антиленинскому отношению к интеллигенции необходимо положить конец.

Необходимо воспитать советскую интеллигенцию в духе марксизма-ленинизма.

Без такой интеллигенции советское государство не может с успехом руководить страной.

«Краткий курс истории ВКП(б)» является средством такого воспитания советской интеллигенции.

III

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Считать неправильной практику погони за количественным охватом коммунистов кружками сети партпросвещения в ущерб качеству пропаганды, приводящую к дроблению сил и принижению уровня пропагандистской работы.

2. Обязать партийные организации ликвидировать организационное кустарничество в деле партийной пропаганды, установить необходимую централизацию в руководстве ею и перестроить организацию партийной пропаганды таким образом, чтобы обеспечить подъем ее качества, ее идейного уровня.

3. В основу пропаганды марксизма-ленинизма положить «Краткий курс истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)».

Дифференцировать изучение истории ВКП(б) следующим образом:

Для **низового** звена кадров, в числе которых имеется значительная часть недостаточно подготовленных товарищей, целесообразно изучать курс в сокращенном объеме по трем основным этапам истории партии: 1) борьба за создание большевистской партии (I—IV главы), 2) партия большевиков в борьбе за диктатуру пролетариата (V—VII главы), 3) партия большевиков у власти (VIII—XII главы).

Для **среднего** звена, состоящего из сравнительно более подготовленных товарищей и являющегося наиболее многочисленным звеном наших кадров, ЦК ВКП(б) рекомендует изучение «Курса истории ВКП(б)» полностью, по 12 содержащимся в нем главам.

Для **высшего** звена, т. е. для наиболее подготовленных товарищей, целесообразно изучать «Краткий курс истории ВКП(б)» по под-

разделам каждой главы, одновременно с изучением соответствующих произведений Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина по первоисточникам.

4. Исходя из того, что главным методом изучения марксизма-ленинизма должен стать метод самостоятельного изучения, предложить обкомам, крайкомам и ЦК нацкомпартий сократить количество кружков партийного просвещения.

Вместо существующих ныне на каждом крупном предприятии, в учреждении, в вузе многих десятков, а иногда и сотен кружков, при правильном подходе к делу окажется целесообразным иметь на крупном предприятии, в крупном учреждении, примерно, 2—3 кружка для низовых кадров, 2—3 кружка среднего уровня и 1 повышенный кружок для самых развитых и подготовленных людей, а в вузах несколько кружков среднего и повышенного типа.

В сельских районах при наличии желающих изучать «Краткий курс истории ВКП(б)» в кружках и при наличии квалифицированных пропагандистов можно иметь несколько кружков для сельской интеллигенции: партийного и советского актива, учителей, торгово-кооперативных работников, колхозного актива и т. д.

При сокращении количества кружков необходимо исходить из задачи обеспечить их действительно квалифицированными пропагандистами.

5. Ликвидировать административно-бюрократическую практику принудительного зачисления коммунистов в кружки партийного просвещения.

Разъяснить каждому коммунисту, что участие в кружках является делом исключительно добровольным.

6. Работа кружков должна быть построена на основе живой беседы и товарищеской дискуссии. Из кружков должны быть решительно изгнаны вредные школярско-административные методы, казенщина и схематизм, тормозящие идейное воспитание партийных и непартийных большевиков. Пропагандисты должны давать товарищеское разъяснение по интересующим членов кружка вопросам.

Необходимо покончить с формально-бюрократической регламентацией работы кружков (единый день партийной учебы, двухчасовые занятия сразу же после работы, отказ от постановки практических вопросов, интересующих участников кружка и т. п.). Расписание занятий каждого кружка должно устанавливаться его участниками вместе с пропагандистом, исходя из местных условий. Каждое занятие должно продолжаться столько, сколько участники кружка сочтут необходимым для основательного обсуждения поставленных вопросов.

Работа кружков должна быть организована так, чтобы не растягивать занятия на слишком долгий период времени. Необходимо избежать одного из коренных недостатков теперешних кружков, когда неограниченное количество времени уделяется первым темам, а послеоктябрьский период, имеющий важнейшее значение в истории партии, остается неизученным.

Кружки по изучению истории партии должны формироваться так, чтобы обеспечить более или менее однородный уровень общеобразовательной и политической подготовки их участников. По уровню подготовки целесообразно иметь три типа кружков в соответствии с дифференцированным характером изучения «Краткого курса истории ВКП(б)»:

а) кружки для низового звена наших кадров, изучающие «Краткий курс истории ВКП(б)» в сокращенном объеме и с более доступным изложением вопросов теории;

б) кружки для среднего звена, изучающие полностью «Краткий курс истории ВКП(б)» по отдельным главам;

в) кружки для наиболее подготовленных товарищей, изучающих

«Краткий курс истории ВКП(б)» по подразделам каждой главы с одновременным чтением первоисточников.

7. Ввести в практику лекции, являющиеся важным методом пропаганды марксизма-ленинизма. Хорошо подготовленная, содержательная лекция должна явиться серьезной помощью товарищам, самостоятельно изучающим «Краткий курс истории ВКП(б)» и произведения классиков марксизма-ленинизма. Необходимо также ставить лекции по вопросам международного положения и по отдельным теоретическим и политическим вопросам. Считать целесообразным, чтобы после лекции лектор отвечал на заданные вопросы. Ввести в практику организацию открытых лекций с небольшой платой за посещение.

8. Ликвидировать кустарщину и бесконтрольность в работе с пропагандистами, выразившиеся в погоне за огульным насаждением парткабинетов и семинаров пропагандистов. Обязать парторганизации в двухмесячный срок изучить и пересмотреть сеть парткабинетов, сократив их количество, оставив парткабинеты для помощи пропагандистам и консультации для занимающихся политическим самообразованием, как правило, при горкомах и райкомах партии. Не обеспеченные квалифицированными консультантами, партийные кабинеты на предприятиях и в учреждениях должны быть сокращены, или использованы в качестве читален и библиотек для занимающихся самообразованием. Обязать парторганизации сократить количество пропагандистских семинаров, сосредоточив работу семинаров пропагандистов при крупных городских райкомах, при горкомах, обкомах и крайкомах ВКП(б).

Партийные организации при создании семинаров пропагандистов должны обеспечить их марксистски-образованными, политически проверенными руководителями. Горкомы, обкомы и крайкомы ВКП(б) должны осуществлять постоянный контроль за содержанием работы семинаров пропагандистов.

Работа семинаров пропагандистов по истории ВКП(б) должна быть построена применительно к трем основным формам изучения истории ВКП(б) и, при этом, с таким расчетом, чтобы семинары пропагандистов при изучении «Краткого курса истории ВКП(б)» шли значительно раньше кружков.

Семинар не может быть местом для «накачивания» пропагандистов. Занятия в семинарах пропагандистов надо поставить таким образом, чтобы была обеспечена творческая работа каждого участника семинара, велось живое обсуждение теоретических вопросов, чтобы была обеспечена товарищеская дискуссия по теоретическим и методическим вопросам.

9. Обязать Отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) объединить наиболее квалифицированных пропагандистов нашей партии, лекторов, докладчиков, консультантов, которые должны сотрудничать в теоретических журналах, в центральных газетах, выступать с лекциями и докладами на местах, оказывать действенную помощь местным партийным организациям в пропаганде марксизма-ленинизма.

Считать необходимым собирать и систематически публиковать на страницах печати опыт лучших пропагандистов, их занятия, консультации, лекции.

Рекомендовать горкомам, обкомам, крайкомам и ЦК нацкомпартий практиковать регулярный созыв пропагандистов и работников печати для обсуждения основных вопросов пропаганды.

10. Ликвидировать недооценку значения печати как важнейшего орудия марксизма-ленинизма и всесоюзной трибуны пропаганды.

Поднять роль печати в деле пропаганды марксизма-ленинизма. С этой целью обязать редакции «Правды», «Красной Звезды», «Комсомольской Правды», а также республиканских, краевых и областных партийных и комсомольских газет систематически помещать на страницах газет статьи по теоретическим вопросам марксизма-ленинизма, консультации, лекции лучших пропагандистов, «ответы» на «вопросы» читателей. Организовать в составе редакций «Правды», «Красной Звезды», «Комсомольской Правды», а также республиканских, краевых и областных партийных и комсомольских газет, отделы пропаганды, поставив во главе их теоретически подготовленных товарищей, и привлечь к работе в отделах пропаганды редакций лучших пропагандистов.

Считать необходимым перестроить журнал «Большевик» с тем, чтобы он являлся теоретическим органом партии и всесоюзной консультацией по вопросам марксизма-ленинизма, давая на своих страницах ответы и разъяснения по интересующим членов партии и беспартийных теоретическим и политическим вопросам.

Обязать Отдел партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Госполитиздат обеспечить издание популярных брошюр в помощь пропагандистам и особенно низовому активу, изучающему историю партии, а также разработать план издания пособий по истории партии.

11. Осудить как дикость и хулиганство пренебрежительное отношение к советской интеллигенции и к задачам ее идейно-политического воспитания в духе марксизма-ленинизма. Обязать партийные организации восстановить правильное большевистское отношение к советской интеллигенции и развернуть идейно-политическую работу среди интеллигенции, среди служащих, студенчества и колхозной интеллигенции. Считать первоочередной и главной задачей парторганизаций в области пропаганды ликвидацию теоретической и политической отсталости кадров партийной и непартийной интеллигенции, обеспечив всяческую помощь советской интеллигенции в овладении большевизмом, в изучении истории ВКП(б) и произведений классиков марксизма-ленинизма.

12. Отметить серьезное отставание работников теоретического фронта, проявляющееся в их теоретической слабости, в их боязни смело ставить актуальные теоретические вопросы, в распространении начетничества и буквоедства, в вульгаризации и опошлении отдельных положений марксизма-ленинизма, в отставании теоретической мысли, в недостатке теоретического обобщения громадного практического опыта, накопленного партией на всех участках социалистического строительства. Призвать всех работников теоретического фронта решительно и быстро выправить нетерпимое отставание теоретического фронта, покончив с боязнью смелой постановки теоретических вопросов, двигающих марксистско-ленинскую теорию вперед, покончив с буквоедством, начетничеством, схоластикой, вульгаризацией и опошлением отдельных положений марксистско-ленинской теории.

13. Ликвидировать запущенность идеологического хозяйства, которая нашла, в частности, свое выражение в неудовлетворительной работе Института Маркса — Энгельса — Ленина, допустившего ряд искажений и неточностей при переводах на русский язык сочинений Маркса и Энгельса, а также грубейшие политические ошибки вредительского характера в приложениях, примечаниях и комментариях к некоторым томам сочинений Ленина.

14. Обязать Институт Маркса — Энгельса — Ленина в кратчайший срок исправить искажения, допущенные в переводах сочинений Маркса — Энгельса на русский язык, а также грубейшие политические

ошибки, содержавшиеся в приложениях и примечаниях к сочинениям В. И. Ленина, например, к XIII тому.

Обязать Институт Маркса — Энгельса — Ленина ускорить переиздание сочинений Маркса — Энгельса и В. И. Ленина.

15. Отметить оторванность наших теоретических журналов от насущных вопросов жизни и борьбы нашей партии, их самозамыкание и тенденции к академизму.

Обязать редакции теоретических журналов перестроить свою работу, обеспечив на своих страницах постановку актуальных теоретических вопросов, обобщение опыта социалистического строительства, обслуживание теоретических запросов наших кадров, разработку новых теоретических проблем и творческую дискуссию по вопросам теории.

16. В дополнение к системе политической переподготовки руководящих партийных кадров, установленной февральско-мартовским пленумом ЦК ВКП(б), провести следующие мероприятия по переподготовке и подготовке квалифицированных пропагандистских кадров партии:

а) Организовать годичные курсы переподготовки пропагандистов и газетных работников в следующих центрах: 1) Москва, 2) Ленинград, 3) Киев, 4) Минск, 5) Ростов, 6) Тбилиси, 7) Баку, 8) Ташкент, 9) Алма-Ата, 10) Новосибирск. Годичные курсы переподготовки пропагандистов, организованные в этих центрах, должны обслуживать не только данную область, край, но и смежные области, края, республики. Программа годичных курсов пропагандистов должна быть составлена применительно к программе «Ленинских курсов», а занятия должны быть построены так, чтобы развивать навыки пропагандистской работы и самостоятельного глубокого изучения произведений Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.

Общий контингент слушателей всех годичных курсов переподготовки пропагандистов установить в количестве 1 500—2 000 человек, с тем, чтобы в этом составе, примерно, половину составляли газетные работники.

б) Организовать Высшую школу марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) с трехгодичным курсом для подготовки высококвалифицированных теоретических кадров партии.

17. Построить преподавание марксистско-ленинской теории в высших учебных заведениях на основе глубокого изучения «Краткого курса истории ВКП(б)». В связи с этим:

а) Взамен самостоятельных курсов ленинизма, диалектического и исторического материализма, ввести в вузах единый курс «Основы марксизма-ленинизма», сохранив в учебном плане общее количество часов, отводившееся ранее на социально-экономические дисциплины. Преподавание основ марксистско-ленинской теории в вузах должно начинаться с изучения «Краткого курса истории ВКП(б)», с одновременным изучением первоисточников марксизма-ленинизма. Преподавание политической экономии должно проводиться после изучения «Истории ВКП(б)».

б) Вместо ныне существующих отдельных кафедр диалектического и исторического материализма, ленинизма и истории ВКП(б) создать в вузах единую кафедру марксизма-ленинизма.

в) В университетах и институтах, где имеются факультеты философские, исторические, литературные, сохранить на этих факультетах преподавание курса диалектического и исторического материализма.

г) Поручить Отделу пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Всесоюзному Комитету по делам высшей школы отобрать к началу учебного 1939—40 года руководителей кафедр марксизма-ленинизма и представить их на утверждение ЦК ВКП(б). Предложить ЦК нацкомпартий, крайкомам, обкомам и горкомам ВКП(б) отобрать теоретически подго-

товленных и политически проверенных преподавателей основ марксизма-ленинизма.

д) Организовать при Высшей школе марксизма-ленинизма шестимесячные курсы переподготовки преподавателей марксизма-ленинизма для вузов.

IV

В целях коренного улучшения партийного руководства пропагандой марксизма-ленинизма, ЦК ВКП(б) постановляет:

18. Объединить отделы партийной пропаганды и агитации и отделы печати и издательств ЦК ВКП(б), ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов ВКП(б), создав единые отделы пропаганды и агитации.

19. Сосредоточить в отделах пропаганды и агитации всю работу по печатной и устной пропаганде марксизма-ленинизма и массовой политической агитации (партийная пресса; издание пропагандистской и агитационной литературы; организация печатной и устной пропаганды марксизма-ленинизма; контроль за идейным содержанием пропагандистской работы; подбор и распределение пропагандистских кадров, политическая переподготовка и подготовка партийных кадров; организация массовой политической агитации).

В основу работы отделов пропаганды и агитации положить практическое проведение в жизнь настоящего решения ЦК ВКП(б).

20. Для поднятия качества пропаганды марксизма-ленинизма считать необходимым, чтобы в деле пропаганды парторганизации опирались впредь, как правило, на кадры освобожденных от всякой другой работы товарищей, могущих полностью посвятить себя этой работе и неустанно повышать свою теоретическую и пропагандистскую квалификацию.

В связи с этим поручить обкомам и крайкомам ВКП(б) отобрать лучших пропагандистов на постоянную пропагандистскую работу.

21. Работники отделов пропаганды и агитации должны подбираться парторганами из числа наиболее квалифицированных пропагандистов-профессионалов и партийных литераторов.

В составе отделов пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), ЦК нацкомпартий, обкомов, крайкомов и горкомов ВКП(б) должны быть организованы лекторские группы.

22. В связи с тем, что сокращение количества кружков, а также партийных кабинетов на предприятиях и в учреждениях высвободит часть пропагандистских работников в городах, предложить обкомам, крайкомам и ЦК нацкомпартий передвинуть наиболее подготовленных из числа этих работников для усиления пропагандистской работы в сельские районы.

23. Реорганизовать существующие культпроны горкомов и райкомов партии в отделы пропаганды и агитации. Считать необходимым создание отделов пропаганды и агитации также и в тех райкомах, где в настоящее время не имеется культпропов. Установить, что создание отделов пропаганды и агитации в райкомах партии разрешается ЦК ВКП(б) для каждого района в отдельности по мере подбора квалифицированных работников, по представлению обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий.

Включить в состав отделов пропаганды и агитации горкомов, райкомов партии городские и районные партийные кабинеты с тем, чтобы заведующие парткабинетами одновременно являлись заместителями заведующих отделов пропаганды и агитации.

24. Установить, что заведующие отделами пропаганды и агитации обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, окружкомов, горкомов и райкомов партии утверждаются ЦК ВКП(б), а все остальные ответствен-

ные работники отделов пропаганды и агитации этих комитетов утверждаются бюро обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий.

Обязать обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий в двухмесячный срок полностью подобрать и утвердить работников отделов пропаганды и агитации.

25. Ввиду тесной связи работы Института Маркса — Энгельса — Ленина с пропагандой марксизма-ленинизма, считать необходимым передать Институт Маркса — Энгельса — Ленина в ведение Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

26. ЦК ВКП(б) обязывает все партийные комитеты серьезно заняться пропагандой марксизма-ленинизма — кровным делом большевистской партии. Комитеты партии обязаны руководить делом пропаганды по существу, глубоко вникая в ее содержание. Обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий должны взять в свои руки руководство перестройкой всего дела организации пропаганды марксизма-ленинизма в соответствии с настоящим постановлением.

Указывая всем партийным организациям, что перестройка всего дела партийной пропаганды в духе настоящего решения ЦК потребует от партийных органов особого внимания и заботы, ЦК предупреждает парторганизации от опасности механически-формального подхода к перестройке пропаганды, от каких бы то ни было попыток огульного охаивания всего прошлого опыта пропагандистской работы.

В целях улучшения руководства делом партийной пропаганды установить, что в каждом горкоме, обкоме, крайкоме и ЦК нацкомпартии должен быть специальный секретарь, занимающийся исключительно вопросами организации и содержания пропаганды и агитации.

* * *

ЦК ВКП(б) предлагает райкомам, горкомам, обкомам, крайкомам и ЦК нацкомпартий разъяснить настоящее решение партийному активу и всем членам партии.

ЦК ВКП(б) подчеркивает, что выход в свет «Истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)» должен стать началом поворота наших кадров — партийных, комсомольских, советских, профсоюзных, хозяйственных, культурных работников, кадров всей советской интеллигенции,— к ликвидации своей теоретической отсталости.

«Краткий курс истории ВКП(б)» кладет начало новому мощному идейно-политическому подъему в жизни нашей партии и советского народа.

Овладевая теорией марксизма-ленинизма, вооружающей знанием законов общественного развития, наши кадры станут действительно непобедимыми и еще успешнее поведут под знаменем этой теории, под руководством партии Ленина — Сталина весь советский народ к победе коммунизма.

14 ноября 1938 года.

Сучанская долина в годы гражданской войны

Сучанский каменноугольный бассейн, расположенный в долине реки Сучан в южной части Приморья, всего в нескольких десятках километров от Владивостока, называют дальневосточным Донбассом. Сучанские угли, лучшие на Дальнем Востоке, приводили в действие все крупнейшие предприятия края,— Уссурийскую железную дорогу, Владивостокский порт и тихо-океанскую эскадру.

Сучан вместе с тем — пролетарский очаг Приморья. На всех этапах гражданской войны на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.) сучанские горняки показывали пример героической борьбы с интервентами и белогвардейцами; сильные своей пролетарской спайкой, они укрепляли деятельность партизанских отрядов всей Сучанской долины.

К моменту февральской буржуазно-демократической революции на Сучане еще не было большевистской организации. Поэтому в избранном в марте 1917 г. исполнительном комитете руководство на первых порах захватили буржуазные и соглашательские элементы, во главе с управляющими копями инженерами Мурзаковым и Егоровым. Однако с помощью отдельных большевиков, работавших на Сучане, рабочие быстро разоблачили их контрреволюционную сущность и поставили вопрос об осуществлении своих пролетарских требований.

Уже 6 апреля 1917 г. по инициативе рабочих шахты № 2 было принято решение ввести 8-мичасовой рабочий день в механическом цехе и «предложить тов. шахтерам самим обсудить порядок перехода по работам и шахтам на 8-мичасовой рабочий день и их соображения передать на разработку в Техническую комиссию» [1].

Вслед за тем на копях развернулась борьба за введение рабочего контроля. Попытки управления копями — инженеров Егорова и Мурзакова — оказать сопротивление рабочим организациям и свести на нет значение Совета заставляют Совет рабочих депутатов в начале октября потребовать снятия с работы Мурзакова и Егорова. Так в повседневной борьбе с представителями Временного правительства, с меньшевиками и эсерами рабочие Сучана боролись за проведение в жизнь лозунгов большевистской партии.

Сучан быстро большевизировался. Посылая своего делегата на Съезд Советов Сибири Сучанский совет давал ему чисто большевистский наказ и поручал «везде и повсюду осведомление рабочего люда, что мы, сучанские рабочие, готовы на последний бой с игом капитала» [2].

Известие о Великой Октябрьской социалистической революции вызвало на Сучане единодушную готовность рабочих бороться за власть Советов. 16 ноября, т. е. раньше чем где-либо на Дальнем Востоке (во Владивостоке большевики получили большинство в Совете 18 ноября) Сучанский Совет принимает приветствие «новому революционному правительству народных комис-

[1] ЦАОР, ф. 4273, д. № 2, л. 2.
[2] См. ниже, стр. 24.

саров и обещает поддерживать ее (Советскую власть), как истинную выразительницу и защитницу интересов трудового народа нашей многострадальной родины». В то же время Совет обращается с требованием к областным и краевым организациям провести в жизнь решения II Всероссийского Съезда Советов, т. е. «чтобы вся власть в здешнем крае была в руках этих революционных органов местной демократии» [1].

Зная, что буржуазия не остановится ни перед чем, чтобы задушить пролетарскую революцию, шахтеры Сучана немедленно приступают к организации Красной гвардии, и через Владивостокский совет добиваются ее вооружения.

Меньшевики и эсеры надеялись путем обмана провести своих делегатов от Сучана в Учредительное собрание. Но против 1 000 голосов, поданных за большевиков, меньшевики и кадеты смогли собрать немного больше 100 голосов. Делегату на Краевой съезд Советов сучанцы дали наказ «отстаивать и провести большевистские идеи в жизнь».

Советизация в Сучанской долине проходила быстро и решительно. Дальневосточный Областной комитет большевиков командировал ряд крупных работников партийцев и техническую силу для организации производства. С их помощью рабочие взяли в свои руки руководство копями и принимали все меры, чтобы пресечь саботаж буржуазии, пытавшейся сорвать финансирование предприятия.

Пролетарское влияние Сучана на крестьянство б. Ольгинского уезда Приморской области (куда входил Сучан, как один из районов) было огромно. Для трудового крестьянства мнение сучанских рабочих было почти законом. Вот почему, когда Ольгинское уездное земство поставило вопрос о всесибирском учредительном собрании, создаваемом контрреволюционными эсерами для борьбы с властью Советов, Сучанский Совет вынес еще раз решение: «единственной властью в стране признаем Советы Р. С. и К. Д. и высшей формой правления — Федеративную республику Советов, поэтому не будем принимать участия в выборах в так называемое Учредительное собрание» [2].

Одновременно с установлением в декабре 1917 г.— феврале 1918 г. власти Советов на всем Дальнем Востоке, развивается лихорадочная деятельность белогвардейцев и интервентов по подготовке контрреволюционного выступления. Выступили агенты японского империализма — атаман Семенов в Забайкалье, атаман Калмыков — в Приморье. Образуются Забайкальский и Гродековский (впоследствии Уссурийский) фронты. 5 апреля 1918 г. во Владивостоке высаживаются первые японские и английские десанты.

По предложению председателя Владивостокского совета К. А. Суханова (в 1919 г. зверски убитого интервентами, якобы «при попытке к бегству»), на Сучане создается революционный штаб. Первая партия шахтеров в 500 бойцов отправляется на фронт, сражаясь бок о бок с владивостокскими рабочими, хабаровскими арсенальцами, рабочими Амура и Забайкалья.

На Дальний Восток постепенно стягиваются войска интервентов — Японии, Англии, Франции, чехословацкий корпус и др. 29 июня 1918 г. во Владивостоке была свергнута советская власть. Сучанцы-шахтеры с оружием в руках двинулись на защиту Советов. Они упорно сражались с интервентами на Уссурийском фронте, но победить армии интервентов силами Красной гвардии было невозможно. К середине сентября 1918 г. инвервенты овладели на Дальнем Востоке основными населенными центрами. Оставшиеся в живых красногвардейцы, после решения о прекращении фронтовой борьбы, разошлись по деревням, по рыбалкам, приискам, лесным разработкам, шахтам и др. местам, накапливая силы, оружие, устанавливая связь друг с другом,

[1] См. ниже, стр. 24.
[2] ЦАОР, ф. 4273, д. № 3, л. 7.

готовясь к возобновлению борьбы. Начинает развертываться партизанское движение.

Наступил 1919 г. В Сучанскую долину были брошены японо-белогвардейские карательные отряды для борьбы с растущим партизанским движением. Там, где они проходили, оставались повешенные и расстрелянные, сироты и величайшая ненависть к контрреволюции и интервенции.

Но несмотря на кровавую деятельность карательных отрядов почти по всему Ольгинскому уезду, в том числе и в Сучанской долине, сохранилась Советская власть. Такое положение облегчало возможность развития партизанского движения, которое быстро охватило весь уезд от Тетюхе до Владивостока, распространяясь на северо-запад.

Сучанцы посылали своих агитаторов и организаторов партизанских отрядов в окружающие районы. В то время, когда в деревнях Сучанской долины свирепствовали каратели-белобандиты, на копях в литейной мастерской рабочие изготовляли бомбы для партизанских отрядов, передавали им динамит для организации взрывов на железной дороге.

Хроника борьбы в Приморье в 1919 г. показывает, что не проходило почти ни одного дня без жестоких вооруженных столкновений партизан с белобандитами и интервентами.

23 февраля 1919 г. партизаны занимают Тетюхе. 5 марта ими занята г. Ольга. 13 марта возле села Бровичи ген. Смирнов наскочил на партизанскую засаду и с потерями отступил. 19 марта колчаковский управляющий Приморской областью телеграфирует Колчаку: «В Сучанском районе тревожно. Сообщение с Фроловской, Владимиро-Александровском прерваны. В Фроловке расстрелян начальник районной милиции (колчаковский)... Милиция Владимиро-Александровского разбегается» [1]. 25 марта вспыхнуло восстание в деревнях Осиповке и Ивановке. На следующий день 26 марта восстали крестьяне в урочище Анучино. К апрелю 1919 г. во всем Ольгинском уезде Советская власть восстанавливается. Только Сучанский рудник продолжает оставаться в руках белых и интервентов.

Печатаемые ниже документы периода борьбы с Колчаковщиной с конца 1918 г. по январь 1920 г. показывают прежде всего большевистскую организованность этой борьбы, и исключительную активность и решимость населения Сучанской долины и всего Ольгинского уезда бороться с врагами революции до полной победы над ними.

Белогвардейцам, как это с достаточной ясностью видно из документов, помогали все интервенты: японцы, американцы и др.

Как известно, в 1918 г. американцы выступили вместе с другими странами Антанты против Советской России и высадили в августе 1918 г. свои войска на Дальнем Востоке. Между партизанами и американцами имели место, в частности на Сучане, отдельные столкновения. Однако, американцы, не заинтересованные в захвате японцами Дальнего Востока, далеко не всегда выступали совместно с японцами и их ставленниками белогвардейцами.

Японо-американские противоречия нашли свое выражение и здесь, на Сучане, и партизаны использовали их, понятно, в своих интересах. Мы видим здесь практическое подтверждение слов В. И. Ленина о том, что «вся дипломатическая и экономическая история Дальнего Востока делает совершенно несомненным, что на почве капитализма предотвратить назревающий острый конфликт между Японией и Америкой невозможно» [2].

Летом 1919 года Дальневосточный областной комитет большевиков направил в Сучанскую долину группу руководящих работников, в числе которых был руководитель дальневосточных партизан Сергей Георгиевич Лазо. В конце июня 1919 г. в с. Сергеевке происходит первый съезд трудящихся Ольгинского уезда. Съезд призвал всех трудящихся к беспощадной борьбе с колча-

[1] ЦАОР, ф. 147, оп. 33, д. № 2[в], л. 48.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 5.

ковцами и интервентами. Был избран исполком советов Ольгинского уезда, С. Лазо был утвержден командующим партизанскими отрядами Приморья.

По директиве Областного комитета партии С. Лазо разработал блестящий план взрыва подъемников на Сучанской ж. д. ветке и разрушения железной дороги, чтобы прекратить снабжение сучанским углем захваченного белыми Владивостока, КВЖД, пароходства.

В ярости интервенты и белогвардейцы бросили в июле 1919 г. в Сучанскую долину свои вооруженные силы, в несколько раз превосходящие силы партизан с целью окружить и уничтожить последних. Партизаны были вынуждены на время уйти в тайгу.

Однако борьба не прекратилась. Большевистская агитация среди насильно мобилизованных в колчаковские войска солдат дала свои результаты.

По всей Сучанской долине в Казанке, Шкотове, а затем в Никольск-Уссурийске солдаты восставали, уничтожали контрреволюционных офицеров, забирали все оружие, продовольствие, амуницию, снаряжение и уходили к партизанам. Колчаковские генералы были бессильны. Управляющий уездом телеграфирует 31 декабря 1919 г. Управляющему Областью: «На Сучанском руднике на сторону красных перешло две роты войск с четырьмя пулеметами. Часть офицеров перебита. Настроение окружающих селений неспокойно. Ячейки красных группируются во Владимиро-Александровском, Душкинском, Новолитовском, Промысловом районах. Стремление красных к нападению на Шкотово, как на этап, ближайший Владивостоку. Для улучшения положения,— пишет он,— необходима присылка в Шкотово и Сучанский рудник японских отрядов» [1].

31 января 1920 г. Владивосток, этот центр интервенции на Дальнем Востоке, где были сосредоточены большие вооруженные силы всех интервентских войск, был занят партизанскими частями. Колчаковские офицеры бежали к японским хозяевам на военные суда, солдаты перешли на сторону революции. Народ радостно и бурно приветствовал вышедших из подполья большевиков, провозглашая основной лозунг «Да здравствует Советская власть! Да здравствует Советская Россия!»

Весь пролетариат с семьями, ликуя, приветствовал пришедших партизан и вождя их тов. Лазо, организатора восстания во Владивостоке.

Это был период полной ликвидации колчаковщины, период ликвидации межсоюзной интервенции. Американцы, англичане и др. интервенты приступают к эвакуации своих войск. Японские интервенты злобно притаились, сделав вид, что они придерживаются «нейтралитета».

В то же время они усиленно готовились нанести решительное поражение силам революции и закрепить за собою, если не весь Дальневосточный край — то хотя бы Приморье.

Из Сучанской долины все интервенты, за исключением японских, вынуждены были уйти. Пролетарские организации Сучанской долины открыто развернули свою деятельность. Рудничный комитет постановил восстановить на работе всех служащих и рабочих, уволенных и отстраненных за период с начала интервенции по 1 февраля 1920 г. «за политические убеждения, за работу в профессиональных организациях и забастовки...» [2].

На руднике развили деятельность Сучанский Совет рабочих и солдатских депутатов, союз молодежи. По всей долине кипит горячая работа по восстановлению разрушенных дорог, мостов. Дальневосточный Областной Комитет РКП(б) развернул широко работу Военно-технического отдела, в задачу которого входило организовать все население области по военному образцу в боевые дружины. Дружины создавались во всех селах, деревнях и возглавлялись военными организаторами.

---

[1] ЦАОР, ф. 135, д. № 373, л. 22.
[2] ЦАОР, ф. 4273, д. № 7, л. 168.

Готовясь осуществить новую кровавую провокацию, японцы в ночь с 4 на 5 апреля 1920 г. выступили одновременно по всему Приморью, захватив Хабаровск, Владивосток, Шкотово, Спасск, Посьет и другие места края. Они уничтожили до пяти тысяч верных борцов революции. Пьяные, озверелые японские бандиты с особой жестокостью убивали и женщин и детей, сжигая их в зданиях школ. В боях с японскими интервентами в эти дни погибли сотни большевиков. Японские бандиты и их агенты сожгли в конце мая 1920 г. в паровозной топке членов Военного Совета т.т. Лазо, Луцкого и Сибирцева. Но чего они хотели, они не достигли: живая, вооруженная сила революции сохранилась, сохранилась большевистская партийная организация. Еще больше ненависти к японским интервентам скопилось у населения края.

В этих условиях 1920 года в Сучанской долине шла напряженная работа по организации вооруженных сил для оказания сопротивления японским империалистам.

Сучанская долина являлась опорным пунктом, основной базой большевистской организации, базой обучения бойцов, базой для выращивания и отбора необходимых кадров.

До тех пор, пока на дальневосточной территории продолжали находиться японские интервенты, восстановить советскую власть было невозможно, следовало найти другую форму организации власти с тем, чтобы сохранить единство края с Советской Россией. 21 января 1921 года профсоюз горнотрудящихся Сучана по докладу о текущем моменте записывает: «...Мы все вполне сознаем и чувствуем, что мы члены единой семьи российского пролетариата и связаны с ним неразрывными узами единой борьбы за осуществление социализма. Будучи вынуждены международной обстановкой строить самостоятельно государственное образование ДВР,— мы должны стремиться, чтобы интересы рабочего класса здесь были выявлены возможно в полной мере,— необходимо, чтобы работа правительства проходила под знаком гегемонии пролетариата.

Дальневосточный вопрос не является независимым самостоятельным вопросом. Дальний Восток — часть России и дальневосточный пролетариат — часть всероссийского пролетариата и наши судьбы тесно связаны с судьбами рабочего класса всей России; строящийся нами буфер — барьер, цель — изживание интервенции и соединение с Советской Россией» [1]. Именно эта четкая политическая линия в организации и содержании буфера — ДВР легла в основу всей дальнейшей борьбы за сохранение нашего края и изгнание из него японских интервентов [2].

Японские интервенты старались прочно устроиться на Сучанском руднике. Расположившись у шахты № 2, японцы укрепили сопку, господствующую над этой шахтой с юго-восточной стороны, устроив вокруг сопки несколько рядов ходов с теплыми фортиками и бойницами; с западной стороны сопка была также укреплена, «с восточной же стороны на всем протяжении расположения войск сплошные укрепления: окопы, проволочные заграждения и специально выстроенные из мешков бойницы» [3].

Сучанцы хорошо знали своего врага, знали, что с ним надо бороться упорно и жестоко. Они готовили все для того, чтобы, в случае необходимости, иметь возможность вновь уйти в тайгу и вновь путем партизанской борьбы наносить удары японским войскам, чтобы заставить их убраться. В тайге шла лихорадочная работа: туда завозились материалы, вооружение, патроны, продовольствие, строились таежные базы. Причин к этому было много. Японцы развивали бешеную работу по организации белогвардейских сил, сколачивая «несоциалистический блок» из продажных и готовых на все бывших людей. Они организовали выступление каппелевцев в ночь с 30 на 31 марта 1921 г.,

[1] ЦАОР, ф. 4273, д. 9, лл. 2, 4.
[2] См. примечание на стр. 64.
[3] ЦАОР, ф. 3517, д. № 2, л. 166.

которое было подавлено нашими силами. Однако японцы усиленно готовились к свержению установленной народом власти, стараясь поставить к руководству свою банду. 21 мая 1921 г. японцы разоружили 3 роты дивизиона милиции во Владивостоке, а 26 мая, оказав помощь своими силами каппелевским и семеновским войскам, совершили контрреволюционный переворот, поставив у власти так называемое меркуловское «правительство» [1].

Дальне-Восточный областной комитет большевиков реорганизовался, передав всю полноту руководства Приморскому Революционному комитету. Партийные организации всего края ушли в глубокое подполье. По всей Сучанской долине, во всех рабочих поселках, на деревенских сходах и рабочих собраниях копей и железной дороги выносились резолюции протеста. Мощный голос сучанских пролетариев звал на вооруженную борьбу до полного уничтожения предателей революции и изгнания интервентов. Сами сучанцы к этому деятельно готовятся. Из тайги проводится секретная телеграфная линия связи с Анучинским штабом. Жизнь рудника фактически с 27 мая замирает, уголь белогвардейцы вновь не могут получать, несмотря на то, что японцы заняли линию железной дороги.

Контрразведчики, агенты Японии не могут скрыть своей тревоги о положении в Сучанском районе. В сводке от 17 августа 1921 г. они сообщают: «В Сучанском районе из 6 000 рабочих, работающих на копях,— 25% большевиков-коммунистов, которые вместо работы занимаются агитацией и создают панику среди рабочего класса. Коммунисты получают оружие из гор. Владивостока и раздают его рабочим в деревне Владимиро-Александровское и около Сучана» [2]. Через пять дней они сообщают: «В районе Сучана и на копях дело обстоит так: доставка угля для Владивостока и для Уссурийской ж. д. прекращена. Рабочие, опасаясь репрессивных мер, готовятся дать отпор» [3].

Пролетарии Сучана, находясь постоянно под ударами японских интервентов и их белогвардейских агентов, ни на одну минуту не забывают в то же время о своей социалистической родине, о советской России. 1921 год. Голод на Поволжье охватил миллионы людей. Горнорабочие Сучанского района 6 сентября обсуждают вопрос о помощи голодающим Советской России, принимают решение о создании комиссии, об отчислении двухдневного заработка и об использовании для этих же целей средств, собранных на помощь бастовавшим рабочим Владивостока.

Несмотря на присутствие японских интервентов, рабочие решили праздновать 11 сентября день ДВР. Этот политический акт, направленный против интервентов и предателей России — японских агентов, проводился под лозунгом: — Долой меркуловщину! Долой интервенцию. Да здравствует неделимая Дальневосточная Республика!.

Японцы, ведя переговоры в Дайрене [4], заставили свою агентуру — войска так называемого «Приамурского правительства» начать наступление на ДВР. Сучанцы ответили сразу же, выдвинув свои отряды на линию железной дороги. 16 сентября 1921 г., всего в 26 верстах от Владивостока, они взорвали и спустили под откос белогвардейский поезд.

Интервенты, строя план похода на Хабаровск, старались обезопасить свой тыл. Они бросили каппелевцев на север к Ольге, стараясь захватить Сучанскую и Улахинскую долины. Начались повальные обыски у рабочих и крестьян, их арестовывали сотнями, переполняя тюрьмы... Многие из арестованных исчезли навсегда, замученные японскими и белогвардейскими контрразведками.

Ноябрь 1921 года. Переговоры в Дайрене сорваны японской военщиной, вооружившей каппелевские банды и бросившей их в наступление на ДВР. С этого момента и до конца, до разгрома японской интервенции и контрре-

[1] См. примечание на стр. 67.
[2] ЦАОР, ф. 3517, д. № 2, л. 166.
[3] ЦАОР, ф. 390, д. № 1, л. 54.
[4] Там же, л. 35.

волюционных сил на территории всего Приморья снова развернулась героическая борьба партизанских отрядов. Район действия Сучанского вооруженного участка был определен командованием партотрядов таким образом: участок железной дороги: Раздольная — Угольная — Владивосток, Угольная — Сучан. Границы района: Кондратенково и Раздольное, с севера хребет Сихоте-Алинь, с востока река Судзухе и с юга — побережье моря, включая и полуостров Петра Великого. Задачей было: «Употребить все меры к недопущению подвоза угля с Сучанского рудника во Владивосток, для чего спускать под откос поезда, следуемые с углем.— ...Принять меры к уничтожению запасов угля и дров для прекращения железнодорожного движения, не затрагивая интересов населения.

В целях прекращения всякого подвоза припасов каппелевским частям, расположенным в Сучанском районе, со стороны моря установить блокаду, захватывая и уничтожая обозы, следуемые в их адрес».

В январе 1922 года, когда белогвардейские банды добрались до Амура и кричали на весь мир о разгроме большевиков, из Приморской тайги и таежных баз выходили партизанские отряды, разрушая тыл генерала Молчанова, предпринявшего «поход на Москву». По линии дороги взрывались поезда, разрушались железнодорожные сооружения — мосты, водокачки, стрелки и т. д.

Народно-революционная армия громила предателей под Волочаевкой, они откатывались, бежали обратно в Приморье под «крылышко», под защиту пушек своих хозяев — японских бандитов. На Сучане к партизанам переходили отдельные солдаты-каппелевцы, а затем и целые группы бойцов. В приказе по партотрядам Приморья от 2 марта 1922 года говорится: «В виду усилившейся деморализации среди белых, участившихся случаев неисполнения приказов, избиения офицеров, начавшегося дезертирства и перехода солдат на нашу сторону... обратиться с воззванием к белым покончить преступную войну, на которую толкнуло их самозванное правительство, проводящее на русском Дальнем Востоке интересы японских хищников под непосредственным руководством последних. Напомнить белым о той участи, которая ждет их, если они не опомнятся и не сложат оружия» [1].

События быстро развивались. Белые бежали из Хабаровска, Бикина, Имана. На помощь белым японские интервенты выдвинули на Свиягино свой бронепоезд с войсками, но вынуждены были частями Народно-революционной армии отойти на юг. Сучанские партизаны наносили врагам тяжкие удары, не давали покоя ни днем, ни ночью. В деревне Гордеевке расположился отряд каппелевцев. Из тайги на врагов налетели сучанцы. Белые бежали, оставив 130 раненых, 70 убитых, много оружия, снарядов и разного имущества. Смелостью, революционной дерзостью отличались многие дела сучанцев. В конце марта они захватили у белых парусно-моторную шхуну «Михаил» и на ней добрались до острова «Аскольд», заняли радиостанцию. 31 марта 1922 года сучанцы неожиданно для врагов налетели на разъезд «26 верста» (26 верст от Владивостока), обезоружили охрану станции и уговорили перейти к ним значительную часть каппелевцев.

Чуя свою скорую гибель предатели-меркуловцы продавали все, что есть в Приморье: миноносцы, пароходы, оружие, порох и несметные грузы, хранившиеся во Владивостокских складах. Они вели переговоры о сдаче в концессию японским агентам Сучанских угольных копей.

Однако решительная позиция, занятая рабочими Сучана, сорвала этот грабительский план подонков белогвардейщины и японских хищников.

Предатели-белогвардейцы и их хозяева японские интервенты, ненавидимые всем трудящимся населением, чувствовали, что наступают их последние дни. Со всех сторон их гнали, били и жали все ближе и ближе к морю. Надо было уходить, другого выхода не было. Тем более, что и в самой Японии трудящиеся также требовали, чтобы интервенция была закончена и японские войска были бы возвращены на родину.

[1] ЦАОР, стр. 963, д. № 2, л. 26.

Японская военщина старалась причинить нам как можно больше вреда. 12 июля японские войска, под видом практических минных учений взорвали форт № 7; то в одном, то в другом месте взрывали крепость, с крепостных орудий снимались замки, все, что можно было приводилось в негодное состояние. Все понимали, что это означало поражение и подготовку к отъезду. 15 августа 1922 г. японские войска объявили, что они эвакуируют к 7 сентября район Спасск-Ипполитовка и Сучанский рудник — Кангауз.

Сучанский рудник был окончательно занят партизанами 26 августа 1922 года. Была восстановлена власть рабочих и крестьян, заработала шахта № 2. Рабочие и партизаны Сучана, собравшись 28 августа 1922 г. на празднование по случаю освобождения от японо-белогвардейских банд, вынесли решение: «...Рабочие шахт и рудничной жел. дороги, бойцы 3 батальона приветствуют учреждение в районе Сучанского предприятия Народно-революционного комитета... являющегося в глазах трудовых масс Сучанского района единственным высшим законным органом власти Приморья... и центром, объединяющим все трудовые массы области и руководителем охраны и защиты интересов приморского пролетариата и трудового крестьянства — поручает передать от имени всех граждан Сучанского района их братское приветствие правительству нашей трудовой республики, нашей славной Рабоче-Крестьянской Народно-Революционной армии, а также Правительству нашей родины — Советской России — Совету Народных Комиссаров».

25 октября 1922 г. войска Народно-революционной армии заняли Владивосток. Была ликвидирована японская интервенция, были «сброшены в море последние силы белогвардейцев» [1].

Дальний Восток, в том числе и Сучан, стали навсегда советскими.

Имена погибших сучанцев будут всегда жить в сердцах трудящихся. Их дела подхвачены сотнями тысяч верных сынов нашей родины, строящих социализм под руководством великого вождя народов тов. Сталина.

Дальневосточные границы зорко охраняются героическими сынами Советской республики — пограничниками и красноармейцами. На всякую попытку японских самураев нарушить наши границы они ответят так, как отвечали в годы гражданской войны сучанцы. В августе 1938 г. у озера Хасан японские самураи, забыв об уроках 1918—1922 гг., пытались напасть на нашу территорию, но получили сокрушительный удар.

Тов. Ворошилов говорил на параде 7 ноября 1938 г.: «Пусть помнят те, кому забывать не следует, что мы совсем не обязаны всегда ограничивать действия наших войск районом, на который воровски и нагло нападает враг. Наоборот, нам сподручнее и легче громить врага на его собственной территории. Так оно и будет, на всякое нападение и удар мы будем отвечать тройными ударами всей мощи нашей доблестной Красной армии» [2].

М. Губельман.

I

Первый период советской власти на Сучане (1917-1918 г.)

Из протокола № 41 заседания Сучанского Совета рабочих и солдатских депутатов, 5 октября 1917 г. [3]

Заслушано: 19) Наказ делегату в Иркутский съезд советов рабочих, военных и крестьянских депутатов.

---

[1] В. И. Ленин, Соч. XXVII, стр. 317.

[2] «Правда» от 9 ноября 1938 г. Публикуемые документы подготовлены к печати и частично комментированы М. Рыбинским. В редактировании материалов приняли участие Б. Рубцов и Г. Рейхберг. Тов. Рубцовым кроме того составлены комментарии к материалам 1920—1922 гг.

[3] ЦАОР, ф. 4273, д. № 3, лл. 35—36.

Постановлено: 19) [Делегату] поручается везде и повсюду осведомление рабочего люда, что мы, сучанские рабочие, готовы на последний и решительный бой с игом капитала. Мы не сложим свое оружие пока наш враг — капитализм — не будет свергнут. Мы призываем всех рабочих сплотиться в единое целое и сомкнутыми рядами идти на последнюю крепость угнетателей рабочего люда, на частную собственность эксплоататоров-богачей. Где можно, рабочие должны взять в свои руки контроль над производством, обменом и потреблением. И ни в коем случае не останавливаться перед обобществлением — социализацией общественных средств производства и распределения.

Только такой активной деятельностью и решительной борьбой мы завоюем себе счастье и свободу и более светлую жизнь — социализм для себя и своих детей раз навсегда.

Из протокола № 47 заседания Сучанского Совета рабочих и солдатских депутатов, 16 ноября 1917 г.[1]

Заслушано: 11) О текущем моменте.

Постановлено: 11) Сучанский Совет рабочих депутатов от души приветствует постановление Всероссийского съезда Советов рабочих, военных и крестьянских депутатов, гласящее, что вся власть должна перейти в руки Совета рабочих депутатов. Мы шлем свой сердечный привет новому революционному правительству народных комиссаров и обещаем поддержать ее (советскую власть), как истинную выразительницу и защитницу интересов трудового народа нашей многострадальной родины. В то же время мы предлагаем краевому комитету в Хабаровске и Владивостокскому Совету сделать решительный шаг для осуществления вышеупомянутого постановления II Всероссийского съезда Советов, т. е. чтобы вся власть в здешнем крае была в руках этих революционных органов местной демократии. Мы делегируем председателя нашего Совдепа во Владивосток и члена Сучанского Совета в Хабаровск для оказания всяческого содействия тому крылу Советов, которое стремится к переходу власти в руки Советов.

12) О Красной гвардии.

12) В виду исключительной серьезности данного момента, когда вопрос о будущности нашей родины и победоносном шествии начавшейся социальной революции ставится на карту контрреволюционными потугами обнаглевшей буржуазии, не постеснявшейся прибегнуть к гражданской войне, к насилию и пролитию крови рабочего люда,— Сучанский Совет считает необходимым немедленно приступить к организации самозащиты трудовых масс, т. е. Красной гвардии, дабы в случае надобности дать вооруженный отпор насильникам, палачам трудящихся.

С этой целью Сучанский Совет обращается к Владивостокскому Совету с просьбой отпустить на учет, если не даром, то по доступной цене нашему Совету 400 берданок с соответствующим количеством и запасом патронов к ним. Полученное оружие передается под ответственность особой комиссии из трех лиц для распределения и учета оружия с ведома всего Совета. Той же комиссии поручается выработать точные правила пользования оружием, которые подлежат утверждению всего Совета. Эта же комиссия немедленно приступает к организации Красной гвардии на Сучанском руднике из рабочих и служащих наших копей.

[1] ЦАОР, ф. 4273, д. № 3, л. 25.

Из протокола № 49 заседания Сучанского Совета рабочих депутатов, 30 ноября 1917 г.[1]

Заслушано: 11) Отношение Владивостокского Совета рабочих депутатов за № 6759 с выпиской из протокола № 33 п. 8 о Красной гвардии на Сучане.

Постановлено: 11) Принимая во внимание, что Владивостокский Совет рабочих депутатов просит предоставить ему наш устав Красной гвардии и так как мы все время работаем в тесном контакте с Владивостокским Советом — Сучанский Совет принимает устав Владивостокской Красной гвардии; решено вновь обратиться в военную секцию Владивостокского Совета поскорее прислать нам обещанные берданки с патронами.

35) Отношение Краевого Комитета Советов за № 847 о созыве III съезда Совдепов края на 5 декабря[2].

35) Всецело поддерживая решение Краевого комитета о созыве III съезда в г. Хабаровске, делегировать туда двух представителей от Сучанского Совета.

36) Наказ делегатам на краевой съезд Советов.

36) Так как только что состоявшиеся выборы на Сучане в Учредительное собрание дали значительное большинство большевистскому списку, то мнение Сучанского Совета может быть только одно: нашим делегатам на III Краевой Съезд Совета, имеющий быть 5 декабря в г. Хабаровске, поручается всецело отстаивать и провести большевистские идеи в жизнь...

Выписка из протокола № 51 заседания Сучанского Совета рабочих депутатов, 21 декабря 1917 г.[3]

Заслушано: 17) О контроле.

Постановлено: 17) Ввиду того, что государственный контролер на руднике с самого начала введения рабочего контроля всячески тормозит дело, и по сие время еще чиновник контрольной палаты находится на руднике, не подчиняясь постановлениям нашего Совета, решено:

1) объявить всем потребителям угля с 1 января 1918 г. вносить деньги непосредственно в казначейство.

2) Уничтожить должность государственного котролера на руднике, считая с 1 января [1918 г.].

3) Учредить демократический контроль из рабочих и служащих.

4) Просить содействия Владивостокского и Краевого советов, чтобы имеющиеся в казначействе депозиты выдавались за подписью коллегиального совета, о чем сообщить телеграфно Краевому и Владивостокскому Советам.

Из протокола № 52 заседания Сучанского Совета рабочих и солдатских депутатов, 27 декабря 1917 г.[4]

Заслушано: 5) Вопрос о контроле расходуемых денежных средств и материалов рудника.

---

[1] ЦАОР, ф. 4273, д. № 3, лл. 20—21.

[2] Третий Дальне-Восточный краевой съезд советов Р., С. и Кр. депутатов состоялся в гор. Хабаровске 12-20 декабря 1917 г. Съезд провозгласил власть Советов на всей территории Дальнего Востока и постановил ввести повсеместно рабочий контроль над производством и 8-часовой рабочий день.

[3] Там же, лл. 17 и об.

[4] Там же, л. 16.

Постановлено: 5) Подтверждая свое принципиальное решение по этому вопросу от 21 декабря с. г., протокол № 51 п. 17, Совет признает нужным провести его в жизнь с 1 февраля 1918 г., для каковой цели выбрать трех комиссаров, один из которых командируется в управление копей и должен:

1) совместно с управляющим и бухгалтером подписывать денежные ассигновки местной кассы; 2) быть в курсе всей деловой переписки управления; 3) следить, чтобы постановления коллегиального совета и Совета Р. С. Д. были проведены в жизнь и 4) давать отчет Совету по возможности на каждом его заседании.

Остальные два комиссара назначаются: один на Сучанской железной дороге, другой на руднике. В обязанность им вменяется: 1) принять материалы, предназначенные для рудника; 2) следить за сооружением построек и ремонтом таковых; 3) следить, чтобы конкретные работы производились не в ущерб предприятию; 4) вообще смотреть за добросовестным и плодотворным расходованием народных средств, о чем давать отчет Совету Р. С. Д.

В каждом отдельном случае комиссары кооптируют из соответствующих специальностей понятых, которые присутствуют с правом решающего голоса при принятии материалов или осмотре работ. Денежные депозиты из казначейства выдаются за подписью управляющего, бухгалтера и всех трех комиссаров.

Просить Краевой комитет С. Р. С. Д., как высший орган в крае, принять изложенный проект, а также утвердить комиссаров, имена которых будут сообщены Краевому комитету в скором будущем.

Корреспонденция о рабочем контроле на Сучанском руднике, январь 1918 г.[1]

Сучан. Когда мы три месяца тому назад ввели рабочий контроль, со всех сторон раздавались вопли: погибнет рудник! и наговорили нам целый короб всяких ужасов.

Мы однако настояли на своем и дружно взялись за дело. В первое время, конечно, работа не шла так гладко, как следовало бы. Дело, ведь, новое, непривычное и никакие инструкторы по рабочему контролю к нам не приезжали. Все-таки мы работали, не покладая рук.

Теперь, когда три месяца прошло, когда рабочие стали хозяевами рудника, теперь можно смело и с уверенностью сказать, что рудник никогда не погибнет, покамест рабочие останутся у власти.

У нас работа никогда не прекращалась.

Производительность не уменьшилась и состояние кассы менее плачевное, чем оно было в августе месяце прошлого года. Общее же положение трудящихся стало несравненно лучше.

И квартиры прибавились и сгущенность населения убавилась и заработная плата повысилась. Главное, самодеятельность и сознательность рабочих масс поднялась сравнительно высоко.

Везде, во всех отраслях рудничного хозяйства принимают деятельное участие выборные рабочих в лице различных комитетов. Комитеты не только контролируют, но и руководят делом.

Иван.

---

[1] Газета «Дальне-Восточные известия» г. Хабаровск; официальный орган рабочего и крестьянского правительства по делам Дальнего Востока, № 11 от 11 января 1918 года.

Из протокола № 59 заседания Совета рабочих и солдатских депутатов Сучанского рудника, 18 февраля 1918 г.[1]

Заслушано: 11) О вооружении местной Красной гвардии.

Постановлено: 11) Просить Краевой комитет представить в распоряжение Сучанского Совета следующее оружие:

1) 1 000 ш. 3 лин. винтовок и 10 000 патронов.
2) 4 пулемета и 120 000 патронов.
3) 300 ш. револьверов «Наган» и 10 000 патронов.
4) 4 орудия 3 дюйм. и 2 000 снарядов.

Из протокола № 31 заседания Военного комиссариата Исполнительного комитета Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов крепости Владивосток, 27 марта 1918 г.[2]

Слушали: 5) Просьба Красной гвардии Сучанского рудника об отпуске им оружия и боевых припасов.

Постановили: Выслать немедленно 500 шт. винтовок системы «Бердана» с 48 шт. патронами на каждую и 500 шт. патронных сумок.

Возможность высылки остальных припасов выяснить в спешном порядке.

Из протокола № 17 заседания Сучанского совета рабочих депутатов, 27 апреля 1918 г.[3]

Заслушано: 10) Пункт 3 протокола общего собрания граждан Сучанского рудника о хозяйственной, финансовой и распорядительной жизни рудников.

Постановлено: а) Во главе Сучанского рудника должен стоять Совет рабочих и распоряжаться как хозяйственной, так и финансовой частью рудника.

б) Управлением Сучанского каменноугольного предприятия управляет Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов данного предприятия, состоящий из 5 лиц избранных и утвержденных общим собранием трудящихся Сучанского предприятия...

Письмо Сучанского Совета рабочих депутатов всем потребителям сучанского угля, 24 апреля 1918 г.[4]

Товарищи! Сучанский рудничный Совет рабочих обращается к Вам с просьбой позаботиться о внесении в депозит Сучанского рудника причитающиеся деньги с городской управы двести тысяч, Военного порта и Китайской ж. д., хотя пятьсот тысяч.

Товарищи, для вас не тайна, что Сучанский рудник только живет тем, что получает за уголь.

По случаю пожара мастерских депо Фанза управлению копей пришлось обратить более серьезное внимание на приобретение разных материалов и инструментов, одним словом, употребить все силы, чтобы не пала провозоспособность дороги, сознавая всю важность заминки в доставке угля. А потому было отвлечено внимание от нашего кооперати-

---

[1] ЦАОР, ф. 4273, д. № 3, л. 3.
[2] ЦАОР, ф. 393, оп. 11, д. № 76, л. 37.
[3] ЦАОР, ф. 4273, д. № 5, л. 88а.
[4] Там же, л. 19. Настоящее письмо было вызвано работой антисоветских элементов Китайско-Восточной жел. дор., Владивостокской городской управы, Военного порта и других организаций, получавших сучанский уголь и срывавших работу копей путем неуплаты денег.

ва, из которого в течение двух месяцев иссякли все товары, и между прочим, управление копей не в состоянии пополнить кассу кооператива.

Небезызвестно и то, что сучанский рабочий, не имея запасов и не получая своевременно заработка, не может существовать, а потому еще раз обращаемся к Вам с просьбой в интересах существования сучанского рудника принять все меры к ускорению внесения в депозит рудника денег.

Председатель (подпись).

Из протокола № 40 заседания Сучанского Совета рабочих депутатов, 7 июня 1918 г.[1]

Заслушано: 1) Телеграмма о наступлении Семенова[2] и о посылке отряда в 500 человек.

Постановлено: 1) Телеграфировать в Никольск и Владивосток в Совет, запросить подтверждения наступления.

3) Об объявлении всем рабочим о посылке отрядов.

3) Созвать общее собрание в 12 ч. для организации отрядов.

6) О выдаче получки отправляющимся на фронт.

6) Предложить управлению выдать получку всем отправляющимся на фронт, а неимущим аванс за май месяц с. г.

7) Об ассигновании сумм для довольствия сучанского отряда, отправляющегося на фронт Гродеково[3].

7) Предлагается управлению выдать 15 тысяч руб. Совету для довольствия отправляющейся Красной гвардии на фронт.

Из протокола № 42 заседания Сучанского Совета рабочих депутатов, 10 июня 1918 г.[4]

Заслушано: 11) Телеграмма из Никольска о немедленном выступлении отряда против Семенова.

---

[1] ЦАОР, ф. 4273, д. № 6, л. 12.

[2] Семенов, казачий офицер, в январе 1918 г. организовал в Манчжурии при поддержке Японии и других империалистических государств «особый манчжурский отряд», с которым пытался подойти к Чите, но 7 марта 1918 г. был разбит под Даурией отрядами латышских красногвардейцев, под командованием С. Лазо.

В течение апреля-июня 1918 г. банды Семенова, получавшие в Манчжурии финансовую и вооруженную поддержку от русской и иностранной буржуазии, неоднократно пытались занять Читу, но красногвардейцы — читинские рабочие, поддержанные красногвардейскими отрядами из Омска и с Дальнего Востока, разбили и отбросили Семенова в Манчжурию.

1 и 2 сентября 1918 г. семеновские отряды, подкрепленные чехословацкими и японскими войсками, заняли Читу; власть в городе и Забайкальской области захватил атаман Семенов.

Деятельность Семенова на Дальнем Востоке ознаменована хищениями и жестокими расправами с населением, которое называло его «кровавым».

Изгнанный Красной Армией в ноябре 1920 г. из Забайкалья, Семенов с остатками своей банды бежал в Приморье к японцам и продолжал выполнять их поручения. После изгнания японцев из Приморья Семенов бежал в Японию.

[3] На Гродековском фронте с февраля 1918 г. орудовал есаул Калмыков, организовавший восстание казаков против Советов. Банды Калмыкова производили налеты на станицы и разгоняли Советы.

В июне-августе 1918 г. калмыковцы совместно с японскими войсками в боях с красногвардейскими и красноармейскими частями занимают железную дорогу от Никольска до Хабаровска и 4 сентября 1918 г.— Хабаровск.

До февраля 1920 г. Калмыков со своей бандой, под покровительством японских интервентов, занимался исключительно грабежом населения и кровавыми расправами с большевиками.

13 февраля 1920 г. Калмыков перед занятием Хабаровска партизанами бежал со своим отрядом на китайскую территорию.

[4] ЦАОР, ф. 4273, д. № 6, л. 9.

Постановлено: 11) Сделать собрание и объявить всем гражданам[1].

Из протокола общего собрания граждан Сучанского рудника, 16 июня 1918 г.[2]

Заслушано: 2) Доклад приезжих делегатов из Никольск-Уссурийска о течении настоящего положения в крае.

Постановлено: 2) О текущем положении в крае по большинству голосов постановили: вынести резолюцию о сплоченности рабочих Сучанского рудника — стоять на страже революции.

Резолюция:

Общее собрание рабочих Сучанского рудника, обсудив текущий момент в связи с выступлением семеновских банд против рабочих и крестьян и их Советов, и признавая, что единственной властью во всей стране должна быть власть трудящихся в лице их органов Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов,— мы рабочие Сучанского рудника поддерживаем все мероприятия рабоче-крестьянской власти против всех врагов трудового народа и заявляем, что в случае необходимости, мы выступим с оружием в руках на защиту Советской власти и всех завоеваний революции. Долой контрреволюцию!

Да здравствует рабоче-крестьянская революция! Да здравствует власть трудящихся в лице их Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов!

II

Сучан при белых и интервентах (1919 г.).

Из доклада о Сучанском руднике в связи с интервенцией союзников, 19 апреля 1919 г.[3]

В сентябре месяце 1917 г. на Сучанском руднике произошел большевистский переворот и законная администрация была отстранена.

Ровно через год, в сентябре 1918 г. я пришел на Сучан вместе с иностранным отрядом, состоявшем из 250 американцев, 300 японцев, 50 китайцев и 25 казаков под общим начальством американского полковника Лоринга,— и большевизм в Сучане был ликвидирован.

Посылке вооруженного отряда на Сучан предшествовал ряд совещаний военного характера, вызванных тем, что Сучанский рудник в продолжение месяца не давал угля (частью из-за стихийных бедствий, частью из-за политической забастовки)[4].

---

[1] Сучанские рабочие с января 1918 г. стали организовывать красногвардейские отряды, которые затем приняли активное участие в вооруженной борьбе с бандами Семенова в Забайкалье, Калмыкова на Гродековском фронте, с чехословаками и японцами на Уссурийском фронте. Сучанцы были в сводном Дальне-восточном красногвардейском отряде, прибывшем в мае 1918 г. в Читу на помощь читинским красногвардейцам, боровшимся с бандами Семенова. В июне отряд сучанских рабочих, вместе с хабаровскими, владивостокскими и другими красногвардейцами дрался с бандами Калмыкова и Орлова на Гродековском фронте в районе ст. Пограничной. В июле и августе два отряда в 300 челов., пришедшие тайгой из Сучана в Никольск-Уссурийский, вместе с никольскими красногвардейцами дрались с японцами и чехословаками.

[2] ЦАОР, ф. 4273, д. № 5, л. 109.

[3] ЦАОР, ф. 147, оп. 33, д. № 2-в, лл. 95—106. Заголовок подлинника. Доклад был послан управляющему Приморской областью и в копии в министерство внутренних дел колчаковского пр-ва управляющим Сучанским предприятием инж. Егоровым.

[4] Речь идет о наводнении и обвале в шахте № 2, а также об участии Сучанского рудника во всеобщей политической забастовке во Владивостоке, проходившей с 12 по 30 августа 1918 г. Забастовка была объявлена по предложению нелегального большевистского комитета, с требованием освобождения арестованных членов Владивостокского совета рабочих и солдатских депутатов.

На двух таких заседаниях мне пришлось сделать доклад о положении Сучана, так как я все время находился в курсе всех сучанских дел. Меня спросили — сколько, по моему, необходимо послать войска, будет ли там серьезное сопротивление и согласен ли я пойти с этим отрядом на Сучан. Я дал необходимые сведения и ответил полным согласием на поездку вместе с отрядом.

10 сентября 1918 г. вечером упомянутый выше отряд выехал из Владивостока, причем с ним ехал еще американский полковник Робинсон, как начальник штаба.

По дороге в поезде мы совместно обсуждали сучанские дела и тут я сразу же увидел, что у г. Робинсона есть тенденция вмешаться во внутренние дела рудника (он был не согласен с моим методом приведения рудника в порядок). Пришлось в поезде же заявить американцам, что они представляют из себя только вооруженную силу, на которую я могу опереться, ликвидируя сучанский большевизм, но что весь внутренний распорядок на руднике находится всецело в руках управляющего, так как иначе дело поставить нельзя. Из-за этого первого разговора с американцами я принужден был сразу же насторожиться и внимательно следить за дальнейшим поведением этих союзников.

Излагая в дальнейшем весь ход событий как на самом руднике, так и в его окрестностях, я буду постепенно выяснять и роль американцев во всей истории данного момента, указывая на главные более или менее яркие штрихи их поведения.

Пришли мы на станцию Кангауз I около 4 часов утра, когда было еще темно. На рассвете я вышел из вагона и поставил около телефона и телеграфа на станции солдат, чтобы не успели дать знать на рудник, что прибыли войска, а главное, что приехал с ними я; мне хотелось захватить Сучанский совдеп. Сделано это было, конечно, с полного согласия г. Робинсона...

На шахту № 2 мы приехали уже впотьмах, в восьмом часу вечера. Я успел по дороге сказать казакам, чтобы они, как только мы подъедем к руднику, сразу же бросились к Народному дому и окружили его, заняв все выходы и входы: у меня было основание думать, что таким образом удастся захватить совдеп, канцелярия которого находилась в верхнем этаже Народного дома и там часто происходили заседания, а я, кроме того, перед этим получил на фанзе случайное уведомление, что там идет заседание.

Казаки в точности исполнили то, что я им сказал (об этом американцы не знали); я пришел через 15 минут после занятия дома казаками и увидал, что в Народном доме только сеанс кинематографа, что публика лойяльная, преимущественно женщины и дети, которые стали уже волноваться, но увидав меня, успокоились. Я велел всех выпустить через одни двери, в которых стоял сам, но задержать никого не удалось, потому что главари большевиков успели убежать раньше. Таким образом Сучанский совдеп избежал ареста, но зато в мои руки попала вся канцелярия большевиков. Впоследствии большую часть всех документов забрали во Владивосток американцы, а другая часть осталась в моих руках, и по этой части мне потом удалось выяснить роль многих рабочих-большевиков.

После прихода на рудник первые дни я размещал отряд по руднику и железной дороге, причем снова не обошлось без трений между мной и американцами, которые хотели непременно остаться на самой большой колонии (на шахте № 2), а я считал более удачным, чтобы в гнезде большевизма сидели не американцы, а японцы. Настоял я на своем потому, что доказал американцам все преимущества № 1 перед № 2 в смысле большого комфорта. И таким образом отряд разместился так: на № 1 — американцы, на № 2 — японцы, а по станциям смешан-

ные маленькие отряды, при чем китайцы были помещены на фанзе, а казаки тоже на № 1...

Полковник Робинсон все время, пока мы ехали на Сучан и устраивались на руднике, твердил мне, что он непременно хочет созвать митинг, чтобы объяснить населению цель прихода иностранного отряда. Но настроение на руднике было таково, что о митингах нечего было говорить, так как это могло повести к большим осложнениям, и я стал доказывать г. Робинсону, что этого делать не следует. Г. Робинсон упорно стоял на своем, говоря, что так принято у них на родине; и несмотря на все мои протесты митинг все таки был назначен в воскресенье, в которое г. Робинсон наметил свой отъезд. Митинг этот не состоялся только потому, что в воскресенье был проливной дождь.

Американцы вывесили на руднике объявление (прокламацию, как они называют), в котором достаточно неумело объяснили цель своего прихода на рудник. Я тоже вывесил свои объявления, в которых сказал, что во 1) я снова вступил в управление рудником, а во 2) что рудник мною закрывается на неопределенное время и что все без исключения служащие и рабочие увольняются, при чем тут же был объявлен срок нового приема на работу. Все это было мной намечено еще раньше, но я решил не медлить с таким вопросом, так как получил сведения, что большевики, разбежавшиеся и засевшие в ближайших деревнях и даже попросту в кустах, будируют вопрос о забастовке, а затем к этому времени я уже успел сорганизовать кадр рабочих, благодаря которым рудник не останавливался бы ни на один час. Мое объявление произвело ошеломляющее впечатление... Работы не приостановились, на обратную приемку явились почти все; я лично профильтровал всех рабочих и не принял обратно около 180 фамилий, в число которых попали активные большевики, матросы, эмигранты, а также и разный порочный элемент. Уволенным я заплатил за две недели вперед и дал срок на выезд: холостым три дня, семейным неделю, при чем некоторым этот срок пришлось продлить.

В это же время было совершено покушение на мою жизнь: в двух местах в меня издали стреляли, видимо, из берданок.

Главари сучанских большевиков продолжали сидеть в окрестных деревнях и даже во Владивостоке, занимая вполне открыто ответственные должности в общественных и профессиональных организациях и я получал сведения, что они ведут пропаганду среди крестьян. Во Фроловской волости большевики держались довольно долго, не признавая земство, а группируясь около своего Совдепа. Чтобы до некоторой степени надавить на эту волость, я объявил по руднику и деревням, что граждане Фроловской волости, пока они не уберут большевиков и не признают земства, не будут приниматься на рудник. Когда там земство было восстановлено, объявление это потеряло свою силу (гораздо позже я узнал, что в земстве остались те же большевики, прикрывшиеся другими названиями и эти большевики в настоящий момент выступили снова открыто).

С американцами за несколько месяцев общения (а жил я с ними в одном доме) установились у меня самые хорошие отношения, что обусловливалось составом офицерства: в командном составе я видел лиц, которые были настроены вполне определенно против большевиков и готовы были в любой момент оказать руднику ту помощь, которая потребуется от военного отряда обстоятельствами момента.

Полковник Робинсон, с которым у меня взгляды не сходились, давно уехал, а у оставшегося офицерства я замечал большое разногласие с высшим командованием во Владивостоке и нередко в разговоре мне приходилось убеждаться, что далеко не все американцы разделяют взгляд г. Вильсона.

Отношения между американцами и японцами все время были недружелюбные, чего американцы не скрывали ни от кого в руднике. Население сразу же стало относиться к американцам хорошо, а к японцам плохо, и надо отдать справедливость американцам, они это подчеркивали на каждом шагу. Вначале американские солдаты держали себя очень пристойно, но мало-по-малу распоясались и выявили себя на руднике так же хорошо, как и в других местах, куда судьба дала нам этих союзников. Про японцев же приходится сказать, что они нисколько не изменились: как были в первый день приезда, такими же остались.

После «Принцевых островов» отношение у меня с американцами (главным образом с владивостокскими) стали несколько обостряться, потому что я не скрывал своего возмущения подобной политикой г. Вильсона и нередко говорил им, что г. Вильсон недалеко ушел от большевиков [1].

Во Владивостоке большевизм не умирал, в окрестностях Сучана тоже... Одновременно с этим на руднике началась какая-то пропаганда среди американских солдат, а может быть и среди рабочих, для меня неясная, доходившая до меня отрывками...

В окрестностях тоже в это время усилилась агитация большевиков.

В Амурской области вспыхнуло восстание. Рудник начал глухо волноваться. Я получил в это время много угрожающих писем...

На место полковника Лоринга приехал другой полковник Пендельтон, который прежде всего очаровал японцев тем, что хорошо говорит по-японски. Этот новый полковник по всему складу своего воззрения как раз подходит под полковника Робинсона и новые лица затянули новые песни: политика Вильсона встала на первый план; Принцевы острова стали считаться идеальной постановкой вопроса; большевики стали рассматриваться как политическая партия и т. п.

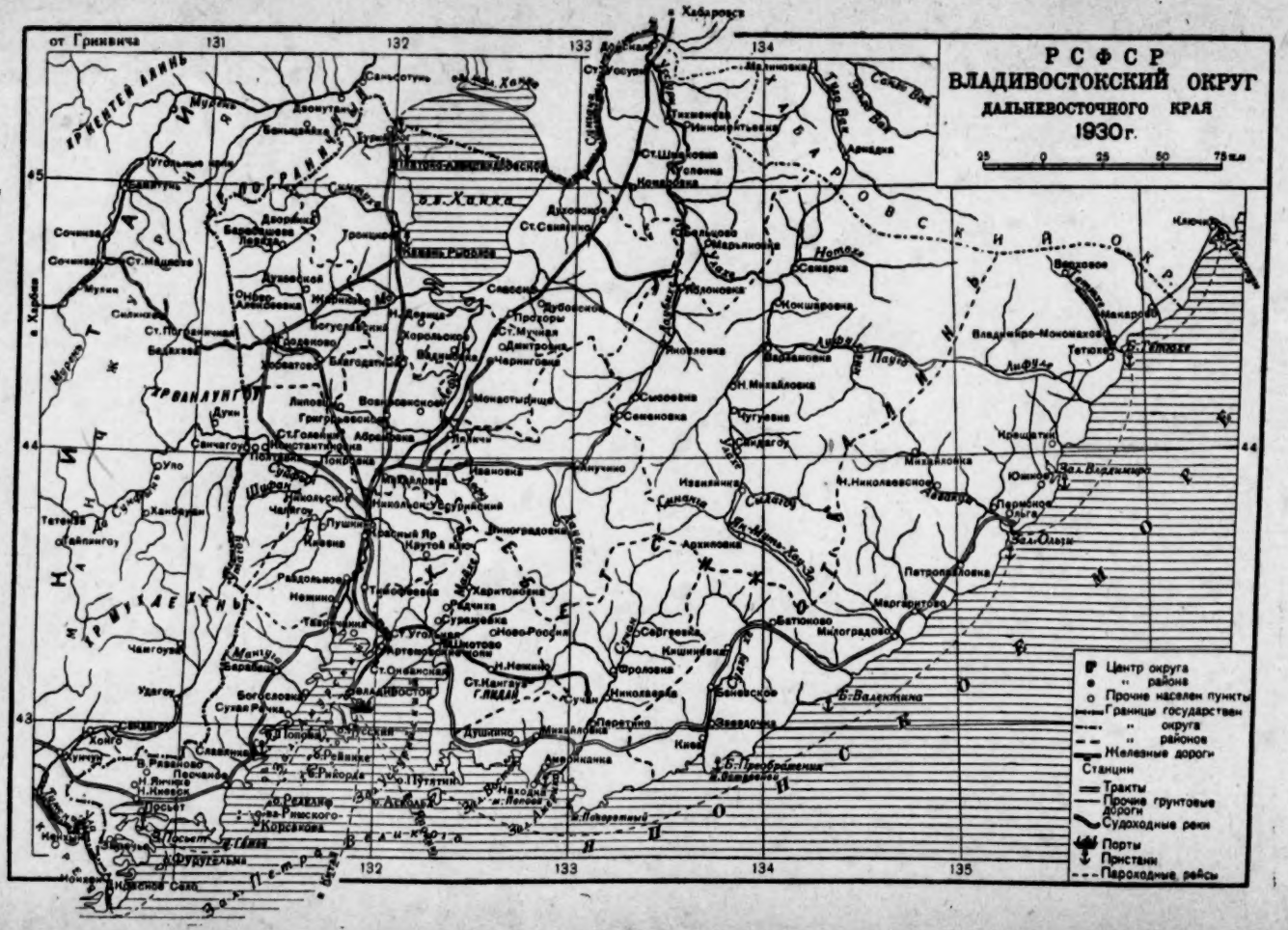
А события между тем развивались с головокружительной быстротой и разразились тем, что во Фроловской волости вспыхнуло восстание большевиков [2]. Для усмирения этого восстания и для отобрания у населения оружия был послан отряд генерала Смирнова, который прошел через Сучан, переночевав на нем одну ночь, и двинулся в район Фроловки, где вскоре начались стычки с большевиками.

Я не стану вдаваться в подробности военной обстановки, с которой мне пришлось детально познакомиться в силу того, что ежедневно приходилось говорить по прямому проводу с ген. Смирновым, который меня подробно знакомил с ходом дел, получая от меня зачастую очень ценные сведения о большевиках и передавая через меня инструкции другим отрядам, проходившим через Сучан. Скажу только, что слухи о жестокостях Смирновского отряда были сильно преувеличены. Но американцы этим слухам верили и выслушивали всех, приходящих к ним с жалобой на русские отряды [3]. В моем присутствии американский полковник отвечал этим посетителям вполне приемлемо для русской власти, но я не знаю, что говорилось с другими в мое отсутствие. Самый факт появления многочисленных визитеров со стороны

[1] В январе 1919 г. президент САСШ Вильсон и Ллойд-Джордж предложили Антанте созвать на Принцевых островах (в Мраморном море) конференцию представителей сторон, воюющих на территории бывшей Российской империи, с участием Антанты для выработки мер прекращения гражданской войны в России. Советское правительство дало согласие на участие в конференции; но так как перспективы конференции складывались против Колчака, Деникина и вообще белогвардейщины, то последние, поддержанные французским правительством, отказались от участия в конференции и конференция не состоялась.

[2] 10 марта 1919 г. в деревнях Фроловской и Хмельницкой вспыхнули восстания. По окрестным селам распространялись воззвания, призывающие к восстанию.

[3] Речь идет о белогвардейских отрядах.


РСФСР
ВЛАДИВОСТОКСКИЙ ОКРУГ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КРАЯ
1930 г.
25 0 25 50 75 км
Центр округа
" районов
Прочие населен пункты
Границы государствен
" округа
" районов
Железные дороги
Станции
Тракты
Прочие грунтовые дороги
Судоходные реки
Порты
Пристани
Пароходные рейсы
от Гришевича
131
132
133
134
135
45
44
43
Хабаровск
Владивосток
Посьет
оз. Ханка
Японское море

большевиков указывает на то, что красные склонны были считать их своими заступниками и единомышленниками. И большевики были правы, считая американцев своими заступниками, ибо сами американцы держали себя так, что иначе никто и думать не мог бы.

Полковник Пендельтон каждый раз, как русские отряды останавливались на руднике для ночевки, протестовал передо мной, зачем я позволяю им останавливаться здесь, что эта зона, которую охраняют американцы, что они не могут допустить, чтобы здесь были какие-то неизвестные им вооруженные отряды... И полковник позволил себе даже в пылу разговора применить резкое выражение по адресу русских отрядов (что-то в роде «банд»), но получив от меня энергичный отпор, извинился и в дальнейшем резкостей себе не позволял, хотя всегда подчеркивал, что он не делает разницы между большевистскими отрядами и отрядами генерала Смирнова, так как они, американцы, не признают никакого русского правительства. К сожалению, я плохо знаю английский язык, и мы объяснялись обыкновенно на смешанном англо-французском жаргоне. Из всех таких разговоров я выяснил, что если в дальнейшем русские отряды будут проходить через Сучан, то они, американцы, принуждены будут уйти; потом говорили о разных случаях якобы творимых зверств и т. д. В конце концов я попросил этого полковника, что если он желает протестовать, так пусть протестует не здесь в Сучане, не передо мной и не перед военными, которые вторят то, что им приказано, а в другом месте: во Владивостоке перед своим генералом Гревсом [1] или перед генералом Хорватом [2]...

С того времени для меня стало окончательно вполне ясно, что нам, русским, в борьбе с большевиками, с американцами не по пути, как очевидно и им с нами, что на американцев надеяться нечего.

Между тем, события в районе разгорались; появились уже убитые и раненые с обеих сторон. Генерал Смирнов просил меня принять тяжело раненых офицеров и солдат на рудник в нашу больницу; я дал полное согласие, но для этого требовался конвой. Такого конвоя генерал Смирнов в то время выделить не мог и пришлось обращаться за помощью к американцам. Долго пришлось мне доказывать им, что они должны дать такой конвой, они долго колебались, но в конце концов все же дали и привезли на рудник 2 офицеров и одного солдата.

К сожалению, по делам Сучана мне тогда же пришлось экстренно выехать с Сучана во Владивосток, а затем и в Харбин. Но, уезжая, я не сомневался, что большевизм в районе Сучана будет быстро ликвидирован, так как у генерала Смирнова дела шли удачно. Большевики разбились на отдельные отряды и разбрелись по сопкам, сучанские рабочие в то время к ним не примкнули; оставалось их выловить, что и намерен был сделать ген. Смирнов и что не представляло в то время большого труда, так как кое-где лежал снег и не было растительности.

Проездил я около месяца. Когда я вернулся (в конце марта) во Владивосток, то увидал, что картина резко изменилась: состоялось соглашение между русскими военными властями и международным командованием, на основании которого русские отряды отзывались из районов; Сучан и его окрестности передавались для охраны американцам и оставлялись только отряды во Владимиро-Александровске и Шкотове; американцы вывесили на руднике свою прокламацию, со-

[1] Гревс,— генерал, командующий американскими экспедиционными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке.

[2] Хорват, Д. Л.— генерал-лейтенант, с 1902 по 1917 г управлявший Китайско-Восточной жел. дорогой; после Октябрьской социалистической революции — один из руководителей белогвардейщины и сторонник японской интервенции на Дальнем Востоке. В 1919 г. «верховный уполномоченный» Колчака на Дальнем Востоке.

ставленную в выражениях столь неудачных, что интеллигентная часть рудника сразу увидала, что дело плохо, что теперь пойдет развал, что надо, как говорили старшие служащие, зарядить ружья и повесить их над кроватью... И действительно большевики в окрестностях стали свободно организовываться, открыто вербуя в свои ряды как крестьян, так и сучанских рабочих, которые массами стали переходить на сторону большевиков. На самом руднике рабочие сразу полевели, снова вышли из послушания; начались угрозы по адресу администрации, технического персонала...

Несмотря на принятые на себя обязательства, что они не позволят сосредоточиваться в охраняемой зоне никаким вооруженным силам, американцы и до сих пор смотрят сквозь пальцы на то, что красноармейцы совершенно свободно проходят по нашим рудничным подъемникам и бремсбергам, по нашей рудничной железной дороге, при чем 2 апреля прошел свободно большой отряд красных в 150—200 чел., а отдельные их представители не только гуляют по перевалам, но и заходят открыто на станции, отбирают у служащих оружие (оружие, разрешенное к хранению самими американцами) и все это делается на глазах американских солдат...

В настоящее время на руднике создалось нетерпимое положение, которое вряд ли продолжится долго, так как большинство служащих терроризировано рабочими, боится выходить из дому; некоторые уже уехали, другие собираются уезжать, а рабочая масса почти вся настроена большевистски... Одним словом, благодаря тому, что главарей большевиков сразу не ликвидировали ни в окрестностях Сучана, ни из деревень, ни даже из Владивостока, где многие из них открыто занимали общественные места и в силу того что американцы стали активно вмешиваться в русскую политику, явно покровительствуя большевикам и производя давление на военные русские власти, которые к этому времени еще не успели организовать сильные военные отряды, и так как все это произошло как раз в окрестностях Сучана, на котором большевизм тоже не был изжит, а лишь задавлен (как на всем Д. Востоке), получилось в настоящее время то, что большевики не только подняли голову на Сучане, но успели сорганизоваться в громадные банды, с которыми борьба будет затяжной.

Что касается самого Сучанского рудника, то дела его столь быстро ухудшаются, что не придется удивляться, если он окончательно замрет: или рабочие устроят длительную забастовку, или уйдет весь технический персонал и старшие служащие. Конечно, рано или поздно рудник снова придет в норму, но это произойдет хирургическим путем, или же его фактически захватят американцы и начнут эксплоатировать его своими средствами. Я не предрешаю вопроса ни в ту, ни в другую сторону, я только набрасываю картину современного состояния рудника, в какое он попал случайно и какого состояния безусловно не было бы, если бы на руднике были какие угодно другие войска, кроме американских...

В годовщину революции[1] рабочие просили моего заместителя разрешить им манифестацию; тот сначала не дал согласия, рабочие обратились в американский штаб и американский полковник сказал, что с своей стороны препятствия не встречает, если разрешит администрация рудника. Манифестация состоялась со знаменами, на которых красовались надписи: «Да здравствует советская федеративная республика».

[1] Речь идет о праздновании 12 марта 1919 г.— годовщины февральской буржуазно-демократической революции.

Никто из интеллигенции и служащих в этой манифестации не участвовал, но за то шествовал сам американский полковник со своим адъютантом. Это событие окончательно дискредитировало американцев в глазах лойяльного рудничного населения, а большевики стали после этого наглеть с каждым днем...

По сообщению моего начальника были случаи, что с. рудника открыто вывозилась провизия на подводах в село Новицкое, т. е. к большевикам. А где же американские солдаты?.. И получается в этом случае нелепое положение: провизия разрешается только на рудник; я заверил русские военные власти, что к большевикам она не попадет, а гарантий у меня нет, так как охрана находится в ненадежных руках. Чтобы избежать вывоза с Сучана провизии, пришлось поставить сучанскому кооперативу условие немедленно ввести карточную систему на все продукты, в противном случае провизия на рудник совсем не будет пропускаться.

Кроме того, никаких мер американцы не принимают против тех рабочих, которые открыто агитируют за большевизм...

Чем все это кончится, я не собираюсь предсказывать, но что касается Сучана, то могу смело сказать, что пока американцы его «охраняют» порядка и продуктивной работы на руднике ожидать не приходится...

Все здесь изложенное мною постепенно подробно доводилось до сведения гражданских и военных властей и вкратце было сообщено телеграфно в Омск.

Управляющий Сучанским предприятием горный инженер Егоров.

Из протокола общего собрания граждан Сучанских рудников, состоявшегося 24 апреля 1919 г. с разрешения союзного командования [1]

1) О действиях колчаковского отряда в районе Фроловской и Владимиро-Александровской волостей и бомбардировке сел. Перетино [2].

Из доклада многих очевидцев товарищей выяснилось, что во время пребывания колчаковских отрядов в районе Сучанской и Фроловской волостей эти отряды расстреливали невинных и разоряли совершенно крестьян, грабя их, сжигая дома и все имущество. Поэтому общее собрание рабочих рудников, обсудив положение вещей, заслушало декларацию партизанских отрядов, к которой все общее собрание присоединилось единогласно; кроме того, общим собранием вынесена следующая резолюция:

«Колчаковские банды, внедрившиеся вглубь Ольгинского уезда в момент, когда начинается рабочая страда на полях, наводят ужас и панику на крестьянское население, грозя оставить поля уезда незасеянными, население без хлеба. Из деревень бегут женщины с грудными детьми на руках, с печатью ужаса и пережитых страданий на лице; бегут старики преклонных лет, с растерянными и недоумевающими лицами.

Мы, мирно трудящееся рабочее население рудника не можем безучастно смотреть на истребление мирного трудящегося крестьянского населения, разрушение их жилищ и уничтожение полевых работ и на общем собрании постановили: обратиться к американскому командованию с предложением немедленно ликвидировать разбойничьи шайки колчаковцев, в противном случае мы все, как один человек, бросим работы и пойдем на помощь своим братьям крестьянам.

---

[1] ЦАОР, ф. 147, оп. 33, д. № 2-в, л. 114 и об. Заголовок подлинника.
[2] О бое под селом Перетино см. ниже стр. 50.

Из доклада управляющего Сучанским рудником Егорова по рабочему вопросу междуведомственной комиссии по Сучанскому руднику, 23 апреля 1919 г.[1]

За последние годы, отчасти в связи с увеличением дороговизны и падением курса рубля, отчасти по мотивам политического характера, цены на рабочие руки все время дорожали и к настоящему моменту дошли до очень больших пределов.

Сучанский рудник в этом отношении не только не представил исключения, но скорей наоборот: нередко он являлся инициатором повышения заработной платы. При чем это повышение не всегда совпадало с увеличением дороговизны, и в этом смысле особенно удачно оперировали китайские рабочие, предъявляя посредством забастовок все большие и большие требования. В настоящее же время эти китайцы просто переходят с рудника на рудник, идя туда, где им платят больше. А так как китайских рабочих в крае нехватает, то это удается им делать очень удачно. Таким образом, китайцы сами назначают себе плату, плату чрезмерно высокую даже для сегодняшнего дня, и мы не имеем силы бороться против этого, так как принуждены в конце концов итти на уступки, чтобы не останавливать предприятия.

Будь в крае избыток рабочих, картина была бы совершенно иная. Кроме того не приходится закрывать глаз на то, что и русские рабочие, зная такое положение вещей, в сильной степени учитывают в свою пользу недостаток желтых рабочих и тоже предъявляют целый ряд чрезмерных требований.

Чтобы выйти из этого тяжелого для края и в частности для Сучана положения, я останавливаюсь на мысли выписать из Китая новый контингент рабочих, чтобы таким путем достичь следующих результатов:

1) увеличить на руднике (а значит и во всем крае) число рабочих рук, что должно немедленно же отразиться на расценках;

2) влить, таким образом, свежую струю в среду местных китайцев, которые за последние два года в достаточной степени избаловались и распропагандировались;

3) появление на рынке лишних рабочих рук произведет надлежащий эффект и на русских рабочих, которые воочию убедятся, что чрезмерные требования ни к чему не приведут.

Затем в силу особых обстоятельств, какие переживает Сучан в настоящий момент, не исключена возможность полной остановки рудника и ухода с копей большого количества рабочих. А так как и сейчас уже на Сучане нехватает около 800 человек, то выписка новых рачих из Китая должна считаться делом неотложным и даже экстренным.

На основании всего сказанного, я считаю необходимым выписать для Сучана в наикратчайший срок 2 000 человек и одновременно обратиться с подобным предложением к частным промышленникам, чтобы вместе выписать возможно большее число.

---

[1] ЦАОР, ф. 135, д. № 465, л. 279. Революционное движение на Сучанском руднике, уменьшение добычи и вывоза каменного угля с рудника заставили колчаковских правителей и интервентов принять особые меры. По приказу «верховного уполномоченного» Колчака на Дальнем Востоке ген. Хорвата 14 марта 1919 г. учреждается «междуведомственная комиссия для ознакомления с постановкой дела на Сучанских казенных каменноугольных копях». Эта комиссия собиралась 16 раз и выезжала из Владивостока на Сучанский рудник. Параллельно и одновременно с этой комиссией интервенты организовали из представителей Америки, Японии, Франции, Англии, Китая, Италии и Чехословакии специальную междусоюзную следственную комиссию «для изыскания причин уменьшения добычи угля».

Затраты, которые с этим вопросом неизбежно связаны, не должны пугать, так как эти деньги ни в коем случае не окажутся выброшенными на ветер, и все затраты вскоре же будут покрыты понижением заработной платы.

Горный инженер Егоров.

Из протокола 3-го заседания междуведомственной комиссии для ознакомления с постановкой дела на Сучанских казенных каменноугольных копях, 25 апреля 1919 г.[1]

...По вопросу второму — об изыскании средств для выписки рабочих из Китая.

По выслушании доклада управляющего Сучанскими копями горного инженера К. Ф. Егорова и по обмене мнениями постановила следующее: принимая во внимание, что в настоящее время на Сучанских копях для полного развития работ по добыче угля недостает около 800 рабочих, что часть имеющихся на Сучанских копях рабочих является элементом крайне ненадежным, в особенности в обстоятельствах переживаемого времени, что недостаток рабочих наблюдается почти на всех угольных рудниках Уссурийского горного округа; что в крае вообще наблюдается превышение спроса труда над предложением, следствием чего является непомерное возрастание цен на рабочие руки, при одновременном падении производительности труда рабочих,— комиссия признает необходимым произвести выписку для Сучанских копей рабочих из Китая, в количестве до 2 000 человек, безотлагательно, причем, по мнению комиссии, расход на выписку рабочих, в сумме до 1 000 000 рублей надлежит произвести из четырехмиллионного кредита, отпущенного министерством торговли и промышленности на 1919 г. на эксплоатационные расходы Сучанских копей. Организацию выписки рабочих из Китая возложить на управляющего Сучанскими копями.

Председатель комиссии (подпись).

Из протокола 5-го заседания междуведомственной комиссии для ознакомления с постановкой дела на Сучанских казенных каменноугольных копях, 29 апреля 1919 г.[2]

По открытии заседания председатель сообщил собранию о том, что протокол 3-го заседания комиссии от 25 сего апреля утвержден 29 сего апреля за верховного уполномоченного помощником его по гражданской части В. А. Глухаревым, и, таким образом, кредит, необходимый для выписки для Сучанских копей рабочих из Китая, будет отпущен.

К. Ф. Егоров сообщил комиссии об общем положении дел на Сучанских копях в настоящее время.

Перейдя к обсуждению вопроса о прибавках рабочим и служащим Сучанских копей, комиссия, по обмене мнениями, признала необходимым, вследствие вздорожания жизни за последнее время повысить существующие в настоящее время на Сучанских копях нормы оплаты труда служащих и рабочих на 50% с 1 мая сего года; по мнению комиссии прибавка эта является настолько высокой, что она должна быть признана окончательной, даже и в том случае, если бы рабочие не удовлетворились ею и отказались принять ее, к каким бы последствиям ни привел отказ рабочих.

Постановление о прибавке в 50% принято большинством 4 голосов членов комиссии против одного (высказавшегося за прибавку в 40%);

[1] ЦАОР, ф. 135, д. № 465, лл. 277 об.— 278.
[2] Там же, л. 282.

постановление о том, что прибавка в 50% должна считаться окончательной принято комиссией единогласно.

Председатель комиссии (подпись).

Телеграмма управляющего Сучанским рудником Егорова верховному уполномоченному на Дальнем Востоке ген. Хорвату, 22 мая 1919 г.[1]

Сегодня началась общая забастовка Сучана, остановилась железная дорога, прекращена погрузка угля, остановились все шахты, заявлено требование об удалении всех колчаковцев и союзных войск. Вследствие забастовки рудничной железной дороги обе комиссии — международная и техническая лишены возможности выехать из рудника.

Управляющий Егоров.

Из протокола 9-го заседания междуведомственной комиссии для ознакомления с постановкой дела на Сучанских казенных каменноугольных копях, 23 мая 1919 г.[2]

Обсудив положение, создавшееся на копях в связи с забастовкой рабочих копей, начавшейся с вечера 21 мая, причем рабочие вынесли резолюцию, в которой требовали прибавок и удаления с территории копей колчаковцев и союзных войск, комиссия признала необходимым:

1) сообщить международной комиссии о необходимости принять срочные меры к тому, чтобы избежать затопления шахт в том случае, если забастовка рабочих копей станет всеобщей и распространится на лиц, обслуживающих котлы, насосы и вообще водоотливные устройства.

2) предложить забастовавшим рабочим от имени управления копей, в трехдневный срок приступить к работам с предупреждением, что рабочие, не вышедшие на работу после сказанного срока, будут считаться уволенными по собственному желанию; меру эту надлежит принять только в том случае, если командование союзных войск на Сучанских копях гарантирует безопасность администрации и лояльных служащих и рабочих копей и примет меры к удалению тех рабочих, которые не выйдут на работу после назначенного управлением копей срока;

3) подтвердить постановление комиссии относительно того, что сделанная с 1 мая сего года 50-ти процентная прибавка всем служащим и рабочим копей не должна быть изменяема.

Краткое описание результатов расследования междусоюзной комиссии, отправленной на Сучан 18 мая 1919 г.[3]

1. Состав комиссии и предмет ее расследования:

Комиссия в составе:

Лейтенант Сковелль	представитель	Америки
Лейтенант Су-фу	»	Китая
Майор Ренондо	»	Франции
Лейтенант Грюнер	»	Британии
Капитан Салларолли	»	Италии
Капитан Януцуки	»	Японии
Дипломатический чиновник Куренков	»	России
Поручик Халупко	»	Чехии.

[1] ЦАОР, ф. 135, д. № 465, л. 205.
[2] Там же, лл. 295 об.—296.
[3] ЦАОР, ф. 135, д. № 467, лл. 16—22. Заголовок подлинника. Документ составлен 25 мая 1919 г.

была послана по распоряжению междусоюзного комитета железных дорог[1] на Сучанские копи.

Согласно протокольных инструкций комитета, переданных комиссии чехо-словацким майором Брож 17 сего мая, комиссии было поручено произвести расследование в Сучанском районе для изыскания причин уменьшения добычи угля.

Кроме того, согласно письменных инструкций, данных вслед за тем комиссии от комитета, комиссии было поручено:

1. Разъяснить населению цели союзников.

2. Определить могущую оказаться разницу во взглядах населения и таковых же властей предержащих.

Комиссия имела пребывание на Сучане с 19 по 24 мая 1919 г.

II. Современное положение в Сучанском районе.

Это положение в настоящее время (24 мая) таково: Население ближайших к району копей деревень, состоит из крестьян в большинстве, кажется, состоящих в оппозиции к правительству адмирала Колчака и особо враждебно настроенных в отношении к правительственным войскам. Самые умеренные из них желали бы только, чтобы правительство оставило их в покое; другие оказывают материальную поддержку большевистским войскам.

Район д. Фроловки (20 в. к северо-западу от Сучана) является одним из центров большевистских отрядов, численность коих малоизвестна.

Район к северу от Шкотова является другим центром группы других отрядов, как кажется, в настоящее время более значительных, чем во фроловской группе.

Отряды эти находятся в сношениях с рабочими копей и отдельные невооруженные партизаны посещают рудничные поселки.

Население деревень и копей, в огромном большинстве, находится в оппозиции к современному режиму. Казалось бы, что соглашение о признании района копей нейтральным, запрещающее одинаково правительственным и большевистским войскам пребывание в этом районе, должно было удовлетворить местное население. Но в действительности эта нейтральность ныне не является удовлетворяющей: на митинге, состоявшемся 22 мая, представители большевиков Ольгинского уезда, совместно с представителем от копей, составили письмо на имя американского и японского командования, с требованием об отозвании всяких союзных войск из района копей и всех русских войск, находящихся восточней Уссурийской линии и передачи копей рабочим, с обеспечением неприкосновенности последних.

Работы на копях прекратились 22 мая.

Положение копей является особо-критическим, потому что: 1) добыча прекратилась; запаса угля могло хватить на месяц, но узкоколейная дорога и канатная, разгружающая рудник,— более не функционирует; если бросят работу (что они грозят исполнить в случае отказа исполнить их нижеприводимые требования) — 220 рабочих, необходимых для работы важнейших органов копей (помп и др.), то копи окажутся затопленными и останутся непродуктивными в течение более или менее продолжительного времени, даже после восстановления работ.

2) Несмотря на симпатии населения вообще, которые жители, за немногими исключениями, питают по отношению к американским вой-

[1] В марте 1919 г. во Владивостоке интервентами и белогвардейцами был создан из представителей союзных держав под председательством инженера Устругова межсоюзный комитет для наблюдения за состоянием железных дорог Сибири и Дальнего Востока.

ским,— враждебное чувство ко всем союзникам, закончившееся включением в объект этой враждебности и американцев — проявляются и письмо на имя американского и японского командования демонстрирует этот конфликт совершенно определенно.

III. Причины настоящего положения.

Причины, приведшие к современному положению на Сучанских копях, носят характер экономический и политический.

Главные экономические причины следующие.

1) Недостаточность жалованья при наличии значительного удорожания жизни. При вздорожании всех припасов на 100—200% и более за последние месяцы, в жалованьи соответственного увеличения не было: назначенная в последнее время 50% прибавка еще не получила реального осуществления; рабочие требуют прибавки 100% и даже 200%.

2) Недостаток и даже полное отсутствие предметов первой необходимости. На копях часто ощущается недостаток муки; местные торговцы также не имеют ее вовсе и только кооператив имеет муку в ограниченном количестве; ему пришлось занять муку у американского Красного Креста. Иного мяса, кроме свинины, нет.

3) Жалованье выдается со значительным запозданием: во время пребывания комиссии на Сучане, администрация копей выдавала содержание лишь за март. Такое запоздание происходит вследствие недостаточности разменных знаков, вследствие чего администрация копей заставляет ждать рабочих до того времени, когда причитающаяся сумма достигнет суммы 250 или 500 рублей и тогда рабочие получают билет, который не могут нигде разменять, разве только с крупным лажем, доходящим по имеющимся показаниям до 35%. На копях принят и другой способ расплаты: рабочим предлагается составить группы для получения коллективно билета 250 или 500-рублевого достоинства.

Но как бы ни были важны эти экономические мотивы, несомненно создавшие в населении известное неудовольствие, они бледнеют перед причинами политического характера.

Экономическая неурядица подготовила благодарную почву агитаторам.

Вне сомнения, правительственные войска проявили в данной местности эксцессы, способные возбудить против них население, и некоторые отвратительные действия, в которых войска виновны, повлекли за собой ненависть к правительству, которому они служат.

Но, казалось бы, соглашение, превратившее район копей в нейтральный и освободившее рабочих от обязательной воинской повинности, должно было оказаться достаточным для успокоения умов.

Партизанские отряды, удаленные от территории копей, расположились у самых ее границ. Если они были лишены права проникать в район копей в виде вооруженных отрядов, во всяком случае начальники этих отрядов и их солдаты продолжали появляться там открыто, без возражений со стороны местного междусоюзного командования, хотя по одиночке и невооруженные.

Агитаторы с копей не переставали поддерживать сношения с отрядами; эти агитаторы, по соглашению с начальниками отрядов, продолжают в настоящее время поход не только против омского правительства, но также и против союзников.

Не питая никакой признательности к местному междусоюзному командованию, они злоупотребляли нейтральностью и любезностью, которые были проявлены по отношению к ним.

IV. Заключение.

Комиссия обращает внимание союзных командований на следующие пункты:

Если работа копей признается необходимой, то нужно:

а) очистить Сучанский район от большевистских отрядов, одинаково угрожающих как копям, так и железным дорогам.

б) освободить копи от профессиональных агитаторов, поддерживающих и развивающих дух мятежа и беспорядка.

в) снабдить копи, до восстановления работ, военным контингентом, для поддержания копей в порядке, для чего необходим персонал, состоящий из 131 рабочего специалиста и 87 не специалистов, необходимых для работ узкоколейной дороги;

г) принять меры к доставке необходимейших припасов (муки и пр.) в район копей в нормальном порядке.

Из дополнительного донесения о расследовании междусоюзной комиссии, командированной на Сучан 18 мая 1919 года[1]

Причины политические[2].

Огромное большинство жителей копей кажется настроенным положительно враждебно к настоящему правительству. Согласно одного показания при выборах в Учредительное собрание оказалось на 1000 голосов большевиков, 100 гол. меньшевиков и 17 к.-д.

Жители прежде всего жалуются на поведение правительственных войск.

Вне сомнения, что войска проявили эксцессы такого свойства, что отвратили от себя симпатии населения.

Эти войска, состоящие из русских офицеров, из китайских и корейских добровольцев, были поставлены под начальство генерала Смирнова. Они действовали малыми отрядами, усмиряя большевизм, конфискуя оружие, не сданное властям на основании соответствующего правительственного распоряжения и разыскивая непокорных.

Во время походов, называемых «карательными» экспедициями, эти малые отряды совершали эксцессы, о чем имеется много свидетельских показаний. Весьма возможно, что некоторые подробности были преувеличены, что другие были выдуманы, но совокупность фактов, которые ставятся в упрек войскам, несомненна.

Меры, принятые правительством по реквизиции оружия, по мобилизации некоторых классов населения, способствовали, равным образом, недовольству населения.

Это недоброжелательство в отношении властей было использовано агитаторами.

Когда управляющий копями г. Егоров возвратился в Сучан в сентябре 1918 г., он попытался освободить копи от вредного элемента, оставшегося от советского режима. Он выслал с копей 186 рабочих и служащих, присутствие которых могло угрожать спокойствию на копях, он упразднил союз[3]. Эти меры очищения оказались действительными лишь частично: на копях и в их окрестностях остались агитаторы, подпольно работавшие в течение зимы и в марте 1919 г. первые беспорядки произошли на самих копях.

---

[1] ЦАОР, ф 135, д. № 467, лл. 23—30. Заголовок подлинника. Документ составлен 5 июля 1919 г.

[2] Опущена первая часть дополнительного донесения, излагающая экономические причины «беспорядков» в Сучанском районе, почти целиком повторяющая экономические причины, изложенные в предыдущем документе.

[3] Речь идет о профессиональном союзе горнорабочих Сучанского рудника.

Возможно, что с некоторых пор к местным агитаторам присоединились большевики, присланные более или менее отдаленными организациями (из Никольска, быть может из России). Эти агитаторы распространяли сведения, занимались пропагандою, организовывали в разных случаях манифестации: 1 мая, 26 или 27 апреля, по случаю похорон одного «красного», произведена прибавка знамен «Советской Федеративной Республики».

Союз, упраздненный г. Егоровым в сентябре 1918 г., был восстановлен около начала апреля: он насчитывал в своем составе около полусотни членов ко времени прибытия комиссии на Сучан...

Кроме того, в конце марта Сучанская территория была закрыта для большевистских, равно и для правительственных войск. Это соглашение[1] имело лишь неполное действие. Фактически правительственные войска более не показывались в районе копей. Было условлено, что они не будут расположены ближе к копям, как в Владимиро-Александровске и Шкотове. Но большевистские войска остались вблизи копей. Их штаб стоял в Фроловке (20 вер. к северу от Сучана).

Эта непосредственная близость к копям позволила им поддерживать постоянное соприкосновение с рабочими. Если факт нахождения вооруженных красных банд на территории копей, констатированный г. Егоровым, не был подтвержден никем из других свидетелей, тем не менее верно, что красные, украшенные своими значками на груди и на головном уборе, продолжали находиться на территории.

Многие лица утверждают, что пожертвования (добровольные? реквизиционные?) были собираемы в некоторых домах района копей и что красные, надев свои значки, открыто за ними приходят.

Непосредственное соседство большевистских войск, желание местного американского командования держать абсолютный нейтралитет и обращаться одинаково со всеми русскими вообще, без различия партий, повлекли за собой частые сношения американского командования на Сучане с большевистским командованием во Фроловке то по телеграфу, то через посредство американских офицеров, то, наконец, при посредстве личных посещений большевистских начальников полковника Пендельтона. Эти факты приводятся здесь не для обсуждения и, тем менее, для критики, так как присутствие американцев на Сучане не подлежит компетенции комиссии, которая не имеет права ни одобрять его, ни порицать. Но необходимо, однако, показать, что такая близость большевистских войск, неизбежно влекла за собой влияние большевистских идей на копях, обмен мнениями и даже персонально между большевистскими войсками и жителями копей и замешанность американского командования в эти вопросы.

В своей совокупности экономические мотивы настоящих беспорядков имеют известный вес, но они отодвинулись на второй план по отношению к причинам, являющимся следствием агитации, которые ныне занимают главное место. Это явление было также причиной того, что на митингах рабочих, как например митинг 24 апреля, лишь на повестках значатся вопросы о продовольствии, квартирах и беженцах, в действительности обсуждаются только политические вопросы.

Масса рабочего населения, будучи весьма нетвердых убеждений, находится в руках группы агитаторов, которая настроила рабочих в высшей степени враждебно по отношению к настоящим русским властям и даже по отношению к союзникам. Ультиматум собрания

[1] Речь идет о соглашении между американским командованием и колчаковскими отрядами, по которому охрана Сучанского рудника и прилегающего к нему района переходила к американцам. Соглашение состоялось в марте 1919 г.

большевистского штаба от 22 мая, предлагающий союзным войскам эвакуировать копи, был редактирован при участии представителя сучанских забастовщиков [1].

Доклад управляющего Приморской областью министру внутренних дел правительства Колчака, 1 июня 1919 г. [2]

Докладываю, что политическая ситуация Приморской области в данный момент в высшей степени сложная: большевистские выступления во всех уездах развиваются прогрессивно, имеют определенный план, чувствуется тайная руководящая сила: планомерность сказывается в последовательных ударах по крупным промышленным центрам.

Из моих последних донесений видно, что произошла остановка крупного крахмального завода (около Хабаровска), а также заводов: Синкевича, Пьянкова и, наконец, имела место всеобщая сучанская забастовка.

На Сучане до забастовки насчитывалось до 2 500 чел. рабочих, теперь большинство из них разошлось по красноармейским организациям, раскинутым по деревням и сопкам. Причина забастовки имеет почти исключительно политический характер. Вынесен протест правительству Колчака и требование ухода из области всех союзных сил.

Сучанский район с сентября 1918 г. охраняется 250 американцами, 300 чел. японцами, 50 китайцами и 25 казаками, под начальством американского полковника Лоринга. Лоринг антибольшевик. Теперь интернациональный отряд состоит из 500 американцев, 200 японцев, 50 китайцев, во главе отряда стоит американский полковник Пендельтон человек большевистской ориентации; он вступил в командование с февраля месяца и всемерно допускал большевистскую пропаганду, результатом чего и явилась нынешняя забастовка. Забастовка началась 21 мая вечером. Были попытки затопить рудники. Американцы начали действовать активно и не допустили затопления рудников.

В двадцатых числах на Сучан выезжала междусоюзническая следственная комиссия по одному представителю от всех союзников. Комиссия постановила: 1) очистить Сучанский район от большевистских банд, 2) выслать из Сучана профессиональных большевистских агитаторов.

Сегодня состоялось совещание у верховного уполномоченного, где выработана системы борьбы с сучанской забастовкой, постановлено: предложить союзникам передать междусоюзнический отряд под команду русского начальника, усилить состав милиции, предписать командиру отряда на общем основании точно выполнять требования сучанской русской администрации, объявить рабочим, что если кто из них не явится в трехдневный срок, то будет считаться уволенным по собственной воле.

Положение в уездах крайне тяжелое: Ольгинский уезд за исключением северной части — Императорской гавани [3] и Датты и южной — Шкотовского района,— весь занят большевиками...

Шкотовский гарнизон, в силу своей малочисленности, имеет своим назначением охрану Шкотова и железной дороги. В остальной же части уезда нет правительственных отрядов и уезд поэтому находится всецело во власти большевиков...

Обстреливались пассажирские и воинские поезда. Есть раненые и убитые. Убит полковник Москвин, ехавший из Шкотово во Владивосток. В данный момент командующим войсками приняты решительные

[1] Резолюцию см. ниже, стр. 51—52.
[2] ЦАОР, ф. 147, оп. 33, д. № 2-в, лл. 128—130.
[3] Теперь — Советская гавань.

меры к полному очищению от большевиков железнодорожной линии.

Были случаи также уничтожения железно-дорожных мостов, повреждения телеграфных столбов, чем приостанавливалось на время движение. Вообще красными делается все для нарушения порядка на железно-дорожных линиях.

В Иманском уезде, под влиянием сильной большевистской агитации, во многих волостях собравшиеся новобранцы разошлись по домам, частью ушли в сопки в ряды красных.

Красные группируются пачками около Спасска и Свиягино. Активных и серьезных выступлений пока не было, что объясняется наличием в Иманском уезде правительственных войск...

В Хабаровском уезде за последнее время большевистская агитация имеет большой успех. В южной части уезда появились отряды красных, в 200—300 человек. 27 мая получены сведения о перерыве телеграфного сообщения, а также о порче железно-дорожного пути на участке между Бикином и разъездом Хор.

И. д. управляющего Приморской областью
полковник Козеко.

Телеграмма управляющего Приморской областью в департамент милиции правительства Колчака, 24 июня 1919 г.[1]

Забастовка на Сучане продолжается. Охрана Сучана союзниками вверена американцам. Американцы удалили с рудника большевистских агитаторов, благодаря чему характер забастовки смягчается, переходя на экономическую почву.

Управобластью Козеко.

Из докладной записки управляющего Сучанским предприятием Егорова ген. Хорвату, 19 июля 1919 г.[2]

То, чего боялась сучанская администрация и что она задолго предсказывала, совершилось: взорваны подъемники. Из-за этого транспортировка Сучанского угля на рынок прекратилась на несколько месяцев.

Так как еще нет возможности определить степень разрушения рудничной ж. д., потому что до сих пор она никем не охраняется и техническому персоналу нельзя туда пробраться, приходится судить о произведенных разрушениях с чужих слов. Повидимому, исправление подъемников и железной дороги займет месяцев 4½—5.

В настоящее время сообщение с рудником налаживается через Владимиро-Александровск, т. е. морским путем, что и затруднительно и еще далеко не безопасно.

Управляющий Сучанским предприятием горный инженер К. Егоров.

Доклад и. о. председателя междусоюзного комитета железных дорог начальнику Приамурского края, 5 сентября 1919 г.[3]

Вследствие неспокойного положения, наступившего на Сучанских копях с начала мая месяца сего года, междусоюзный комитет жел. дорог, озабоченный нормальным снабжением углем ж. д., в заседании

---

[1] ЦАОР, ф. 147, оп. 33, д. № 2-в, л. 127.

[2] ЦАОР, ф. 135, д. № 465, л. 341. На «записке» следующая резолюция Хорвата: «Срочно: Гражд. Упр. и инж. Анерт. Надо прежде всего, чтобы управляющий Сучанским предприятием немедленно отправился на место и принял на себя энергичное руководство восстановлением дела. Охрана русская на копях остается. Упр. областью прошу назначить милицию с опытным начальником. 21. VII Хорват».

[3] ЦАОР, ф. 135, д. № 467, лл. 12—15.

своем от 6 мая с. г., постановил послать на копи специальную следственную комиссию под председательством майора чешской службы Брож.

Комиссия представила междусоюзному комитету ж. д. два доклада о положении в Сучанском районе: первый от 25 мая с. г. — краткий с изложением основных причин неспокойного состояния копей и мер, рекомендуемых комиссией для успокоения района, и второй от 5 июля с. г. — дополнительный с подробной обрисовкой экономических и политических причин беспорядков и со ссылкой на свидетельские показания. Оба доклада в русском переводе при сем препровождаются для сведения вашего превосходительства [1].

При рассмотрении первого доклада с высказанными комиссией пожеланиями междусоюзный комитет 6 июля постановил утвердить следующую программу необходимых мероприятий для восстановления деятельности Сучанского предприятия и обеспечения в будущем продуктивности его работы:

1. Освободить копи и весь район Сучанских копей от большевиков.
2. Выселить всех агитаторов, поддерживающих и развивающих дух мятежа и беспорядка.
3. Одновременно с указанным объявлением администрация объявляет как о 50% прибавке к апрельским ставкам, каковая прибавка разработана комиссией, учрежденной в марте месяце верховным уполномоченным, так и об установлении твердых цен на предметы первой необходимости, существовавших до 15 апреля.
4. Для ликвидации забастовки администрация копей должна предложить рабочим в трехдневный срок стать на работы с предупреждением, что тот кто не станет на работы будут считаться уволившимися по собственному желанию.
5. Проживание на копях лиц, не принадлежащих ни к составу служащих и рабочих, ни к составу их семейств, допускать лишь с разрешения администрации копей.
6. Управление Сучанским предприятием вверить всецело и исключительно назначенной русским правительством администрации, которая действует в порядке существующих законов и находится в подчинении министерства торговли и промышленности.
7. Полицейскую часть вверить рудничной милиции, подчиненной управляющему областью на общем основании.
8. Для охраны Сучанских копей и всего района назначить отряд союзных войск.
9. Гарнизон ни в какие распоряжения гражданских властей вмешиваться не должен. Он должен оказывать содействие гражданским властям по требованию последних.
10. В случае нападения на копи извне, начальник гарнизона принимает меры к защите предприятия по своему усмотрению, самостоятельно.

В заседании, состоявшемся 25 сего июля, Комитет, заслушав сообщение о положении в Сучанском районе после окончания предпринятых там военных операций, окончившихся в результате полным очищением района от большевиков, постановил: просить военные и гражданские власти приступить к выполнению вышеупомянутой программы.

О вышеизложенном были поставлены в известность как союзные командования, так и наши гражданские власти.

И. о. председателя междусоюзного комитета железных дорог (подпись).

---

[1] Упоминаемые доклады см. выше.

III

Борьба рабочих и крестьян Сучанской долины с белыми и интервентами (1919 г.)

Из телеграммы управляющего Приморской областью в департамент милиции колчаковского правительства, 1 марта 1919 г.[1]

В Шкотовском и Сучанском районах Ольгинского уезда сравнительно спокойно, оружие сдается. Вооруженные отряды [партизан] числом от трехсот до четырехсот скрылись в тайгу, производят иногда партизанские набеги на деревни. В Ольге арестована милиция, настроение тревожное. В Тетюхе занята почтово-телеграфная контора, поставлены комиссары; арестована милиция, объявлена республика. Настоятельно прошу команд. войсками отправить отряды.

Управобластью Циммерман.

Из протокола общего собрания штаба партизанских отрядов Ольгинского района, 9 марта 1919 г.[2]

3) О снабжении армии боевыми припасами и оружием. — Дать инициативу штабу о снабжении армии боевыми припасами и оружием. Штаб должен с воззванием обращаться к населению за содействием, а в противном случае реквизировать всякого рода оружие и припасы.

4) О больнице. Постановили: обратиться с воззванием к служащим учреждений о том, чтобы они ни при каких условиях не бросали свои места в такой трудный момент, объявив их мобилизованными на местах.

5) О телефонах. Постановили: объявить населению, чтобы они сами обслуживали телефонную сеть, проходящую через их селение. Вменить в обязанность под ответственность телефонистам, о нравиль-

---

[1] ЦАОР, ф. 147, оп. 33, д. № 2-в, лл. 43, 44.

Подготовка вооруженного восстания в Сучанской долине против белых и интервентов началась вскоре после выступления чехословаков 29 июня 1918 г. во Владивостоке и появления их в начале июля на Сучанском руднике.

Большевики Сучанского рудника скрылись в окрестных деревнях и начали вести усиленную подготовку к восстанию; устраивали нелегальные сходки, организовывали боевые дружины, распространяли воззвания.

Уже в октябре 1918 г. большевики начали создавать первые группы организаторов подготовки вооруженного выступления против контрреволюции и интервенции.

В январе 1919 г. собрание крестьян Новонежинской волости отказалось давать солдат в колчаковскую армию; к этому решению новонежинцев присоединились Сучанская, Шкотовская, Петровская и Романовская волости. 5 февраля 1919 г. в с. Маргаритове сельским сходом было вынесено решение организовать вооруженное сопротивление колчаковским карательным отрядам. Готовились к восстанию и в других селениях. Рабочие Сучанского рудника уходили в деревни для участия в готовящихся восстаниях, а в литейной мастерской рудника рабочие делали оружие для восстания.

Организуются партизанские отряды во Фроловке, Казанке, Екатериновке, Владимиро-Александровском и других селениях Сучанской долины. На севере Ольгинского уезда рабочие Тетюхинского рудника захватили рудник, организовали сильный партизанский отряд, оборудовали мастерскую для выделки ручных бомб и ремонта ружей.

Колчаковцы для предупреждения готовящегося восстания послали в Сучанский район карательные отряды. 5 февраля 1919 г. во Фроловку из Владивостока прибыл отряд генерала Смирнова. Партизаны, под напором хорошо вооруженных карательных отрядов, уходят в сопки и оттуда нападают на колчаковские отряды.

К концу февраля 1919 г. партизанские отряды были организованы в большинстве селений Сучанской долины, была установлена связь с партизанскими отрядами в Иманском и Никольск-Уссурийском уездах.

[2] ЦАОР, ф. 3453, д. № 1, л. 38.

ности передачи сведений, мобилизовав все телефонные аппараты, имеющиеся у населения.

6) О времени наступления отрядов в Уссурийский и Сучанский районы. Постановили: — ускорить дело формирования отрядов. Назначить сборный пункт в г. Ольге. Время выступления самое непродолжительное, т. е. 12 марта н. с. Все борцы должны быть в полном боевом порядке в вышеуказанном месте. Добровольцев оставить при штабе, а в их селение послать конных ординарцев, которые и привезут все необходимое для бойца, как-то: белье и снаряжение. Для кого снабжение таким образом невозможно, то удовлетворить их можно путем пожертвования и реквизиции. Предложить ближайшим селениям собрать добровольные пожертвования для отрядов, отправляемых в Уссурийский и Сучанский районы. Просить селения, по которым будут следовать отряды в названные районы, оказывать помощь товарищам во всех отношениях материалами. Отряды должны следовать с обозами от деревни до деревни.

8) Об избрании лиц для поездки с подписными листами. Постановили: обратиться штабу к населению с воззванием, чтобы оно добровольно собрало на нужды армии деньги и продукты. Командирам отрядов в селениях по двум подписным листам сделать это безотлагательно.

Председатель собрания [подпись].

Из бюллетеня № 5 штаба партизанского отряда района Тетюхе, 12 марта 1919 г.[1]

Восстание дружно и смело поднятое населением Приморья не остается одиноким. Оно как искра в сухой степи, с каждым днем все сильнее разгорается в пламя всеобщего пожара, все новые и новые области присоединяются к нему; с каждым днем все ближе становится желанный час победы народа над кровожадным правительством ставленника буржуазии Колчака. Со слов очевидцев штаб оповещает население района о следующих событиях в области:

От Никольск-Уссурийского до Раздольного население восстало, с оружием в руках бьется с колчаковскими войсками, стремясь соединиться с Сучаном. Здесь образуется фронт. В Никольске еще держатся калмыковцы. Около села Спасского, в котором стоят американские войска, появился было отряд калмыковцев в 300 человек. По пути к Татьяновке он обезоружил несколько деревень и отобрал одежду, но в Зиньковской волости встретил вооруженное сопротивление со стороны крестьян. Здесь произошел бой. Затем отряд был спешно вызван во Владивосток. По всей области население отказывается сдавать оружие и не дает людей в калмыковские отряды. В деревнях милиции нет, равно нет и никаких карательных отрядов. Калмыковцы совместно с японцами расположены на охране вдоль железной дороги и в Хабаровске.

Около озера Ханки формируется отряд Красной армии численностью до 6 000 человек. Ушедшие осенью на Зею отряды Красной армии вновь формируются и начинают продвигаться из тайги вниз по Зее к Благовещенску.

Всюду по деревням население деятельно готовится к восстанию и ожидает лишь наступления теплого времени, чтобы начать последний и решительный бой с врагами.

Штаб партизанского отряда района Тетюхе

[1] ЦАОР, ф. 3455, д. № 3, л. 1.

Из телеграммы управляющего Приморской областью министерству внутренних дел Колчака, 19 марта 1919 г.[1]

В Шкотовском районе спокойно. Ольгинский и Тетюхинский районы совершенно отрезаны, никаких сообщений не имею. Все почтово-телеграфные учреждения закрыты, о судьбе чиновников не знаю. На Сучанских рудниках часть рабочих ушла к красным, рудники под охраной японцев и американцев в безопасности. В Сучанском районе тревожно, сообщения с Фроловкой и Владимиро-Александровском прерваны. В Фроловке расстрелян начальник районной милиции, также милиционер[2]. Милиция Владимиро-Александровского разбегается. Американский штаб на Сучанских рудниках не разрешил японцам пойти на подкрепление нашему отряду во Фроловке, ссылаясь на невозможность вмешательства в партийную борьбу. Дело принимает затяжной характер, благодаря отсутствию достаточного количества войск.

Управобластью Циммерман.

Воззвание штаба партизанских отрядов Ольгинского района, 21 марта 1919 г.[3]

Товарищи.

Необходимость заставляет нас срочно созвать волостной крестьянский съезд. С каждым днем нам приходится сталкиваться с такими обстоятельствами, о которых у нас нет определенного указания народа. Исполнять же самостоятельно все так, как требует того момент, мы не можем, опасаясь подвергнуться всевозможным нареканиям со стороны народа. По прилагаемой повестке дня[4] штаб в своем докладе изложит необходимость обсуждения вопросов, поставленных на повестку дня. Дальнейшее ведение военного дела необходимо подвергнуть обсуждению вследствие того, что обстоятельствами выдвинуты новые задачи. Принятое нами на прошлом съезде решение соблюдать только оборонительное положение должно быть в корне заново пересмотрено. Если мы будем вести только оборонительное положение, то оно может затянуться так, что захватит полевой период, тогда землепашец должен и под ружьем будет стоять и пашню обрабатывать. Чтобы этого избежать, нужна мобилизация крестьян младших возрастов, хотя на два-три месяца. Это же положение заставит подумать и о продовольствии. Мы должны сознательно отнестись к тому, что до полного переворота колчаковцы нам не пустят ни одного парохода с провизией. А первая нужда в хлебе у нас растет с каждым днем. До полного переворота мы должны пропитаться своим хлебом. Не должны допустить голода. Излишние продукты первой необходимости должны быть реквизированы, т. е. куплены по установленной съездом цене в народную собственность и распределиться сообразно нужде. Для того, чтобы ускорить привоз продуктов первой необходимости из Владивостока, а также предотвратить возможность вмешательства иностранцев в наши внутренние дела мы должны на волостном съезде назначить районный съезд и на нем обсудить этот вопрос и направить свое постановление иностранным консулам во Владивостоке. Так как нам до начала полевого периода из Владивостока каких-нибудь сельскохозяйственных

[1] ЦАОР, ф. 147, оп. 33, д. № 2-в, л. 49.

[2] Речь идет о восстании в Фроловке 10 марта 1919 г.

[3] ЦАОР, ф. 1353, д. № 1, л. 38 об.

[4] Намечалась следующая повестка дня: 1. Доклад штаба, 2. Дальнейшее ведение военного дела. 3. Продовольственный вопрос. 4. О созыве районного съезда волостей. 5. О мастерской для ремонта сельско-хозяйственных орудий.

орудий ожидать не приходится, то мы должны создать мастерские по ремонту и в них починять и готовить сельско-хозяйственные орудия к началу полевых работ. Уповать нам не на кого. Если мы сами себя не выручим, то ни у кого другого о нас голова болеть не будет. Может быть у вас, товарищи, найдутся свои вопросы, так вы их обсудите и на съезде предложите. Товарищи, отнеситесь к созыву съезда серьезней, выбирайте делегатов, сознательно относящихся к делу освобождения от колчаковской своры. Помните, что теперь наша судьба в наших же руках.

Информация Военно-революционного штаба Ольгинского уезда, 26 апреля 1919 г. [1]

Восстание началось с января месяца. Сначала были мобилизованы все от 18 до 50 лет, но после первых столкновений пришлось выделить только добровольцев, главным образом, молодежь. Со времени восстания было очень много мелких стычек, в которых противник потерял более 200 человек и много раненых. Сперва чувствовался недостаток патронов и оружия, теперь этот недостаток устранен, т. к. нам на помощь пришел город. К марту месяцу наши отряды представляли сильную угрозу для противника. В конце марта к нам вышел Ольгинский отряд. В первых числах апреля произошло соединение всех отрядов Ольгинского уезда, когда и явилась необходимость создать единый руководящий орган, который был создан в лице Временного военно-революционного штаба Ольгинского уезда, куда вошли представители всех отрядов. Вся полнота власти в уезде, как военная и гражданская, была передана Вр. военно-рев. штабу, который руководит сейчас всей деятельностью уезда до созвания обще-уездного съезда крестьян.

В наших руках находится весь Ольгинский уезд, за исключением двух больших сел: Шкотово и Владимиро-Александровск. В последнем противник окружен со всех сторон. Шкотово окончательно отрезано от уезда, т. к. оно граничит с Никольско-Уссурийским уездом. Кроме этого в нашем ведении находится и несколько сел в Никольско-Уссурийском уезде. Мы непосредственно связаны телеграфом с Анучино. Там имеется так же довольно сильный отряд, куда и вошла часть Ольгинского отряда в количестве 80 человек. Туда посланы наши организаторы для более плодотворной работы и тесной связи с ними.

Мы непосредственно связаны с городскими владивостокскими рабочими организациями, которые нам оказывают поддержку как материальную, так и живой силой. Сейчас Владивосток связан со всеми имеющимися организациями в Сибири.

Считаем нужным сообщить о положении дел в западных от нас губерниях. В Амурской области сейчас имеется регулярная армия в 6 000 человек, вооруженных пулеметами и орудиями, с достаточным количеством патронов и всех припасов. Амурская железная дорога стоит, там оперировали сильные японские отряды, которые уничтожались целыми батальонами, как было под станциями Юхтой и Бочкарево. Японцами было сожжено несколько сел, как-то: Ивановка уничтожена совсем и др.

В Забайкальской области имеется 14 отдельных советских отрядов, с которыми семеновские полки бороться не в силах. Там принимают участие в восстаниях преимущественно казаки, даже есть из семеновских полков. Тоже самое происходит и в западных губерниях Сибири...

[1] ЦАОР, ф. 3453, д. № 1, л. 130.

Приказ командующего партизанскими отрядами Сучанского района, 29 апреля 1919 г.[1]

Банды Колчака, разбитые нашими доблестными партизанскими частями под дер. Перетино[2], оставив 80 человек убитых и 75 ранеными, очистив Владимиро-Александровское, ушли во-свояси, потеряв надежду на уничтожение наших отрядов. Ольгинский уезд совершенно очищен от разбойничьих отрядов. Теперь некому вас, товарищи крестьяне, отрывать от ваших хозяйственных работ, никого нет здесь, в ваших деревнях. Поэтому предлагаю быть спокойными и приняться снова за свои работы, помня, что мы не разойдемся до тех пор, пока не завоюем окончательно свободу, и будем охранять вас.

Честные борцы за идеалы свободы, ваши сыновья до конца будут стоять на страже завоеваний революции.

(подпись)

Приложение к газете «Вестник Партизана» № 5, 4 мая 1919 г.[3]

С. Фроловка. На работу в этот день никто не поехал. Уже в 9 часов утра можно было увидеть на улице празднично одетые толпы народа. Даже дети каждый с маленьким красным флагом шли на праздник. Рельефно выделялся флаг у одного мальчугана на длинном шесте с лозунгом: «Да здравствует свободная школа». Все спешили к волостному совету. Затем с красными флагами, пением революционных песен направились по улицам. После манифестации толпа остановилась опять у волостного совета. Начался митинг, продолжавшийся около четырех часов. По окончании митинга все присутствующие были приглашены к столам, убранным всевозможными кушаньями.

Д. Сергиевка. Подобно многим другим селам и Сергиевка отпраздновала праздник свободы, праздник труда 1 Мая. Толпа крестьян с красными флагами и пением революционных песен, говорила о готовности и старых и малых бороться и поддерживать борьбу за восстановление всеобщего равенства, братства и свободы.

Была вынесена трудовым крестьянством следующая резолюция:

«Сознавая всю важность момента и зная все зверства, чинимые бандитами Колчака, мы категорически заявляем, что мы никаких самозванных правительств не признаем и не сложим оружия до полной победы над врагом русской революции, т. е. до восстановления власти советов, власти трудящихся. Да здравствует власть трудящихся. Да здравствуют советы рабочих и крестьянских депутатов».

д. Хмельницкая. После полудня у школы выстроился находящийся там отряд партизан. Сюда же собрались и граждане деревни с красными флагами и с пением марсельезы. «Смело, товарищи, в ногу» направились по деревне. Остановились между прочим у хаты расстрелянного колчаковцами крестьянина и пропели похоронный марш. После манифестации подошли опять к школе и устроили небольшой митинг.

д. Казанка. Малые и старые собрались в половине дня в школе. Красный флаг с лозунгом: «Да здравствует объединение трудящихся всего мира» был поднят одним из присутствующих. Детям были розданы небольшие красные флажки. С пением революционных песен двинулись по направлению кладбища, где на братской могиле погибших борцов были произнесены речи. Ораторы в своих речах разъясни-

[1] ЦАОР, ф. 965, д. № 4, л. 1.

[2] Бой под деревней Перетино произошел 24 апреля 1919 г. Бой был ожесточенный, продолжался около 7 часов, в бою принимала участие артиллерия.

[3] ЦАОР, ф. 3455, д. № 4, л. 9. Газета «Вестник партизана» издавалась Временным Военно-рев. штабом партизанских отрядов Ольгинского района. Газета размножалась на машинке.

ли сущность праздника, отношение к моменту и призывали трудящихся к объединению в борьбе за идеи Советов. Далее шествие направилось вдоль улицы по селению и до конца деревни, а затем обратно. Общее впечатление от праздника очень хорошее.

В отряде. Часть Сучанского отряда, находящегося в Екатериновке, с красными знаменами в сопровождении крестьян последовали на кладбище, где над могилою жертв недавнего нашествия колчаковских банд почтили пением похоронного марша память борцов. Многие плакали... Из Катериновки этот отряд направился в Голубовку, где тоже говорились речи и пелся похоронный марш над могилой здешних жертв. Отсюда эта часть Сучанского отряда вошла во Владимиро-Александровское, где произошло соединение всех отрядов Сучанского района. Крестьяне устроили партизанам обед под открытым небом. К вечеру прибыл Новолитовский отряд, которому была устроена встреча. Таким образом, к вечеру все отряды Сучанского отряда собрались вместе. Вообще праздник первого мая прошел хорошо. Настроение как в отряде, так и у крестьян, приподнятое.

На Сучанском руднике. К празднику первого мая, к празднику труда и интернационала товарищам рабочим пришлось долго готовиться, так как масса было препятствий, то с красным флагом союзное командование не позволит идти, то лозунги для союзного командования не подходящи, то, чтобы корейцы в манифестации не участвовали и не выносили своих флагов. Ни на одну уступку товарищи рабочие не шли, заявив, что встречать праздник они будут так, как им нужно. Американцы поставили караул около японской казармы с пулеметами.

В 11 часов манифестация двинулась, но была предупреждена американским командованием не ходить мимо японских бараков. Но рабочие и на эту уступку не пошли, а шли по определенному направлению. По пути присоединились рабочие номера второго [1]. Раздалось громовое ура из грудей воодушевленных товарищей и затянулись революционные песни. По направлению к вокзалу присоединились рабочие № 10[2] товарищи корейцы, двигавшиеся с корейской слободки и товарищи железнодорожники. На вокзале манифестантов встретила духовая музыка. Вокзал, паровозы, вагоны, были украшены красными флагами, отсюда под громовое «ура» и пение революционных песен шествие направилось на площадь, где начался митинг, продолжавшийся до двух часов. После русских ораторов говорили корейцы, высказывая между прочим горести и обиды, какие наносила и продолжает наносить Япония. На лицах присутствующих можно было прочесть полное торжество и надежду на победу... Во время речей некоторых ораторов слышались рыдания, очевидно, людей, которым не мало пришлось пережить от нашествий колчаковских банд (на митинге были и крестьяне соседних сел).

Резолюция Временного военно-революционного штаба Ольгинского уезда по докладу представителя от Сучанских рудников, 22 мая 1919 г. [3]

Заслушав доклад представителя от забастовавших Сучанских рудников, и принимая во внимание, что забастовка вызвана исключительно тяжелым политическим и экономическим положениями рабочих, и что стадия борьбы с угнетателями безусловно требует этого, революционный штаб Ольгинского уезда всецело поддерживает забастовку рабо-

[1] Шахты № 2.
[2] Шахты № 10.
[3] ЦАОР, ф. 3455, д. № 3, лл. 12—13.

чих и признавая ее своевременной и последовательной по ходу истории движения против угнетателей, олицетворяя собою верховную власть на освобожденной территории от банд, именующего себя верховным правительством Колчака, настаивает перед американским и японским командованием:

1) на немедленном отводе всех войск без исключения, как с территории Сучанских рудников, так и со всех пунктов узкоколейной железной дороги от Сучана до Кангауза и на полном воспрещении передвижения войск правительства Колчака от станции Угольной до станции Кангауз, 2) на предоставлении полной свободы передвижения по упомянутым дорогам населению Ольгинского уезда, 3) на свободном закупе и провозе товаров и продуктов в этот уезд, ибо последнее абсолютно запрещено узурпатором власти Колчаком, 4) на передаче всех работ упомянутых рудников в полное ведение рабочих данных промыслов, 5) полная неприкосновенность работ Сучанского рудника, пока таковой находится в сфере влияния союзников. Изложенные пункты будут всемерно отстаиваться.

Из резолюции по текущему моменту 5-го пленарного заседания I съезда трудящихся Ольгинского уезда, 30 июня 1919 г.[1].

I съезд трудящихся Ольгинского уезда заявляет, что с момента выступления на Дальнем Востоке чехо-словаков и, так называемого, Сибирского правительства, все завоевания Великой Российской Революции, все права рабочих и крестьян отняты, что с уничтожением на местах власти Советов, крестьянство и рабочий класс поставлены в положение дореволюционное, что с воцарением правительства адмирала Колчака, по всей Сибири проводится против рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции белый террор: массовые убийства, расстрелы населения, уничтожение целых деревень огнем и мечом, заставило все трудовое население подняться на защиту своих политических прав с оружием в руках.

Декларация союзников об интервенции и невмешательстве во внутренние дела были сплошным лицемерием и ложью. Сибирская железная дорога находится в руках союзников, а рудники и другие самые важные отрасли промышленности захватываются ими силою. Доставка оружия, снарядов, вооружения и снаряжения, а также денежная помощь кровавому адмиралу Колчаку, участие их в борьбе с советскими войсками на севере России, Кавказе, в Западном крае, Сибири и на Дальнем Востоке не дает возможности восставшему народу сбросить немедленно Колчака и его приспешников и установить строй, необходимый трудовому народу России.

Городские и земские самоуправления и правые социалистические организации при существовании Советской власти стали на ложный путь борьбы с народной властью, вели агитацию совместно со всеми контрреволюционными, буржуазными и офицерскими организациями, призывая вмешательство союзников и чехо-словаков — были и останутся виновниками свержения истинной народной власти Советов, а потому постановили:

1) называющее себя Всероссийским правительством (Омское) считать врагом народа и беспощадно с ним бороться. Единственной властью в России признать Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих и крестьянских депутатов и Совет Народных Комиссаров — власть, служащую интересам трудового народа всего мира и находящуюся в г. Москве.

[1] ЦАОР, ф. 3455, д. № 2, л. 27.

2) Признавая, что только борьбою со всеми силами, противодействующими восстановлению народной власти — Советов, мы можем достигнуть желанной цели, что вмешательство иностранных войск в российские дела: расстрелы рабочих и крестьян, произведенные ими в Сибири, Забайкалье, Амурской и Приморской областях — заставляет рабочий класс и всех трудящихся выступить с оружием в руках — I уездный съезд трудящихся Ольгинского уезда требует немедленного освобождения местностей, занятых иностранными войсками и вывода их из пределов России, Сибири и Дальнего Востока.

3) Восстановить во всем Ольгинском уезде Советы рабочих и крестьянских депутатов, избрав на съезде уездный Исполнительный Комитет, коему передать всю полноту власти в уезде.

Протокол 6-го заседания I съезда трудящихся Ольгинского уезда, 30 июня 1919 г. [1]

На повестке дня: 1) Организация власти и 2) Мобилизация. Оглашается журнал и протокол первого заседания съезда трудящихся Ольгинского уезда и утверждаются. Оглашается внеочередное заявление корейских делегатов о предоставлении мест в уездном Исполкоме корейцам. Решено обсудить при разработке конструкции и организации исполкома. Обсуждается протокол организации Ольгинского Исполнительного комитета.

Утверждаются следующие комиссариаты при Исполкоме: 1) Военный, 2) Внутренних дел, 3) Народной охраны, 4) Национальный отдел, 5) Финансовый, 6) Продовольственный, 7) Здравоохранения, 8) Народного хозяйства, 9) Народного просвещения и 10) Юстиции.

Кроме того, предложено съезду послать двух представителей в областной революционный комитет, что и принято. Съезд признал областной революционный комитет как таковой, по следующей резолюции:

Временный областной революционный комитет в Анучино, избранный повстанческим населением Никольск-Уссурийского и Иманского уездов и представителей Временного военно-революционного штаба Ольгинского уезда, признать временным областным органом власти и приступить немедленно к подготовке созыва областного съезда Советов и партизан для выбора постоянного областного органа власти.

Объявляется перерыв на ¼ часа.

Заседание открывается и зачитывается протокол № 2 и утверждается. Вопрос о мобилизации обсуждается при закрытых дверях. Командиром т. Лазо предложена конструкция организации отрядов, каковая голосуется в целом с поправками — принимается [2].

По вопросу о мобилизации после продолжительных прений принята следующая резолюция, предложенная тов. Губельманом [3].

Съезд трудящихся постановляет: в тот момент, когда Исполнительный Комитет Советов найдет необходимым призвать население к оружию для борьбы с колчаковцами и с теми, кто их поддерживает, никто не имеет права от этого отказаться. Все немобилизованные в настоящее время должны находиться в рядах партизан. Все, кто отказывается от исполнения настоящего постановления, будут считаться врагами восставших трудящихся и будут преданы революционному суду.

Председатель Губельман

---

[1] ЦАОР, ф. 3455, д. № 2, л. 22.

[2] См. следующий документ.

[3] М. Губельман был членом Дальневосточного краевого комитета СРС и К депутатов, одним из руководителей дальневосточного краевого комитета РКП(б) и организатором партизанского движения в Приморье. На Сучан был послан временным военно-революционным к-том Приморской области.

Основные положения об организации и управлении партизанскими отрядами Ольгинского уезда, утвержденные (по докладу т. Лазо) I съездом трудящихся Ольгинского уезда, 30 июня 1919 г.[1]

1) Партизаны организуются в отряды в том районе, где они выступили. Каждый отряд делится на роты.

Во главе отряда стоит командир отряда, избранный партизанами самого отряда; хозяйственными делами ведает избранный начальник хозяйственной части или отрядный комитета, причем последний выделяет лицо, ответственное за ведение хозяйственных дел — начальника хозяйственной части или председателя отрядного комитета.

Съезд выражает пожелание, чтобы отряды, которые не имеют комитетов, приступили к организации таковых.

2) В случае, если это представляется необходимым, производится объединение всех отрядов, действующих в определенном районе. Отряды выбирают командующего районом и, если нужно, начальника районного штаба, каковые утверждаются Революционным Исполнительным Комитетом Советов.

3) Во главе всех отрядов уезда стоит командующий отрядами уезда, избранный Революционным Исполнительным Комитетом Советов и утвержденный партизанами всех отрядов, если это позволяет положение фронта.

4) В случае выбора нового начальника отряда, последний по избрании его партизанами должен быть утвержден Революционным Исполнительным Комитетом Советов.

5) Весь командный состав подчинен Революционному Исполнительному Комитету Советов. Последний имеет право отстранить от занимаемого места или предать суду каждого командира или начальника штаба.

6) Партизанские отряды организуются на началах строгой дисциплины, каждый отряд подчинен своему командиру, а все отряды непосредственно подчинены командующему уезда и начальнику уездного штаба.

7) Командующий отрядами самостоятелен в исполнении боевых операций, но в отношении общих целей и задач он ведет работу согласно указаниям Революционного Исполнительного Комитета Советов.

8) Все лица командного состава не имеют права вмешиваться в гражданские дела населения и в отношении последнего могут издавать только те приказы и распоряжения, которые вызваны военной необходимостью и в свою очередь должны оказывать содействие военной силой местным гражданским властям, если таковые потребуются для поддержания общественного порядка.

Председатель съезда Губельман.

Из протокола 9-го заседания I съезда трудящихся Ольгинского уезда, 2 июля 1919 г.[2]

Зачитывается протокол секции народного хозяйства, следующий:

О лесных богатствах. После освещения со всех сторон этого вопроса, принята резолюция т. Губельмана с поправками: лес является достоянием Российской Федеративной Советской Республики. Хищническое уничтожение его, имевшее место до настоящего времени, впредь не должно быть. В целях охраны его необходимо: 1) при создаваемых волостных и сельских комитетах земельных, предлагается открыть

[1] ЦАОР, ф. 342, д. № 7, л. 77. Заголовок подлинника. Приложение к протоколам № 6 пленарного заседания съезда.

[2] ЦАОР, ф. 3455, д. № 2, лл. 23 об.— 26 об.

отдел, в ведении коего должен находиться весь лес. Отдел этот назвать лесным.

Земельные угодия. По обсуждению всесторонне этого вопроса, принята резолюция т. Губельмана при одном воздержавшемся: Российская революция разрушила класс помещиков, державших в своих руках земли, и выдвинула одно из условий работ на земле, а именно, что право на землю имеет тот, кто ее обрабатывает собственным трудом. Но принимая во внимание, что в данное время на местах пользовались старыми законами и была произведена сдача земли в аренду корейцам и китайцам, секция постановила: в настоящем году сданную в аренду землю использовать тем, кто ее обрабатывает, с сохранением арендных условий. Для урегулирования земельных отношений на местах образовать земельные комитеты, волостные, сельские и уездные согласно закона Совета Народных Комиссаров (Комиссариата земледелия).

Секция постановляет в основу работ съезда о земельных комитетах положить основной закон о социализации земли, принятый Всероссийским Съездом Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Земля является собственностью и достоянием всего трудового народа и не может быть продаваема.

Морские промыслы. Обсудив вопрос всесторонне, принять резолюцию тов. Губельмана с поправками: так как земля, лес, морские и речные промыслы являются достоянием всего населения Советской России, секция постановляет: никакие загородки и заездки в устьях моря и рек, а также и все приемы преграждающие свободное передвижение рыбы по рекам, что является хищническим способом уничтожения рыбных богатств, немедленно уничтожить и всех кто будет впредь это делать, привлекать к народному суду. Речная и морская ловля для своих нужд разрешается во всех местах совершенно бесплатно так же как и ловля рыбы в море. Рыбопромышленники, как речные, так и морские, должны быть обложены налогом на общественные нужды.

Горные промыслы. Обсудив вопрос со всех сторон, принять следующую резолюцию т. Губельмана: земли, все богатства, находящиеся на ней и в недрах ее, есть достояние Советской России. Все застолбленные промыслы, т. е. открытые руды, как разрабатываемые, так и не разрабатываемые считаются народным достоянием и передаются в ведение и распоряжение Совета Народного Хозяйства. Совету Народного Хозяйства принять все меры к охране имущества (машин, материалов, инструментов и т. д.), находящегося на рудниках. Совет Народного Хозяйства должен принять меры к изучению всех рудников и заводов, обрабатывающих руду и не работающих, для подготовки их работе. Рудники, работающие в данное время, не закрывать, а продолжать на них работать в пользу народа.

Конфискации, наложение контрибуций и реквизиции. Обсудив всесторонне вопрос, принять резолюцию: Конфискации подвергается имущество контр-революционеров, сулеваров, спиртоносов, спиртогонов и подобных им лиц по постановлению Народного суда. Конфискация взыскивается с буржуазных элементов по постановлению Народного суда. Реквизиции подвергается всякое имущество и предметы первой необходимости, согласно постановления Исполнительного Комитета, для общих нужд населения и военных целей. Примечание: при конфискации и реквизиции принять меры сохранения культурных ценностей, например: образцовых усадеб, садов, породистого скота, оленевых питомников, пчельников, книг и др. богатств. До решения суда, на имущество налагается арест соответствующими властями.

Председатель Губельман.

Бюллетень № 10 штаба партизанских отрядов Ольгинского уезда, 20 июля 1919 г.[1]

На Сучане

Отношения крестьянства. Товарищи крестьяне Ольгинского уезда первые поднявшие красное знамя восстания против банд Колчака, оказывают всемерную поддержку товарищам рабочим. Они разбирают их семьи, размещают по квартирам, заботятся о продовольствии, вывозят с рудника — словом оказывают самую широкую поддержку.

Провокация, как мера к срыву забастовки. Помимо всех репрессий, применяемых союзным командованием, управление копями пытается в городе произвести набор новых рабочих под благовидным предлогом, якобы недостатка рабочих рук. Рабочие нанимались, их садили в поезда и отправляли на рудник, но прибыв на Кангауз и ознакомившись с положением дела, они отправлялись обратно.

Новый командующий партизанскими отрядами тов. Лазо, командовавший ранее всеми красными силами, действовавшими на Забайкальском фронте против Семенова, ныне назначен главкомандующим всеми партизанскими отрядами Приморской обл.

Об уездном съезде. Первоначально уездный съезд предполагалось открыть во Владимиро-Александровске, но когда делегаты прибыли туда, то им было от имени Революционного штаба сообщено, что съезд переносится дальше, а куда — это станет известно во Фроловке. Оказалось, что владивостокская колчаковская банда намеревалась съезд разогнать. Прибыв во Фроловку, получив по паре ул и переночевав, делегаты направились по указанию штаба в Сергеевку. Здесь всех делегатов распределили по дворам. И здесь решено было открыть съезд. В течение съезда делегаты пользовались бесплатным столом и квартирой, а по пути еще подводами. Вообще население как к делегатам, так и к партизанам относилось весьма сочувственно.

Съезд открылся 27 июня. Делегатов собралось с правом решающего голоса 125 человек и представляли они собою население в 42 315 человек. Корейские делегаты представляли собою население корейцев уезда 15 000 человек. Делегатов крестьян было 95 чел., а остальные были учителя, рабочие, партизаны, представители гор. Владивостока и др. Все вопросы на съезде возбуждались с серьезным отношением к делу и большим вниманием. Несколько раз во время съезда делегатами устраивались в дер. Сергеевка манифестации. В годовщину свержения Советской власти во Владивостоке, 23 июня, был устроен митинг в дер. Сергеевке, на котором присутствовали делегаты съезда и граждане д. Сергеевки. На митинге все ораторы высказывались о целях выступления на борьбу и ее результатах и все указывали, как на необходимость создание власти сильной и крепкой — Советов.

Председателем съезда был единогласно избран тов. Губельман, бывший секретарь Краевого Совета. Губельмана съезд избрал для организационной работы в Анучино, где он должен все подготовить к предстоящему областному съезду Советов. Во Владивостоке, видимо, как земство, так и правые партии придавали большое значение нашему съезду и послали своих представителей. Они сделали доклад о причинах своего прибытия и из доклада видно было, что если крестьяне не признают земство и не заплатят земских налогов, то из-за этого земство лишается возможности получить налоги с буржуев. Крестьяне выслушали эти угрозы и сказали этим делегатам, что земство для крестьян не существует и самим делегатам не дали дальше право голоса. Был и представитель партии социал-революционеров, но и его постигла такая же судьба, как и делегатов от земства. Вообще

[1] ЦАОР, ф. 3453, д. № 1, л. 5.

надо сказать, что на съезде не было ни одного звука, говорящего за земство, хотя бы из страха перед иностранцами. Все были люди бодрые и ясно отдающие себе отчет, что пора смотреть на все открытыми глазами. Те же, казалось, крестьяне, что и прежде по виду, но по мысли, по их желаниям видно, что время сделало свое и крестьянин — обыватель стал революционером, сознательно строющим свою будущую жизнь, если не для себя, так для потомства.

Листовка совета Тетюхе-Ольгинского отряда, 1 августа 1919 г.[1]

В дополнение информации, посланной из-за перевала, сообщаем, что Тетюхе-Ольгинский отряд до сих пор находится в долинах Чугуевской волости, непосредственно соприкасаясь с неприятелем — японцами и колчаковцами. 30 июля японцы и небольшое количество колчаковцев показались в районе д. Цветковки, что в 8 верстах от Чугуевки. Здесь мы совершенно случайно с ними сошлись почти что вплотную и т. к. место было совершенно открытым, то мы под обстрелом неприятеля скрылись, выбрав более удобную позицию.

31 июля неприятель в количестве 500 человек занял с. Чугуевку и сейчас же разослал по всем селам волости приказ, коим он требует фураж и продукты, а также все безусловно оружие, включая дробовики; требует подати за 1918 год и недоимки за прошлые годы. Новобранцев требует пока за 2 года 1898—1899 годы. Все эти требования исполнить в 24 часа. Крестьяне на эти требования откликаются весьма глухо, за исключением той части крестьянства, которых называют «кулаками». Так, крестьяне Соколовки, Сандагоу, Извилинки, Бреевки решили всеми средствами сопротивляться. Молодежь и все, кто имеет оружие выступили против противника. Молодежь безусловно не хочет итти на службу к Колчаку. При занятии сел противником, жители последних разбегаются и японцы и колчаковцы специально распространяют воззвания, в коих уговаривают жителей и партизан не разбегаться при занятии ими сел. Активные действия неприятеля внесли некоторое замешательство среди малодушных и несознательных элементов. Это относится как к мирному населению, так и к партизанам, но нельзя думать, что все погибло; наоборот революционное сознание растет и партизанские отряды действуют по прежнему, как в тылу неприятеля около линии железной дороги, так и непосредственно против наступающего неприятеля. Партизанские отряды избавляясь от трусливого элемента, крепнут в смысле дисциплины.

Товарищи и братья крестьяне! Мы стали на определенную твердую почву — бороться до последней капли крови с врагом трудящихся, с врагом крестьян и рабочих. Мы призываем всех, кто не хочет заклеймить себя позором измены крестьянам и рабочим, борющимся за общие интересы трудящихся, выступить на борьбу с врагом. Ни одного солдата, ни одной копейки, ни одной доли из своего имущества не должно быть дано врагу трудящихся. Это все мы должны помнить и исполнить.

Товарищи! Помощь из России нам идет и в свою очередь мы должны всеми средствами помочь своим братьям крестьянам, стойко борющимся с мировой буржуазией за власть трудящихся. По официальным сведениям Челябинск взят и Омску грозит опасность. Партизанское движение идет по всей Сибири. Мы верим в победу над врагом, почему будем бороться до последнего и всех призываем к этой борьбе[1].

Председатель отрядного Совета Тетюхе-Ольгинского отряда Губельман.

---

[1] В июле 1919 г. колчаковцы и интервенты, получив подкрепление, заставили партизан отступить из Сучанской долины и от побережья в тайгу, в долину реки Улахе. Партизаны закрепились там и занялись внутренней организацией и укрепле-

IV

Сучан в период власти Приморской областной земской управы (январь 1920 г.—декабрь 1920 г.)

К событиям на Сучанском руднике[1]

В последних числах января рабочие рудника были взволнованы упорными слухами о том, что японское командование на руднике намерено попортить насосы, откачивающие воду из рудников, что грозило их затоплению.[2] Слухи эти крайне взволновали рабочих. Затопленные рудники пришлось бы откачивать несколько месяцев, а может быть и совершенно бросить выработку в них.

Необходимо указать, что японский отряд на руднике совершенно терроризовал его рабочее население, под страхом расстрела запрещая всякое даже маленькое собрание рабочих, арестовывая и высылая рабочих по указаниям своей и розановской разведки. Несмотря на страх расстрела, рабочие собрались и решили обратиться за помощью к партизанским отрядам, чтобы спасти государственное достояние от разрушения со стороны японцев. После собрания (27 января) были арестованы пять рабочих и, как главари собрания, были приговорены японским командованием к расстрелу. Рабочие обратились к администрации рудника с просьбой вмешаться и остановить расстрел с указанием, что это вопиющее действие японцев вызовет разрушение всей жизни копей. Благодаря вмешательству администрации рудника расстрелы были приостановлены и приговоренные рабочие были администрацией копей взяты на поруки. Японским командованием было

нием партизанских отрядов, строительством зимних партизанских баз с запасами продовольствия, оружия и одежды, а также организацией политической и хозяйственной жизни местного крестьянского населения. Одновременно шла усиленная подготовка к дальнейшей борьбе и работа по разложению рядов колчаковской армии.

Осенью 1919 г. начинается переход на сторону партизан солдат колчаковских гарнизонов. Так в октябре 1919 г. 200 колчаковских солдат Сучанского гарнизона со всем вооружением перешли на сторону партизан. 2 декабря 1919 г. в с. Казанке восстало около 400 человек колчаковского гарнизона; перебив 12 офицеров и захватив 2 пулемета, гарнизон присоединился к партизанам Сучанского района. 28 декабря 1919 г. восстал белый гарнизон в Шкотово. Восставшие перебили офицеров и захватив с собой 14 пулеметов, патроны и обмундирование, также перешли к партизанам Сучанского района. Во Фроловке из крестьян и перешедших к ним колчаковских солдат образовался I Дальневосточный полк с 5 пулеметами.

Партизаны развивают наступательные действия. 7 января 1920 г. ими взят г. Ольга. 26 января партизаны и восставшие колчаковские части взяли Никольск-Уссурийск. В эти же дни партизаны заняли шахты Сучанского рудника, захватили Шкотово и 30 января г. Иман. В ночь на 31 января 1920 г. во Владивостоке, под руководством большевиков, рабочие, партизаны и восставшие солдаты колчаковской армии свергли власть «командующего войсками Приамурского военного округа и главного начальника Приамурского края» колчаковского генерала Розанова. Вслед за тем произошло свержение власти колчаковцев на Амуре. 5 февраля 1920 г. был взят Благовещенск. 16 февраля революционными частями, отправленными из Владивостока, был взят Хабаровск. Из Прибайкалья и Забайкалья белогвардейцы были изгнаны позже.

[1] Выписка из газеты «Красное Знамя»; орган Дальне-Восточного Комитета Российской Коммунистической Партии (большевиков), 13 февраля 1920 г., № 4.

[2] Эти слухи с провокационными целями распространялись самим же японским командованием, которое видело, что дни его пребывания в Приморье сочтены. В последних числах января 1920 г. партизаны Приморья вплотную подходили к пунктам, где находились интервенты и белогвардейцы. На западе Сибири Колчак был разгромлен, а во Владивостоке 24 января восстал колчаковский егерский полк, остальные колчаковские части также были ненадежны. Вот в этой-то обстановке японцы и распространяли слухи о порче насосов на рудниках и о их затоплении, думая запугать рабочих, т. к. сучанский уголь был абсолютно необходим для жизни края.

выпущено после этого объявление, что хотя пять заличщиков рабочих, благодаря ходатайству администрации и отданы на поруки, но при первой попытке рабочих устроить какое-либо собрание арестованные будут немедленно расстреляны. Дальше в объявлении говорится, что если рабочие по прежнему будут оставаться большевиками и находиться в сношениях с партизанскими отрядами, то им всем угрожает расстрел, и чтобы не было невинных жертв командование предлагает рабочим заранее вывести женщин и детей, предупреждая, что взрослому мужскому населению рудника выезжать с рудника воспрещается.

В таком напряженном состоянии — опасения всеобщего расстрела и разрушения производственной жизни — держит японское командование рабочих главных рудников, питающих своим углем ж. д. магистраль. Долго ли будет так? Когда это наконец кончится? Вот какие вопросы задают рабочие рудника.

Сучанские угольные копи [1]

Восьмого февраля с. г., по инициативе приехавших из Владивостока двух делегатов, было созвано общее собрание служащих и рабочих сучанских рудников в Народном доме.

Присутствовало до двух тысяч человек. По избрании президиума собрания и принятии повестки дня — была почтена память погибших в революции вставанием и пропет похоронный марш.

Приехавшим был сделан доклад о текущем моменте и событиях во Владивостоке и передаче власти Земству.

Рабочие и вообще все население очень радостно и восторженно приветствовало переворот и учтя натянутость международных отношений всецело присоединились к резолюциям Центр. Бюро профессиональных союзов и владивостокских организаций Российской Коммунистической Партии (большевиков) [2].

По вопросу местной рудничной жизни была принята особая резолюция — приветствующая владивостокский переворот, призывающая к спокойной, дисциплинированной выдержке и к организационному строительству по воссозданию своих политических и экономических организаций.

Затем был рассмотрен второй пункт повестки дня: вопрос организации рудничного рабочего комитета, как административно-руководящего органа Сучанскими копями.

Приняты положения существующего в 1918 г. комитета, но за отсутствием многих на собрании (многие были не оповещены) и за поздним временем выборы комитета были отложены на 9 февраля.

До сих пор хозяином рудников, по разрешению политических и экономических вопросов был японский майор Ханагаси, без разрешения которого переход с шахты на шахту, въезд или выезд с рудника, не говоря уже о каких бы то ни было собраниях, был совершенно запрещен. После двухчасовых переговоров с майором делегатам [3] удалось добиться: 1) невмешательства в хозяйственную и правовую жизнь рудников; 2) беспрепятственного ввода объединенного

---

[1] Выписка из газеты «Красное Знамя», 19 февраля 1920 г., № 9.

[2] Учитывая своеобразность международной обстановки, Дальневосточный Областной Комитет ВКП(б) считал, что в тот момент власть в городах Дальнего Востока могла перейти только к Приморской областной земской управе.

[3] Приехавшим из Владивостока.

партизанского отряда Сучанской долины на рудники для охраны и 3) по всем вопросам сноситься только с рудничным комитетом, как главным органом рудников.

10 февраля названный отряд в числе 300 человек вступает на рудники и числа с 15 февраля, по восстановлении всех частей, снятых партизанами с подъемников, надо полагать, что рудники заработают полным темпом.

Очень характерно, что когда население узнало о вступлении партизан на рудник, то в тот же день стали все усиленно готовиться к организации встречи манифестацией; заготовлять красные флаги, банты и образовали духовой оркестр, разрушенный реакцией.

Обращение Сучанского рудничного комитета ко всем рабочим и служащим Сучанского предприятия, 13 февраля 1920 г. [1]

Товарищи!

Владивосток и железная дорога просят нас о скорейшей помощи подачей нашего угля. Рудничный комитет отвечает на обращенные к нему просьбы товарищей обещанием приложить все усилия, чтобы в ближайший срок эту помощь оказать и поставить добычу угля в наибольших размерах.

Отвечая так, рудничный комитет принял на себя ответственность в выполнении обязательств в твердой уверенности, что готовность его притти скорее на помощь освобожденному краю, продолжающим борьбу товарищам разделяется всей нашей сучанской трудовой семьей. Рудничный комитет не допускает для себя возможности сомневаться в том, что все товарищи рабочие и служащие, каждый на своем трудовом посту, сделает все, что в их силах, чтобы выполнить свой долг пред революцией и содействовать своим трудом закреплению достигаемых тяжелой борьбой побед.

Внося здесь на месте свой труд с готовностью всей жертвы, на которую способны только трудящиеся, мы будем могучим оплотом возрождающейся новой жизни в области. Все на работу, товарищи! Медлить и размышлять некогда. Работы много, работы большой.

Необходимо в кратчайший срок восстановить правильное движение по нашей рудничной дороге, чтобы начать вывозку угля и подвезти на рудник продовольственные продукты и материалы, необходимые в работах.

Теперь же без промедления нужно приступить к заготовке лесных материалов и подвозке их на рудник насколько позволят условия, нужно продолжать добычу угля и усиливать ее по мере подвозки материалов.

Нигде не должно быть застоя. Медлительность была бы преступлением против великой революции, преступлением пред лицом всей борющейся пролетарской России, пред памятью погибших товарищей.

К делу товарищи!

Сучанский рудничный комитет.

Предписание Сучанского рудничного комитета управлению копей, 17 февраля 1920 г. [2]

Предлагается вам к обязательному исполнению постановление рудничного комитета от 15 февраля:

Восстанавливаются в правах все служащие и рабочие Сучанского предприятия, уволенные и отстраненные от работы за период со вре-

[1] ЦАОР, ф. 4273, д. № 7, л. 170.
[2] Там же, л. 168.

мени чехо-словацкого выступления по 1 февраля 1920 г. за политические убеждения, за работу в профессиональных организациях и забастовки, за исключением тех лиц, которые со времени их увольнения утратили право на такое восстановление по юридическим или моральным основаниям.

Вопрос об уплате содержания указанным лицам за время вынужденного бездействия будет разрешен в соответствии с общим решением по этому вопросу Временного правительства.

Председатель рудничного комитета (подпись)

На Сучанском руднике [1]

На общем собрании трудящихся 11 марта единогласно вынесена резолюция, в которой приветствуется постановление Областного комитета партии коммунистов большевиков об организации в крае власти Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, как органа, выражающего действительную волю трудового народа.[2]

В этой же резолюции рабочие Сучана требуют немедленной передачи власти земством Советам вообще, в частности, находят необходимым создать на руднике Совет рабочих депутатов. За власть Советов бороться до последней капли крови, даже и в том случае, если придется вести борьбу с интервентами!

События в Шкотово [3]

Приехавшие из Шкотово сообщают подробности японского выступления [4]. Вначале в Шкотово были вполне доброжелательные отношения японцев и русских. Так например, в день празднования русской революции на параде участвовала, хотя и без оружия команда японцев человек в 30—40, с офицером. Столкновений с японцами нигде не было, но за последние 2-3 дня что-то чувствовалось тревожное. В воскресенье 4 апреля вслед за пассажирским поездом, приходящим в часов 11 вечера, часа через полтора или два, т. е. уже ночью, прибыл японский воинский эшелон в 350 человек с несколькими запломбированными вагонами. Выгрузка эшелона совершена была немедленно же ночью. И численность японцев с прибытием эшелона достигла до 850 человек. Видимо с эшелоном прибыл беспроволочный телеграф, так как теперь он установлен и работает.

В ту же ночь, т. е. под утро в пять часов с половиной или пять три четверти часа утра, начался сильный пулеметный и бомбомет-

[1] Газета «Красное Знамя», 20 марта 1920 г., № 31.

[2] По требованию трудящихся масс Советы возникали в ряде мест Дальнего Востока. 3 апреля 1920 г. открылся Владивостокский совет, на котором с замечательной речью выступил руководитель дальневосточных партизан С. Лазо.

[3] Газета «Красное Знамя», 16 апреля 1920 г., № 51.

[4] К 1 апреля 1920 г. все империалистические державы решили вывести свои войска из пределов Дальнего Востока, кроме японских захватчиков, которые продолжали борьбу, сменив разговоры о «помощи чехо-словакам» открытым заявлением об отказе убрать войска с нашей территории и о борьбе с пролетарской революцией. Эта борьба на языке захватчиков называлась «улаживанием политического положения».

В ночь с 4 на 5 апреля японские бандиты напали на революционные войска во Владивостоке. Одновременно нападение было совершено повсюду вплоть до Хабаровска, причем японские бандиты нагло заявили всему миру, что революционные войска напали на их части, однако эта клевета сразу же провалилась, так как мирная позиция наших войск была очевидной. Войска имели приказ командования не вступать в бой с японцами.

Попытка японцев создать в Приморье реакционную власть не удалась. Но они не отказались от мысли создать из Приморья «черный буфер» и в дальнейшем попытались осуществить это намерение, но были биты.

ный огонь. Огонь продолжался часа полтора почти без перерыва, причем появлявшиеся на улице жители осыпались огнем. В селе в это время японцы не появлялись. Ночью же в 2 часа на почте прибывшими японцами был снят телеграфный аппарат, причем служащим было приказано не передавать об этом никому. По окончании стрельбы японцы днем появились в селе и обходя дома производили обыски, ища большевиков по какому-то имевшемуся у них списку. Между прочим с началом стрельбы почти половина населения погрузилась на подводы и ушла в сторону Романовки.

На следующий день, т. е. 5 апреля, можно было узнать, что произошло в Шкотово. Японцы допустили убирать раненых, уже собранных ими в одно место. Раненых всех было, видимо, около 100 человек. К раненым же оставшимся в сопках и в болоте японцы не допускали и, кажется, не допускают и по сие время. Раненых поместили в земскую больницу, в мировой суд и в школу. Из разговоров с ранеными выяснилось, что беспокойное состояние чувствовалось уже с того момента, когда японцы стали усиленно упражняться с ружьями. Солдаты ничего со стороны японцев не ожидали и никаких к ним со стороны японцев ультиматумов не предъявлялось. После спектакля солдат отпустили всех спать. Солдаты проснулись в казармах от ураганного пулеметного огня в окна казарм и, поняв, что их окружили японцы, пытались, кто отстреливаться, а кто бежать. Однако бежавших косили пулеметом, и много убитых, видимо, еще лежит по болоту за казармами. После этого японцы ворвались в казарму. Убитых в гарнизоне, видимо, больше 300 человек, раненых до ста человек и взятых в плен около 1 000—1 200 человек. Но точно выяснить цифры нельзя, так как японцы собрать убитых и осматривать их по болоту и сопках не допускают. 6 апреля они начали уборку убитых с помощью пленных. Все арестованные бывшей следственной комиссией в Шкотово выпущены японцами.

5 апреля утром рано была вывешена декларация японцев. Не безинтересно между прочим, что привезти ее было нельзя ни 5, ни 4, так как линия была уже попорчена и поезда не пошли. Следовательно она привезена в ночь на 4-е дополнительным эшелоном, т. е. была заготовлена никак не позднее 2-го или 3-го (в праздник). Русский гарнизон в Шкотово был около 2500 человек. Между прочим, по другим данным убитых насчитывается до 119 человек, раненых до 150 чел., арестовано японцами до 1000 человек, которых держали в казармах под охраной и заставляли рыть окопы, недалеко от Шкотово, в горах. 6 числа крестьянин деревни Шкотово Семен Калягин пошел с фельдшерами оказать помощь раненым, которые валялись около казарм, но был арестован японцами и 7 числа его нашли в числе убитых со срубленной головой.

Арестованные Земством, еще до выступления японцев, преступники были освобождены японцами и известен случай, что некоторые из них явились в больницу, где лежали раненые и заявляли, что «вас лечить не нужно, а нужно добивать».

На общем собрании граждан г. Ольги[1]

Заслушав доклад по текущему моменту, в присутствии всего населения гор. Ольги и окрестных деревень, возмущенные предательским выступлением японцев в ночь с 4 на 5 апреля, требуем выполнения

[1] Газета «Красное Знамя», 20 апреля 1920 г., № 54.

всех пунктов, выставленных Временным краевым правительством Дальнего Востока[1].

Заявляем, что мы все встанем на защиту его, по его первому приказу.

Из протокола Сучанского волостного съезда 18 апреля 1920 г.[2]

Слушали: 2) Доклад по текущему моменту.

Постановили: 2) Крестьянство Сучанской долины, пережившие в течение года ужасы гражданской войны, вызванной агентами колчаковской власти, принялись было за мирный труд, но, увы, из печати мы узнали, что на смену внутреннего врага явилась иноземная военная сила, учинив расправу над небольшими ячейками народной армии и мирно трудящимся народом. Выражая свой негодующий протест против насильственных действий японских войск над русским народом, мы крестьяне выражаем уверенность, что рабочий класс Японии и большинство японского народа решительно выступит против японских милитаристов, грозящих разрушить мирное сожительство двух соседних народов и втянуть русский народ в новую кровавую войну. Долой насилие чужеземцев, да здравствует воссоединение с Советской Россией!

Да здравствует краевая власть, признанная съездами трудящихся Дальнего Востока!

Из резолюции по текущему моменту рабочих Сучанских копей[3].

Общее собрание горно-трудящихся Сучанских каменноугольных копей от 12 мая с. г., заслушав докладчиков от правительства Дальнего Востока о положении дел Дальнего Востока постановило:

1) Товарищей докладчиков благодарить за информацию, а также вынести благодарность тем организациям и правительственным учреждениям, кои позаботились и не забыли нас, сучанцев. Надеемся, что и в будущем сучанцы не будут обойдены должным вниманием центра.

2) Еще раз подтвердить постановление общего собрания от 14 апреля, заключающееся в следующем: а) решительно протестовать против предательской политики японцев, организовавших внезапное нападение на нашу армию и наши организации во всей области, в то время, когда велись переговоры между русским и японским трудовым народом; б) мы, сучанцы, часть русского трудового народа, не желаем войны и не питаем никаких враждебных чувств против японского трудового народа, но мы из последних сил будем защищать свою свободу и свои рабочие организации против насильственных действий реакцион-

---

[1] Речь идет о требованиях, декларированных Временным правительством — Приморской земской управой, в связи с бандитским нападением в Приморье японских интервентов на революционные организации и революционные войсковые части.

В основном эти требования были следующие: 1) немедленное возвращение оружия воинским частям и возвращение военных судов; 2) представление объяснений японским командованием своих действий и извинения его за них; 3) немедленное освобождение всех арестованных военных и гражданских должностных лиц и мирных граждан, а также водворение в места заключения всех незаконно освобожденных лиц; 4) освобождение японцами всех правительственных и общественных учреждений, возвращение документов и имущества, и возмещение японцами всех убытков; 5) невмешательство японцев в русские дела, прекращение обысков и арестов; 6) назначение международной комиссии с русскими представителями для всестороннего разбора всего происшедшего.

В связи с этим требованием Приморской областной земской Управы повсюду выражалась поддержка правительству и готовность бороться с японскими захватчиками.

[2] ЦАОР, ф. 5029, д. № 1, л. 19.

[3] Газета «Красное Знамя», 18 мая 1920 г., № 77.

ных империалистов и тех подлых изменников из русских, которые будут действовать вместе с агрессивной Японией; в) мы протестуем против нарушения японскими империалистами наших суверенных прав и вмешательства в наши внутренние дела и против того, что японское командование поддерживает наших русских реакционеров и охраняет их от предания суду русским народом.

3) Призываем всех сплотиться вокруг своих рабочих организаций и правительства Дальнего Востока, организованного на принципах, принятых съездами трудящихся...

4) Сознавая необходимость самодисциплины и выдержки рабочего класса перед лицом громадной опасности, грозящей ему со стороны мировых империалистов, мы призываем всех русских граждан Дальнего Востока к твердому спокойствию и организованности и активной поддержке правительства Дальнего Востока, выражающего действительно волю населения.

5) Требуем немедленного освобождения насильственно захваченных японцами с 4 на 5 апреля с. г. наших передовых товарищей: Лазо, Луцкого и Сибирцева, также категорически настаиваем на немедленном освобождении всех русских пленных.

6) Требуем немедленного вывода всех интервентских войск из Сибири и не мешать русскому трудовому народу строить и создавать свое разрушенное хозяйство.

7) Чтобы выбить почву из-под ног воинствующего японского империализма, мы разовьем в своей работе максимум производительности.

Из циркуляра Технического отдела Облакома РКП(б) всем военным ответственным районным организациям РКП(б), 23 октября 1920 г., г. Владивосток [1]

Ввиду сложившихся за последнее время политических обстоятельств [2], властно требующих быстрой систематизации всей организационной военной работы Технический отдел находит необходимым провести следующие основные положения в жизнь.

1) В каждом селе или деревне района должны быть организованы боевые дружины, во главе которых стоит командир (комвзвода), назначенный ответственным организатором.

---

[1] ЦАОР, ф. 3517, д. № 2, л. 85.

[2] Лето и осень 1920 г. на Дальнем Востоке протекали в весьма сложной обстановке. Партия большевиков в этот период боролась за ликвидацию семеновщины в Забайкалье и прекращение японской интервенции на всем Дальнем Востоке. Международная обстановка и внутренние условия того времени требовали в первую очередь объединения всех дальневосточных областей в единое целое — Дальневосточную республику (ДВР).

Японские империалисты, буржуазия, белогвардейцы при поддержке эсеров и меньшевиков и т. п. «демократов», хотели создать «самостоятельную» ДВР, независимую от влияния РСФСР, короче говоря, они добивались создания «черного буфера».

В октябре было окончательно достигнуто соглашение об образовании ДВР и как приморские «демократы» не юлили, им пришлось помириться с условиями объединения. 29 октября был принят закон о выборах в Учредительное собрание. 9—11 января 1921 г. проходили выборы в Учредительное собрание ДВР. Вскоре делегаты от Приморья уехали в Читу, куда была перенесена столица ДВР. Однако, делегаты, прошедшие в Учредительное собрание от белогвардейско-буржуазных и прояпонских организаций (так называемых несоциалистических группировок,— несосы»), не поехали. Они стали готовиться к своему «съезду». Вопрос о превращении Приморья в «черный буфер» был поставлен открыто. Большевики это предвидели давно и поэтому заблаговременно, на ряду с борьбой на легальной политической арене в городах, проводили конспиративно работу по организации трудящихся масс в городе и деревне. Производились формирования для предстоящей борьбы, организовывалась молодежь, накапливалось в области продовольствие, обмундирование, оружие, строились в тайге базы и т. д. Этой работой руководил Технический отдел и отдел Снабжения Облакома РКП(б) во Владивостоке.

2) Сельские боевые дружины объединяются волостным командиром дружины (ротным командиром), также назначенным ответственным организатором.

3) Ответственный организатор является властью командира батальона, причем он может, если чувствует себя недостаточно подготовленным в военном деле, иметь помощника по строевой части, который при начале боевых действий является техническим (но не фактическим) руководителем воинской части.

4) С получением сего предписывается в интересах достижения дисциплины и боевой подготовки части, ввести обучение строевому делу дружинников каждого села, тщательно конспирируя свою работу (устраивать занятия в отдаленных от сел местах).

Вся ответственность за подготовку к военному делу военных районов возлагается на районных организаторов, которым даются права перемещения комдружин, требуя от них строго руководствоваться существующими воинскими уставами.

6) Для установления строжайшей, но справедливой дисциплины, предоставляются права наложения дисциплинарных взысканий командиру сельской дружины — власть взводного командира, волостной — ротного командира, районной — командира отдельного батальона (командир полка).

7) Для обеспечения себя продовольствием и боевыми припасами в каждом районе устраиваются одна или две (смотря по местности) базы, тщательно законспирированные от населения. Эти базы должны быть напитаны как материалом присланным из центра, так и взятыми ввиде обложения с дружин, а если добровольно пожелает, с населения.

Примечание: Ответственность за своевременное проведение этого пункта, возлагается исключительно на районного организатора.

Предписание Технического отдела Облакома РКП(б) ответственному военному организатору Сучанского района, 5 ноября 1920 г. [1]

События развиваются с головокружительной быстротой, политическая обстановка осложняется. Немедленно произведите реорганизацию ваших громоздких боедружин и приступите к организации по плану, указанному ранее нами (в селах из комячейки выделить тройки, боеячейки или дружины, волость объединяется командиром волост. боедружины и т. д.). Приведите в боевой порядок ваш район и будьте готовы к исполнению всякого приказа. Спрячьте патроны, устраивайте базы.

Техотдел (подпись)

V

Выборы в Учредительное собрание ДВР

Протокол экстренного заседания правления Индустриального союза Сучанского предприятия, 28 января 1921 г. [2]

12) Слушали: О наказе члену Учредсобрания ДВР от Сучана.

Постановили: Послать телеграмму в Читу следующего содержания: в дружной работе с представительством трудящихся использовать Учредительное собрание Дальнего Востока в целях воссоединения с Советской Россией.

[1] ЦАОР, ф. 3517, д. № 4, л. 1.

[2] ЦАОР, ф. 4273, д. № 9, л. 17. Рабочие Сучанских рудников входили в Индустриальный (профессиональный) союз горнорабочих Дальне-Восточной Республики.

Из сведений о расположении японовойск на Сучанском руднике, 15 марта 1921 г.[1]

Японовойск на руднике находится до тысячи человек при 60 конных, 30 пулеметах, 2 бомбометах и 2 орудиях. Все войска сконцентрированы на шахте № 2, расположены на восточной ее окраине. В центре расположения войск, проходит дорога в д. Ново-Веселая. С юго-восточной стороны шахты № 2 господствующая над шахтой сопка укреплена в несколько, вокруг сопки, рядов, ходами с устроенными в них теплыми фортиками и бойницами. Под сопкой с северо-западной стороны в специально выстроенных казармах, размещены войска и часть в примыкающих к данной местности в рудничных казармах и домиках. Пулеметная команда помещается в заразном бараке. Таким образом, расположение войск напоминает нечто в роде военного городка, а судя по укреплению просто форт. Упомянутые сопка и заразный барак являются конечными пунктами расположения войск; эти два пункта возвышенности соединены скрытым ходом. Со стороны шахты, т. е. с запада, укреплена только сопка, с восточной же стороны, на всем протяжении расположения войск, сплошные укрепления: окопы, проволочные заграждения и специально выстроенные из мешков бойницы.

Во Владимиро-Александровске от 150 до 200 человек при 6—10 пулеметах и 2 бомбометов; имеется 2 конных для связи. Укреплены две сопки; Спасательная и Баба, тоже соединены ходом. Войска расположены в прилегающих к упомянутым сопкам выше начальном училище и других зданиях.

По селу по всем направлениям установлены посты.

Данные о состоянии Алексеевской базы в Сучанском районе, 15 марта 1921 г.[2]

Состояние базы[3].

База расположена в одном из правых притоков реки Муладзе[4] верстах в 12 выше д. Алексеевки, состоит из 3-х зимовьев вместимостью 60—70 человек. В окрестности от 3-х до 5-ти верст имеется 3 зимовья приблизительно на столько же человек.

В зимовье, в котором находятся продукты, осенью произведен частичный ремонт, остальные тоже требуют частичного ремонта.

Продуктов в зимовье в настоящее время:

1) муки размол, мешков	11	44 пуда
2) сухарей мешков	24	52 »
3) соли мешков	1	3 »
4) крупы гречневой мешков	1½	6 пудов
5) чаю байхов.	—	40 фунт.
6) чаю прессованного	—	20 »
7) палатка американская	1	1 »
8) патронов трехлинейных	4 ящ.	

Ответственный организатор по организации боедружин по Сучанскому району (подпись).

---

[1] ЦАОР, ф. 3517, д. № 2, л. 166.
[2] Там же, л. 167. Извлечение из документа.
[3] В Сучанском районе в период партизанского движения 1921—1922 гг. партизаны имели в тайге и в горах ряд баз и складов.

Резолюция общего собрания горнорабочих Сучанского предприятия, 25 мая 1921 г.[1]

Заслушав доклад по текущему моменту, мы, рабочие Сучана, шлем проклятье палачам и предателям трудового народа, посмевшим дерзко нарушить создавшуюся мирную жизнь на Дальнем Востоке[2].

После того, как все население Дальнего Востока через своих представителей в Дальне-Восточном Учредсобрании выработало основные законы Республики, дающие право каждому русскому и иностранцу на свободное и мирное существование, в момент, когда самое ужасное зло в Приморье — иностранная интервенция, благодаря целому ряду международных обстоятельств корчится в предсмертной агонии, когда весь

Помимо этих баз и складов почти во всех селах, деревнях, поселках и хуторах у партизан были небольшие склады.

Но, как правило, базы находились вне населенных пунктов и зачастую на значительном расстоянии от них. На базы можно было попасть только плохо проходимыми тропами, идущими по местности, сильно пересеченной перевалами, речками и падями. На базах хранились запасы оружия, боеприпасов, обмундирования, продовольствия, медикаментов. На базе имелись обычно бараки. Некоторые из них иногда могли дать приют целому батальону. На ряде баз находились довольно хорошие лазареты. Помимо этого базы имели склады, пекарни и подсобные предприятия (мастерские, оружейные, слесарные, обувные, пошивочные и др., иногда коптильни, огороды и т. д.). Некоторые базы были связаны со штабами отрядов полевыми телефонами, проводы которых были проведены в глухой тайге и хорошо замаскированы. Крупные базы имели так называемые передаточные пункты с той целью, чтобы через специальных наблюдателей на этих пунктах своевременно обнаруживать приближение врага, контролировать идущих на базу людей.

Белые пытались ходить на базы, но были разбиты партизанами. Японцы никогда не рисковали ходить к партизанским базам.

Алексеевская база в конце 1921 г. была заново построена и оборудована 3 Отдельным Приморским партизанским стрелковым батальоном.

Наиболее хорошо оборудованная база у партизан Сучанского района была Серебрянская

[4] Название реки автором документа искажено. На картах она называется — р. Малаза.

[1] ЦАОР, ф. 3452, д. № 1, л. 2.

[2] 27 мая 1921 г. в городах Приморья — от Владивостока до Спасска включительно у власти оказалось так называемое меркуловское «правительство». Этому перевороту на Дальнем Востоке предшествовали следующие события.

Начиная с февраля политическое положение и без того напряженное стало еще тревожнее. Разбитые в Забайкалье каппелевцы и семеновцы просочились при помощи японцев и местных контрреволюционеров в Приморье.

Все эти белогвардейцы заверяли о своих «мирных» намерениях, о своем «лойяльном» отношении к ДВР и ее властям. Принять меры к ликвидации этого скопления белобандитов по этой причине было невозможно.

Однако, февраль и почти весь март 1921 г. протекли без каких-либо вооруженных попыток со стороны белогвардейцев захватить власть в Приморье.

21 Марта 1921 г. во Владивостоке под охраной японских жандармов открылся так называемый съезд несоциалистических организаций. Главной его целью было примирить враждовавшие между собой белогвардейские группировки, затем сколотить все силы контрреволюции и подготовить захват власти в Приморье, превратить его в «черный буфер». Однако, как ни старались «несосы» объединить все силы контрреволюции, сделать им это не удалось. Наряду с «несосами», во главе которых стояли два брата авантюриста Спиридон и Николай Меркуловы, ориентировавшиеся на каппелевцев, возникло несколько других контрреволюционных организаций, но наиболее влиятельной и сильной была группа меркуловских «несосов», и японская военщина решила воспользоваться ее услугами для борьбы против ДВР.

24 мая каппелевцы подняли восстание в Никольске-Уссурийском и захватили там власть. 26 мая белогвардейцы подняли восстание во Владивостоке. 27 мая наши немногочисленные части, будучи разоружены японскими войсками, отступили.

капиталистический мир конкретно поставил вопрос об изменении своей политики к Дальнему Востоку и всему русскому трудовому народу в сторону мирных соглашений,— палачи трудящихся масс и предатели нашего края дерзко выступают против строющегося мира.

Вам, палачи трудящихся масс, не довольно обильно пролитой крови трудового народа на протяжении четырех последних лет, вам мало горемычных сирот, вдов и калек, созданных вашей защитой родины и капиталистического порядка, вам мало слез, страданий и адских мук кровавого разгула атамановщины на Дальнем Востоке, вам нужны новые жертвы, нужен новый кровавый пир за счет трудового народа — так знайте же, палачи и предатели, мы рабочие Сучана не забыли 19 и 20 года, сумеем отстоять свои права, знайте же, что брошенный вами вызов мы, рабочие, принимаем, и в нужный момент, по примеру товарищей Советской России дадим решительный отпор всеми имеющимися у нас средствами, защищая государство, созданное нами, и правительство, избранное нашими трудовыми представителями в Учредительном собрании Д. В. Р.

Да здравствует правительство Д. В. Р., избранное Учредсобранием!

Долой атамановщину и ее предательские интриги!

Долой иностранную интервенцию!

Из приказа Приморского Ревкома, 29 мая 1921 г.[1]

Комбригу Анучинской, комбату Ольгинского, комсоставу повстанческих отрядов Сучанского района, командиру Владивостокской группы, всем командирам боевых дружин и комячейкам.

I.

С получением сего предписывается все воинские части привести в полную боевую готовность для возобновления боевых действий против захвативших власть преступников, контрреволюционной банды.

II.

Комбригу [Анучинской] немедленно приступить к формированию из повстанцев отдельной части, которую влить в вверенную ему бригаду (из повстанцев Сучанского района).

III.

Комбату Ольгинского приступить к развертыванию батальона в полк и формированию подрывной команды.

IV.

Всем подрывным командам, находящимся при каждой части (где их нет — приступить к формированию), выступить в район жел. дор. как отдельные команды.

V.

Владивостокской группе оставаться временно, впредь до особого распоряжения, в селе Петровка и энергично взяться за вооружение этой группы...

---

[1] ЦАОР, ф. 3488, д. № 1, л. 41.

VI.

Запас продовольствия, находящийся в Ольгинском районе в количестве 12 тыс. пудов муки забронировать, оставляя его в качестве неприкосновенного запаса.

VII.

Комбригу [Анучинской] приступить к формированию китайской роты, развернув ее в отдельный батальон для специального назначения.

VIII.

Всем командирам отдельных частей приступить к формированию при каждой части (батальоне) небольших групп в 10—15 человек из наиболее преданных и отважных народоармейцев, с таким расчетом, чтобы по первому приказу эти группы выступили, как подрывные команды, по линии железной дороги в качестве небольших отрядов.

IX.

Штаб всех войск временно по политическим соображениям оставить в селе Петровке или окрестной деревне.

X.

Командиру Владивостокской группы снестись с комбригом [Анучинской] относительно вооружения отряда пулеметами в количестве 4—6 штук.

XI.

Все кавалерийские отряды свести в отдельный кавалерийский дивизион с временным пребыванием такового на местах, где эти части (отряды) находятся сейчас.

Член Ревкома (подпись).

Из приказа Приморского ревкома № 8 Никольск-Уссурийской и Сучанской организации РКП(б), 30 мая 1921 г.[1]

I.

С момента разоружения наших частей[2], Облаком Р. К. П. сложил с себя полномочия руководящего органа организации области, передав всю работу вновь образовавшемуся Ревкому, распоряжения которого и надлежит теперь исполнять.

II.

С получением сего немедленно приступить к организации всеобщей стачки. Пусть станут все фабрики, заводы, железная дорога, рудники, все правительственные и частные учреждения, за исключением предприятий, вырабатывающих продукты питания, чумно-эпидемических отрядов[3] и больниц, пусть замрет вся жизнь. Пошлите инструкторов в деревни с информацией. Пусть выносят приговора о непризнании власти авантюристов бр. Меркуловых с требованием вывода из городов каппелевских войск и восстановлении в правах власти Областного управления.

Ревком (подпись)

---

[1] ЦАОР, ф. 3488, д. № 1, л. 44.

[2] См. выше примечание на стр. 67.

[3] В Приморье с марта 1921 г. свирепствовала чума. Чумная эпидемия необычайно усилила наши трудности в борьбе против белогвардейцев и японских интервентов за Приморье.

Приказ Примо́рского ревкома № 9.[1].

В случае невозможности выполнить приказ Ревкома № 8 о забастовке, примите меры к снятию и увозу золотников, т. е., не разрушая ничего, необходимо работу на руднике остановить так, чтобы по нашему приказу работа быстро была вновь возобновлена.

Ревком (подпись).

Из приказа Приморского ревкома № 10 [2]

§ 1.

В целях успешной организационной работы по подготовке к вооруженной борьбе с поднявшей голову в Приморской области белогвардейщиной, постановлением Приморского революционного комитета Р. К. П. образовывается временный Военный совет партизанских отрядов Приморской области, коему вручается вся военная власть в области.

§ 3.

Рев. Военсовету предлагается вступить немедленно в исполнение своих обязанностей по проведению в жизнь приказов Ревкома относительно формирования партотрядов, их снабжения и выработки оперативного плана повсеместного нападения на белогвардейщину.

Ревком (подпись).

Из донесения представителей на Сучанском руднике Ревкому, 1 июня 1921 г. [3]

Товарищи!

1) Район Сучана приведен в боевую готовность, создан ударный отряд из рудничных рабочих, которые расположены в районе Гордеевки на случай напора белых со стороны Гордеевки и Ново-Москвы, численностью в 50 винтовок. Отряд этот является постоянным боевым отрядом, который в любое время и место может быть переброшен. В этом же пункте находится до 150 вооруженных крестьян, которые являются резервными и в настоящее время с места не трогаются до момента боевых столкновений. Это количество людей по нашему мнению вполне достаточно для ведения партизанской войны в районе Сучана. Конечно, можно в настоящее время набрать значительно больше, но из этого пользы будет очень мало, во-первых, у нас нет достаточного количества вооружения, а главное патронов, во-вторых, нет запасов продовольствия...

С Анучином у нас восстановлена связь по телеграфной линии выше Мельников в тайге, что дает возможность постоянно и безболезненно сноситься с ними по всем вопросам.

2) Отвечаем на приказ № 9. Остановить работы на руднике есть несколько способов, но самое приемлемое это забастовка, которая не сегодня, так завтра будет объявлена официально, не официально она началась фактически с 27 мая. С этого числа жизнь рудника фактически замерла и угля на Кангауз до настоящего времени не подавалось и не подается до вашего приказа. Рабочие рудника настроены революционно и большинство из них, если не идет в сопки, так расходятся

[1] ЦАОР, ф. 3488, д. № 1, л. 45.
Приказ этот был направлен представителем Ревкома на Сучанском руднике, по-видимому, 30—31 мая 1921 г.
[2] ЦАОР, ф. 3488, д. № 1, л. 46. Приказ относится к 1—2 июня 1921 г.
[3] Там же, л. 7—8.

по ближайшим деревням; вообще, о положении дел на руднике вам пошлют подробные сведения Индустриальный союз и стачком, которые руководят фактически движением. Разоружить машины на руднике едва ли представляется возможным, так как на второй день после выступления белых во Владивостоке все подъемники и железная дорога были заняты японцами, которые выставили посты, а местами выслали патрули по дороге. В общем пока разоружить машины подъемников нет никакой надобности, а в случае появления таковой все это будет немедленно выполнено.

В районе до настоящего времени все спокойно (спокойствие, конечно, в нашу пользу). Как крестьянство, так и рабочие настроены выжидательно в полной уверенности, что придется воевать с белыми бандами. Пока все, информируйте нас чаще.

Отношение Сучанской волостной земской управы консульскому корпусу во Владивостоке, 16 июня 1921 г.[1]

На внеочередном земском собрании гласных Сучанского волостного земства был поднят вопрос об отношении населения к вновь образовавшейся власти в гор. Владивостоке, т. н. правительству Меркулова. Согласно имевшихся у депутатов наказов с мест, собрание единогласно пришло к следующему:

1) Крестьянство данного района признает только правительство, избранное Учредительным собранием в Чите, а также Приморское областное собрание.

2) С образовавшимся правительством Меркулова, каппеловскими и семеновскими шайками, в случае появления их в районе волости, вести ожесточенную борьбу.

Кроме того, собрание поручило мне довести до вашего сведения, что в случае появления в районе волости агентов власти Меркулова, население снимает с себя всякую ответственность за могущие произойти последствия.

Председатель Управы (Подпись).

Листовка Революционного комитета Сучанской долины, 23 июня, 1921 г.[2]

Товарищи крестьяне!

Два с половиной года тому назад, якобы для защиты чехословацких солдат, по просьбе нашей буржуазии появились у нас японские, американские и другие войска. После ухода чехов ушли вслед за ними все иностранные войска, кроме японских, кои под разными предлогами продолжали оставаться на русском Дальнем Востоке, сознательно углубляя разруху и беспорядок, созданный правительством Колчака, дабы довести край до такого состояния, чтобы легче закрепить свое экономическое влияние.

Налаживающаяся у нас жизнь, появление регулярной русской армии[3] беспокоило японское правительство и командование, а главное не давало повода и возможности оставаться здесь с войсками и далее проводить свою работу по разложению русского Дальнего Востока.

---

[1] ЦАОР, ф. 3452, д. 1, л. 13. Копия отношения направлена японскому командованию Владимирско-Александровского гарнизона в низовьях р. Сучана.

[2] ЦАОР, ф. 3452, д. 1, л. 16 и об. Листовка отпечатана на стеклографе.

[3] Имеются в виду партизанские части и революционные войска, восставшие против Колчака и атаманов. Они составили войска Временного правительства Приморской областной земской управы.

Дабы приостановить быстро налаживаемую жизнь, японское командование с провокационной целью 4—5 апреля п/г. предательски напало на наши вооруженные части от Владивостока до Хабаровска, захватило все военное имущество, жел. дорогу и заставило подписать самый тяжелый для нас договор, по которому мы лишаемся возможности иметь в расположении японских войск вооруженную армию, кроме небольшого количества народной охраны.

В течение полутора лет, при особо трудных условиях, когда японцы, пользуясь нашей слабостью, нарушая заключенный ими же договор, создавали гродековцев [1], бочкаревцев [2] и открыто давали возможность русским реакционным группировкам организоваться, а в то же время местному Приморскому областному управлению не давали возможности налаживать хозяйственную жизнь края.

Все же, несмотря на все трудности, упорным трудом постепенно Дальний Восток объединился. Было созвано всенародное Учредительное собрание Дальнего Востока, которым было избрано центральное правительство, выработаны основные законы (конституция) и жизнь начинала налаживаться. В это время японское общественное мнение и международная печать все больше и больше начинают говорить о выводе японовойск из пределов Дальнего Востока и о заключении торговых договоров с правительством ДВР и Советской Россией,— японское правительство и военная партия стали перед необходимостью, так или иначе устранить этот глухой ропот и недовольство политикой правительства. С этой целью, с одной стороны, для оправдания нахождения японских войск на русском Дальнем Востоке, с другой,— для определенного нажима на правительство ДВР, на случай переговоров с ним,— во Владивостоке и Никольск-Уссурийске, при помощи русских реакционных группировок, возглавляемых атаманом-разбойником Семеновым, генералом Вержбицким и черносотенцем Меркуловым, был сделан переворот и беспорядок, что и нужно было японкомандованию, являющемуся в роли миротворца. У власти оказалось правительство «Бр. Меркуловых и К-о.» из семеновского лагеря.

Первыми шагами этого бандитского «правительства» явился полный разгром мирно работающих профессиональных (рабочих) союзов, закрытие всех рабочих газет, дабы можно было бессовестно лгать в своих казенных газетах о своей демократичности и об «ужасах», творимых в рабоче-крестьянской России.

Не дав собраться и выявить своего отношения к событиям — Народное собрание, в котором две трети крестьян-хлеборобов,— было разогнано и заменено несоциалистическим съездом, который состоит из попов, домавладельцев — типа меркуловых, царских чиновников и небольшого количества мелких купцов.

Сельские и волостные комитеты и исполкомы — заменены старостами и волостными старшинами, в общем повсюду вводится все старое, царское, к голосу рабочих и деревни больше не прислушиваются, делается все без ведома и согласия самих рабочих и крестьян.

Все, что сделано Учредительным собранием в Чите и Народным собранием во Владивостоке — разрушается и снова, в угоду японцам,

---

[1] «Гродековцы» или «Гродековская» пробка — семеновские части, изгнанные из Забайкалья в Манчжурию и оттуда перебравшиеся при помощи японских интервентов в Приморье, где они заняли станицу Гродеково и прилегающие пункты. Во главе гродековцев стояли генералы Савельев и Савицкий.

[2] Бочкаревцы — белобандитский отряд, захвативший власть в Спасске в момент так называемого Меркуловского переворота. «Бочкаревцами» эти белогвардейцы назывались по имени своего главаря — есаула Бочкарева (настоящая его фамилия Озеров, Валентин).

в крае японскими агентами — Семеновым и Меркуловым — разжигается гражданская война.

Не получая ни откуда поддержки «правительство» бандитов всеми мерами старается проникнуть и распространить свое влияние на деревни, создавая видимость демократичности, затеяв борьбу с Семеновым, которого якобы не пускает с парохода на берег, но все эти действия рассчитываются на несознательность масс. На самом же деле Семенов заявил, что все что сделано во Владивостоке — сделано по его директивам и на его деньги, а потому он и является здесь «верховной властью». Создаются никому неведомые организации — вроде всероссийского крестьянского союза[1], от имени которых говорят палачи — таскины[2] и семеновы.

Революционный комитет призывает Вас, товарищи крестьяне, к сплоченной борьбе с захватившими власть бандитами Меркуловым и Семеновым.

Вам хорошо известны, все прелести атамановской власти... снова нагайки, плети, расстрелы, сжигание целых деревень — вот то, что даст нам эта власть.

Не слушайте подсылаемых к вам предательских агитаторов, которых меркуловы разослали по деревням. Гоните их из вашей дружной крестьянской среды, для которой одна только власть приемлема — власть правительства Дальневосточной республики, избранного Учредительным собранием в Чите. За эту власть, если понадобится,— все крестьяне должны встать с оружием в руках и отстаивать право народной воли — устраивать свою судьбу так, как подскажет им их разум.

Долой бандитов меркуловых и семеновых — предателей русского трудового народа!

Да здравствует правительство ДВР!

Да здравствует власть рабочих и крестьян!

Революционный комитет Сучанской долины.

Из протокола общего собрания членов Дальневосточного Индустриального союза горнорабочих Сучанского района, 3 июля 1921 г.[3]

Слушали:

2) О выборах в Народное собрание по меркуловскому закону.

Докладчик докладывает, что конференция профсоюзов г. Владивостока и окрестностей 26 мая постановила бойкотировать выборы...

Ряд ораторов высказываются против участия в выборах, предлагая поддержать решение конференции профсоюзов г. Владивостока.

Постановили: Союз горнорабочих Сучанских копей поддерживает постановление конференции профсоюзов г. Владивостока от 26 июня о бойкоте выборов.

Подлинный за надлежащими подписями.

---

[1] Имеется в виду мифический «всероссийский крестьянский союз», придуманный читинской семеновской газеткой «Забайкальская новь». В номере от 10 марта 1920 г. этой газеткой было опубликовано воззвание из 10 пунктов, которое, как сообщала газета, было принято крестьянским съездом, будто-бы собравшимся в Нижнем-Новгороде. Смысл всей этой мистификации сводился к одурачиванию крестьян и казаков, а также к поднятию «авторитета» белобандита — атамана Семенова.

Само собой понятно, в этой фальшивке не обошлось и без упоминания о созыве всероссийского учредительного собрания, и без призыва к самой беспощадной борьбе с коммунистами.

[2] С. Таскин — кадет. председатель совета семеновских «министров».

[3] ЦАОР, ф. 4273, д. № 7, лл. 69—70.

Из протокола экстренного собрания трудящихся шахты № 1 Сучанского предприятия, 20 июля 1921 г.[1].

Слушали: 1) Зачитан протокол Индсоюза от 19 июля, коим предлагается районным собраниям обсудить следующие вопросы: в) Организация противодействия в случае появления меркуловской милиции, г) Общая забастовка на Сучане в случае появления меркуловской милиции.

Постановили: По пункту в) и г) принята резолюция единогласно: в случае появления меркуловских отрядов в районе Сучана — трудящиеся заявляют, что они поведут с ними решительную борьбу, вплоть до устройства мертвой забастовки и ухода всех трудящихся в ряды партизанских отрядов.

Протокол общего собрания членов Р.К.П. Сучанского предприятия, 21 июля 1921 г.[2]

Слушали: 1. Восстановление партийной работы.

Постановили: 1) Заслушав ряд высказавшихся товарищей находим необходимым срочно восстановить деятельность ячеек и проявить максимум энергии в развитии агитации и пропаганды среди широких беспартийных масс.

В ячейках произвести учет всех членов и кандидатов и произвести выборы секретаря и казначея ячейки.

В дальнейшем установить нормальную жизнь ячеек согласно общепартийных заданий и обратить серьезное внимание на восстановление работы комсомола, женотдела и рабочих клубов.

2) Политпросветительная работа.

2) В первую очередь и в самое ближайшее время ячейки обязаны устроить среди окружающих масс громкое чтение газет с нужными комментариями.

В дальнейшем провести чтение ряда лекций, рефератов и бесед по животрепещущим вопросам.

В организациях комсомола и женотдела провести соответствующую политпросветительную работу.

3) Работа по восстановлению работы комсомола и женотдела.

Комячейкам на местах проявить широкую помощь организациям комсомола и способствовать развитию их деятельности.

Ячейки комсомола на местах обязаны провести учет наиболее здоровой и дисциплинированной части своих членов, собрать общие собрания и принять все меры к восстановлению нормальной деятельности организации.

Комячейки на местах должны найти возможные пути и средства к организации и объединению женщин.

Из листовки штаба 1 Сучанского партизанского отряда, 26 июля 1921 г.[3]

Товарищи крестьяне!

Вот уже два месяца, как налаживание хозяйственной жизни Дальневосточной республики нарушено бандитами, выступившими 26 мая во Владивостоке.

Два месяца во Владивостоке по указке японского штаба продолжает властвовать кучка продавшихся дельцов, спеша расхитить народное

---

[1] ЦАОР, ф. 4273, д. № 7, л. 52.
[2] ЦАОР, ф. 3452, д. 1, л. 14.
[3] Там же, л. 15. Листовка отпечатана на стеклографе.

достояние. Все, что могло или может так или иначе препятствовать им в их преступной работе, сметается с лица земли: Народное собрание разогнано, профессиональные рабочие союзы загнаны в подполье, ответственные представители рабочих преследуются, рабочая печать задушена (за два месяца закрыто три рабочих газеты). Словом владивостокская реакция распоясалась. Но в то же самое время в ее рядах неблагополучно, в каппеле-семеновских верхах из-за дележки мест в правительстве идет борьба, основанная на личном благополучии. Этот разлад отражается на массах в результате чего в воинских частях ропот, недовольство и дезертирство...

...Меркуловская власть трещит по всем швам. Рабочие Владивостока, учитывая этот развал, предъявили меркуловскому правительству требования: восстановить все политические свободы, существующие в ДВР, и прекратить дальнейшую преступную работу против трудового народа.

В случае неисполнения требования, рабочие объявляют всеобщую забастовку. Вся жизнь города и железной дороги будет остановлена до тех пор, пока не будут удовлетворены их требования...

Крестьяне! Штаб 1 Сучанского повстанческого партизанского отряда призывает вас оказать моральную поддержку рабочим, выступившим на борьбу с реакцией. Вы должны еще раз громогласно заявить, что вы требуете удаления узурпаторов народной воли бандитов меркуловых-семеновых и поддерживающую их интервенцию и что мы сами наладим хозяйственную жизнь, восстановим порядок, когда нас оставят в покое многочисленные благодетели.

Крестьяне! Собирайте сходы, посылайте привет рабочим, выступившим на борьбу с реакцией, выносите протесты, требуйте удаления интервенции — виновницы всех наших бед, организуйтесь вокруг уже организованных партизанских отрядов, чтобы дать отпор, если реакция попробует сунуть свой нос сюда к нам в деревню.

Штаб 1 Сучанского повстанческого партизанского отряда шлет рабочим, активно выступившим против реакции, свой привет и заявляет, что партизаны, спаянные одним стремлением с вами, с винтовкой в руках стоят на страже интересов трудящихся.

Долой реакцию! Долой интервенцию!

Да здравствует правительство ДВР — власть трудящихся!

Штаб 1 Сучанского повстанческого партизанского отряда.

Из протокола общего сорания горнорабочих Сучанского предприятия, 1 августа 1921 г. [1]

По заслушании доклада по текущему моменту и после ряда высказавшихся членов союза, единогласно, при 1-м воздержавшемся принимается следующая резолюция:

«Заслушав доклад по текущему моменту в связи с всеобщей забастовкой [2], объявленной профсоюзами Владивостока 27 июля с. г. и обсудив создавшееся положение в области, общее собрание членов Союза горнорабочих Сучанских копей признает:

2) Меркуловскую группу и все поддерживающие ее русские силы врагами и предателями русского народа и русских государственных интересов на Дальнем Востоке. С этими группами не может быть у честных русских граждан никаких отношений, кроме самой энергичной

[1] ЦАОР, ф. 4273, д. № 7, л. 43.
[2] См. приказ Ревкома № 8 от 30 мая 1921 г., стр. 69.

борьбы до полной ликвидации этих кулацко-генеральских реакционных сил;

3) Приветствует решительное выступление рабочих масс Владивостока и начинающееся народное восстание в области против кучки мятежников, насилующих волю трудящихся, под прикрытием иностранных штыков;

4) Заявляет полную солидарность с стремлениями выступивших на борьбу товарищей и выражает готовность полной поддержки ее силами и средствами сучанского пролетариата;

5) Твердо уверены, что начатая борьба закончится полной победой трудовых масс, несмотря на все ухищрения продажных мракобесов бр. Меркуловых и поддержку, получаемую ими от иностранцев».

Вносится предложение послать приветствие бастующим товарищам гор. Владивостока и его окрестностей. Предложение принимается.

Из сводки контр-разведывательного отделения штаба Гродековской группы войск белых, 11 августа 1921 г.[1]

Сучанское предприятие захвачено партизанами. Захвачена милиция на рудниках, введена цензура почтовой корреспонденции, захвачен кооператив.

Силы красных в районе Сучана около 600 чел. при пулеметах и даже артиллерии, при чем из этого числа около 100 всадников конной разведки. Отряд хорошо вооружен и снабжен. В 25 верстах от Сучана, в селе Серебрянное стоит штаб другого отряда партизан, который, общей численностью 500—600 чел., расположен частями по селениями реки Сучан. Кроме того имеются несколько мелких самостоятельных отрядов[2].

Начальник отделения (подпись).

Из сводки контр-разведывательного отделения штаба отдельной Гродековской группы войск белых, 9 сентября 1921 г.[3]

18 августа ижевцы и воткинцы[4], совместно с японцами, заняли без боя Сучанский рудник.

В связи с появлением каппелевцев рабочие объявили забастовку и все время проводят на митингах, ничего не работая. На шахтах №№ 2 и 10 развевается флаг ДВР. Здесь же собирается подпольный стачком. Рабочие обещают прекратить забастовку, если им выдадут жалование, начиная с декабря месяца, а правительство обещает за май, июнь, и июль. Но и за эти месяцы жалование пока еще не выдано, так как правительство думает взять рабочих измором (у рабочих продуктов хватит только до 20 сентября).

Рабочие копей и жители д.д. Бархатной, Казанки, Фроловки, Сергеевки, Бровничи — ярые большевики.

---

[1] ЦАОР, ф. 390, оп. 19, д. № 1, л. 26.

[2] Сводка показывает, что контрразведчики обладали неверными данными. В Сучанском районе было расположено в то время четыре отряда, общей численностью до 700—750 человек. Пулеметы были, артиллерии не было вовсе. Число кавалеристов не превышало 40—45 чел. Сообщение о двух отрядах в районе Сучана и с. Серебряное не соответствует действительности.

Сообщение относительно положения на Сучанском руднике в общем соответствует действительности.

[3] ЦАОР, ф. 390, оп. 19, д. 1, л. 45 и об.

[4] Части отряда Каппеля.

Обращение профессиональных организаций рабочих Сучанских копей к крестьянам, 8 сентября 1921 г.[1]

Товарищи крестьяне!

Представители нашей Дальневосточной республики и Японии в настоящее время ведут переговоры в Дайрене[2] для того, чтобы установить мирные отношения между обоими государствами. Этими переговорами должна решиться и судьба Приморской области: быть ли крепко связанной со всей Дальневосточной республикой под властью одного Читинского правительства или представлять особое малое государство под особой властью, которое изберет только население Приморья. Этот вопрос для России на Дальнем Востоке очень важен, так как для России необходимо, чтобы Приморье с Владивостоком не было отделено от ДВР; через Владивосток лежит путь ко всем государствам, расположенным на берегах Тихого океана. Если у нас в Приморье будет образовано особое государство, чего желает Япония и русские контрреволюционеры всяких пород, Дальневосточной республике и Советской России будет сильно затруднена торговля со всем миром и наша хозяйственная жизнь будет очень медленно оправляться.

Надо содействовать всеми способами, чтобы это не произошло. Необходимо бороться за присоединение Приморской области к Дальневосточной республике, за распространение на Приморье власти Читинского правительства.

Особенно важно, чтобы во время Дайренских переговоров была ясно заявлена воля населения по этому вопросу, чтобы было очевидно и для Японии и для всех слоев населения Приморья, чего желает большинство его, состоящее из рабочих и крестьян.

Для этой цели на Сучане в воскресенье 11 сего сентября состоится манифестация и митинг. В этот день рабочее население Сучана отдает свое внимание всем вопросам, которые стоят перед Дайренским совещанием, которые стоят перед всеми гражданами Приморья и Дальневосточной республики.

В этот день рабочее население Сучана громко и ясно скажет еще раз с кем оно идет и куда оно идет и чего желает.

Призываем вас и теперь в решительный момент, в этот день быть вместе с нами на Сучане.

Долой меркуловщину!

[Подписи].

Циркуляр Южно-Ольгинского райкома Приморской организации РКП(б), 1 июня 1922 г.[3]

Дорогие товарищи!

Для создания постоянных парторганов на местах, для развития их работы до максимальной высоты среди широких крестьянских масс по привлечению их к активной борьбе с меркуловщиной за установление власти ДВР, для более успешного руководства деятельностью

---

[1] ЦАОР, ф. 5029, д. № 1, л. 65.

[2] Дайренские переговоры (Дайренская конференция) велись с 26 августа 1921 г. по 15 апреля 1922 г. между ДВР и Японией и закончены не были. Основной вопрос о эвакуации японских войск конференция не разрешила. Японское правительство добивалось на Дайренской конференции признания за Японией прав и преимуществ на Д. Востоке как в экономическом, так и в военном отношениях. Делегация ДВР отказалась признать притязания Японии и покинула Дайрен. Переговоры были продолжены в сентябре 1922 г. на Чаньчунской конференции, закончившейся подписанием мирного договора с Японией.

[3] ДАОР, ф. 3517, д. № 1, л. 193.

всех членов партии, находящихся на местах в области, старая схема партийной организации в области постановлением областного партийного бюро от 15 мая с. г. отменена и установлена следующая: вместо уездкомов и волостных объединений устанавливаются райкомы и районные объединения с такими же правами. Ольгинский уезд разбит на два района, южный и северный в каждом назначен Райком.

Для проведения в жизнь стоящих перед партией задач, как-то: I) развитие широкого народного движения по борьбе с меркуловско-интервентскими бандами и II) создание аппарата гражданской власти, применительно к законам ДВР, и укрепление авторитета среди крестьянства партийный аппарат должен быть строго организованным и жизнедеятельным. Все члены РКП на местах должны проявить максимум энергии для проведения директив своих руководящих партийных органов.

Настоящая боевая задача нашей партии — это проведение выборной кампании в Дальне-Восточное Народное собрание. Необходимо добиться, чтобы все крестьянство приняло участие в выборах. В местах, занятых белыми, проводить двухстепенные выборы. Чтобы крестьяне все голосовали за кандидатский список революционных крестьян, поддерживаемый нашей партией, всем членам партии на местах необходимо развить широкую агитацию за обязательное участие крестьян в выборах путем проведения сходов: сельских, волостных и районных. Все партийные силы данного района должны быть мобилизованы. Всякая другая текущая работа, не имеющая характера срочности, должна быть отложена. Бездействие по проведению выборной кампании будет считаться как преступление по отношению к партии. Всем уполномоченным и инструкторам Райкома по проведению выборной кампании оказывать полное содействие. Об условиях проведения и о ходе выборной кампании в вашем районе сообщайте быстрее и чаще в Райком.

На Райком возложены и функции партийно-избирательной комиссии южного района.

Ответственный секретарь Райкома (подпись).
Члены (подписи).

Из воззвания Ревкома Сучанского рудника к населению [июнь] 1922 г.[1]

26 мая прошлого 1921 г. каппелевцы в единении с реакционной буржуазией Владивостока, беженцами толстосумами, проживающими за границей, при благосклонном покровительстве и содействии японской экспедиционной армии, произвели переворот в Приморье, вручив власть так называемому «меркуловскому правительству» объединенных «национальных» сил, борющихся с большевиками. Целый год каппелевщина всеми силами поддерживала своих ставленников бр. Меркуловых, прилагая все способы и средства, чтобы склонить к тому же трудовое население области, ради этой поддержки беспощадно насиловало трудящихся, пытаясь в конце концов террором сломить упорствующих рабочих и крестьян Приморья; поддерживая торг. дом бр. Меркуловых и укрепляя его положение, каппеловщина помогла ему создать во Владивостоке ширму для меркуло-каппеловских махинаций, так называемого Владивостокского Нарсоб., состоящего из отбросов российского беженчества, домовладельцев Владивостока, Спасска и Никольска, небольшой группы кадетской и кадетствующей интеллигенции, предателей трудовых масс — эсеров, ничтожной группы кулаков-

[1] ЦАОР, ф. 3517, д. № 1, л. 165.

крестьян. Каппеловцы помогли Меркулову покорить под нози свои укрепившихся семеновцев и объединить в Приморьи все остатки контрреволюционных банд. Каппелевщина в связи с Меркуловым предприняла второй ледяной[1] поход против Дальневосточной республики и Совроссии, окончившийся бесславным поражением зарвавшихся белобандитов. Каппелевщина за все это время покрывала своей силой расхищение бр. Меркуловыми общенародного достояния и несчетные преступления своих ставленников, неустанно проповедуя на всех перекрестках необходимость поддержки их.

В ночь с 31 мая на 1 июня 1922 г. та же капеллевщина в сотрудничестве с владивостокским, с позволения сказать, Нарсобом, свергла власть меркуловых, не поделившихся награбленным в области с вождями каппелевщины, сообразно их аппетитам, и возглавила так называемую приамурскую государственность правительством колчаковского воеводы г. Дидерихса[2].

Но жив еще, невредим упорствует и не сдает окончательно позиции каппелевцам торг. д. Меркуловых, поддерживаемый семеновцами и морскими стрелками и мнит себя также правительством Приморья.

Во Владивостоке налицо два правительства, оспаривающих власть друг у друга. Единый реакционный фронт распался и проводит пока кампанию бескровной ликвидации друг друга. Меркуловщина и каппелевщина стараются во всю создать видимость поддержки той или другой стороны населения. Вокруг них в рядах контрреволюционной и реакционной буржуазии, офицерства и прочей сволочи горячие шум крик, вопли о поддержке, направленные к массам.

Но жуткое молчание царит в тех рядах, куда направлены призывы обоих спорящих сторон. Молчит крестьянство, молчат рабочие криво усмехаются при виде развертывающегося бесплатного зрелища хищников не поделивших награбленного добра.

Молчит рабочий и крестьянин, потому что знает подноготную «приамурской государственности» с первых дней ее существования. Знает действительные причины ее возникновения и развития и по должному расценивает каппелевские авантюры.

Он видит ясно за ширмой меркуловщины и каппелевщины хищный облик империалистической Японии, стремящейся к захвату Приморья. Опыт прошлого года: обслуживание Японией переворота 26 мая, ее политика измора на Дайренской конференции, ее требования предъявленные в Дайрене, сводившиеся к закреплению Приморья за японцами русскими руками, ее содействие белоповстанческому фронту и сопротивление ликвидации белоповстанцев в Приморьи, вероломное нападение на войска ДВР под Спасском, содействие ее белобандитам в настоящее время в борьбе их с красными партизанами и прямые выступления против партизан — все говорит за то, что никто другой как только одна она первоисточник всех тяжелых осложнений в жизни Приморья и ДВР. Япония — вдохновительница переворотов и белоповстанческих выступлений против ДВР и Совроссии, против трудящихся масс, стремящаяся путем затягиваемой в Приморьи гражданской борьбы прибрать его окончательно в свои руки при содействии предателей России из контрреволюционного и реакционного лагеря.

Задача рабочих и крестьян Приморья, не вмешиваясь в ссоры хищников, дерущихся за право сидеть на шее трудящихся,— не давать повода Японии к жестокой расправе с трудовыми массами, сохранить

---

[1] Первый ледяной поход — отступление каппелевцев по Сибири через Байкал в Забайкалье под напором РККА и партизан в 1919 г. Вторым походом называется их разгром под Волочаевкой и отступление от Хабаровска к Спасску.

[2] 1 июня 1922 г. в результате внутренних раздоров в лагере контрреволюции, «власть» от бр. Меркуловых перешла в руки Дидерихса.

и организовать свои силы вокруг законной власти и ДВР, крепить союз ее с Советской Россией для общей объединенной борьбы трудящихся всей России с покушениями международной буржуазии на целость и независимость русского народа и территории России.

Пусть белобанды уничтожают друг друга, на их место придет рабочий и крестьянин и укажет интервентам их место.

К обоим враждующим во Владивостоке сторонам рабочий и крестьянин давно определил свое отношение и его не изменит.

Долой все белобандитские правительства!

Долой Владивостокский предательский Нарсоб!

Да здравствует независимая Дальневосточная республика!

Долой японскую интервенцию!

Ревком Сучанского рудника.

Воззвание Ревкома Сучанского рудника, [июнь] 1922 г.[1]

Товарищи рабочие!

Согласно закона ДВР срок полномочий первого состава Народного Учредительного собрания закончился. Правительством назначены выборы нового состава депутатов в народное собрание для законодательной работы в течение следующих двух лет. Население Приморской области и вы товарищи-сучанцы два года тому назад имели возможность участвовать в выборах членов Учредительного собрания свободно и в полном единении со всеми трудовыми массами со всем народом русского Дальнего Востока. Тогда дружное общее стремление подавляющей массы Дальвостока к защите Советской России, к борьбе с японской интервенцией и защите русских интересов на берегу Тихого океана создало Дальневосточную республику, объединив разрозненные до того времени окраины области в демократическое государство. В этом государстве-республике волею Учредительного собрания, бывшего в Чите, приняты основные законы, устанавливающие господство в нем подлинной демократии Дальвостока, преобладающей массы его населения — крестьян и рабочих, законы охраняющие преимущественно интересы этих трудовых классов. Подавляющее большинство членов Учредительного собрания, состоявшее из крестьян и рабочих, образовало правительство республики, осуществляющее волю Нар. собрания и народа до сих пор.

Создавая Д. В. республику народные массы, рабочие и крестьяне Приморья жили надеждой в единении с рабочими и крестьянами всего Дальвостока мирно изжить ненавистную японскую интервенцию, установить мир на Д. Востоке и под покровом его наладить и укрепить основу благополучия страны, хозяйственную жизнь государства, следуя основным целям трудовых масс: защита Советской России от покушений хищной милитаристической Японии и тесное единение с нею.

Новый удар японских милитаристов по Дальвостоку — переворот 26 мая 1921 г., произведенный руками белобандитов по замыслу, при содействии и под охраной Японии, стремящейся всеми средствами удержать за собой облюбованное ими Приморье, этот удар оторвал на время часть Приморской области от ДВР, подвергнув трудовое население Приморья тяжелым испытаниям белобандитского разгула.

Но жестокое насилие белобанд, организованное хищными японскими милитаристами, не могло порвать прочных духовных связей трудового населения Приморья с рабочими и крестьянами всей ДВР, связей с центром нашей молодой государственности — с правительством ДВР.

[1] ЦАОР, ф. 3517, д. № 1, л. 164.

С момента переворота и до настоящего времени желто-белым насильникам, несмотря на все ухищрения, не удалось создать сколько-нибудь благожелательного отношения к себе приморского трудового населения. Дух неугасимой ненависти и решительной борьбы с угнетателями японцами и их наймитами — семеновцами и каппелевцами — не угасал в Приморьи ни на один момент. Надежды и взоры приморских крестьян и рабочих неизменно устремлены на запад к Чите и через нее к центру трудящихся всего мира — Красной Москве.

Формально внешне разделенный грубой и вероломной японской силой народ ДВР живет доныне единой внутренней жизнью и силен в сопротивлении поработителям — японцам крепкой духовной спайкой.

Задача общая наша — рабочих и крестьян Приморья — эту связь укрепить и закалить до полной независимости, сплачиваться и организоваться вокруг единого народного центра ДВР — его Народного собрания и правительства, осуществляя в жизни одни и те же задачи с трудящимися всего Дальвостока.

Задача общая наша — рабочих и крестьян Приморья — укреплять и усиливать этот единый центр, являющийся выразителем воли трудящихся, руководителем народной жизни, согласно интересам трудовых масс, руководителем общенародной борьбы с вероломной захватнической политикой воинствующей Японии.

Задача общая наша, рабочих и крестьян Приморья, еще плотнее спаять ряды рабоче-крестьянского союза в дружном выступлении по всему Дальвостоку на выборах в наше Читинское Народное собрание за власть труда и за власть рабочих и крестьян ДВР.

Несмотря на все препятствия, которые будут создавать нам наши враги, вы, рабочие Сучана, должны все принять участие в предстоящих выборах, осуществляя защиту общенародного единения в борьбе с хищническими и захватническими стремлениями, в борьбе за укрепление независимой ДВР и ее тесное единение с нашей матерью Совроссией.

Выборы в Читинское Народное собрание должны еще раз показать всем, что неизменны стремления трудовых масс ДВР и Приморья к этим целям, что нерушимо единство народной воли, нерушимо стремление сохранить его со стороны рабочих и крестьян Приморской области и ясно и одинаково сознание их о действительных виновниках народных бедствий в Приморьи и единодушно стремление изгнать с русской земли ненавистных хищников и угнетателей японцев.

За русские интересы на русском Дальнем Востоке.

За единство подлинной народной воли рабочих и крестьян ДВР.

За власть труда, за власть рабочих и крестьян.

За решительную общенародную борьбу с захватнической Японией.

За независимость трудовых масс от хищнической эксплоатации иностранной буржуазии.

Все рабочие Сучана на выборы.

Да здравствует независимая Дальневосточная республика от границ Совроссии до берега Великого океана.

Да здравствует Советская Россия.

Революционный комитет Сучанских рудников.

Воззвание Ревкома Сучанского рудника, 15 июня 1922 г.[1]

Товарищи рабочие!

Приступая к выборам в народное собрание ДВР, мы должны уяснить себе за кого голосовать на выборах, кого проводить в Народное собрание, чтобы сделать его истинным подлинным выразителем

[1] ЦАОР, ф. 3517, д. 1, л. 163.

воли трудящихся масс, связанным прочно с этими массами, способным разрешить задачи, связанные с дальнейшим существованием и развитием ДВР в согласии с общими задачами, преследуемыми Совроссией и рабочими всего мира.

Эти задачи велики и сложны.

I. ДВР есть баррикада Совроссии от мировых хищников. Борьба Совроссии за независимость не окончена и роль ДВР как буфера между Совроссией и Японией на Востоке сохраняется. Кто может выполнить эту роль, какие силы могут организовать и выдержать натиск хищников, кто честно, верно и жертвенно защищает рабоче-крестьянские интересы на внутренних и внешних фронтах и кто это до сих пор блестяще выполнил?

— Рабочие и трудовые крестьянские массы под умелым и смелым руководством Российской Коммунистической партии.

Великое дело обороны может быть только в верных и опытных руках государственных работников, выдвинутых рабоче-крестьянской средой и РКП. Переход власти в руки буржуазии и ее лакеев повлек бы в ближайшем времени за собой передачу Дальнего Востока японцам.

II. ДВР — сильна тесной связью с Советской Россией. Успехи ее будущего, самая независимость ДВР зависит от тесного союза последней с Советской Россией. Кто может укрепить и поддержать этот союз, ценя значение его для трудовых масс всей России? Только те силы, которые кровно заинтересованы в самосохранении и своей независимости ценою этого союза, только те силы, которые интересы трудовых масс России и всего мира ставят выше узких эгоистических интересов отдельных групп населения и не способны ради них на предательство Советской России.

Задача охраны союза ДВР с Советской Россией может быть доверена только представителям крестьян, рабочих и РКП, под руководством которой создан и крепнет этот союз.

III. Установление договоров и соглашений с иностранными капиталистическими государствами может повлечь за собой закабаление русских рабочих и крестьян иностранными специалистами и расхищение народного достояния.

Только представительство и власть трудовых масс и непримиримо борющаяся с мировой буржуазией и ее гнетом РКП может обеспечить в ДВР ее внешнюю политику, в соответствии с интересами трудящихся.

IV. Восстановление экономической жизни края совершенно немыслимо без решающего влияния в разрешении этой задачи самих трудящихся. Руководство буржуазией хозяйственной жизнью иностранных капиталистических государств показало полную неспособность буржуазии справиться с этой задачей. Руководство буржуазии и соглашательских партий всего мира непрерывно ведет к опасностям войны, к колоссальной безработице, к выколачиванию из рабочих и крестьян последних сил в расплату за всемирную бойню. Экономическая жизнь края может быть восстановлена только самими рабочими и крестьянами, и состоящей из тех же рабочих и крестьян РКП.

Экономические задачи Народного собрания требуют, чтобы были посланы в него представители этого стойкого революционного трудового объединения.

Так, прикинув все соображения по вопросу о составе наших пролетарских кандидатов в Народное собрание ДВР, каждый товарищ должен будет неизбежно признать, что в наш кандидатский список могут пройти только рабочие, крестьяне и члены Российской коммунистиче-

ской партии и этот единственный список будет поддержан всей рабоче-крестьянской массой избирательного района.

Да здравствует союз рабочих и крестьян.

Да здравствует революционный авангард трудовых масс — РКП.

Да здравствует трудовая ДВР.

Революционный комитет Сучанского рудника.

Из телефонограммы председателя Сучанского ревкома Приморскому областному Народно-революционному комитету, 11 июля 1922 г. [1]

Избирательная комиссия проходит хорошо. Проводил собрания для избрания выборщиков. В районе шахт собрания проведены. На днях закончим работу по узкоколейке, где большие затруднения с проведением собраний.

Число выборщиков — пять по пропорции: один выборщик на 500 избирателей.

Предполагаем закончить выборы 16 июля.

Рабочие шахт на собраниях признали необходимой самомобилизацию для пополнения партотрядов.

По окончании выборов немедленно проведем эту кампанию.

Связь Ревкома с предприятием сверху до низу прочно установлена. Наше влияние во всем обеспечено. Предприятие работает нормально. Имеются хорошие перспективы на заграничных рынках, в связи с чем ставится на очередь вопрос о допустимости развития производительности рудника до максимума.

Предревком (подпись).

VI

Борьба сучанцев с попыткой белых продать рудник

Листовка Приамурского областного комитета РКП(б), 22 марта 1922 г. [2]

Товарищи.

Наша Нарревармия, преследуя разбитых белогвардейцев, дошла до ст. Уссури [3]. Красными партизанами занята так называемая нейтральная зона до ст. Свиягино. Меркуловской армии более не существует. Жалкие остатки ее докатились до Владивостока, куда съехалось и все командование белобандитов. Те каппелевцы, которые поняли меркуловскую авантюру, перешли на нашу сторону. Так поступали многие части на фронте и в частности оренбуржцы на Сучане. Каппелевские офицеры разбегаются, забирая с собой все что можно взять. Вся меркуловская свора, разворовывая остатки народного достояния и тем обеспечивая себя и спасая свою шкуру, запасается заграничными паспортами. Пришли, чтобы воровать, и воруют, чтобы удобнее сбежать.

Бегут, но напоследок меркуловская банда срывает злобу за свою

---

[1] ЦАОР, ф. 3452, д. № 4, л. 67.

[2] ЦАОР, ф. 3517, д. № 1, л. 197 об.

[3] В ноябре 1921 г. каппелевские и семеновские банды, вооруженные японцами, повели наступление на Хабаровск и 21 декабря заняли его. Однако 10—12 февраля 1922 г. Народно-революционная армия перешла в контр-наступление и нанесла ряд поражений бандам (особенно сокрушительный удар — под Волочаевкой) и 14 февраля заняла Хабаровск. Достигнув зоны расположения японских интервентов, белогвардейцы укрылись под их защиту. Части НРА, чтобы избежать столкновений с японцами, дойдя до ст. Уссури, прекратили дальнейшее преследование белых.

неудачу на трудящихся. Им мало того, что рабочие ограблены, что голодают, не получая по пять месяцев заработка, меркуловцы доводят до крайности свои издевательства над ними. Усилились обыски, беспричинные аресты, зверские избиения в меркуловских застенках. Заключенных в тюрьме работников профсоюзов насилиями довели до того, что они решились на крайне опасное для жизни последнее средство борьбы, объявили голодовку, требуя восстановления своих человеческих прав и прекращения диких издевательств.

Бандиты бегут, но прежде чем сбежать, хотят отблагодарить давших им власть японцев. Меркуловцы за гроши продают японцам последние остатки народного достояния.

Трудящиеся Приморья! Грозит потеря Дальне-восточного завода, Уссурийской дороги и Сучанских копей. Воры, разбойнически захватившие все эти богатства, хотят продать их ворам высшей марки.

Нет сил дальше терпеть насилия разгулявшихся бандитов.

Нет сил дальше смотреть на разграбление бандитами народного достояния. Мы не должны допустить чтобы разбойники закончили свое подлое иудино дело. К нам на помощь идет наша красная Нарревармия. С ее помощью мы сбросим банду насильников, сидящих на шее трудящихся Приморья.

Товарищи! Облаком Российской Коммунистической партии призывает вас быть готовыми к нанесению последнего удара меркуловщине. Настанет решительный момент. Ваша организованная сила нужна республике. Крепче сплачивайтесь вокруг своих организаций. Усиливайте и организуйте коллективы в предприятиях и учреждениях. Организуйте товарищеские кружки и группы, готовые встать за интересы трудящихся Приморья. Будьте готовы.

Да здравствует свободная советская Россия!

Да здравствует революционный пролетариат Приморья!

Приморский Областной комитет Российской Коммунистической партии.

Из отношения Приморского Областного партбюро Ревкому Сучанского рудника, 28 марта 1922 г.[1]

Директива Дальбюро о прекращении какого-либо участия рабочих в учреждениях и предприятиях, находящихся в сфере прямого или косвенного влияния на них со стороны меркуловского правительства, остается в силе (передана вам от 8/III за № 103).

Ревком должен строго равняться по линии, занятой Центральным бюро Совета профессиональных союзов во Владивостоке (см. резолюцию Ц. Б., помещенную в газете «Восточный Курьер» за 18/III и «Наша тактика» в газете «Красное Знамя» за № 1). Ускорить организацию профсоюза, связать его с Ц. Б., установить строгую согласованность в действиях и только через свою профессиональную организацию требовать от управления рудником нормальных экономических условий для рабочих, отнюдь не принимая на себя проведение за своей ответственностью выставленных администрацией обязательных условий.

Соображения некоторых товарищей, ожидающих восстановления старого союза, не отвечают на запросы сегодняшних наших задач. Старый союз может открыто работать, только по ликвидации меркуловской реакции, а перед нами еще стоит ожесточенная борьба с ней. И в рамках легальных действий как старый союз в целом, так и каж-

[1] ЦАОР, ф. 3452, д. № 7, л. 48 и об.

дый член в отдельности, преследуемые меркуловской контр-разведкой, работать не могут.

Поэтому Ревком должен ускорить завершение организации нового профсоюза на руднике, согласно положений, коими руководствуются городские профессиональные организации в г. Владивостоке. Неофициальное руководство рудничным профсоюзом должно остаться за Ревкомом, который осуществляет его через нелегально действующую комфракцию.

Председатель Партбюро (подпись).
Секретарь (подпись).

Отношение Приморского Областного Партбюро Сучанскому рудничному комитету РКП(б), 6 апреля 1922 г.[1]

Дорогие товарищи.

На вашу информацию от 4 апреля с. г. за № 2 по поручению Партбюро сообщаю:

1) Партбюро неоднократно требовало от Сучанского Ревкома немедленно создать на руднике профсоюз. Содержание вашего доклада лишний раз доказывает, что действительное положение как рудника, так и трудящихся на нем властно требует осуществления указанной Партбюро основной директивы, данной Ревкому. Борьба и протест могут дать нам победу в том лишь случае, если они будут иметь строго организованное направление — иначе вне этой формы всякая борьба и разные протесты, вполне естественно — превратятся в мыльный пузырь. Ревкому нужно в срочном порядке выполнить его основную задачу — организовать профсоюз и только через него и Центральное бюро СПС направить свой протест и вести борьбу за экономическо-правовые интересы трудящихся. Все же Ревкому нужно:

2) Среди рабочих повести широкую агитацию, разъясняя сущность намерений меркуловского правительства, в момент полного своего финансового краха, при на голову разбитых Народно-Революционной армией его белогвардейских полчищах, — продать японским наймитам последнюю приморскую ценность — Сучанский рудник. Рабочие Сучанского рудника должны на своих собраниях открыто заявлять свой протест по поводу продажи японским наймитам рудника, как собственности трудящихся. Если же эта гнусная сделка будет заключена, рабочие должны через свои профсоюзы ответить, что они оставляют за собой свободу действий, вплоть до отказа от работ.

С коммунистическим приветом (подпись).

Из протокола районного собрания рабочих шахты № 1, 7 апреля 1922 г.[2]

Слушали: 2. О пожертвовании голодающим в Советской России.

Постановили: Принимая во внимание голод в Советской России, граждане шахты № 1 постановили отчислить 2-х дневный заработок за март мес. 1922 г.

Председатель (подпись).
Секретарь (подпись).

---

[1] ЦАОР, ф. 3452, д. № 7, л. 49.
[2] ЦАОР, ф. 4273, д. № 10, л. 127.

Из протокола общего собрания трудящихся Сучанского предприятия, 9 апреля 1922 г.[1]

Слушали: 1) О сдаче Сучанского рудника в концессию частному капиталу.

Постановили: Ознакомившись со всеми данными по вопросу о сдаче Сучанского рудника на концессию частным предпринимателям и с проектом договора, предложенным группой капиталистов, общее собрание признало условия договора выгодными исключительно капиталистам и совершенно неприемлемыми для государства и рабочих. В домогательствах соискателей концессионеров общее собрание усматривает цель получить Сучанский рудник в свои руки с тем, чтобы передать его в ближайшем времени в руки иностранцев. Такие действия общее собрание не может назвать иначе, как расхищением государственного достояния. Поэтому категорически протестует против сдачи в аренду Сучанского казенного предприятия капиталистам, преследующим только цель наживы, но не сохранение и расширение предприятия. Сучанские рабочие так тесно сжились с предприятием и оно столь многим обязано поистине героическому самоотвержению рабочих, что решение судеб предприятия без участия самих рабочих немыслимо. Если голос рабочих не будет услышан, то рабочие Сучанского предприятия оставляют за собой свободу действия.

Протест общего собрания опубликовать в печати, а также направить в центральное Бюро профессиональных союзов гор. Владивостока.

2) О помощи голодающим в Советской России.

Отчислить однодневный заработок и передать отчисление в Дальневосточный комитет, находящийся в г. Харбине, поручив это сделать управлению копей.

Председатель (подпись)
Секретарь (подпись).

VII

Ликвидация белогвардейщины и интервенции

Из приказа Административного отдела Приморского областного Народно-революционного комитета, 10 августа 1922 г., № 54[2]

По Общему Отделу.

§ 1.

При сем объявляю выписку из протокольного постановления Народно-революционного комитета Приморской области от 7 августа 1922 г. за № 30:

а) Сучанское каменно-угольное предприятие и район прилегающей и тяготеющий к нему линии узкоколейной железной дороги в административном отношении временно выделяется в отдельную единицу.

б) Органом государственной местной власти в названном районе является Сучанский Райнарревком, назначаемый постановлением Народно-революционного комитета.

в) Сучанский Райнарревком, являясь представителем государственной власти, осуществляет свои права и полномочия применительно к существующим положениям об уполномоченных Н.Р.К. на местах...

[1] ЦАОР, ф. 4273, д. № 10, л. 123.
[2] Там же, л. 120.

Объявление районного Народно-революционного комитета, 10 октября 1922 г.[1]

Всем рабочим и служащим Сучанских каменноугольных копей, состоящим на работах предприятия.

Граждане! Вы приняли на себя добровольно работы по охране предприятия до восстановления нормального хода работ в нем.

Вы делаете большое государственное дело, охраняя от разрушения крупное государственное достояние.

Делайте его до конца в полном порядке и аккуратности, сохраняя необходимое для дела спокойствие и выдержку.

Делом своим вы окажете большую поддержку нашей Дальневосточной республике.

Райнарревком полагается на вашу рабочую готовность к жертвам для охраны государственных интересов и на вашу рабочую дисциплину, не раз оказывавшие существенную поддержку нашей трудовой государственности.

Райнарревком.

Из приказа № 12/50 Ольгинского уездного Народно-революционного комитета Приморской области, 16 октября 1922 г.[2]

По Общему отделу.

§ 1.

При сем объявляется для сведения и широкого распространения § 1 приказа № 69 Административного отдела Приморского областного Народно-революционного комитета от 28 сентября сего года.

Японский наймит, последыш Колчака и Семенова, самозванный «правитель» и «воевода» Дитерихс, пытается разжечь новую кровавую бойню на Дальнем Востоке.

Стремясь выполнить низкие своекорыстные цели, он пытается склонить на свою сторону население Приморской области. Так как в нем и его предшественниках нет никакой уверенности в том, что сколько-нибудь значительная часть народа разделит его стремления, то после неудачных попыток побудить русских граждан добровольно восстать на защиту «самодержавия» и «царя батюшки», Дитерихс задумал принудительно вовлечь в свою кровавую авантюру широкие массы населения. Начав войну против Дальне-Восточной республики и ее армии он объявил мобилизацию всех до 45-ти летнего возраста, полагая, что сила генеральского приказа сможет совершать то, что не сделали генеральские призывы и воззвания. Против Народно-революционной армии брошены Дитерихсом все уцелевшие от сокрушительных поражений в Сибири, Забайкалье и Приамурье семеновцы и каппелевцы. Но эти силы недостаточны, до смешного малы, для того, чтобы отстоять свои позиции и тем более для того, чтобы завоевать новые места.

Их ряды уже дрогнули. Доблестные войска Народно-Революционной армии нанесли им поражение в боях под Шмаковкой и Успенской. Только армия сильная поддержкой народа может побеждать и завоевывать. И Дитерихс решился на последнее средство, попытался черпнуть из гущи народной поддержку для своих черных замыслов. Планы белогвардейского вождя потерпели решительный крах и в этом деле. Население области с единодушным негодованием отнеслось к объявлению Дитерихсом мобилизации и разгадало в нем стремление

[1] ЦАОР, ф. 4273, д. № 11, л. 37.
[2] ЦАОР, ф. 4569, д. № 5, лл. 44—45.

руками народа создать для народа вековую кабалу. Призываемое Дитерихсом в его банды крестьянство и казачество ответило на этот призыв стихийным протестом, вылившимся в организацию повстанческих дружин самообороны. Из многих дружин в Приморской Народно-революционный комитет прибыли, как к высшей законной правительственной власти на территории области, делегации с ходатайством возглавить повстанческое движение, принять на себя верховное руководство освободительными стремлениями крестьянства и казачества. Разделяя в полной мере чувство негодования, охватившее широкие слои населения и повинуясь подлинному голосу народа, идущему из его недр, Народно-революционный комитет, сознавая свой высокий долг перед жаждущим избавления от белых насильников трудовым крестьянством, постановляет:

1) Возглавить крестьянское и казаческое повстанческое движение.

2) Все крестьянские и казачьи повстанческие отряды Приморской области подчинить заведующему Административным отделом Народно-революционного комитета, которому вменяется в обязанность, объединив под своим руководством, направить эти отряды против белых поработителей.

3) Предложить всему трудовому населению Приморской области оказать всемерную поддержку и помощь своим родным труженикам-дружинам, борющимся за его счастье.

Народно-революционный комитет твердо уверен в том, что силами восставшего крестьянства и казачества, совместно с героической Нарревармией, будут в конец сметены и разбиты все осмелившиеся построить преграды на пути русского народа на Дальнем Востоке к свободе и мирной трудовой жизни.

Приказ по партотрядам Приморья, 31 октября 1922 г., № 120 [1]

Гор. Никольск-Уссурийск

§ 1.

Партизаны, командиры и комиссары!

В 1921 г. 26 мая вы, возмущенные предательским выступлением и переворотом белых банд в Приморье, активно поддержанных японцами — интервентами, покинули города, села, деревни; оставили свои родные очаги, матерей, отцов, братьев и ушли в свободные сопки Приморья...

Шестнадцать месяцев вы боролись и умирали за светлые идеалы трудового народа!...

Но настал час!... Черная реакция разбита, бежала и над свободным Приморьем гордо реют наши красные знамена...

Долг свой вы честно исполнили до конца...

Партизаны, командиры и комиссары...

Перед уходом вашим по своим родным очагам в последний раз объявляю вам пролетарское спасибо.

Всем братский привет и поклон...

Командующий партотрядами Приморья
и начальник штаба Б. Рубцов.

---

[1] ЦАОР, ф. 963, д. № 1, л. 125.

Германские оккупанты в Полесье

В феврале 1918 г., после провокационного срыва троцкистско-бухаринскими предателями брестских мирных переговоров, германские империалисты двинули свои войска на Белоруссию и Украину. Предательство контрреволюционной Украинской рады открыло границы немецким захватчикам. В свою очередь, контрреволюционные партии Белоруссии — «Социалистическая громада», меньшевики, эсеры и др. всемерно облегчили германским империалистам оккупацию Белоруссии. Это, однако, не помешало немецкому военному командованию разогнать буржуазно-националистическую Белорусскую раду. Вновь образованное, так называемое, «Народное правительство» не замедлило выразить свое раболепие перед господами из Германии. В день захвата немцами Минска, 25 февраля 1918 г., оно в своей холопской телеграмме выразило «благодарность» Вильгельму II по поводу «освобождения» Белоруссии от большевиков и просило взять Белоруссию под «покровительство» Германской империи.

Так буржуазные националисты всех мастей, подлые изменники родины, продали белорусский и украинский народ захватчикам-оккупантам.

Германские империалисты бросились на Белоруссию и Украину, как голодные волки. Их целью было задушить социалистическую революцию, ограбить запроданную им изменниками родины страну, превратить ее в колонию и исходный пункт для дальнейших империалистических захватов. Вслед за оккупантами хлынули бежавшие от революции капиталисты и помещики, горя местью к рабочим и крестьянам, восстанавливая с помощью оккупационных войск капиталистическую эксплоатацию.

Используя контрреволюционные националистические «правительства» как ширму, германские захватчики стали полновластными хозяевами оккупированных областей. Когда им показалось, что усердие Центральной рады недостаточно, что оно не обеспечивает выполнения основного требования завоевателей — сбора дани с народа,— они разогнали Раду и поставили на ее место столь же эфемерное буржуазно-помещичье «правительство», во главе с «паном-гетманом» П. Скоропадским. Германские захватчики по своему усмотрению кроили карту захваченных областей. Так, например, в начале лета 1918 г. немецкое командование, заинтересованное в железнодорожной линии Киев — Гомель — Пинск — Брест, присоединило Полесье к Украине, образовав Полесскую губернию. По этой дороге оккупанты вывозили на каторжные работы рабочих и крестьян Белоруссии и Украины вместе с награбленным у них хлебом, скотом и др. имуществом.

Опьяненные легким успехом, германские империалисты рисовали себе розовые планы превращения Украины в источник рабского труда, дешевого сырья и рынок сбыта германских товаров.

Но как только насильники переступили порог советских белорусских и украинских земель они столкнулись с настоящим хозяином страны, с украинским и белорусским народом. На грабежи и кровавые расправы завоевателей рабочие и трудящееся крестьянство ответили ненавистью и жестоким сопротивлением. По всей стране создавались партизанские отряды, руководимые подпольными большевистскими организациями. Поднялось восстание рабочих

и крестьян на Киевщине, Черниговщине, Херсонщине, Екатеринославщине; железнодорожные забастовки проходили по всей Украине.

«...Советская Украина,— писал товарищ Сталин в марте 1918 г.,— поднимает освободительную отечественную войну,— таков смысл событий, разыгрывающихся на Украине.

Это значит — каждый пуд хлеба и каждый кусок металла придется брать германцам с бою, в результате отчаянной схватки с украинским народом» [1].

В. И. Ленин в докладе на объединенном заседании ВЦИК 22 октября 1918 г. указывал коммунистам: «...наша главная задача — пропаганда в интересах украинского восстания» [2].

В своей речи к делегатам комитетов бедноты Московской области 8 ноября 1918 г. В. И. Ленин говорил: «Германия уже обожглась на Украине. Вместо 60 миллионов пудов хлеба, которые она надеялась вывезти оттуда, Германия вывезла только 9 миллионов пудов и в придачу русский большевизм, к которому она особенной симпатии не питает» [3].

Империалисты Германии потерпели поражение, столкнувшись с всенародным восстанием на Украине и в Белоруссии. Войска оккупантов повернули штыки против своих же господ, организуя советы рабочих и солдатских депутатов в немецких военных частях. А поднявшаяся ноябрьская революция 1918 г. в Германии нанесла удар оккупантам внутри их страны.

В. И. Ленин на VI Всероссийском съезде советов, 6 ноября 1918 г., в речи по поводу годовщины Октябрьской революции метко охарактеризовал положение германского империализма: «Сначала он невероятно раздулся на три четверти Европы, разжирел, а потом он тут же лопнул, оставляя страшнейшее зловоние» [4].

Публикуемые ниже документы характеризуют господство немецких оккупантов в Белоруссии, главным образом в Полесье, и борьбу с ними белорусских и украинских рабочих и крестьян.

С жадностью дикого зверя набросились немецкие захватчики на хлеб, мясо, сало и др. продукты крестьянского хозяйства. Грабили все, что поддавалось силе германского штыка. Виселицами, пожарами, расстрелами, прокладывали себе дорогу к крестьянскому амбару.

Массовый грабеж населения оккупанты прикрывали фиговым листком «купли», уплачивая в 10—15 раз меньше действительной стоимости продуктов. Приводимый в публикации список реквизированного имущества по Дудической волости является лишь одним из многих таких же списков, которые отложились только по одному Речицкому уезду.

Малейшее сопротивление грабителям вызывало беспощадную расправу с беззащитным населением.

Волостной голова докладывает начальству о том, что крестьянин д. Осташковичи П. Пунтус, защищаясь от немецких грабителей, забиравших у него лошадь, ударил немецкого солдата и за это был тут же расстрелян, а на всю деревню был наложен новый «штраф» скотом и деньгами.

Восстанавливая помещичьи владения «пана-гетмана» Скоропадского в с. Положки около г. Глухова, кайзеровские палачи зверски казнили десятки крестьян, украинцев и евреев.

Все, что получило трудящееся крестьянство в результате Октябрьской революции,— земли с посевом, сенокосы, леса и др. угодья,— отбиралось помещиками, опиравшимися на силу германских штыков.

Захватчики восстанавливали в деревне крепостное право для крестьян, «которые обязаны были три дня в неделю отбывать немецкую барщину». Рабочих прикрепляли к предприятиям, заставляя работать по 12 часов в сутки.

---

[1] И. Сталин, Статьи и речи об Украине, стр. 40.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 235.
[3] Там же, стр. 284.
[4] Там же, стр. 266.

Как дикари, немецкие насильники охотились за людьми по городу Минску, ловили «поголовно всех на улицах и в домах» и предавали их казни и заключению. Тысячи рабочих и крестьян белоруссов, украинцев и евреев, чем либо вызвавшие подозрения завоевателей и их приспешников, отправлялись в Германию в кабалу, в рабство германским капиталистам и помещикам.

Германский фельдмаршал Эйхгорн в приказе, изданном в начале июля 1918 г., пишет: «нездоровые, недовольные и опасные элементы, при всяком движении, должны обезвреживаться и удаляться из деревень в интересах как страны, так и немецкого авторитета. При сопротивлении нужно прибегать к военным мерам. Если арестованные не подлежат немедленному действию приговора немецкого военного суда, они должны передаваться в ведение этапов и там назначаться в ведение особых рабочих групп» [1].

Этот приказ Эйхгорна подхватили «правители» из так называемого министерства внутренних дел Украинской державы и не замедлили разослать строжайшее распоряжение губернским старостам о соответствующем применении приказа Эйхгорна. Вслед за этим, в августе 1918 г., последовало «разъяснение», что «высылка вредных элементов за пределы Украинской державы может производиться и при отсутствии письменных оснований для применения этой меры» [2].

Однако никакие репрессии и кровавые расправы не могли сломить силу народного сопротивления. Вторая группа публикуемых документов свидетельствует о борьбе рабочих и трудящегося крестьянства против господства немецких поработителей и их лакеев.

Телеграммы и сводки советских военных органов показывают, что германские интервенты с первых же дней оккупации натолкнулись на «отчаянную партизанскую войну» со стороны крестьян. Оперативная сводка Московского обл. военкомата за 16 марта 1918 г. сообщает, что «на всем западном фронте идет усиленное и успешное формирование крестьянских партизанских отрядов по своей инициативе». «Крестьяне режутся с немцами за Речицей» — кратко сообщает следующая сводка.

Жесточайшее подавление повстанцев германскими войсками, наводнившими Полесье, не заставило смириться трудящееся население. Гетманские охранники непрерывно сообщают, что «в крестьянстве дремлют большевистские наклонности», что «отношение крестьян к немцам глухо враждебное», что крестьяне выражают только свое сожаление, «что при советской власти не вырезали всех помещиков и буржуев, которые по их мнению призвали немцев и теперь их продукты и скот реквизируют».

Местный аппарат засыпает «сведениями» немецкие и украинские власти о непрерывно растущих «большевистских организациях» в деревнях Речицкого уезда и соседних районах. Возможно, что такие организации и не были в подлинно партийном смысле большевистскими, но тем не менее они представляли собою подпольные народные отряды, руководимые большевиками.

Уже в июле месяце 1918 г. речицкий уездный староста сообщает губернатору, о том, что «в уезде образовалась организация, которая хотела уничтожить Украинскую и германскую власть» [3].

Такие организации существовали, по сообщению начальников речицкой уездной стражи, также и в деревне Крышачи и Кривчи Брагинской волости. По «Сведениям об арестованных за агитацию против германских и украинских властей за период с 20 июня по 25 октября 1918 г. по Речицкому уезду» — следует, что подпольные организации существовали и в г. Речице, деревне Коростель Ровенско-Слободской волости, деревнях Бересневка Дежицкой волости, деревне Севки, Березки, Холники, Рыжково и др.

---

[1] См. ниже, стр. 100.
[2] См. ниже, стр. 103.
[3] ЦАОР, ф. 4606, д. № 6, л. 16.

Арестованные за этот отрезок времени по всему Речицкому уезду, обвиняются: а) в «агитации среди населения к вооруженному восстанию против немецких войск и украинских властей»; б) в «организации тайного общества, имеющего целью выступления против германских войск на Украине и украинского правительства, а также в производстве захвата чужой собственности» [1].

Из рапорта начальника стражи I участка Багрукова видно, что тайная организация предполагает «открыть в м. Брагине штаб своего полка» [2].

Начавшееся народное движение в Речицком уезде было объединено с деятельностью партизанских отрядов, находящихся в гомельских лесах, руководимых большевиками гомельской организации.

Далее связи распространяются на Черниговщину. В сентябре месяце там в Новгород-Северском, Козельском, Рыльском, Нежинском, Остерском и др. уездах, по секретному сообщению министерства внутренних дел, проводилось выступление крестьян, под руководством большевиков. Немецкие военные части расстрелами, порками, издевательствами пытались подавить восстание, но движение росло с каждым днем. На территории Черниговщины находился военно-революционный штаб Черниговской области, объединяющий своим руководством гомельские и речицкие партизанские отряды.

Наконец, большую роль в деле подрыва господства немцев на местах сыграли подымавшиеся восстания железнодорожников по узлам и станциям Гомельской железной дороги.

В сентябре и начале октября создалось такое положение, о котором директор департамента государственной стражи говорил следующее: «По имеющимся в департаменте сведениям в октябре месяце предполагается выполнить всеобщее восстание на Украине с целью свержения гетманской власти и изгнания из пределов державы австро-германских войск. По тем же сведениям, как самая организация восстания, так и поддержка ее оружием и деньгами, принадлежит инициативе большевиков»...[3].

Действительно «Партия подняла народ на о т е ч е с т в е н н у ю в о й н у против нашествия войск иностранной интервенции, против мятежей свергнутых революцией эксплоататорских классов» [4]. В результате всенародного восстания рабочих и крестьян Белоруссии и Украины в декабре 1918 г. германские оккупанты, а с ними и украинское и белорусское панство и капиталисты, в панике бежали за пределы советской страны, оставляя за собой всюду следы своих зверств и разгромов. Современные фашистские варвары действуют в захваченных ими областях Чехословакии, в Австрии и др. странах, ставших их жертвами агрессии, с неменьшим зверством чем милитаристы кайзеровской Германии.

Печатаемые материалы однако показывают не только эти методы империалистического разбоя, но и их неминуемый крах, в результате неизбежной освободительной борьбы народных масс. Это придает публикуемым документам особую актуальность.

Некоторые из публикуемых документов были по договоренности с редакцией нашего журнала опубликованы в газете «Правда» 14 декабря 1938 г.

К. Софроненко

Из телеграммы командования 1 армией Совнаркому, 10 марта 1918 г.[5]

Сегодня получены из Гомеля газеты, печатанные под диктовку палачей императора Вильгельма; ликует желтая пресса, ликуют кулаки, банкиры и целуют подошвы германским империалистам; только рабочие и крестьяне ожидают спасения с востока; германцы все вывозят в Германию, как голодные волки.

---

[1] ЦАОР, ф. 4606, д. № 8, л. 47.
[2] Т а м ж е, д. № 11, л. 77.
[3] Т а м ж е, д. № 10, л. 340.
[4] «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)», краткий курс, стр. 218.
[5] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. № 236, л. 4.

Из оперативной сводки Московского военного округа, 10 марта 1918 г.[1]

Западный фронт.

Обращение неприятеля с попавшими к нему в плен ужасное: всех избивали и расстреливали; также расстреливаются все по указанию помещиков, что он большевик или член Советов. В Полоцке первый день немцы выдавали населению продукты из оставленных нами складов, потом, взяв все на учет, отправляют в Германию. В Минске Белорусская рада разогнана. Издан приказ возвращения помещикам всего отобранного. Все Советы и комитеты уничтожены и целью своего наступления немцы ставят политическую борьбу с советской властью.

Из оперативной сводки военного комиссариата Московской области, 13 марта 1918 г.[2]

Западный фронт.

Продукты реквизируются беспощадно и увозятся в Германию, ежедневно 5—6 поездов, особенно, у крестьян по указанию помещиков.

Телеграмма Сенненского уездного исполкома Совнаркому, 4 апреля 1918 г.[3]

Доводим до сведения, что при занятии части уезда немцами и польскими легионами грабится население, забирается скот, хлеб, сало, мясо. Помещики заставляют работать. Население в панике. Большинство просыпается от хмеля — становится на защиту родины. Нужны руководители офицеры-специалисты, а потому просим прислать хотя небольшую дисциплинированную часть для поддержки дисциплины. С трудом приходится удерживать население, которое готово обрушиться на эти банды и раздавить их, но боимся за последствия.

(Подпись).

Телеграмма Областного комитета большевиков Северо-Западной области, Совнаркому, 21 апреля 1918 г.[4]

Областкомом Российской коммунистической партии большевиков получены сведения от ответственных партийных товарищей из Минска о вопиющих нарушениях международного права, творимых немецкими властями в Минске. Немцы охотятся на людей, ловят поголовно всех на улицах и в домах; держат в лагерях под стражей, а затем грузят в наглухо запечатанные вагоны и увозят в неизвестном направлении. На улицах пушки и пулеметы и усиленные патрули. В городе паника, население терроризовано; за попытки к бегству расстреливают. Северо-западный партийный комитет, доводя об этом до сведения Совнаркома, просит заявить германскому правительству категорический протест против действия немецких оккупационных властей, позорящих германский трудовой народ, как культурного члена великой семьи народов всего мира.

(Подпись).

---

[1] ЦАКА, д. № 392—283, л. 107.
[2] ЦАКА, д. № 392—283, л. 96.
[3] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. № 180 л. 2. Сеннино — б. уезд Могилевской губернии.
[4] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 236, лл. 6—7. В связи с оккупацией немцами Белоруссии, советские и партийные органы эвакуировались из г. Минска в г. Смоленск. 10 апреля 1918 г. на съезде Советов Северо-Западной области был избран Облисполком; в это же время был образован и областком партии большевиков Северо-Западной области.

Телеграмма Сенненского исполкома Совнаркому, 4 мая 1918 г.[1]

Еще раз настоятельно прошу указать германскому командованию на недопустимость воистину варварских отношений к крестьянам. Были случаи абсолютного разорения деревень, увода жителей; целые деревни сидят в заключении. В Минске последние крохи отбирают насильно; крепостное право восстанавливается в полном смысле сего слова; репрессии растут с каждым днем.

(Подпись).

Разведывательная сводка штаба Западной Армии, 7 июня 1918 г.[2]

Опрошенный в штабе 7 июня, бежавший из плена 165 Луцкого полка Михаил Идько показал: в с. Полошки около Глухова было такое происшествие неделю тому назад. В Полошки есть имение Скоропадского, которое было разграблено. Теперь приехал управляющий этого имения и стал разыскивать имущество и тех, кто грабил. Нашли несколько переодетых евреев, отправленных в Глухов к немецкому коменданту и оттуда привели обратно, а ночью казнили около пятнадцати человек, причем не только расстреливали, но и резали. Все было проделано около с. Полошки и убитых бросили в глиняные ямы. Всех казненных я видел сам в ямах: много крови, много народу около ямы плачут. Среди казненных одна женщина. Народ просил разрешения немецкого коменданта города Глухова похоронить казненных, но тот отказал. На следующую ночь я видел, как вели к ямам еще несколько человек. Через несколько времени было слышно четыре выстрела.

Из «Вестника» Наркомвоена [июнь 1918 г.][3]

Смоленск 25 июня. Приехавшие из Виленской губернии рассказывают, что там по деревням введен принудительный труд для крестьян, которые обязаны три дня в неделю отбывать немецкую барщину, работа, под наблюдением немцев на помещичьих полях, починке дорог, рубке леса. Батраки — рабочий день их бесконечен. В городах рабочие прикреплены к предприятиям. Введен 12-тичасовой рабочий день. Профессиональные союзы в Вильне закрыты после политических забастовок в Германии.

Из разведывательной сводки оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам, с 29 июня по 6 июля 1918 г.[4]

Вывоз в Германию

Через Минск производится усиленная отправка в Германию дров, шпал, металлов и всевозможных изделий из стекла.

Из Могилевской и Черниговской губ. вывозится в большом количестве прошлогоднее сено.

Настроение населения в оккупированных областях

При снятии урожая нынешнего года украинские крестьяне намерены оказать сопротивление австро-германским реквизиционным отрядам. Озлобление крестьянской массы против оккупационных войск прогрессирует, но во многих местах ощущается недостаток оружия и совершенно отсутствует какая-либо планомерность в организации восстаний.

---

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. № 236, л. 8.
[2] ЦАКА, д. № 119—845, л. 95.
[3] ЦАКА, д. № 61—776, л. 257.
[4] ЦАКА, д. № 118—792, лл. 197—198.

Подавление крестьянских волнений.

В Сенненском уезде Могилевской губ. немцами сожжен хутор Сироватка за отказ выдать реквизированный хлеб.

Распоряжение германских оккупационных властей.

Белоруссия. Германские власти воспрещают косить сено и снимать хлеб всем крестьянам, имеющим более 1 десятины земли. Расклеено объявление, что все лица, препятствующие реквизиции продовольственных припасов, будут отправлены на казенные работы. Все мужчины в возрасте 16—60 лет взяты на учет; бывшие солдаты включены в особые списки.

Из рапорта начальника 1 участка Речицкого уезда начальнику державной варты того же уезда, 25 июля 1918 г.[1]

В целях сохранения порядка и предотвращения посягательства местного населения на частные собственности землевладельцев в районе Иолчанской волости, отстоящей от мест. Брагина на расстоянии 60—70 верст по одной линии Брагин — Савичи — Иолча, и являющейся самой отдаленной волостью во вверенном мне участке, теперь же вызывается настоятельная необходимость в немедленном расквартировании в центре Иолчанской волости,— в им. Иолче или в мест. Комарине, отряда хорошо вооруженной стражи в 20 человек, или 20—30 солдат германских войск. В Иолчанской волости имеется шесть человек моей стражи в том числе один старший, но так как численность их весьма ограничена, да кроме того они еще не вооружены как следует и не могут оказать достаточного влияния для предотвращения могущих возникнуть беспорядков на почве самовольных порубок лесов и сбора урожая с земель имений.

По жалобе управляющего имением Жары-Фреймана на то, что крестьяне деревни Нижние Жары самовольно рубят лес и убирают рожь, 21 июля, в 9 часов утра, я командировал в имение Жары и район Иолчанской волости своего помощника с 18 солдатами германских войск, взятыми из отряда, находящегося в мест. Брагине.

(подпись).

Из отношения заместителя председателя юревичского сельского старосты речицкому повитовому старосте, 9 августа 1918 г.[2]

22 июля сего 1918 г. ст. стиля в село Юревичи сей волости явился мещанин, житель местечка Черновыля Киевской губернии, Шлема Виленский с командой германских солдат, в числе 27 человек, повидимому 386 полка, так как на погонах солдат обозначен № 386. Виленский, при помощи немцев, взыскивает с крестьян за сено, скошенное в 1917 г. в им. Красноселье владельца Темницкого, которое по слухам Виленский раньше арендовал. Виленский налагает на крестьян непосильные налоги так: на дер. Красноселье 45 тысяч руб. и на село Юревичи 64 тысячи, из числа коих часть взыскана; уплата же остальных денег отсрочена крестьянам до 5 августа 1918 г. (ст. стиля).

---

[1] ЦАОР, ф. 4606, д. № 6, лл. 129—130. Департамент державной варты,— государственной стражи министерства внутренних дел правительства Скоропадского — был гетманской полицией, вербовавшейся из чинов бывшей полиции и корпуса жандармов. Департамент державной варты имел следующий аппарат: губернскую державную варту, уездную и участковую. На участках находились карательные отряды, которые совместно с немецкими военными частями чинили жестокие расправы над рабочими и трудящимся крестьянством.

[2] ЦАОР, ф. 4606, д. № 5, л. 159.

Означенное взыскание Виленский производит помимо решения каких бы то ни было судебных властей, взыскивает сумму, которая в 50 раз превосходит действительную стоимость сена.

(Подпись).

Телеграмма Сенненского военно-революционного комитета Совнаркому, 18 августа 1918 г.[1]

Самочинное наступление второго Смоленского полка на немцев, под руководством лидеров партии левых эсеров[2], принесло ужаснейшее бедствие населению оккупированной местности; ежедневно сжигается масса селений. Десятки тысяч людей погибают невинно. Сотни тысяч семейств обречены на верную голодную смерть. Терроризированное жестокостями немцев население во множестве перебегает на территорию республики и умоляют о помощи. Прошу принять посильные меры к улучшению положения наших братьев за демаркационной линией, а также прошу зависящих распоряжений и указаний о дальнейшей помощи несчастным беженцам.

(Подпись).

Телеграмма председателя 3 чрезвычайного Сенненского съезда советов в Совнарком, 21 августа 1918 г.[3]

11 августа часть красноармейцев левых эсеров пошли в наступление заняли несколько селений, оккупированной немцами местности, селения эти вновь заняты немцами. Последние производят жестокие расправы над мирными невинными жителями. Расстреливают мужчин, женщин; несколько селений сожгли. Все имущество конфисковали. Жители бедствуют, скитаются по лесам, умирают с голода. Третий чрезвычайный Сенненский съезд советов протестует против таких насилий и ходатайствует о принятии срочных мер к защите и восстановлению прав, безнаказанного возвращения на родину бежавших, и о возвращении куда-то уведенных семнадцати граждан деревни Рудницы.

(Подпись).

Из суточной информационной сводки народного комиссариата по военным делам, 6 сентября 1918 г.[4]

В районе Речицы для реквизиции урожая немцами высланы специальные отряды, состоящие из двух полков. Для отправки продуктов внутрь Германии немцы, воизбежание покушений на поезда, придумали следующий способ: из 40 вагонов, составленных для отправки беженцев, у паровоза пять вагонов нагружают зерном, мукой, десять вагонов с беженцами, три вагона с немецкими солдатами, дальше два вагона скота, а потом опять беженцы.

---

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. № 180, л. 12.

[2] Левые эсеры во время заключения Брестского мира выступили против мира и всеми мерами пытались сорвать мирные переговоры. В данном случае левые эсеры спровоцировали Смоленский полк на выступление против немцев и этим дали повод немцам проводить варварские репрессии в отношении населения.

[3] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. № 236, л. 9. На подлиннике карандашем написано «Чичерину, Свердлову».

[4] ЦАКА, д. № 173, л. 74.

Из Бюллетеня № 43 бюро печати Наркомвоена, 25 сентября 1918 г.[1]

На Украине.

Киев. 22 сентября австро-германские военные власти отдали весьма характерный приказ по оккупационным войскам. Солдатам запрещено под угрозой строжайшего наказания всякое общение с евреями, запрещено гулять с ними и разговаривать без особой на то нужды. Причины этого оригинального приказа,— опасение агитации еврейского революционного населения среди германских и австрийских войск.

Рапорт Карповинского волостного головы начальнику державной варты 8 участка Речицкого уезда, 30 октября 1918 г.[2]

Представляя при сем поручение за № 36, доношу, что в феврале месяце сего года немецкий комендант ст. Осташковичи 438 полка объявил по Карповинской волости реквизицию лошадей. Солдаты означенной части находясь в деревне Осташковичи приказали местному крестьянину Павлу Моисееву Пунтусу о доставлении им своей лошади для реквизиции. Пунтус отказывался и уклонялся от доставления, но немцы требовали настойчиво, за что Пунтус ударил немецкого солдата и за это, тем же комендантом, приговорен к смертной казни и был расстрелян на ст. Осташковичи. За нанесение побоев Пунтусом немецкому солдату тем же комендантом наложен штраф на все общество деревни Осташковичи в 50 шт. свиней не менее 3 пудов каждая, на сумму 30 000 руб. и 20 штук рогатого скота, не менее 10 п. каждая, на сумму 12 000 р.— всего на сумму 42 000 руб. Скот и свиньи полностью доставлены обществом в распоряжение коменданта на ст. Осташковичи и погружены в вагон[3].

(Подпись).

Рапорт начальника 6 участка Речицкого уезда начальнику державной варты того же уезда, 3 ноября 1918 г.[4]

На предписание от 11 октября с. г. за № 193[5] доношу, что в районе вверенного мне участка германскими властями не раз производились реквизиции у населения, но приурочить эти реквизиции именно ко времени обезоружения населения и восстановления порядка нельзя.

Были случаи, когда немецкие части перед уходом из той местности, где они были расположены, без всякого повода производили реквизицию скота и продуктов. Такие реквизиции немцы называли куплей у населения излишков, но купля это носила характер реквизиции. Кем делались распоряжения о производстве реквизиции выяснить невозможно, так как почти ни у кого из лиц, у коих таковая производилась документов на руках не имеется, но, как заявляют крестьяне, немцы всегда выдавали им расписки.

(Подпись).

---

[1] ЦАКА, д. № 119—244, л. 14.

[2] ЦАОР, ф. 4606, д. № 3, л. 33.

[3] Сведения о реквизиции были представлены в ответ на требование отдела бухгалтерии департамента общих дел при министерстве внутренних дел от 30/VIII — 1918 г., в котором предписывалось полесскому губернскому старосте собрать сведения по уездам о реквизициях, проведенных немецкими и австрийскими властями, причем было оговорено, что учитывать нужно не все реквизиции «но только исключительно в тех случаях, если это произошло во время обезоруживания населения и восстановления порядка...» (ф. 4606, д. № 3, л. 32 об.).

[4] ЦАОР, ф. 4606, д. № 3, лл. 8—9.

[5] Имеется в виду предписание начальника державной варты Речицкого уезда, сделанное в дополнение к предписанию отдела бухгалтерии департамента общих дел министерства внутренних дел от 30/VIII — 1918 г.

Из списка имущества реквизированного 438 германским полком у населения Дудичской волости Речицкого уезда [июнь — октябрь 1918 г.][1].

Наименование деревень, у коих произведена реквизиция	Название реквизированного имущества	Количество	Пуды	Фунты	Уплаченная сумма за реквизированное		Стоимость реквизированного имущества	
					Руб.	К.	Руб.	К.
Село Дудичи	кабанов	11	—	—	522	—	5 960	—
	рогатого скота	8	—	—	640	—	1 920	—
	баранов	2	—	—	25	—	200	—
	ржаной муки	—	41	—	—	—	2 500	—
	ячменя	—	6	—	—	—	150	—
	картофеля	—	90	—	45	—	520	—
	сала	—	2	—	90	—	800	—
Село Якимовичи	рогатого скота	4	—	—	675	—	1 500	—
	кабанов	1	—	—	560	—	1 000	—
	картофеля	—	200	—	600	мар.	1 000	—
Дер. Клинек	бык	1	—	—	315	—	800	—
	баран	1	—	—	16	—	80	—
	сало	—	4	9	75	—	1 690	—
	хлеба	—	28	15	55	—	1 680	—
	картофеля	—	25	—	10	—	200	—
Дер. Горбовичи	кабан	1	—	—	20	—	400	—
	картофеля	—	80	—	120	—	640	—
	сала	—	5	—	не уплоч.		1 000	—
	ржи	—	20	—	80	—	1 600	—
Хутор Садки	ржи	—	20	—	100	—	1 600	—
	картофеля	—	36	—	60	—	288	—
Хутор Ячное	рогатого скота	3	—	—	400	—	1 600	—
	кабанов	2	—	—	600	—	800	—
	картофеля	—	30	—	не уплоч.		240	—
Дер. Заполье	ржи	—	40	—	80	—	1 000	—
	картофеля	—	40	—	16	—	120	—
	ржи	—	40	—	80	—	1 000	—
	картофель	—	30	—	12	—	90	—
	кабанов	2	—	—	500	—	1 500	—
	корова	1	—	—	500	—	600	—
С. Суховичи	ржи	—	80	—	245	—	4 000	—
	кабанов	2	—	—	75	—	1 500	—
Дер. Шиичи	сала	—	2	—	не уплоч.		800	—
	ячменя	—	25	—	—	—	600	—
	картофеля	—	25	—	56	—	75	—
Дер. Горохов	картофель	—	25	—	не уплоч.		75	—
Дер. Булавки	ржи	—	10	—	15	—	500	—
	картофеля	—	40	—	24	—	160	—
Дер. Туровичи	картофеля	—	40	—	13	—	120	—
	ржи	—	30	—	45	—	1 500	—
Дер. Шалыты	кабанов	5	—	—	436	—	1 400	—
	ржи	—	150	—	725	—	9 000	—
	овса	—	500	—	не уплоч.		2 500	—
Дер. Юшки	кабанов	3	—	—	125	—	480	—

Начальник дер. варты 7 уч. (подпись)

[1] ЦАОР, ф. 4640, д. № 3, л. 30.

II

Телеграмма комиссара чрезвычайного штаба района Новосокольники Псковской губ. Совнаркому, 6 марта 1918 г.[1]

Ефосиньгинская, Замшанская, Дервишенская, Клястицкая, Изынская волости Полоцкого уезда вступили в отчаянную партизанскую войну с немцами и помещиками; немцы руководимые сынками помещиков делают набег на организацию и просто деревни; у партизан нет патронов и мало винтовок, по возможности их снабжаем. Население этих волостей после того как немцы издали приказ о возвращении всего помещикам, единодушно стало вести борьбу; настроение очень воинственное и бодрое. Просьба потребовать от немецкого командования прекращения набегов, согласно заключенного договора,[2] парламентеры еще не возвратились; дайте директивы действий.

(Подпись).

Из оперативной сводки военного комиссариата Московской области, 16 марта 1918 г.[3]

Западный фронт. На всем западном фронте идет усиленное и успешное формирование крестьянских партизанских отрядов по своей инициативе. Разведка сообщает о начавшейся перегруппировке германских ударных групп. В тылу немцев усиленно действуют наши партизаны: получены сведения что между Гомелем и Жлобиным взорван немецкий бронированный поезд. Крестьяне к немцам настроены враждебно и к себе в деревню без сопротивления не впускают.

(Подпись).

Из оперативной сводки военного комиссариата Московской области, 26 марта 1918 г.[4]

Получено известие, что крестьяне режутся с немцами за Речицей. Крестьяне окопались и дерутся с немцами. Отбили 1 000 винтовок и 4 пулемета.

(Подпись).

Из оперативной сводки военного комиссариата Московской области, 11 апреля 1918 г.[5]

Западный фронт. На Невельском, Смоленском, Рославльском направлениях без перемен. В бою под Новозыбковым немцы атаковали наши части, при чем понесли огромные потери. Новозыбков после ожесточенного сопротивления нами оставлен. В бою блестяще отличились 1 Московский партизанский отряд, крестьянские отряды и артиллерия. Действия их выше всякой похвалы. При оставлении нами Новозыбкова противнику захватить никаких трофеев не удалось. Вывезено все, в том числе и подвижной состав жел. дорог.

(Подпись).

Из «Вестника» Наркомвоена[6]

Смоленск 19 июня. Движение в губернии приняло характер повсеместных и отдельных восстаний крестьян против немецких и украинских частей, сопровождаемых расправами с мелкими немецкими

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. № 180, л. 1.
[2] Речь идет о подписанном 3 марта 1918 г. мирном договоре в Брест-Литовске.
[3] ЦАКА, д. 392—283, л. 91.
[4] Там же, л. 72.
[5] Там же, л. 35.
[6] ЦАКА, д. № 61—776, л. 80.

отрядами и помещиками. Немцы усмиряют население артиллерией. Украинцы — многочисленными карательными отрядами.

Циркуляр директора департамента государственной стражи министерства внутренних дел Украины, 3 июля 1918 г.[1]

При ликвидации преступного элемента различных противоправительственных революционных организаций, а также и уголовных обществ может случиться, что произведенные у названных категорий лиц обыски не установят точно принадлежности их к опасной для Украинской державы партийной работе и вообще к тому или иному преступному сообществу и поэтому не представится возможным направить дела о таких лицах прокурорскому надзору, но в то же время найдутся против них данные, могущие быть вполне достаточными для того, чтобы снестись с германским командованием, на предмет высылки таких лиц из пределов Украинской державы.

В виду этого, по согласованию с высшим германским командованием, прошу Вас лиц указанных категорий немедленно задерживать и при соответствующих постановлениях передавать германским властям для применения к ним приказа германского фельдмаршала Эйхгорна[2], выписка с которого прилагается на обороте сего.

(Подпись).

Выписка из приказа германского фельдмаршала Эйхгорна.

По всем сведениям терроризует страну только 10—12% крестьян. К ним по всем сообщениям благомыслящих кругов населения присоединяются в качестве агитаторов евреи, которые возбуждают крестьян к уничтожению озимых посевов. Эти нездоровые, недовольные и опасные элементы при всяком движении должны обезвреживаться и удаляться из деревень в интересах как страны, так и немецкого авторитета. При сопротивлении нужно прибегать к военным мерам. Если арестованные не подлежат немедленному действию приговора немецкого военного суда, они должны передаваться в ведение этапов и там назначаться в ведение особых рабочих групп.

Верно: Подпись.

Из рапорта начальника государственной стражи 6 участка Речицкого уезда начальнику государственной стражи того же уезда, 5 июля 1918 г.[3]

В исполнение предписания от 1 июля с. г. за № 1[4] доношу, что общее настроение населения участка сравнительно спокойное, но в крестьянстве все же дремлют большевистские наклонности. В данное время при охране порядка немецкими войсками вражда крестьян к помещикам ни во что вылиться не может.

Завтра, т. е. 6 июля из Хойник, и вообще из вверенного мне участ-

---

[1] ЦАОР, ф. 4606, д. № 6, л. 52. Настоящий циркуляр был препровожден полесским губернским старостой речицкому, пинскому и мозырскому уездным старостам «для руководства и точного исполнения».

[2] Эйхгорн Г.— германский генерал-фельдмаршал. Во время срыва брестских переговоров руководил наступлением германских войск на Советскую Россию. С марта 1918 г. главнокомандующий германских оккупационных войск на Украине.

[3] ЦАОР, ф. 4606, д. № 11, л. 5.

[4] Начальником государственной стражи Речицкого уезда был разослан циркуляр всем участковым начальникам от 1/VII 1918 г. за № 1 с предписанием об ежедневном донесении о «настроении населения» и о «наиболее выдающихся случаях выступления против Украинской власти». (ф. 4606, д. № 11, л. 1.)

ка, германцы куда-то уходят. До прихода смены, могут быть беспорядки. Я принял все меры предупреждения.

Выступлений против украинской власти открытых не замечалось. Разбойных нападений тоже не было. Сельско-хозяйственные работы идут нормально; кое-где уже приступили к сбору хлеба.

Продовольственный вопрос: германцы взяли в районе участка почти все, что можно было взять. Таким образом, наряд, который получили от земства волостные и земские управы, выполнить можно будет лишь по сборе нового хлеба. В связи с реквизициями, отношение крестьян к немцам глухо враждебное, но открыто крестьяне его не проявляют, боясь репрессий.

(Подпись).

Рапорт начальника государственной стражи 6 участка Речицкого уезда, начальнику государственной стражи того же уезда, 8 июля 1918 г.[1]

В исполнение предписания от 1 июля с. г. за № 1 доношу: что общее настроение населения участка выжидательное. Ждут пока уйдут немецкие части, чтобы приняться за грабеж экономий и убийство помещиков. Если скоро придет смена немецким частям, хорошо; если смены не будет скоро, будет кровопролитие. Открытых выступлений против украинской власти пока нет. В некоторых местах, так например, в имении Микуличах уже начали травить помещичьи сенокосы. С малочисленной вартой, почти безоружной, ничего не могу сделать. Прошу помощи и оружия. Сельскохозяйственные работы идут нормально. Крестьяне говорят, что если они уничтожат урожай, то немцам не для чего будет ехать к ним вновь; я боюсь, чтобы они в отсутствии немцев этим не занялись.

Продовольственный вопрос: из старого урожая немцы взяли почти все, что можно было взять.

(Подпись).

Из рапорта начальнику государственной стражи 1 участка Речицкого уезда начальнику государственной стражи того же уезда, 11 июля 1918 г.[2]

Мною получены негласные сведения о том, что под руководством бывшего члена Речицкого Совета солдатских и рабочих депутатов организуется тайное общество, имеющее своею целью выступить с оружием против немецких войск, находящихся на территории Украины и украинского правительства.

Предполагается собрание этого общества в деревне Кривче после 11 июля. Имеются даже такие сведения, что организаторы предположили открыть в местечке Брагине штаб своего полка.

Докладываю, что в данное время в деревне Кривче, где предполагается собрание, имеется наблюдение за населением со стороны командированных туда солдат и немецких войск, прибывших в Брагин 8 июля, что по изложенному делу я произвожу негласное письменное расследование и если на негласном расследовании сведения подтвердятся, то виновных я немедленно подвергну задержанию при содействии немецких сил.

(Подпись).

---

[1] ЦАОР, ф. 4606, д. № 11, л. 13.
[2] ЦАОР, ф. 4606, д. № 11, лл. 77—78.

Сведения о настроении населения и состоянии за 5 августа 1918 г. по 5 участку Речицкого уезда.[1]

1) Наиболее выдающиеся случаи выступления против украинской власти.	Не было.
2) Общее настроение населения.	Повышенное. Появление на трактовой дороге и прилегающим к дорогам деревень большого числа немецких солдат, навело страх и панику среди крестьян, которые полагают применение к ним немецкими солдатами репрессивных мер при производстве реквизиции урожаев.
3) Разбойные нападения.	Не было.
4) Общий ход сельскохозяйственных работ и не произошло ли в них каких-либо изменений.	Изменений не произошло.
5) Положение продовольственного вопроса.	Не улучшилось. В широких массах населения установилось убеждение, что выборные чины продовольственного отдела совершенно не озабочены снабжением населения продовольствием, а только личной наживой и ждут распоряжения от высшего начальства по этому делу и назначения новых лиц по продовольственному делу.

Начальник государственной стражи 5 уч. Речицкого уезда
(Подпись).

Сведения о настроении населения и состоянии за время с 9 по 13 августа включительно по 5 участку Речицкого уезда[2].

1) Общее настроение населения.	Повышенное. Крестьянские массы, в особенности из солдат, высказывают сожаление о том, что при советской власти они не вырезали всех помещиков и буржуев, которые, по их мнению, призвали немцев и теперь их продукты и скот реквизируют. Выражают надежду на возможность возврата советской власти и тогда уже они расправятся с помещиками и буржуями по своему.

[1] ЦАОР, ф. 4606, д. № 11, л. 180. Заголовок подлинника.
[2] ЦАОР, ф. 4606, д. № 11, л. 205. Заголовок подлинника.

2) Наиболее выдающиеся случаи выступления против украинских властей.	Не было
3) Разбойные нападения.	Не было.
4) Общий ход сельскохозяйственных работ и не произошло ли в них каких-либо изменений.	Изменений не произошло.
5) Положение продовольственного отдела.	Не улучшилось, в виду полной бездеятельности чинов выборных в продовольственном отделе, против которых большинство населения выражает недоверие.

Начальник государственной стражи 5 участка Речицкого уезда
(Подпись).

Из бюллетеня бюро печати Центрального Исполнительного Комитета, 16 августа 1918 г., № 127.[1]

...На Украине. Восстание крестьян на Украине все более и более разрастается.

В первый раз за все время берлинские газеты обсуждают повстанческое, партизанское движение крестьян, принимающее громадные размеры, чего даже не скрывают берлинские официозы.

Почтово-телеграфное агентство передает о том, что 7 августа Всеукраинский революционный комитет издал приказ начать вооруженную борьбу с германо-гетманскими насильниками. 11 августа г. Чернигов был захвачен повстанцами, которые захватили 2 орудия, пулеметы, деньги из гос. банка и железнодор. кассы. Гарнизон немецкий в 1 500 ч. был перебит. Вследствие приближения германских отрядов повстанцы оставили город, не желая принять боя. Точно также город и станция Нежин были захвачены повстанцами, но на следующий день были оттеснены подошедшими из Киева германскими подкреплениями.

(Подпись).

Из циркуляра инспекторского отдела департамента государственной стражи министерства внутренних дел Украины полесскому губернскому старосте, 22 августа 1918 г.[2]

По приказанию г. министра внутренних дел, сообщаю, что по соглашению с германским командованием высылка вредных элементов за пределы украинской державы может производиться и при отсутствии письменных оснований для применения этой меры.

В случае отказа германских и австро-венгерских комендантов принять передаваемых для высылки лиц необходимо срочно доносить директору департамента державной варты для доклада министру.

(Подпись).

---

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 14, д. № 13, ч. 1, л. 52.
[2] ЦАОР, ф. 4606, д. № 6, л. 172.

Предписание речицкого уездного старосты начальнику речицкой уездной государственной стражи и участковым начальникам стражи, 7 сентября 1918 г. [1]

Предписываю строго следить за всеми лицами, кои принадлежат к крайним левым партиям и всячески агитируют против властей, а также за главарями революционного движения.

Всех подобных лиц, по расследовании, арестовывать и представлять дознания мне на предмет высылки [виновных] из пределов Украины.

(Подпись).

Постановление. [2]

1918 года октября 3 дня. Речицкий уездный староста рассмотрев сего числа дознание произведенное начальником 4 района государственной стражи Речицкого уезда по обвинению крестьян деревень Капоровки Ровенско-Слободской волости Речицкого уезда: Филиппа Данилова Шаповала, Петра Ефимова Бурьяка, Бориса Филиппова Шаповала, Ивана Александрова Сапончика и Ефима Федорова Бурьяка в агитации против немецких и украинских властей и принимая во внимание, что добытыми данными дознания, перечисленные лица вполне изобличены в вредной противоправительственной пропаганде п о с т а н о в и л: Филиппа Шаповала, Петра Бурьяка, Бориса Шаповала, Ивана Сапончика и Ефима Бурьяка передать в германскую этапную комендатуру на предмет высылки их из пределов Украины, все производство по этому делу направить в комендатуру за нею же перечислить дальнейшим содержанием обвиняемых. Копию настоящего постановления сообщить начальнику речицкой тюрьмы для сведения.

(Подпись).

Постановление. [3]

1918 года октября дня, Речицкий уездный староста рассмотрев сего числа дознание произведенное Начальником 1 района государственной стражи Речицкого уезда по обвинению крестьян деревни Кривчи: Василия Никифорова Канчера, Трофима Степанова Леоненко, дер. Новой Алексеевки Федоса Евсеева Хоменко, Степана Иванова Вороненко и деревни Совки Романа Иванова Канчера в организации тайного общества, имеющего целью выступление с оружием против германских войск на Украине и украинского правительства, и принимая во внимание, что добытыми данными дознания перечисленные лица вполне изобличаются во вредной антиправительственной агитации п о с т а н о в и л:

настоящее дознание представить г. Полесскому губернскому старосте с ходатайством о применении к Василию Канчеру, Трофиму Леоненко, Федосу Хоменко, Степану Вороненко и Роману Канчеру высылки из пределов Украины. Поименованных лиц перечислить дальнейшим содержанием в речицкой тюрьме за г. Полесским губернским старостой. Копию сего постановления сообщить начальнику речицкой тюрьмы для сведения.

(Подпись).

---

[1] ЦАОР, ф. 4606, д. № 10, л. 281.
[2] ЦАОР, ф. 4606, д. 5, 1918 г., л. 215.
[3] ЦАОР, ф. 4606, д. 5, л. 240. Точная дата в документе отсутствует.

Сводка о боевых действиях на фронтах по данным на 14 декабря 1918 г.[1]

9 декабря советскими войсками занят Двинск.

9 декабря немцы ушли из Сеславино и очистили весь район до Поставы.

10 декабря немцы очистили Минск.

6 декабря принята Слуцкая железная дорога. Ветка до Слуцка исключительно, а 3 декабря принята ст. Слуцк.

В районе Минска по деревням расположены польские легионеры, главные силы поляков в районе Минска.

У Креславки (Полоцко-Двинское направление) обнаружены части 29 лив. дивизии.

В Крейцбургском направлении нами захвачено 20 паровозов и подвижной состав.

---

[1] ЦАКА, д. № 63—530, л. 133.

Франко-германский кризис 1875 г.

Дипломатический эпизод, известный под названием «военной тревоги 1875 г.», привлекает к себе большое внимание исторической литературы. Не существует ни одной сколько-нибудь серьезной работы по истории международных или дипломатических отношений, в которой оценка «военной тревоги» не заняла бы своего места. Рассмотрению этого вопроса посвящена большая литература,— историческая, публицистическая, мемуарная, документальная. Изучение этой литературы,— общей и специальной,— показывает, что одни из буржуазных историков и публицистов стремятся подчеркнуть историческое значение этого эпизода, другие, напротив, стремятся это значение преуменьшить,— однако и в том и в другом случае исследователи пытаются установить, кто именно и в какой степени несет политическую ответственность за военную тревогу, которая по истечении неполных четырех лет после франко-прусской войны снова охватила Европу. Именно это и придает остроту всей существующей литературе по истории франко-германского кризиса 1875 года.

Современные наблюдатели, застигнутые врасплох слухами о возможности новой франко-германской войны, разумеется, не могли знать того, что так тщательно разыгрывалось и так тщательно скрывалось за кулисами европейской дипломатии. Только самые проницательные среди непричастных к европейскому дипломатическому Олимпу современники, и среди них, прежде всего Ф. Энгельс,— смогли понять существо политики и дипломатии правящих классов, смогли проникнуть в тайну военной подготовки и дать классово-политическую и историческую оценку тем событиям, которые означали приближение новой франко-германской войны. Это проникновение в смысл «военной тревоги», обнаруженное Ф. Энгельсом (который, как известно, вместе с К. Марксом, тщательно изучал военные и дипломатические вопросы), весьма примечательно, так как некоторые фактические подробности относительно германских планов превентивной войны против Франции, стали известны только несколько лет спустя.

Но чем и кем была вызвана эта «военная тревога»? Как подготовлялась Германией превентивная война против Франции? Почему эти планы остались неосуществленными? По всем этим вопросам авгуры европейской дипломатии предпочитали сохранять молчание. Когда лидер оппозиции в палате общин маркиз Гартингтон сделал запрос о политике, проводившейся британским правительством летом 1875 г., Дизраэли только констатировал факт дипломатического вмешательства Англии в связи с обострившимися взаимоотношениями между Германией и Францией. А в ответ на весьма почтительно изложенную Гартингтоном (не желавшим, по его собственному признанию, «создавать затруднения правительству») просьбу «огласить в палате, если можно, относящуюся к этому вопросу переписку»,— со стороны правительства последовал недвусмысленный отказ. Только в октябре 1879 г., вынужденный уйти в отставку французский министр иностранных дел герцог Деказ, инспирировав статью Э. Доде в «Фигаро» — «Германия и Франция в 1875 г.», впервые приоткрыл завесу над событиями, вызвавшими призрак новой войны. В этой статье была высказана уверенность в том, что в феврале 1875 г. бисмарковская Германия стремилась заручиться благоприятной позицией России в обмен на компенсации, обещан-

ные России на Востоке (такова была задача миссии Радовица в Петербурге в феврале 1875 г.), для того, чтобы нанести Франции новый сокрушительный удар. Статья рассказывала о тех мерах дипломатического характера, которые были предприняты французским правительством и министром Деказом и которые имели ввиду разоблачить германские планы превентивной войны против Франции и сорвать возможность осуществления этих планов. Эта статья Доде,— равно, как и выпущенная им после книга, вызвали сенсацию [1].

Через несколько лет, в мае 1887 г., во время разгара нового кризиса взаимоотношений между бисмарковской Германией, где были столь живучи планы превентивной войны, и Францией, где буланжизм, казалось, праздновал тогда свои оргии,— во время новой военной тревоги, охватившей всю Европу, на страницах французской печати появились новые материалы, разоблачавшие кризис франко-германских отношений 1875 г. То, что автором этих разоблачений был один из участников закулисных событий 1875 г.,— французский посол в Петербурге генерал Лефло,— придавало материалам особенное политическое значение [2].

Материалы эти подтверждали, что только предостерегающее вмешательство России предотвратило в 1875 г. неминуемое, казалось, нападение бисмарковской Германии на Францию.

Этот исторический экскурс генерала-дипломата был не чем иным, как политическим аргументом в пользу франко-русского союза, необходимость которого тогда живо обсуждалась во Франции. Когда франко-русский союз был заключен, во Франции появился целый ряд работ [3] — исторического, публицистического и мемуарного характера,— в которых события 1875 г. рассматривались как исторический этап на пути к союзу между Францией и Россией. Поскольку было известно, что дипломатический нажим в Берлине в пользу Франции, наряду с Россией, был предпринят также и Англией, то отсюда позднее был сделан вывод, что именно в дни военной тревоги 1875 г. появились первые зачатки Тройственного согласия — Антанты. «Действительно, — писал Раймонд Пуанкаре после мировой империалистической войны 1914—1918 гг.,— уже в то время обозначились первые штрихи той политики, в результате которой создалось Тройственное соглашение,— и когда мы слышим сетования Германии на то, что Англия, Россия и Франция заранее согласились, чтобы создать окружение Германии, мы должны вспомнить, что причиной этого были угрозы со стороны Бисмарка, которые в первый раз в 1875 г. побудили эти три державы объединиться в целях поддержания мира» [4].

Так, в ходе последующей политической борьбы и соперничества всплывали все новые и новые материалы, освещавшие германские планы превентивной войны против Франции,— планы, возникшие, можно сказать, на второй день после разгрома Франции и образования Германской империи. Разумеется, германская буржуазная историография отнюдь не была заинтересована в том, чтобы поведать миру об этих ранних и неосуществившихся, благодаря вмешательству третьих сил, планах подготовки нового военного разгрома Франции. Все, что было написано в Германии по этому вопросу, являлось лишь вариациями замечаний, высказанных о событиях 1875 г. самим «железным канцлером» кн. Бисмарком в его «Мыслях и воспоминаниях». Один из главных вдохновителей германских планов вторичного разгрома Франции,— но вместе с тем и наиболее ловкий и осторожный из них,— Бисмарк, пытался впоследствии полностью от-

---

[1] Ernest Daudet, Souvenirs de la Présidence du Maréchal de Mac-Mahon, 1880.

[2] Général Le Flô, L'Empereur Alexandre II et la France en 1875. «Figaro», 21 mai 1887.

[3] См. Статью Kératry в «Figaro», 1892. Florens, Alexandre III. Sa vie et son oeuvre, Paris, 1894. Ernest Daudet, Histoire diplomatique de l'alliance franco-russe 1879—1893. Paris, 1894. Benedetti, Essais diplomatiques, 1895. De Broglie, La Mission de Mr. Gantaut — Biron a Berlin, Paris, 1896. V. Gorloff, Les origines et les bases de l'alliance franco-russe.

[4] Р. Пуанкаре, Происхождение мировой войны. Москва, 1924 г., стр. 59.

рицать наличие этих планов, а военную тревогу, вызванную попыткой осуществить их, он стремился объяснить интригами и своекорыстными интересами отдельных лиц. В своих «Мыслях и воспоминаниях» Бисмарк неоднократно возвращается к событиям 1875 г., чтобы снова и снова излить свою досаду и злобу по адресу тех, кто в тот момент сорвал так удачно начатую им игру. Весь эпизод «военной тревоги» Бисмарк расценивал, как дипломатическую интригу, проведенную руководителем русской дипломатии — «тщеславным» Горчаковым, совместно с некоторыми игроками на бирже, и среди них представителями французской дипломатии, при содействии нескольких политических «юбок» (имелась в виду германская императрица Августа и ее ближайшее окружение, обвиненные Бисмарком во французских и католических симпатиях). Организатор трех войн, проведенных Пруссией, Бисмарк пытается свалить всю ответственность за свою неудачу в развязывании новой, четвертой, войны на Горчакова, который, якобы, исполненный зависти к деятельности Бисмарка — миротворца, пытался присвоить себе лавры блюстителя европейского мира. «Горчаков — ангел мира!»,— саркастически восклицает Бисмарк. Но нужно ли было, во имя удовлетворения личного тщеславия, поддержания личного престижа и создания мимолетнего ореола, жертвовать укреплением отношений между Германией и Россией? — спрашивает Бисмарк.

Категорически отрицая наличие в Германии планов превентивной войны против Франции, Бисмарк объявил себя вообще противником наступательной войны. Автор эмской депеши, сумевший путем маленькой фальсификации дипломатического документа представить давно желанную и тщательно подготовленную войну, как войну вынужденную, «железный» канцлер Германской империи неожиданно оказывается совсем несведущим по части той дипломатической мудрости, которую так просто по-солдатски формулировал ген. Мольтке в оправдание германских планов превентивной войны против Франции: «Желает войны не та держава, которая выступает, а та, которая своим образом действия заставляет других выступить» [1]. Даже в наши дни, когда стало очевидно до какой виртуозности дошли герои мюнхенского «мира» в своем искусстве подбрасывать жертве нападения ответственность за это нападение, солдатская «мудрость» ген. Мольтке не кажется окончательно забытой.

В вопросах, касающихся истории франко-германского кризиса 1875 г., германская юнкерская и буржуазно-националистическая историография по большей части повторяла или развивала старую бисмарковскую версию. После мировой империалистической войны некоторые германские буржуазные историки начали обнаруживать склонность совсем забыть о дипломатическом столкновении 1875 г., стремясь лишить его какого бы то ни было исторического значения. Так начала преломляться бисмарковская версия, изложенная на страницах «Мыслей и воспоминаний». Но уже американский историк Кулидж, на основании изучения постепенно накапливающихся материалов, осторожно заметил по поводу этой версии: «Это звучит, быть может, смело, но, все-таки не будет преувеличением сказать, что едва ли хотя бы одно положение этого приковывающего внимание и «убеждающего» рассказа может считаться неопровергнутым или неложным».

Спасая культ Бисмарка, буржуазная историография веймарской Германии приступила к изучению и извлечению из архивов новых материалов, освещающих внешнюю политику бисмарковской Германии и, в частности, пресловутый эпизод 1875 г. [2]. При всей неполноте этих материалов германской историогра-

[1] См. ниже стр. 133.

[2] Die Grosse Politik der europäischen Kabinette, Bd. I. Hans Herzfeld, Die deutsch-französische Kriegsgefahr von 1875, Berlin, 1922. Hojo Holborn, Bismarcks europäische Politik zu Begin der siebziger Jahre und die Mission Radowitz. Mit ungedrückten Urkunden aus dem Archiv des Auswärtigen Amtes, Berlin, 1925 Aufzeichnungen und Erinnerungen aus dem Leben des Batschafters Joseph Maria Radowitz, herausgegeben von Hojo Holborn, Bd. I, Berlin u. Leipzig, 1925. Fbh. L. Rüdt. v. Collenberg, Die deutsche Armee von 1871—

фии все же невольно пришлось внести значительные коррективы в бисмарковскую версию причин «военной тревоги 1875 г.», которая вызвала еще раньше серьезные критические замечания со стороны американских и английских историков [1]. Впоследствии, как известно, были опубликованы официальные французские дипломатические документы, касающиеся этого не столько темного, сколько запутанного эпизода европейской истории [2]. До сих пор не опубликованные документы, которые могли бы осветить позицию Англии и Австро-Венгрии, едва ли внесут что-либо новое по сравнению с тем, что ныне известно по интересующему нас вопросу на основании имеющейся исторической литературы и мемуаристики [3]. Значительный интерес представляют материалы русского министерства иностранных дел, донесения послов, правительственные инструкции и записи о беседах с Бисмарком и другими германскими политическими и военными деятелями. Ранее использованные в советской исторической литературе [4] они ныне полностью публикуются в русском переводе. Тем самым как бы заключается долголетняя полемика по историческому вопросу, всегда вызывавшему к себе преимущественно политический интерес.

Интерес к событиям 1875 г. не устранен и в наши дни, когда старый расчет — бить своих противников по одиночке, становится альфой и омегой внешней политики фашистских государств. Этот расчет, положенный в основу грубо-солдатских методов дипломатии и внешней политики, не был самостоятельным созданием Бисмарка, который, как отметил еще Энгельс,— «только брал чужие идеи в готовом виде и комбинировал их. Но в этой-то ограниченности и было его счастье. Если бы не она, ему никогда не удалось бы создать себе специфически-прусскую точку зрения на всю мировую историю» [5]. А эта точка зрения, покоящаяся на классовых интересах прусского юнкерства и буржуазии, выражалась прежде всего в стремлении низвести Францию до положения экономически-слабой и политически-второстепенной державы. «Никто в мире не питает такой ненависти к французам, как прусские юнкера» [6],— заметил Энгельс. Результаты франко-прусской войны и условия Франкфуртского мира, последующая оккупация германскими войсками французских департаментов обнаружили эту ненависть с новой силой, превзойденной разве только современными фашистскими каннибалами и человеконенавистниками. Эта разжигаемая по отношению к французам ненависть должна была приносить правящим классам бисмарковской Германии нужные плоды и в области внутренней политики — подавления рабочего движения.

Захватив в результате войны против Франции Эльзас-Лотарингию, Бисмарк стремился укрепить основы своей реакционной политики не только внутри страны, но и в международных отношениях. Тайну этой политики, проводимой Бисмарком в отношении к Франции, полностью разгадал Маркс еще в конце августа 1870 г. «Военная камарилья, — писал он тогда, — профессура, бюргерство и трактирные политики предполагают, что это [захват Пруссией Эльзаса и Ло-

---

1914. Forschungen und Darstellungen aus dem Reichtsarchiv. Heft 4. Paul Wentzke, Die Kriegsgefahr von 1875, «Kölnische Zeitung», 27 mai und 28 oktober 1922 и др.

[1] Кроме Кулиджа, см. также J. Holland Rose, The origines of the war. Lectures, Cambridge, 1915, Fuller, The war scar of 1875. «American Historical Review», 1919, vol. XXIX, № 2.

[2] Documents diplomatiques français, serie I. vol. I.

[3] Monypenny and Buckle, Life of Benjamin Disraeli, London 1919. Memoirs and Letters of Right honorable sir Rob. Morier. By his daughter Mrs Rosslyn Wemyss. 2 vol. London, 1911. A record of Britisch diplomacy by Lord Newton, London, 1913. K. Klingenfüss, Beust und Andrassy und die Kriegsgefahr von 1875. «Archiv fur Politik und Geschichte» IV, 1926.

[4] А. Ерусалимский, Военная тревога 1875 г., Ученые записки Института истории Ранион, т. VI. Москва, 1928.

[5] Ф. Энгельс, Сила и экономика в образовании германской империи, 1924 г., стр. 39.

[6] Там же, стр. 58.

тарингии] — средство навсегда оградить Германию от войны с Францией. Наоборот, это — вернейший способ превратить такую войну в европейскую институцию. Это — действительно наилучшее средство увековечить в обновленной Германии военный деспотизм»[1]. Этот военный деспотизм, установленный буржуазно-юнкерскими классами Германии, нуждался для своего дальнейшего укрепления в постоянном обострении международного положения, в постоянном существовании военной тревоги.

В целях утверждения своей военно-политической гегемонии в Европе, бисмарковская Германия стремилась к полнейшей изоляции Франции, которая должна была постоянно оставаться под дамокловым мечом. Изолировав поочередно сначала Данию, потом Австрию и, наконец, Францию,— Пруссия на собственном историческом опыте убедилась, как удобно можно справляться со своими противниками путем «локализованных» войн. В целях локализации предстоящей войны, а заодно укрепления европейской реакции, так недавно пережившей панический страх перед лицом Парижской Коммуны, бисмарковская дипломатия активно участвовала в сколачивании реакционного союза трех императоров — Германии, России и Австро-Венгрии,— намереваясь нанести вторичный удар ослабленной и изолированной Франции. Уже в 1874 г. у Бисмарка было намерение «военной оккупации Нанси, которую он хотел осуществить без объявления войны»[2], под предлогом отместки за послание французских католических епископов, в связи с его политикой т. наз. «культуркампфа». Стремясь предотвратить образование антигерманской коалиции, кошмар которой его душил, германский канцлер под предлогом этого «культуркампфа», вел агрессивную политику и по отношению к государствам, в которых католическое влияние было сколько-нибудь значительно. При этом, как свидетельствуют публикуемые документы, он не останавливался даже перед тем, чтобы требовать, например, от бельгийского правительства изменения законодательства в нужном ему духе, угрожая в противном случае отказом от гарантии бельгийского нейтралитета.

В наши дни фашистские представители германского военного деспотизма не безуспешно применяют подобную тактику по отношению к крупным державам. Тогда же, в средине 70-х годов, это вмешательство Бисмарка во внутренние дела другого государства вызвало широкое возмущение. Только позднее стало ясно, что за этим вмешательством на почве «борьбы за культуру» таились захватнические планы германских военных кругов,— публикуемые ниже документы подтверждают это. О существовании этих планов намекал Мольтке в беседе с английским послом в Берлине: «...У Германии, — сказал он, — нет хорошей границы со стороны Бельгии». Эти же документы дают более или менее приблизительное представление и о тех новых захватнических планах, которые пробудились среди носителей германского военного деспотизма и которые рано или поздно предполагалось осуществить за счет Франции.

Герой трех локализованных войн, проведенных Пруссией, Бисмарк, разумеется, отдавал себе отчет в том, что новое выступление против Франции возможно снова только при благожелательном нейтралитете России. Давнишние французские разоблачения о том, что миссия Радовица (тогда еще молодого дипломата) в Петербурге (в феврале 1875 г.) имела своей задачей добиться нейтралитета царской России в обмен за предоставление последней свободы рук в вопросе о проливах и Константинополе,— категорически отвергались германской историографией. Бисмарк вообще отрицал какое бы то ни было особое значение этой миссии: Радовиц, де, просто должен был временно замещать вакантный посольский пост в Петербурге, в связи с отъездом в отпуск больного кн. Рейсса. Ныне эта официальная версия может быть окончательно отвергнута. Из неопубликованных русских документов[3] известно, что Рейссу пришлось в Бонне специ-

[1] Архив Маркса и Энгельса, I (VI), Москва, 1932 г. стр. 377.

[2] Из неопубликованного письма графа Орлова, Секрет. архив, 1883 г., ср. G. Hanotaux, Histoire de la France contemporaine, vol III, p. 79.

[3] Частное письмо Убри — Горчакову от 4/16 февр. 1875 г., архив внешней политики.

ально выжидать окончания миссии Радовица. К сожалению, в публикуемых ниже документах б. министерства иностранных дел мы находим очень мало сведений о переговорах Радовица в Петербурге. Официальное германское издание Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette хранит по этому вопросу загадочное молчание. Ничего существенного, выходящего за пределы официальной версии, не рассказал и сам Радовиц в своих мемуарах. Однако, отдельные документы, извлеченные из германского архива автором специальной монографии [1], проливают некоторый свет на этот темный эпизод дипломатической истории. Оказывается все же, что Радовиц в этих переговорах в Петербурге не только стремился к урегулированию текущих и второстепенных вопросов ближневосточной политики, но и ставил более общие вопросы, формулируя, правда, в несколько неопределенных терминах, довольно широкую готовность предоставить политике России на Б. Востоке поддержку Германии.

«Deutschland bemühe sich der russischen Politik förderlich zu sein und in grossen Fragen, d. h. in Fragen, die besonders für Russland gross seien, der hiesigen-Auffassung sich anzuschliessen»[2]

Из опубликованных материалов не видно, что германскому дипломату было поручено формулирование требований нейтралитета России в случае повторения франко-германской войны. Однако Радовицу было предложено во время переговоров возможно глубже позондировать политические настроения правящих кругов царской России и, по возможности, добиться уменьшения влияния тех элементов, которые считали, что возрастающим тенденциям Германии к утверждению европейской гегемонии следует противопоставить сближение с Францией. Радовиц должен был внушить в Петербурге мысль, что именно эти круги будут нести ответственность за новую войну, предотвратить которую возможно только полной изоляцией Франции. «Ничто во Франции не поддерживает мысль о войне более, чем питаемая различными русскими влияниями вера в русские симпатии к Франции, и крепкая вера наших з а п а д н ы х с о с е д е й в согласие Германии и России является вернейшим залогом мира» [3].

Таким аргументом германская дипломатия пыталась добиться в Петербурге политической изоляции Франции, т. е. наиболее благоприятных условий для того, чтобы осуществить те планы, которые уже начали формироваться в сознании руководящих военных кругов в Германии. «Не в Сербии и даже не в Польше мы чувствительны, — но там, откуда угрожает в Европе опасность, — именно с Запада»,— эти мысли, согласно инструкциям, полученным из Берлина, должен был внушать Радовиц руководителям русской внешней политики. Эта же мысль лежала в основе инструкций, полученных от Бисмарка германской прессой. Она являлась зрелым плодом той сомнительной дипломатической мудрости, которую, как мы видели, формулировал Мольтке: «Желает войны не та держава, которая выступает, а та, которая своим образом действия заставляет других выступить».

Бисмарк не был обладателем унифицированной прессы à la Геббельс. Но и в его времена германская буржуазная пресса была достаточно послушна и дисциплинирована. Публикуемые ниже документы дают представление о том, как сказалась прославленная германская организованность на газетной кампании, столь внезапно поднявшей военную тревогу. Начался, употребляя слова Энгельса, — «официозный вой о войне», поводом для которого был избран новый французский закон о военных кадрах. «Рептильная пресса Германской империи вновь получила приказ трубить в военные трубы. Безбожная, вырождающаяся Франция ни за что не желает оставить в покое богобоязненную Германию, так пышно расцветающую под господством биржевой спекуляции, грюндерства и краха. Франция вооружается в огромнейших размерах, и та крайняя поспешность, с какой производятся эти вооружения, является лучшим доказательством того,

[1] Hajo Holborn. Bismarcks Europäische Politik zu Begin der siebziger Jahre und die Mission Radowitz, Berlin, 1925.
[2] H. Holborn. Anhang, № 17.
[3] Ibid., № 19.

что она намерена, по возможности уже в будущем году, напасть на невинную миролюбивую империю Бисмарка, которая, как известно, никогда и водички не замутит, которая непрерывно разоружается и о которой только враждебная империи пресса распространяет клевету, будто она законом о местном ополчении только что превратила два миллиона граждан в солдат запаса» [1].

Так издевался Энгельс в апреле 1875 г. по поводу кампании, которая была поднята бисмарковской прессой и которая, очевидно, должна была прикрыть намечавшиеся тогда планы застращивания Франции или создания нужной политической атмосферы для очередного удара на Запад. Энгельс тотчас же разоблачил всю фактическую беспочвенность избранного Бисмарком и его прессой предлога для развертывавшейся антифранцузской кампании. Сравнив установления, созданные во Франции,— тогда только еще на бумаге,— с установлениями фактически уже существовавшими в Германии, Энгельс показал с цифрами в руках, что даже при осуществлении нового французского закона о кадрах, представлявшего собою «значительно ухудшенное издание прусского», ни о каком превосходстве французской армии над германской тогда и в течение многих последующих лет не могло быть и речи. «Мы видим, — заключил тогда Энгельс свое изучение соотношения военных сил Германии и Франции,— что истинной представительницей милитаризма является не Франция, а Германская империя прусской нации» [2].

Военный деспотизм бисмарковской Германии для утверждения своего господства постоянно нуждался в существовании военной тревоги. Тогда, когда для этой тревоги было недостаточно оснований, ее искусственно, хотя и не всегда искусно, создавала бисмарковская дипломатия. Так было и весной 1875 г., когда эта созданная «военная тревога», к тому же, должна была прикрыть оформлявшиеся в военных и отчасти в политических кругах бисмарковской Германии планы превентивной и захватнической войны против Франции. По возвращении из Петербурга в Берлин Радовиц в кругу иностранных дипломатических представителей существование этих планов цинично оправдывал высокими «политическими, философскими и даже христианскими мотивами».

Вскоре, однако, как свидетельствуют публикуемые ниже документы, Бисмарку и его ближайшему окружению пришлось убедиться, что наличие подобных мотивов недостаточно: для осуществления плана вторичного удара на Париж необходима еще надлежащая благоприятная международная обстановка. Оказалось, что она-то и отсутствует. Бисмарковская Германия рассчитывала, что продолжающееся в Азии острое соперничество между Англией и царской Россией развяжет ей руки в Европе. За столь значительный политический просчет пришлось расплачиваться. Пришлось примириться не только с осторожным хотя и настойчивым внушением со стороны Англии, пытавшейся даже заручиться поддержкой Италии и Австро-Венгрии, но и с эффектной дипломатической интервенцией, предпринятой Россией. Горчаков не мог отказать себе в том, чтобы не продемонстрировать перед всем миром свою легко одержанную дипломатическую победу. Он уже заготовил краткий, но весьма выразительный текст телеграммы: «Теперь мир обеспечен». И только под давлением разъяренного Бисмарка он согласился придать телеграмме текст, менее компрометирующий бисмарковскую дипломатию.

Так рассказывал впоследствии Бисмарк английскому журналисту Бловицу, поведавшему об этом на страницах «Times» [3]. Так рассказывает Бисмарк и на страницах своих мемуаров [4]. Громы и молнии военной тревоги уже затихли, Бисмарк же продолжал неистовствовать по поводу своей дипломатической неудачи. Когда в беседе, состоявшейся много месяцев спустя, в декабре 1875 г., Убри сообщал Бисмарку о решениях, принятых в Петербурге «по восточному

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 205.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 212.
[3] См. «Times» от 7 сентября 1878 г., статья «Prince Bismark».
[4] Otto Fürst von Bismarck, Gedanken und Erinnerungen, Bd. II, S. 174.

вопросу» (очевидно, в связи с восстанием в Боснии и Герцеговине), Бисмарк прервал его словами, полными сарказма: «Теперь мир обеспечен». На недоуменное замечание, очевидно, несколько растерявшегося Убри, Бисмарк ответил: «Я в шутку посоветовал князю Горчакову выступить в Петербурге в защиту мира. Ведь в бытность его летом в Берлине он высказался в таком смысле и дошел даже до того, что послал телеграмму германским дворам, сообщая, что «теперь мир обеспечен»,— телеграмму, которая была даже опубликована в Карлсруэ...» Убри пришлось возразить Бисмарку, стремившемуся «высказать все, что у него накипело», что пресловутая циркулярная депеша Горчакова не была предназначена для печати и что она была адресована не германским дворам, а русским миссиям. «...Я не припоминаю,— заявил далее Убри относительно содержания указанной депеши,— чтобы она заключала слово «теперь»... «Она и не заключала его»,— пометил Горчаков на полях донесения Убри [1]. Такова новая маленькая деталь, дополнительно освещающая не только историю о пресловутой депеше Горчакова, но и ценность бисмарковской версии. «...Я никогда не предполагал,— заявил Бисмарк Убри,— что Горчаков выступит в роли миротворца за наш счет, и если бы я был злопамятным человеком, то я запечатлел бы это в своем сердце». Бисмарк, несомненно, и запечатлел это.

Бисмарк неистовствовал и всему эпизоду «военной тревоги 1875 г.» придавал, или делал вид, что придавал, характер личных происков и интриг. Между тем основания для неистовства были, разумеется, более серьезные. Дипломатическое поражение бисмарковской Германии в 1875 г. впервые показало, какие глубочайшие изменения произошли в международной обстановке после франко-прусской войны и Парижской Коммуны. Оно впервые обнаружило неудачу политики изоляции Франции и возможность сближения между Францией и Россией. Оно подтолкнуло бисмарковскую Германию на путь более тесного сближения с Австро-Венгрией, приведшего его вскоре к образованию военного союза двух центральных европейских монархий. Оно впервые показало тщетность усилий новообразованной Германской империи добиться победных лавров путем проведения в самом сердце Европы «локализованных» войн. Оно впервые столь ярко обнажило то, что скрывалось за «миротворческой» политикой военного деспотизма бисмарковской Германии. В этом заключается основной исторический и политический урок давнего, но все еще не забытого эпизода «военной тревоги 1875 г.».

А. Ерусалимский

Депеша посла в Берлине Убри [1] министру иностранных дел кн. Горчакову [2], 2 марта (18 февраля) 1875 г. *

Господин канцлер,

Только что вернулся от кн. Бисмарка, который выразил желание повидаться со мною сегодня днем.

Он тотчас же сообщил мне о причине, побудившей его вызвать меня. Он хотел поставить меня в известность о мероприятии, которое подготовляет германское правительство. Хотя это мероприятие не имеет к нам непосредственного отношения, Бисмарк считает тем не менее нужным предупредить нас о нем и разъяснить его истинный смысл.

Речь шла о том, что правительство собирается запретить вывоз лошадей через все германские границы. «От этой меры «пахнет обычно порохом»,— заметил германский канцлер.— В данном случае это не так. Эта мера, кроме военного и политического, может иметь также и сельскохозяйственное значение, как это и есть в данном случае».

Бавария жалуется, что Франция забирает у нее всех ее лошадей, чем ставит ее в невозможность удовлетворять ее собственные потребности

[1] Депеша Убри от 14/2 декабря 1775 г. № 239. Хранится в Архиве внешней политики.

* Документы подготовлены к печати научным сотрудником Архива внешней политики М. Я. Бессмертной.

в этом отношении. Кроме того, берлинскому кабинету стало известно от конских барышников, что французское правительство дало распоряжение закупить для него в Германии, не считаясь с ценой, до десяти тысяч лошадей.

Надо сказать, что вывоз взрослых лошадей в столь значительном количестве сказывается в стране в течение четырех ближайших лет. Он еще дает себя чувствовать на третьем году и ощутим до четвертого года. В то же время предложенные цены подрывают земледелие.

Поэтому германское правительство решило запретить вывоз лошадей, но не ввиду войны, а учитывая свои собственные нужды и свои конские запасы.

Франция уже закупила для своей армии и карлистов[3] много лошадей в Венгрии, в Турции и даже в России, но эти лошади слишком легки для ее военных надобностей. Она поэтому думает обратиться к Германии. Князь Бисмарк не рассматривает это намерение французского правительства как угрозу войны. Он знает, что Франции нужно еще около тридцати тысяч лошадей для того, чтобы пополнить свои вооружения. Но он не считает необходимым помогать французскому правительству в этом деле.

К тому же, ему кажется, что вооружения предпринимаются в слишком широком масштабе и явятся слишком обременительными для финансового положения Франции, несмотря на ее неоспоримое богатство.

Впрочем, кто может отвечать за увлечения столь безрассудной нации, как французская. Уже теперь во Франции есть люди, утверждающие, что нужна война для того, чтобы выйти из настоящих затруднений. По их мнению, при первом же пушечном выстреле явился бы король.

Не придавая слишком большого значения подобным разговорам, не следует все же упускать из виду особенности, присущие характеру французов.

Я спросил кн. Бисмарка, будет ли предполагаемой мерой запрещен также ввоз и транзит через Германию лошадей и будет ли эта мера сопровождаться успокоительными объяснениями по отношению к французскому правительству.

Он сказал мне, что этого не будет, но что он, конечно, даст разъяснения, если у него их спросят.

Что же касается ввоза лошадей в Германию, то он будет всегда разрешен; он желал бы также допустить и транзит для того, чтобы этим запрещением не нанести ущерба торговле.

Спешу сообщить эти подробности вашей светлости. Мера эта, впрочем, предрешена и находится накануне обнародования, так как германский кабинет сносится уже по этому поводу с другими членами германского союза.

Убри.

Депеша посла в Берлине Убри министру иностранных дел Горчакову, 9 марта (25 февраля) 1875 г.

Господин канцлер,

Приказ, воспрещающий на всем протяжении Германской империи вывоз лошадей, появился 4 марта. Считаю долгом его при сем приложить. Он входит в силу с того же числа. Канцелярии имперского канцлера предоставляется право допускать исключения и следить за применением этой меры.

За несколько дней до опубликования приказа, газеты сообщили, что Франция предписала своим агентам произвести крупные закупки лошадей в Германии и требовали, чтобы правительство приняло меры для предупреждения неблагоприятных последствий такого крупного вывоза лошадей.

В случае надобности князь Бисмарк будет иметь возможность сказать, что запрещение, изданное правительством, было вызвано требованием общественного мнения.

Таким образом мера эта была искусно подготовлена. Под влиянием газетных внушений публика отнеслась к ней совершенно спокойно. Что касается прессы, то она в данном случае проявила такую же дисциплинированность и такую же готовность оказывать содействие правительству, как и прежде.

Убри.

Письмо посла в Берлине Убри министру иностранных дел Горчакову, 9 марта (25 февраля) 1875 г.

Князь,

Перед своим отъездом Рейсс[4] посетил меня, и я кратко передал ему содержание тех сообщений, которые я только что сделал Бюлову[5].

Рейсс отметил, что Радовиц[6] написал в министерство д-ру Бушу[7] «что достигнуто полное согласие относительно малых дел восточной политики[8], и что он может вернуться продолжать свою большую политику». «Если, действительно,— добавил Рейсс,— спокойствие на Востоке восстановлено, оно легко может быть снова нарушено, принимая во внимание положение в этих странах. Но соглашение трех императоров[9] всегда заставит себе повиноваться. Это — скала, о которую все разбивается и было бы весьма благоразумно распространить это соглашение не только на восточный, но и на все другие вопросы».

Я считал нужным, князь, привести дословно эти слова, меня поразило совпадение их с замечанием Бюлова относительно возможности волнений на востоке.

Позвольте мне сделать отсюда некоторые выводы и поделиться с вами своими личными впечатлениями. Радовицу, как я и предполагал, было поручено уточнить соглашение относительно восточных дел. Рейсс будет добиваться достижения такого соглашения в вопросах европейской политики. Чтобы добиться этого результата, используют восточный вопрос, который более непосредственно нас интересует, подчеркивая с этой целью опасности, которые в этом вопросе таятся.

Вот каковой мне представляется в отношении нас политическая программа Бисмарка в настоящее время. Нам нечего, как мне кажется, ни пугаться ее, ни отвергать, только бы средства, пущенные в ход, не зашли дальше цели *. В этом мы находим также объяснение поведения Лихтенберга в Цетинье, о котором писал вам Ионин[10].

Во всяком случае, эта программа Бисмарка свидетельствует о лестном для нас значении, какое придают согласию с нами. Его хотели бы, однако, в интересах Германии распространить на все политические вопросы.

Убри.

Депеша посла в Брюсселе Блудова министру иностранных дел Горчакову, 13 (1) марта 1875 г.

Князь,

Вот уже больше года, как разногласия германского правительства с ультрамонтанским духовенством[11] повлияли на взаимоотношения с Бельгией.

Во время происходившего в Фульде съезда епископов[12] два представителя высшего духовенства послали своим германским собратьям выражение своего сочувствия.

* Помета Александра II: «Да, только бы».

По этому поводу Берлинский кабинет в свое время сделал вербальное представление. Брюссельское министерство приняло это во внимание и, обратившись к патриотизму епископов, призвало их соблюдать большую умеренность и осторожность в вопросе, который может породить международные осложнения.

Этот шаг увенчался полным успехом, и первое недоразумение было улажено.

Тем временем произошел странный случай [13], действительное значение которого до сих пор еще не выяснено.

Один из французских епископов получил письмо от некоего Дюшена с предложением организовать убийство князя Бисмарка, если ему заранее будет заплачено 60 000 франков. Парижская полиция поставила об этом в известность бельгийское правительство. Начальник сыскной полиции связался с германским посольством и за субъектом, оказавшимся рабочим из окрестностей Льежа, было установлено строгое наблюдение. Были приняты меры, чтобы прусская полиция могла задержать его в случае, если бы он попытался перейти границу.

К сожалению, в Германии дело получило огласку, и лицо, на которое падало подозрение, добровольно сделало заявление, что указанные письма являются не чем иным, как простой шуткой, придуманной после выпивки, и что все это дело было мистификацией. Похоже на то, что в прошлом этого человека не было ничего преступного, что он всегда вел себя как порядочный и честный человек.

Принятые меры предосторожности не были и после отменены, и находившийся еще тогда в живых г-н Балан [14] в устной и письменной форме выражал свое удовлетворение.

Можно было, казалось, считать все споры разрешенными, когда из некоторых ультрамонтанских газет стало известно, что во время ареста епископа Падерборнского [15] бельгийский комитет по католическим делам послал ему сочувственный адрес.

По этому случаю германский поверенный в делах был уполномочен возобновить свои предостережения.

Комитет, запрошенный министрами, заявил, что выражение сочувствия исходило не от него, а являлось самостоятельным выступлением двух его наиболее экзальтированных членов, из которых один — г-н де Виллермо оказался французом по происхождению, и что этот чисто индивидуальный акт нельзя рассматривать как выражение общего мнения клерикальной части страны.

Министр надеялся, что это объяснение вполне удовлетворит г-на фон Бисмарка. Однако 4 февраля г. Перпонше [16], вернувшийся из Берлина, вручил ноту, в которой Бисмарк, ссылаясь на все три инцидента, предлагал бельгийскому правительству внести в свое законодательство такие изменения, которые позволили бы ему соблюдать по отношению к соседям свои международные обязательства.

Он раньше всего требовал закона, объявляющего преступлением всякое выражение одобрения лицам, оказавшим сопротивление властям в соседних странах. Затем, он хотел бы, чтобы в уголовный кодекс были внесены такие изменения, которые дали бы возможность возбуждать преследование как за покушение, даже в том случае, когда еще нет начала совершения преступления, а есть только одно намерение совершить его.

Министр иностранных дел дал ответ на все три претензии.

Относительно позиции бельгийского духовенства он указал на осмотрительность, проявленную духовенством, после того как ему по настоянию германского представителя было сделано дружественное замечание.

По вопросу об адресе епископу Падерборнскому комитет по католическим делам заявил о своей несолидарности с его авторами. Это не что иное, как выходка двух экзальтированных лиц, нисколько не отражающая настроения сколько-нибудь значительной части нации. Нельзя же считать, чтобы поведение двух индивидуумов сделало необходимым изменение всего законодательства страны.

Что же касается введения нового принципа в уголовное право в связи с каким-то Дюшеном, то, не отвергая этого требования категорически, нота ограничивается одним простым соображением. Бельгийскому правительству неизвестно никакое законодательство, которое рассматривало бы простое намерение, без попытки его осуществления, как покушение на преступление. Оно поэтому не считает себя призванным взять на себя инициативу столь серьезного нововведения в уголовное законодательство.

Наряду с этим официальным ответом германскому кабинету, граф Линден [17] поручил г-ну Нотомбу [18] прибавить еще некоторые соображения конфиденциального характера, которые неудобно было бы изложить на бумаге.

В общем следует считать, что в настоящее время настроение в Бельгии в общем благоприятно для Германии.

Что касается прессы, то либеральные газеты относятся вполне благосклонно к религиозной политике прусского канцлера. Умеренные газеты католической партии воздерживаются, опасаясь создать затруднения министерству, принадлежащему к их партии. Остаются две или три фанатические газеты, направление которых в палате совершенно не представлено, а в сенате насчитывает не больше двух голосов. Кн. Бисмарк может, следовательно, рассчитывать на поддержку всей фракции либералов и на нейтралитет большинства страны.

Таким образом, нет никаких оснований быть недовольным положением, существующим в настоящее время. Совершенно иначе будет обстоять дело, если католическое министерство, вследствие давления, испытываемого им извне, должно будет уступить место либеральному кабинету. Правительство не имело бы возможности наложить дружественную узду на пыл ультрамонтанов. Католическое большинство не стало бы церемониться ни с министрами, ни с заграницей, преодолевать же все эти трудности пришлось бы министерству, которое не пользовалось бы поддержкой общественного мнения и опиралось бы только на меньшинство национального представительства. Могли бы возникнуть серьезные внутренние осложнения. А между тем Бельгия оказывала и может оказывать Европе достаточно услуг, что дает ей право на уважение со стороны остальных держав.

Именно эта страна послужила в 1848 году буфером, помешавшим революции, бушевавшей во Франции, перекинуться на остальную часть континента [19]. Именно в этой стране международная лига утратила свою первоначальную остроту и обрела экономический характер [20]. Наконец, именно бельгийское законодательство дает возможность властям неофициально использовать свое влияние, чтобы ослабить необузданность религиозных страстей и помешать фламандскому клерикализму прорваться и слиться с потоком церковной оппозиции в Германии.

Так как я узнал, что ваше сиятельство было осведомлено о домогательствах князя Бисмарка, то я полагал, что оно заинтересуется также и ответом. Думаю, что я изложил сущность официальных и официозных объяснений, имевших место между двумя кабинетами.

В настоящее время они прекратились, и министерство надеется, что его ответ будет доброжелательно принят германским канцлером.

Блудов.

Депеша посла в Берлине Убри министру иностранных дел Горчакову, 14 (2) апреля 1875 г.

Господин канцлер,

В германской прессе только что имели место выступления, произведшие сенсацию и вызвавшие сильное волнение, так как они внезапно обнаружили неожиданные опасности, которые все считали очень отдаленными.

Кампанию начала «Кельнская газета», поместив корреспонденцию, исходившую из Вены, но очевидно инспирированную из Берлина. Эта корреспонденция, обсуждая положение гр. Андраши[21], подробно остановилась на более или менее успешно ведущейся австрийскими военными и ультрамонтанскими кругами работе, направленной к низвержению этого министра и к образованию антипрусской лиги в составе Австрии, Италии и Франции.

Эта корреспонденция, которую я имею честь при сем приложить, относилась к свиданию в Венеции[22] и к его возможным последствиям.

Отвечая на это письмо, Берлинская газета «Post», связь которой с пресс-бюро ни для кого не секрет, ставит себе вопрос: «Имеется ли в виду война?!» («Ist der Krieg in Sicht?!»).

Отвергая неизбежность опасности, газета все же сильно подчеркивает мрачную окраску политического горизонта, возлагая за это вину на Францию, которая закупкой лошадей дала Германии повод к запрещению вывоза лошадей, провела чрезмерное увеличение состава своей армии, и, наконец, в лице своей прессы с ликованием приветствовала свидание в Венеции. В заключение «Post» говорит, что война была совсем близка, но что тем не менее собравшиеся тучи начинают уже рассеиваться. Газета прибавляет, что в ее намерения не входило волновать умы в Германии, но она все же не считала возможным оставлять их в неизвестности относительно опасностей настоящего положения.

Эти статьи произвели огромный шум, длившийся в течение одного или двух дней и до сих пор не совсем улегшийся. Публика, вообще мало осведомленная, охотно верит, что нет дыма без огня. К тому же самый характер газет, выражавших такие настроения, способствовал волнению.

«Северная Немецкая Газета», признанный орган имперского канцлера, в свою очередь явилась показателем впечатления, произведенного этими статьями в правительственных кругах. Считаю долгом приложить к сему ее статью от 11 числа с. м.

Соображения «Post» оцениваются там, как преувеличенные. Они не вполне верно изображают политическое и дипломатическое положение Германии, но они, однако, дают точные подробности относительно всего, что касается Франции. Ее военные мероприятия способны скорее внушить опасения. Реорганизация ее армии не носит последовательного характера, но предпринята ad hoc с целью, которая не может ускользнуть от пронцательного взора. Что касается проповедуемой ультрамонтанами возможности австро-итальянского союза, то взаимоотношения Германии с этими двумя державами не могут пострадать от тлетворной деятельности ультрамонтанской партии.

Таково содержание, г-н канцлер, этих уточнений. Успокаивая относительно позиции Германии, они подтверждают те опасности, к которым может привести применяемая в настоящее время система реорганизации вооруженных сил Франции.

Любопытно, что эти последние соображения официозной газеты вполне совпадают с изложенными в моем донесении от 2 марта (18 февраля) с. г. высказываниями кн. Бисмарка, когда он предупреждал меня о

запретительных мерах, которые германское правительство собирается принять против вывоза лошадей.

Это совпадение не оставляет никакого сомнения насчет происхождения той кампании, которую ведет в настоящее время инспирируемая германским канцлером пресса. Гораздо труднее разгадать цель этих инсинуаций. Быть может они предназначены для того, чтобы уведомить французов о впечатлении, производимом здесь их военными мероприятиями, и в то же время предупредить Германию, что час новых испытаний может быть более близок, чем она думает и чем она этого желает.

Убри.

Из письма посла в Берлине Убри министру иностранных дел Горчакову, 14 (2) апреля 1875 г.

Князь,

Лорд Одо Руссель [23] доверил мне по секрету следующие подробности:

Несколько дней тому назад кн. Бисмарк посетил кронпринца [24] и ознакомил его с политическим положением. Война представлялась ему неминуемой. Франция чрезмерно вооружается, закупает лошадей, пополняет запасы оружия и может затем неожиданно напасть на Германию. При своей новой военной организации она будет готова к выступлению раньше чем Германия успеет закончить свою мобилизацию. Таков характер ее новой военной организации. Германская армия, однако, будет иметь перевес. По расчетам канцлера, в таком случае потребовалась бы 14-летняя оккупация для того, чтобы вполне справиться с Францией.

Находясь в стороне от правительства и мало посвященный в дела, кронпринц обеспокоился этим докладом и вызвал к себе посла, чтобы просить у него объяснения приведенных кн. Бисмарком фактов.

Лорд Одо застал его высочество, который настроен миролюбиво и не желал бы ни войны, ни оккупации, очень взволнованным сообщениями канцлера.

Он поспешил успокоить принца и посоветовал ему прочесть статьи в «Кельнской газете» и в «Post», в которых он найдет объяснение всех этих воинственных слухов. Он добавил, что, по его сведениям, французское правительство не думает о войне по той простой причине, что Франция не имела бы средств предпринять войну, если бы даже об этом и думала.

Эти аргументы, повидимому, успокоили его высочество.

Дружеское сообщение моего британского коллеги привело нас к обмену мнениями и имевшимися у нас сведениями по поводу опасений, вызванных за эти последние дни германской официозной прессой.

Несмотря на газетные сообщения, лорд Одо не больше меня верит в возможность войны. Но он очень сожалеет *, что внезапно среди полного спокойствия бросаются пылающие факелы в страну, монарх, князья, палаты и население которой желают только мира...

Убри.

Письмо министра иностранных дел Горчакова послу в Берлине Убри, 18 (6) апреля 1875 г.

Только что узнал, что император отправляет фельдъегеря Соколова в Лондон. Пользуюсь его проездом через Берлин, чтобы отправить вам почту.

---

* Помета Александра II: «и я также».

Я с особым удовлетворением повторяю то, что я вам сообщил в сегодняшней телеграмме, а именно, что император с живейшим интересом читал вашу последнюю почту и сделал на ней несколько собственноручных пометок. Я прикажу литографировать только небольшую часть ваших депеш,— ни одной из тех, которые имеют конфиденциальный и секретный характер.

Я питаю некоторую надежду, что предстоящее наше пребывание в Берлине [25] окажет доброе влияние в отношении умиротворения настроений. Император решил с полной откровенностью объясниться с императором Вильгельмом и с кронпринцем. Я внесу свою лепту в моих беседах с кн. Бисмарком.

Демаркационная линия, которую мы стремимся установить, будет заключаться в том, что, оставаясь добрыми друзьями и верными союзниками, мы никогда не возьмем роль соучастника в случае, если пойдут по путям, которые не являются нашими. Мы постараемся не дать почувствовать г-ну Бисмарку, что его лихорадочное беспокойство не увеличило число его сторонников. Нашему августейшему монарху особенно не нравится, что идущие отовсюду провокации и подстрекательства находятся в резком противоречии с великой целью, с глубочайшим убеждением преследуемой императором, а именно — с делом сохранения всеобщего мира.

Я только намечаю мысль, которую мы углубим в личных беседах. Само собою разумеется, что то малое, что я вам сейчас сообщаю, должно строго сохраняться как лично вам сделанная информация.

Горчаков.

Депеша посла в Берлине Убри министру иностранных дел Горчакову, 20(8) апреля 1875 г.

Г-н канцлер,

Возвратившийся два дня тому назад из Парижа виконт Гонто Бирон [26] посетил меня вчера. Он имел с г-ном Бюловым продолжительную беседу, сущность которой он мне передал.

Он дал статс-секретарю самые положительные разъяснения относительно закона о кадрах [27], неправильно истолкованного в Берлине. Его здесь рисуют в преувеличенном виде. Потребовались бы годы для осуществления этого закона; до сих пор ничего не сделано.

К тому же во Франции все настроены миролюбиво. После перенесенных тяжких испытаний никто не хочет войны. Европа хочет мира. Франция это знает и разделяет это желание. Как она могла бы в ее настоящем состоянии думать о том, чтобы напасть на Германию и на ее армию? Это было бы безумием *; Франция об этом не помышляет. Все усилия во Франции направлены только к развитию возрождающихся там торговли и промышленности, а также к залечиванию ран прошлого.

На эти высказывания г-на Гонто статс-секретарь ответил, что положение ему представляется спокойным и удовлетворительным и что он ни с какой стороны не видит туч.

На вопрос моего французского коллеги,— в каком положении находится дело с бельгийским инцидентом, г-н Бюлов ответил, что берлинский кабинет только что ответил на февральскую ноту. Ответ носил академический характер и положил конец спорам обоих правительств.

Французский посол не виделся с кн. Бисмарком. Он глубоко сожалеет **, что германский канцлер неосновательно возбуждает волнения,

* Помета Александра II: «Да конечно».
** Помета Александра II: «И мы также».

приписывая с не совсем понятной целью другим державам задние мысли, которых у них нет. А между тем эти волнения повторяются каждые три месяца с периодичностью, прискорбной для положения и благоденствия Европы. Хорошо осведомленные лица приписывают их охватывающей иногда князя Бисмарка озабоченности о своей личной безопасности.

Я оспариваю эту последнюю теорию, на мой взгляд не имеющую достаточных оснований, но я не скрыл от своего французского коллеги, что та изолированность, в которой пребывает германский канцлер и которая лишает его всякого дипломатического обмена мыслями, делает его быть может слишком восприимчивым к получаемым им донесениям, ценность которых он не всегда может таким образом проверить.

Убри

Депеша посла в Берлине Убри министру иностранных дел Горчакову, 20(8) апреля 1875 г.

Господин канцлер,

Барон Нотомб имел случай повидаться с кн. Бисмарком в связи с все еще неразрешенными разногласиями между Германией и Бельгией. Он доверил мне результат их беседы.

Кн. Бисмарк изложил свою точку зрения в духе ответа, который берлинский кабинет дал в феврале т. г. бельгийскому. По его мнению, правительства должны оказывать друг другу взаимную помощь. Сношения между странами сделались теперь слишком частыми, чтобы могло быть иначе. Поэтому, газеты и подданные одной страны не в праве осуждать действия соседней дружественной страны. Они должны ограничиваться обсуждением действий своей собственной страны.

В идее такой взаимопомощи и в том, как кн. Бисмарк расширяет вопрос, барон Нотомб видит заднюю мысль канцлера вызвать этим путем обсуждение итальянского закона о гарантиях [28].

Взаимопомощь требует изменений в действующем законодательстве. В уголовных кодексах в этом отношении имеются пробелы. Угроза совершить покушение не наказуема; действующие уголовные законодательства не предусматривают такого случая. Это надо исправить, чтобы заполнить существующий пробел.

«Англия,— заметил между прочим кн. Бисмарк,— имеет закон... * Россия вооружена своими учреждениями. Больше мне нечего от них желать. Но другие страны должны будут выполнить это опущение в своих уголовных законах».

Так как и в германском законодательстве не содержится подобных постановлений, то германское имперское правительство только что снеслось по этому поводу с союзными германскими правительствами. Эта законодательная работа потребует времени.

На вопрос барона Нотомба, должна ли все-таки Бельгия взять на себя почин, кн. Бисмарк ответил, что такое требование с его стороны было бы неразумно. Бельгия располагает еще временем и может выждать. Пример должна подать Германия.

«Но если наши законоведы не согласятся с этими принципами международного и уголовного права,— заметил барон Нотомб,— что вы тогда предпримете?»

«Ничего,— ответил канцлер,— мы никому не угрожаем, но в интересах наших взаимоотношений мы не перестанем этого требовать от вас».

Барон Нотомб поспешил написать своему правительству, что оно располагает достаточным временем, чтобы обдуманно принять свои реше-

* Во французском подлиннике пропуск.

ния. Но кн. Бисмарк так ставит вопрос и настолько расширяет его значение, что он приобретает неожиданные размеры, ибо речь идет не более и не менее, как об изменениях, которые все государства должны внести в свои законодательства.

Касаясь дела Дюшена, лежащего в основе всех его домогательств, кн. Бисмарк заметил, что ему представляется непостижимым, чтобы человек не подлежал наказанию за угрозу совершить преступление и чтобы надо было ждать, пока он выстрелит в вас для признания его наказуемости. Очевидно, в действующих законах есть пробел. В самой Пруссии эти мероприятия не смогут быть подвергнуты обсуждению раньше ближайшего января. Таким образом, на деле этот вопрос становится весьма затяжным.

Убри

Депеша посла в Берлине Убри министру иностранных дел Горчакову, 20(8) апреля 1875 г.

Г-н канцлер! Журнализм, излюбленное политическое оружие кн. Бисмарка, повидимому становится одним из его важнейших забот. Меня уверяли, что он принимает журналистов чуть ли не два раза в день.

В настоящее время в Берлине существует три бюро печати: министерства внутренних дел, прусского правительства и министерства иностранных дел, руководимое г-ном Эгиди. Последний и является тем лицом, которое постоянно передает корреспондентам различных газет предназначенную для распространения информацию и директивы германского канцлера.

Малейшие детали комментируются, разрабатываются и распространяются во всех германских газетах без исключения и без ущерба для таких больших органов, пользующихся общепризнанной близостью к министерству, как «Nord Deutsche Allgemeine Zeitung» и «Kölnische Zeitung».

Последняя содержит в Берлине своего редактора г-на Крузе и пользуется особым телеграфным проводом. Его кельнские передовицы фактически являются передовицами Берлина.

Наблюдение за печатью производится не менее тщательно, чем использование ее.

Недавно некий Линдау, редактор «Gegenwart», позволил себе шутку по адресу германского канцлера. Его братьям, из которых один раньше состоял консулом в Байонне, а теперь в Марселе, а другой руководит отделом печати германского посольства в Париже, тотчас же было предложено угомонить своего младшего брата. Это тот самый Линдау из «Gegenwart», который был осужден к пятнадцати-дневному тюремному заключению за оскорбление святой троицы, в то самое время, как депутат Маюнке был подвергнут двухгодичному заключению за оскорбление, нанесенное кн. Бисмарку [29].

Конечно, это все мелкие факты, но они тем не менее любопытны и поучительны.* Они проливают некоторый свет на печать германского канцлера, который располагает колоссальным бюджетом — секвестрированным имуществом князей [30], — в расходовании которого он ни перед кем не обязан отчитываться, и особым административным аппаратом.

Этот аппарат, благодаря располагаемым им средствам, повсюду имеет свои разветвления. Так, например, некий Абель, корреспондент лондонского «Times'a», проживающий постоянно в Берлине, издавна состоит на службе в прусском министерстве иностранных дел.

Убри.

---

* Помета Александра II: «Да».

Письмо посла в Берлине Убри министру иностранных дел Горчакову, 20(8) апреля 1875 г.

В своем разговоре с бароном Нотомбом князь Бисмарк коснулся воинственных статей этих последних дней.

Он отметил, что Франция создает армию, размеры которой превышают средства страны. По мирному положению армия равна 700 тыс. человек. Несмотря на материальное благосостояние, Франция не в состоянии будет выдержать подобного положения в течение даже двух лет. Очевидно, у нее есть задняя мысль, и она замышляет что-то предпринять в течение этого времени. В противном случае ее действия противоречат здравому смыслу.

Барон Нотомб возразил, что Франция не может иметь подобных замыслов, так как у нее нет ни достаточной армии, ни офицеров, ни достаточного оборудования, ни линий обороны, которые находятся в руках немцев.

Имперский канцлер отклонил эти возражения. Он подчеркнул при этом, что проход через Бельгию открыт для французской армии и что вероятно она туда и двинется.

Мне известно, господин канцлер, что князь Бисмарк недавно уже высказывал эту мысль в беседе с кронпринцем, чем очень взволновал его высочество.

«Во всяком случае,— заметил в заключение германский канцлер моему бельгийскому коллеге,— пресса оказала большую услугу, забив тревогу относительно военных вооружений Франции и вытекающей отсюда опасности.

Французское правительство знает теперь, что за его действиями следят. Оно вынуждено сократить свои мероприятия или дать им объяснения».

Барон Нотомб не решился сказать, что шум, поднятый прессой, уже привел к огромным потерям, и что это отражается на промышленности и торговле, особенно в момент обычных весенних заказов и сделок.

Действительно, напуганные промышленники заключают теперь сделки не свыше чем на шестинедельный срок.

Барон Нотомб слишком хорошо однако знал происхождение всех выступлений прессы для того, чтобы говорить об этих печальных результатах с германским канцлером.

Убри

Письмо посла в Париже графа Орлова[31] к министру иностранных дел Горчакову, 29(17) апреля 1875 г.

Князь,

Я своевременно получил дружеское письмо вашего снятельства, переданное через г-на Штандтмана и датированное 23/II апреля[32].

В настоящее время французское правительство возлагает все надежды на благожелательность нашего августейшего монарха. Его голос пользуется большим влиянием в Берлине,— это там единственный влиятельный голос. Вот почему маршал Мак-Магон[33] и его министры верят только в великодушное и миролюбивое заступничество императора.

Ваше пребывание в Берлине рассматривается как счастливое предзнаменование и как признак мира.

Бисмарк успел провести не мало государственных людей, но вас обмануть ему до сих пор не удалось. Об этом в Париже знают и это успокаивает множество опасений.

Дело в том, что для беспокойства есть достаточно оснований и угрожающие тучи еще не рассеялись.

Вот как я рассматриваю теперешнее положение кн. Бисмарка. Он борется с неуловимым врагом. Он чувствует, что ожесточенными преследованиями он не только не ослабляет клерикализма, но способствует его укреплению, но его надменный характер не позволяет ему отступить.

Он бьет по папству, но был бы рад, если бы для его ударов представилось нечто более осязательное. Это нечто ему теперь представляется. Это — Франция. Бисмарк себе говорит, что Франция может возродиться из пепла, что в один прекрасный день она может найти себе союзников, и рассуждает при этом приблизительно так, как рассуждал Катон между второй и третьей пунической войной. «Карфаген надо разрушить»,— твердил римский цензор. «Францию надо задушить»,— говорит себе германский канцлер.

Он знает, что война была бы для него легкой. Мец и Страсбург теперь являются богато снабженными арсеналами. Достаточно пятнадцати дней, чтобы привести пятьсот тысяч германцев под стены Парижа. Опыт доказал, что Париж можно было бы бомбардировать, не прибегая к его осаде; достаточно двух недель, чтобы разрушить город. Шесть других недель превратили бы пруссаков в хозяев двух третей Франции.

Тогда наступил бы час расплаты для Франции. Германия забрала бы себе небольшую территорию, но наложила бы на Францию многомиллиардную контрибуцию, разложив ее выплату на двадцать или двадцать пять лет. В продолжение этого долгого срока на французской земле была бы расквартирована сильная армия и фактически Франция в течение четверти века оставалась бы абсолютным вассалом Германии.

Этот план, полагаю, существует у Бисмарка в голове *. На первый взгляд он представляется бессмысленным, но сколько бессмысленных планов созревало в головах людей, наиболее смелые комбинации которых увенчивались успехом.

История изобилует подобными примерами. Петр Великий по окончании борьбы с Карлом XII мечтал о завоевании Мадагаскара. Он вовремя остановился, но ведь это был гений. Гений ли Бисмарк? Одно только будущее сможет ответить на это.

Как бы то ни было, господь внушит нашему августейшему монарху слова примирения и мира **.

Вам также, повторяю, придется играть прекрасную, но очень трудную роль. Да вдохновит и поддержит вас бог.

Орлов

Из депеши посла в Берлине Убри министру иностранных дел Горчакову, 2 мая (20 апреля) 1875 г.

Г-н канцлер,

Вчера граф Карольи [34] беседовал со мною весьма непринужденно против своего обыкновения о теперешнем положении...

Мой австро-венгерский коллега передал мне, что по формальному распоряжению своего правительства он утром побывал у кн. Бисмарка.

Германский канцлер был вполне спокоен и отвергал какую бы то ни было причастность свою к статье в «Post» — «Ist der Krieg in Sicht»,— которая явилась для него не меньшей неожиданностью чем для остальной публики. Кн. Бисмарк был менее категоричен по отношению к статьям в «Kölnische Zeitung». Во время беседы германский канцлер воз-

* Помета Александра II: «Я этого не думаю».
** Помета Александра II: «Надеюсь».

вратился к закону о кадрах и военным мероприятиям французского правительства, могущим внушить опасения Германии.

Мой австро-венгерский коллега имел со мной этот секретный разговор вскоре после обеда, состоявшегося у меня 30 апреля. Граф фон Мольтке[35] был за столом его соседом. Во время обеда фельдмаршал говорил с ним относительно закона о кадрах и новой военной организации во Франции, которая увеличила ее вооруженные силы на 160 тысяч человек; Франция, таким образом, всегда будет иметь под ружьем на это количество больше солдат, нежели Германия. Граф Мольтке подчеркнул неудобства и опасности, вытекающие из такого положения.

Вечером граф Карольи отправил в Вену донесения с отчетом о своей беседе с кн. Бисмарком.

Его заключения сводятся к тому, что положение не является угрожающим, но те мнения, которые высказываются правительственной и компетентной верхушкой Берлина о положении во Франции, могут внушить опасения за будущее. При этих условиях сохранение мира возможно лишь на ограниченный срок и трудно сейчас предвидеть, что может случиться через шесть месяцев или через год...

Убри.

Письмо посла в Берлине Убри министру иностранных дел Горчакову, 2 мая (20 апреля) 1875 г.

Князь,

В своей сегодняшней почте я имею честь представить вам обзор положения.

Г-н Бюлов находит положение мирным и удовлетворительным. Оно, в самом деле, значительно улучшилось. Газеты успокоились. Их язык сделался более осмотрительным, после того, как они вызвали моменты острой тревоги и причинили чувствительные материальные потери.

Но хотя положение явно улучшилось и не угрожает непосредственными опасностями, породившие тревогу причины продолжают однако существовать. Их надо искать в стремлении к реваншу, которое не перестают приписывать Франции, и в опасностях, которые охотно связывают с новой организацией военного дела в этой стране. К этим двум пунктам беспрестанно возвращаются и в прессе и в интимных беседах.

Откровенный рассказ Карольи о своей беседе с Бисмарком подтвердил эти данные. Позвольте мне подкрепить их еще некоторыми интимными деталями.

Хрептович[36], проведший здесь несколько дней в интимном общении с императрицей-королевой, был поражен теми разговорами, которые ему приходилось слышать: реванш неминуем, говорили здесь, нападем на Францию, пока она не готова. Хрептович, на которого эти разговоры произвели сильное впечатление любезно рассказал мне об этом перед своим отъездом из Берлина.

С другой стороны, я узнал в Бадене от одного из моих друзей, приехавшего из Вероны, лица заслуживающего полного доверия, что кронпринц высказался в том же духе перед графом Пианелли, командующим Веронским военным округом. Принц будто бы отметил, что «война неизбежна, из-за стремления Франции к реваншу».

Эти сведения, полученные из различных интимных источников, свидетельствуют о наличии здесь тайного беспокойства.

Думаю, князь, что вы согласитесь с моей точкой зрения, если я, вопреки утверждениям Бисмарка и Бюлова, выскажу свое убеждение,

что встреча кронпринца с Виктором Эммануилом в Неаполе была менее случайна, чем здесь хотели бы в этом уверить * [37], и что повторство союзного канцлерства официозным газетам более реально, чем это признал Бисмарк в своей беседе с Карольи. Кейдель [38] несомненно способствовал свиданию в Неаполе, доставив туда письмо императора-короля. Очевидно также, что кронпринц имел поручение к итальянскому королю. Быть может он там высказался в том же духе как и в Вероне. Может быть мы об этом узнаем в будущем?

Что касается газет, то их поведение можно объяснить тем, что одним из акционеров состоит министр общественных работ, д-р Ашенбах. Поэтому весьма вероятно, что статья, появившаяся в этой газете и столь взволновавшая общество, не увидела бы света, если бы она не соответствовала видам правительства.

Таким образом, подрывная для мира работа проводилась, вопреки опровержениям, с ведома министерства. Теперь она, к счастью, потеряла свою остроту. Но недовольство, послужившее основанием для нее, продолжает тем не менее существовать, о чем свидетельствуют замечания, сделанные графом Мольтке графу Карольи и статьи в Norddeutsche Allgemeine Zeitung, которые я имею честь вам сегодня переслать.

Если к этому недовольству прибавить переписку с Бельгией и то тягостное впечатление, которое она вызвала, то приходится согласиться, что при видимом благополучии истинное положение дела менее чем удовлетворительно.

Оно, по моему скромному мнению, не угрожает непосредственной опасностью, но тем не менее таит в себе серьезные элементы значительных затруднений в будущем.

К тому же вооружения Германии, особенно Пруссии, закончены или находятся накануне своего завершения. Все войска получили ружья Маузера, а артиллерийские орудия нового образца будут введены с 1 июля.

Полное восстановление германской армии будет, таким образом, завершено к этой осени, и во всяком случае не позднее чем к будущей весне. Окончание же военной реорганизации Франции германские газеты приурочивают к 1877 г.

Разница во времени очевидно благоприятствует германской армии, и этим объясняется по крайней мере отчасти то спокойствие, с которым здесь относятся к войне, момент которой установит сама Германия, по своему усмотрению.

По сведениям из Лондона и Вены, которыми со мной поделились Руссель и Карольи, Франция не в состоянии вступить в борьбу уже сейчас и лишена какой бы то ни было возможности что-либо предпринять. Отсюда ее миролюбивые стремления, которые, по их мнению, опровергают обвинения, высказанные германской печатью. Должен однако признать, что поведение г-на де Гонто и обнаруживаемое им спокойствие несколько противоречат такому, так сказать, полному бессилию, которое приписывают Франции.

Я считал необходимым сообщить вам, князь, эти секретные данные, так как они помогают разобраться в теперешнем положении. Не будучи угрожающими, они содержат однако семена серьезных осложнений в более или менее отдаленном будущем.

При этих условиях намерения императора и его правительства, упомянутые в вашем весьма секретном письме от 18/6 апреля с. г., обусловливаются весьма правильными и великодушными соображениями. Они окажутся истинным благодеянием для Европы.

---

* Помета Александра II: «Это возможно».

Но я также подписываюсь обеими руками под вашим, князь, желанием представить эти намерения здесь в таком свете, чтобы не вызвать какой-либо тревоги со стороны так легко и чрезмерно возбуждающегося канцлера.

Убри.

P... Один из моих прусских друзей, проведший вечер 30/18 у Бисмарка, застал его утомленным и простуженным, но как нельзя более миролюбивым и мечтающим провести спокойно лето в Варцине [39]. Положение становится, таким образом, все менее и менее напряженным. Думаю, что в этом сказывается уже перспектива предстоящего вашего приезда с императором.

Убри.

Депеша посла в Берлине Убри министру иностранных дел Горчакову, 3 мая (21 апреля) 1875 г.

Г-н канцлер,

Барон Нотомб ознакомил меня сегодня с ответной нотой бельгийского правительства графу Перпонше. Она датирована 30 апреля и дает утвердительный ответ по всем пунктам, как по специальному делу относительно Дюшена, так и по вопросу, поднятому германским кабинетом, предполагаемого всеобщего пересмотра законодательства. В отношении последнего пункта бельгийское правительство будет однако выжидать, пока не узнает, что будет предпринято в Германии и в других государствах. Я подчеркиваю те слова в бельгийском ответе, которые только заключают в себе некоторую оговорку или истинный смысл которых завуалирован.

Но не в этих домогательствах Германии, а совсем в другом видит барон Нотомб опасность и, по его мнению, чрезвычайно серьезную.

Фельдмаршал Мольтке в беседе с ним о французских военных мероприятиях высказался в тех же выражениях, что и кн. Бисмарк. Германское правительство знает до малейших деталей о военных приготовлениях французского правительства, которые выходят за пределы и потребностей Франции и средств, которыми она располагает. Закон о кадрах является угрозой, и Германия окажется вынужденной предупредить его осуществление. Война таким образом станет неизбежной, если Франция не ограничит своих вооружений. «Это ужасно (es ist grässlich),— добавил граф Мольтке,— но из чувства собственного самосохранения мы не можем поступить иначе».

Фельдмаршал жаловался на Англию, которая ничего не предпринимает, и на другие державы, которые не делают никаких попыток, чтобы повлиять на Францию и обратить ее внимание на затруднения, которые могут возникнуть в связи с ее военными приготовлениями. Сам г-н Тьер [40], якобы, находил, что они чрезмерны. По его мнению, закон 1852 г., будто бы, достаточен.

По сведениям, которыми располагает г-н Нотомб, маршал Мак-Магон не внушает здесь никакого доверия. Ему ставят в вину, что он предоставляет полную свободу партиям. Так он держал себя по отношению к легитимистам и бонапартистам. Так он себя держит теперь по отношению к военной партии.

По сведениям, которые по мнению моего бельгийского коллеги исходят из верного источника, император-король и кронпринц в настоящее время вполне согласны с политикой кн. Бисмарка и целиком разделяют его политические виды.

По этим же сведениям, во время предстоящего пребывания императора в Берлине будут стараться убедить нашего августейшего госуда-

ря и ваше сиятельство в правильности германской точки зрения и этим обеспечить наше одобрение политики кн. Бисмарка.

Кронпринц, который по случаю приезда императора приезжает из Италии в Берлин, вернется в Италию за своей принцессой — супругой только для того, чтобы одновременно сообщить через принца Гумберта [41] римскому двору о достигнутых в Берлине результатах.

Независимо от происходящего обмена нотами берлинский кабинет обращает внимание Бельгии на опасности, угрожающие ей со стороны Франции. На моем официальном обеде, состоявшемся 30-го, г-н Бюлов сказал барону Нотомбу: «Вы не встретитесь с кн. Бисмарком; он поручил мне просить вас написать королю, чтобы он больше, чем когда-либо, следил за готовностью его армии защищать свой нейтралитет».

Мой бельгийский коллега, доверивший мне это по секрету, добавил, что он обратил внимание своего правительства на серьезную опасность положения. По его мнению, это может окончиться оккупацией Бельгии.

В нужный момент кн. Бисмарк выступит против бельгийского католического министерства. Он обвинит его в соучастии с Францией и в предоставлении французской армии прохода через Бельгию. Это послужит для Германии поводом оккупировать Бельгию под видом предупредительного мероприятия.

По словам моего бельгийского коллеги, в военных кругах уже заранее учитывают последствия новой войны; это будто бы: Бельфор, Люксембург и контрибуция в 10 миллиардов.

В том, как барон Нотомб оценивает положение, есть несомненные преувеличения, но они всецело оправданы высказываниями г-на Бюлова *.

С своей стороны, князь, считаю своим долгом сообщить императорскому кабинету все эти подробности, ни о чем ни умалчивая.

Убри.

Письмо посла в Берлине Убри министру иностранных дел Горчакову, 3 мая (21 апреля) 1875 г.

Князь,

Лорд Одо Руссель доверил мне, что хотя его правительство и не придает серьезного значения бельгийскому инциденту, и в таком смысле и отвечало на запросы в парламенте, оно тем не менее было очень живо затронуто вопросами, поднятыми князем Бисмарком против Бельгии.

Лорд Дерби [42] упрекал даже посла в том, что он выставляет Германию как очень миролюбивую страну — между тем как она везде возбуждает затруднения и вызывает тревогу, как это делал когда-то Наполеон **.

Мой английский коллега считает, что берлинский кабинет послал разным правительствам записку по поводу размеров и значения военных мероприятий Франции.

Я до сих пор еще нигде не встретил подтверждения этого факта.

Из достоверного источника мне известно, что на Рейне начинается сильное брожение по поводу клерикальных законов. Католическое население недоброжелательно относится к закрытию монастырей и религиозных конгрегаций.

Убри.

---

* Помета Александра II: «Да, конечно».

** Помета Александра II: «Вот именно».

Депеша посла в Париже гр. Орлова министру иностранных дел Горчакову, 8 мая (26 апреля) 1875 г.

Князь,

Я вчера виделся с маршалом Мак-Магоном. Он держит себя с достоинством, спокойно и твердо. Он глубоко уязвлен тем недоверием, с которым относятся в Германии к его мирным заверениям.

Он просит ваше сиятельство бегло ознакомиться с прилагаемой при сем запиской. Там перечислены военные силы Германии и Франции[43].

Герцог Маджента все свои надежды возлагает на миролюбивое вмешательство нашего августейшего монарха. Он не требует ни арбитража, ни посредничества. Он поручает Францию покровительству императора.

Если же, несмотря на это, французская территория подвергнется нападению, то маршал Мак-Магон полон решимости драться до последней крайности и до полного истощения.

Я думаю, что дело действительно будет обстоять именно так, и что несправедливая агрессия могла бы пробудить французский патриотизм.

Пока все хотят мира, но уже при одних слухах о возможности вторжения партийные раздоры начинают утихать. Г-н Тьер заглушил в себе чувство личной обиды и предоставил в распоряжение правительства свой опыт и свою преданность.

Герцог Деказ[44] держит бывшего президента в курсе всего происходящего и пользуется его советами, которым маршал Мак-Магон, как он сам мне заявил, придает большое значение.

По последним сведениям из Берлина, граф Мольтке подстрекает к войне, г-н Бисмарк, повидимому, еще опасается осуждения со стороны Европы, а барон Мантейфель[45] не перестает отстаивать дело мира.

Орлов.

Депеша посла в Париже Орлова министру иностранных дел Горчакову, 8 мая (26 апреля) 1875 г.

Князь,

Г-н Тьер долго говорил со мною о внешнем положении Франции. Он поручил мне передать вашему сиятельству его наилучшие и дружественные чувства. Сохранение мира, по его убеждению, возможно только при условии, если попечение о нем возьмет на себя наш августейший монарх, к которому он питает глубокое восхищение и действительное преклонение.

Что касается вашего сиятельства, то г-н Тьер ставит вас выше всех европейских государственных людей, в том числе и того, по вине которого в настоящее время может произойти всеобщее потрясение.

Г-н Тьер опасается, как бы в Берлине не вздумали предложить разоружение Франции, что могло бы вызвать серьезные осложнения, так как чаша унижений, которым подвергли благородную и несчастную нацию, была бы переполнена.

Экс-президент республики был противником военной системы, навязанной правительству Национальным собранием. По мнению г-на Тьера, закон о кадрах является лишь бесцельным выставлением на показ своей мощи. Это — армия на бумаге, между тем как при прежней военной организации Франция через десять лет имела бы реальную армию.

Г-н Тьер сожалеет, что в Берлине не оценили умеренности, проявленной недавно маршалом Мак-Магоном. Его правительство нуждается в деньгах, и он хотел заключить заем, но узнав, что Пруссия усмот-

рела бы в этом воинственный симптом, герцог Маджента приказал отсрочить проектированный заем.

Таким образом из-за желания щадить щепетильность Германии готовы причинить ущерб финансам Франции.

Г-н Тьер обратил, кроме того, мое внимание на то обстоятельство, что впервые за 90 лет все политические партии стремятся только к миру, и что в вопросах внешней политики правительство, находящееся у власти, пользуется всеобщими симпатиями.

Одним словом, г-н Тьер желает только мира и убежден, что если удастся предотвратить войну, этим будут обязаны только императору и вашему сиятельству.

Орлов.

Письмо посла в Берлине Убри министру иностранных дел Горчакову. 9 мая (27 апреля) 1875 г.

Господин канцлер,

Согласно воле вашего сиятельства, граф Шувалов[46] сообщил мне содержание своих конфиденциальных бесед с их величествами и князем Бисмарком.

Желая их воспроизвести с возможной точностью, я счел долгом изложить их содержание в прилагаемой секретной записке, которую я прочел моему лондонскому коллеге перед его отъездом и которую я оставляю за собой право дополнить устным сообщением.

Убри.

Изложение содержания бесед графа Шувалова при его проезде через Берлин *.

Императрица[47] первая приняла графа Шувалова. Она заставила его выслушать много жалоб относительно законов о католических конгрегациях. Она сообщила ему, что писала по этому поводу два раза императору и королю, титуловав его величеством, для того, чтобы добиться изменений в первоначальном проекте.

Что касается слухов о войне, императрица о них очень сожалела, но относилась к ним более спокойно.

Граф Шувалов видел затем лорда Одо Руссель, которого он нашел очень озабоченным настоящим положением. Посол повторил ему те же данные, которые заключаются в докладах г-на Убри.

Император и король[48], бывший в Шпандау, принял графа Шувалова в 1 час. Он говорил с ним также о католических делах и о слухах по поводу войны.

Он подчеркнул затруднения, возникшие между ним и князем Бисмарком по поводу первых. Так как канцлер скор на решения и нервен, его величество распорядился, чтобы были собраны положительные данные касательно предполагаемых законов. Он созвал затем совет министров и решил изменить два пункта в министерском проекте: сохранить католические страноприемные ордена и продлить на 4 года существование конгрегаций, занимающихся обучением. Император прибавил, что он всегда был против религиозных конгрегаций, но что он находит закон слишком резким.[49]

В связи с этими решениями князь Бисмарк подал в отставку. Император и король ее не принял, сказав князю, чтобы он поехал в Варцин, сам же император и король отправляется на воды, и что все эти вопросы следует отложить до осени.

---

* Беседы эти происходили 5 мая (23 апреля) 1875 г.

Император добавил, что он не придает значения этой просьбе об отставке, с которой канцлер обращался уже более 30 раз и которую он потом брал обратно.

Касательно слухов о войне, император говорил о газетах, поднявших шум вследствие биржевых махинаций гг. Ротшильдов и других. Он распорядился их опровергнуть. Никакого другого основания эти слухи не имели.

Граф Шувалов виделся затем с князем Бисмарком. Последний жаловался на императрицу, на ее письма императору, в тайну которых он проник, на влияние иезуитов, вводящее в обман императора и короля. Он подтвердил, что подал в отставку. Дальше он так продолжать не может. По его мнению эти законы нужны. Внесенные изменения ослабляют их силу. При этом князь Бисмарк обвинял герцогиню и великого герцога Баденских, воздействующих на императора и короля в пользу католиков в смысле враждебном канцлеру. Он писал герцогине Баденской, что она приведет к падению не только канцлера, но и всего прусского министерства.

Впрочем кн. Бисмарк был настроен самым миролюбивым образом. Но когда наш посол заговорил о циркулировавших в последнее время слухах, он заметил, что французы вооружаются и, закончив свои приготовления, нападут на Германию. Он однако расходится в мнении с графом Мольтке, относительно срока нападения. Граф относит его к весне 1876 г., он же полагает, что оно состоится в конце 1876 г. Но оба заявляют, что убеждены в неизбежности этой опасности, так как к этому времени Франция будет располагать наибольшим количеством старых солдат, которых она должна распустить до 1877 г.

Что касается до миролюбивых заверений ген. Лефло[50], на которые намекнул гр. Шувалов, то кн. Бисмарк считает, что они естественно вытекают из занимаемого Лефло положения.

Императрица и кн. Бисмарк, оба жаловались, хотя и с разных точек зрения, на слабость императора и короля, и на все возрастающее у него с годами ослабление памяти.

Вечером гр. Шувалов снова посетил кн. Бисмарка. Он застал его крайне недовольным императором и королем и своими коллегами из министерства и озабоченным своим положением. Он прочел графу свое прошение об отставке, написанное на четырех страницах; он не касается никаких политических вопросов и ссылается только на состояние своего здоровья. Он просит его отпустить, назначив ему пенсию.

Прошение было датировано вчерашним числом, 4 мая.

Во время их вечерней беседы кн. Бисмарк затронул следующие политические вопросы:

Он высказал недовольство Италией, которая чересчур покровительствует папе. Он не обращался с нотой по поводу закона о гарантиях, а ограничился тем, что просил у г-на Кейделя некоторых данных относительно действующего законодательства. Он спросил, был бы к папе применен общий закон, в том случае, если бы он чеканил фальшивые германские деньги. Ему ответили уклончиво.

Что касается Бельгии, он не оставляет этого вопроса и имеет в запасе для бельгийского правительства десять нот. Эта переписка ему даже необходима в целях воздействия на решения германских правительств, которых этот вопрос касается.

Но теперь он перестанет заниматься Италией и Бельгией, и предоставит их собственной участи.

Что касается наших взаимоотношений, то гр. Шувалов старался рассеять недоверие кн. Бисмарка, которое отчасти основано на перехваченной Бисмарком переписки ген. Вердера[51]. Бисмарк смотрит

на ген. Вердера, как на своего врага, и считает также, что и кн. Рейсс его недостаточно поддерживает. Гр. Шувалов защищал кн. Рейсса.

По мнению кн. Бисмарка наш кабинет находится под влиянием врага Германии эрцгерцога Альберта[52], опутанного католическими центрами.

Кн. Бисмарк прочел графу Шувалову два донесения кн. Рейсса. В первом сказывалась некоторая ревность по поводу аудиенции, которую имел генерал Лангенау[53] у нашего августейшего монарха. Император беседовал с ним о слухах относительно войны, о которых он ни слова не сказал князю Рейссу. Барон Лангенау прямо от императора отправился к Рейссу, чтобы осведомить его о цели своей аудиенции.

Второе касалось новой дислокации наших войск в царстве Польском. Кн. Бисмарк считает ее вполне допустимой. Князь Рейсс добавлял, что расположение наших железнодорожных линий и вообще вся система ген. Милютина[54] направлена против Германии. Канцлер заметил, что это кажется ему вполне естественным, никто не может предвидеть того, что может случиться через 50 лет.

Кн. Бисмарк жаловался еще на русскую прессу — на «Новое Время» и на «Биржевые Ведомости». Граф Шувалов указал на то, что эти газеты не влиятельны и что ему следует обращать внимание только на «Московские Ведомости», на «Голос»[55] и на «Journal de St. Petersbourg»[56].

Канцлер жаловался также на образ действий кн. Орлова, который должен бы был говорить более решительно. Он внушает французам, что мы их лучшие друзья и таким образом кружит им головы.

В числе враждебных Германии влияний, кн. Бисмарк упомянул фельдмаршала кн. Барятинского[57].

Гр. Шувалов полагает, что обвинения, высказанные канцлером против князя Рейсса и ген. Вердера и против враждебных влияний эрцгерцога Альберта и кн. Барятинского, являются следствием чувства ревности, вызванного наступившим улучшением наших взаимоотношений с Австрией.

Кн. Бисмарк новидимому опасается, как бы это сближение не заменило собой для нас близости с Германией и берлинским кабинетом.

Депеша посла в Берлине Убри министру иностранных дел Горчакову, 9 мая (27 апреля) 1875 г.

Г-н канцлер,

Заявление кн. Бисмарка гр. Шувалову о том, что он отныне предоставит Италию и Бельгию их собственной судьбе, лишив их могущественной защиты Германии, нуждается в некоторых пояснениях.

Неудовлетворенный вялой анти-клерикальной кампанией итальянского правительства и раздраженный упорством, с каким оно продолжает рассматривать закон о гарантиях, как чисто внутреннее дело, германский канцлер заявил, что он собирается покинуть Италию, предоставив ей самой справляться с опасностями, которые могли бы ей угрожать.

Эти опасности могут появиться с севера или с запада, со стороны Австрии или Франции. Так как венецианское соглашение исключает первые, то остаются только последние.

Таким образом мысль кн. Бисмарка заключается, повидимому, в том, чтобы при случае позволить Франции выместить на Италии свои обиды. Но совершенно очевидно, что он дважды подумает раньше, чем пойдет на это; следовательно, с этой точки зрения, его угрозы — только пустые слова.

Более серьезными представляются его слова в отношении Бельгии. Они означают при случае отказ от гарантий, обеспечивающих ее нейтралитет[58]. Канцлер намекнул гр. Шувалову на возможность такого случая.

Со своей стороны, барон Нотомб не скрывает от себя существование такой опасности для его страны.

Его государь ему писал, что если бы появилась угроза новой войны между Германией и Францией, то он раньше всего стал бы, как в 1870 г., добиваться возобновления договоров о гарантии. Барон Нотомб ответил королю Леопольду, что мысль эта основана на иллюзии, и что германский кабинет, вероятно, откажется возобновить эти договоры ввиду наличия спорных вопросов между Германией и Бельгией.

Весьма вероятно, что эти случайности не так скоро возникнут. По крайней мере позволительно надеяться на это, учитывая успокоение, наступившее в последние дни. Однако, угрозы кн. Бисмарка и слова, сказанные им гр. Шувалову, оправдывают те сомнения, которые высказал барон Нотомб в переписке со своим государем.

Убри.

Депеша посла в Берлине Убри министру иностранных дел Горчакову, 9 мая (27 апреля) 1875 г.

Господин канцлер,

Лорд Одо Руссель любезно передал мне разговор, который он имел с посетившим его Мольтке. Беседа эта носила академический характер. Тем не менее я считаю долгом отдать в ней отчет вашему сиятельству.

Фельдмаршал распространялся относительно вооружений Франции. Они чрезмерны и не соответствуют ни финансовому положению Франции, ни численности ее населения. Он говорил о них не как политический деятель, а как военный и солдат, с этой точки зрения он считает себя компетентным судить о положении. Итак, для него становится очевидным, что все эти вооружения указывают на намерение предпринять какие-либо действия в более или менее близком будущем.

Германия настроена миролюбиво, и новая война была бы ужасна. Но она должна считаться с положением.

Во время разговора фельдмаршал высказал мнение, что желает войны не та держава, которая выступает, а та, которая своим образом действия заставляет других выступить.

На замечание лорда Одо, что могущество Германии ставит ее, повидимому, вне всякой опасности, граф Мольтке возразил, что он вел много войн и должен признать, что последнее слово все-таки остается за провидением. Но если бы Германии пришлось потерпеть первое поражение, то это повлекло бы за собой новую тридцатилетнюю войну[59].

Лорд Одо спросил, какие шаги могли бы, по мнению гр. Мольтке, предпринять державы, сторонницы мира, для того, чтобы предотвратить подобную опасность. Он также ставил вопрос академически и в качестве дипломата, миссия которого прежде всего миролюбивая. Следовало бы, например, просить Францию ограничить ее вооружения?

Фельдмаршал ответил, что с подобным советом нельзя обращаться ни к какой великой нации, что это было бы впрочем неуместно, так как Германия со своей стороны сама вооружается.

Тем не менее, державы, по его мнению, могли бы сговориться и преподать в Париже советы осторожности и умеренности и воздействовать на возможные решения Франции. Он повторил, что говорит как солдат, а не как политический деятель.

Считаю небесполезным сообщить вашему сиятельству эти подробности.

Высказанное гр. Мольтке мнение совпадает с теми, которые доходят здесь до меня. Французскому правительству приписывают задние мысли и сеют недоверие к его действиям, требуя общего выступления держав в Париже в интересах мира, сохранения которого желает якобы только одна Германия.

Меня не удивило бы, г. канцлер, если бы во время вашего будущего пребывания в Берлине ваша светлость могла уловить те нити, которые, как мне кажется, направляют здесь работу в этом направлении.

Убри.

P. S. Во время этой же беседы фельдмаршал еще подчеркнул, что Германию везде ненавидят и относятся к ней подозрительно. Лорд Одо ответил, что она не ненавидима, и что если к ней относятся подозрительно, то этим она обязана своей прессе. Кроме того граф Мольтке заметил, что у Германии нет хорошей границы со стороны Бельгии. Он подчеркнул также, что держава, выступающая своевременно, спасает много жизней, что подобным решением Германия сохранила бы приблизительно сто тысяч человек, и что так оно было бы и в 1870 г., если бы Германия проявила своевременно инициативу вместо того, чтобы ждать нападения французов.

Убри.

Конфиденциальная записка*

Приехав в Берлин мы нашли, что тревожные слухи, отголоски которых уже дошли до С.-Петербурга, циркулировали со всей силой среди членов дипломатического корпуса и в прусском обществе.

Император нашел императора Вильгельма мало осведомленным относительно этого положения вещей и не понимающим ни его причины, ни цели. С первых же слов, которыми они обменялись, наш августейший монарх получил от своего дяди [60] определенные заверения в том, что никакие агрессивные действия не замышляются против Франции, и что при их взаимоотношениях в настоящий момент нет ни малейшего основания искать повода к ссоре. Это заявление было сделано категорически и недвусмысленно.

Кронпринц высказался в том же смысле и даже с негодованием говорил о всякой попытке вызвать войну.

Большие затруднения встретились при переговорах с кн. Бисмарком, который горячо протестовал против злостных измышлений, распространяемых по его адресу, и против недоверия к нему, которое старались внушить России, но он столь же энергично протестовал против всякой его прикосновенности к ходившим в публике враждебным слухам. Он приписывал эти последние газетам, на которые он не имеет влияния, разговорам некоторых лейтенантов в клубах, играющим на понижение биржевикам, и, в частности, специально герцогу Деказу, непосредственно заинтересованному в биржевых махинациях. Что касается его, то он определенно заявил, что приписывать ему агрессивные намерения по отношению к Франции, это равносильно обвинению его в идиотизме и в полном отсутствии ума; что у Германии, по

* Черновик этой записки датирован: Берлин, 12 мая (30 апреля). Тем же числом датирована служебная записка Горчакова Александру II следующего содержания: «В течение ближайшего часа Ваше величество получит записку, которую вы мне приказали изготовить. Ее уже переписывают. Если в. в. найдете ее недостаточной, я готов ее дополнить, воспользовавшись указаниями, которые мне будут сделаны».

На этой служебной записке Александром II сделана помета: «Это как раз то, что нужно. Благодарю вас».

его мнению нет никакой причины нападать на Францию и что организация ее армии не является для этого достаточным основанием; что фельдмаршал Мольтке мог как военный высказаться по поводу будущей борьбы с Францией, но что в политике он молокосос, не имеющий никакого влияния; что если бы Франция, как, повидимому, говорил граф Мольтке, возымела намерение напасть на Германию в 1877 г., с ней бы справились как и с Австрией, если бы последняя действовала заодно с Францией. Что касается Австрии, кн. Бисмарк прибавил, что граф Андраши внушает ему полное доверие, и что с этой стороны нечего опасаться, пока он находится у власти, но что Австрия представляет из себя зыбкую почву, что императорским рескриптом власть может быть передана в другие руки, возможно клерикальные, и что тогда об этом надо будет подумать.

В заключение он сказал, что не существует ни какого намерения напасть на Францию, и что в этом отношении у него вполне определенные убеждения, которыми и диктуются его действия.

Из всех этих сделанных в самых решительных выражениях заявлений, явствует, что наш августейший монарх вполне достиг цели своей поездкой в Берлин, и что его присутствие и его речи укрепили основы, поддерживающие мир.

Среди кабинетов, озабоченных опасностями, якобы угрожающими Франции со стороны Германии, в первом ряду стал С. Джемский кабинет. В противоположность своим обычно сдержанным и даже несколько туманным речам, на этот раз лорд Дерби предложил лорду Одо Русселлю поддерживать до последних пределов императора в его усилиях сохранить мир и, в случае надобности, предоставить в распоряжение его величества всю мощь Англии, если бы мы обратились за этим к британскому послу. Предпринятая нашим августейшим монархом задача была уже выполнена, когда было сделано это предложение и воспользоваться им не пришлось.

Телеграмма министра иностранных дел Горчакова барону Жомини[61], 13 (1) мая 1875 г.

Я посылаю отсюда всем нашим посольствам и миссиям следующую телеграмму: император покидает Берлин вполне уверенный в господствующих здесь миролюбивых намерениях, обеспечивающих сохранение мира.

Горчаков.

Депеша посла в Лондоне Шувалова Александру II, 13 (1) мая 1875 г.

Государь,

Циркулирующие с некоторого времени слухи о возможности вооруженного столкновения между Германией и Францией всецело повидимому овладели вниманием правительства и общества в Англии.

Уже во время нашей первой беседы г-н Дизраэли[62] заговорил на эту тему, выражая сожаление по поводу того, что действия берлинских государственных деятелей держат Европу в постоянном волнении.

По сведениям, которые он получает из Франции, этой стране чужды какие бы то ни были провокационные и агрессивные намерения.

Премьер-министр возлагает величайшие надежды на проезд вашего величества через Берлин и питает глубочайшее доверие к вашим миролюбивым намерениям, направленным к тому, чтобы устранить возможность конфликта. Ведь если бы последний к несчастью вспых-

нул бы, то его уже больше не удалось бы локализировать, как это имело место во время последней франко-германской войны.

Наконец г-н Дизраэли прибавил, что британский кабинет готов оказать энергичную поддержку всему, что ваше величество сочтет полезным предпринять для устранения кризиса, которого, повидимому, очень опасаются.

Я ответил г-ну Дизраэли, что он не ошибается относительно миролюбивых намерений, питаемых вашим величеством * и что этим миролюбием будут проникнуты те слова, которые вы, государь, будете произносить в Берлине.

Шувалов.

Депеша посла в Лондоне Шувалова Александру II, 13 (1) мая 1875 г.

Ваше величество,

Соответственно приказаниям вашего императорского величества и согласно содержания дополнительных инструкций, присланных мне г-ном императорским канцлером, я прочел и передал главному статс-секретарю ее британского величества копию депеши от 17/5 апреля, касающуюся принятых вашим величеством решений о Средне-азиатских делах [63].

Ознакомление с этим документом произвело повидимому на лорда Дерби самое благородное впечатление. Он мне сказал, что, особенно в настоящее время, ничто не могло быть ему приятнее, чем это выражение воли вашего величества твердо поддерживать добрые взаимоотношения с Англией и устранять всякую причину, которая могла бы привести к их ухудшению.

Я передал точно также лорду Дерби копию записки, приложенной к секретной депеше от 17/5 апреля, содержащей изложение в исторической преемственности объяснений между С. Петербургским и Лондонским кабинетами по Средне-азиатскому вопросу и развивающей точку зрения императорского министерства на установление промежуточной зоны в этих краях.

Размеры этого документа не позволили мне прочесть его лорду Дерби, но он оставил за собой право в свое время с ним познакомиться.

Осмелюсь еще лишний раз повторить вашему величеству впечатление, составившееся у меня здесь с первых же дней возвращения на мой пост.

Политические осложнения, возникшие в последние недели, вызвали в Англии полный поворот в общественном мнении. Дружба с Россией, доброе согласие с ней стоят в порядке дня **. Благожелательные заверения, которые ваше величество мне приказало передать, будут, смею надеяться, способствовать тому, что подозрительность английского кабинета по отношению к нам *** исчезнет.

Шувалов.

Письмо Гамбургера [64] послу в Лондоне Шувалову, 15 (3) мая 1875 г.

Донесение, переданное вами г-ну Бартоломею [65], дошло до императора сегодня утром и его величество прочел его с живейшим интересом.

Уже по своем прибытии в Берлин наш августейший монарх с тем же интересом ознакомился с представленной ему г-ном Убри запиской,

* Помета Александра II: «Нет, конечно».
** Помета Александра II: «В этом отношении Пруссия оказала нам добрую услугу».
*** Помета Александра II: «Надеюсь».

в которой зафиксированы ваши беседы как с имп. Вильгельмом, так и с кн. Бисмарком.

Из телеграммы, отправленной вам кн. Горчаковым из Берлина, вы знаете, что император покинул эту столицу, вполне удовлетворенный достигнутыми в интересах сохранения мира результатами. Беспокойство и волнения улеглись и наш августейший монарх получил непосредственно от императора Вильгельма самые миролюбивые заверения.

Переворот в общественном мнении, который вы отмечаете в депеше, особенно приятен его величеству императору, считающему, что в этом отношении Пруссия нам оказала большую услугу. Его величество надеется, что заверения, которые вы и впредь будете давать английским министрам, будут способствовать тому, что подозрительность британского кабинета по отношению к нам окончательно исчезнет.

Соблаговолите поблагодарить г-на Дизраэли и лорда Дерби за посланные лорду Одо Русселлю инструкции [66]. На аудиенции, предоставленной ему его величеством в Берлине, английский посол высказался в таком же точно смысле, причем император мог только констатировать значительное расхождение между его словами и словами, переданными г. Мюнстером [67] своему правительству и якобы лично ему сказанными лордом Дерби,— обстоятельство, заслуживающее всего вашего внимания.

Гамбургер.

Донесение советника министерства иностранных дел Жомини Александру II, 16 (4) мая 1875 г.

Лорд А. Лофтус [68] прочел мне телеграмму, содержащую ответ кн. Бисмарка на демарш, предписанный английскому послу в Берлине.

Канцлер благодарит лорда Дерби за предложение добрых услуг и констатирует, что в них нет необходимости, так как германское правительство является не меньшим сторонником мира, чем английское правительство *.

С живейшим удовлетворением приняты дипломатическим корпусом в Петербурге миролюбивые заверения, полученные в Берлине.

Этот счастливый результат приписывают благодетельному влиянию вашего императорского величества, но особенное значение придают участью Англии в этом миролюбивом шаге **.

А. Жомини.

Депеша посла в Берлине Убри Александру II, 20 (8) мая 1875 г.

Государь,

Со времени пребывания вашего императорского величества в Берлине и сопровождавших его памятных переговоров, положение совершенно изменилось. Тон газет стал опять осторожным и миролюбивым. Население после тревог последнего времени особенно ощущает благодетельное влияние надежд на мир и безопасность. Под этим утешительным впечатлением был отпразднован с редким воодушевлением весенний праздник Троицы.

Но даже изменив тон, официозные газеты продолжают возвращаться к апрельским выступлениям, в поисках их причин. В их глазах единственными виновниками этих необоснованных и неоправдываемых никакими действиями правительства слухов о войне, является ультрамонтанская пресса и ее приспешники.

---

* Помета Александра II: «Это приблизительно то, что Руссель слышал от нас в Берлине».

** Помета Александра II: «Да, и эту услугу нам оказала Пруссия».

Независимые органы, как «Vossische Zeitung» со своей стороны возражают, говоря, что у официозных органов очень коротка память, так как своими опровержениями, полными двусмысленностей, они особенно способствовали поддержанию тревоги.

Таким образом работа правительственной прессы направлена в настоящий момент на то, чтобы доказать свою полную непричастность в создании воинственной обстановки, которая была в Берлине перед приездом туда вашего величества.

Как ни бесполезны и бесплодны употребляемые в настоящее время прессой усилия снять с себя всякую вину, самое стремление ее к этому является уже благоприятным признаком.

Люди независимые осуждают довольно строго * это стремление официозов снять с себя какую бы то ни было ответственность за тревогу и сомнения, так сильно волновавшие умы.

Но вне этой работы по самоочищению, тон прессы спокоен и осторожен.

Исключением является только одна газета «Post» от 18 мая. Она явно возвращается к обоснованности своих предыдущих разглагольствований применительно к рассмотрению политического положения в настоящий момент.

Беру смелость, ваше величество, почтительнейше представить при сем краткое изложение этой статьи. Выводы ее заслуживают того, чтобы быть отмеченными.

«Таким образом,— пишет «Post»,— положение теперь благоприятно. Но это является результатом возобновленных в последнее время усилий и необходима будет постоянная работа для того, чтобы обеспечить мир на продолжительный срок. К такому выводу приводит нас изучение положения. Мы сочли нужным вернуться к этим фактам не для того, чтобы оправдываться, а для того, чтобы суждения, которые высказывались о положении в апреле и которые высказываются о настоящем положении, не подверглись искажению».

Эти слова, как и следовало ожидать, обратили на себя внимание. Они выражают сомнения, которые, конечно, возникнут еще не раз. В настоящий момент, впрочем, это единственный дошедший до меня пессимистический голос в прессе.

Убри.

Письмо посла в Берлине Убри к Гамбургеру, 20 (8) мая 1875 г.

Дорогой друг,

Я сегодня представляю императору мой скромный доклад, который я старался сделать как можно более сжатым, чтобы не утруждать его величество лишними подробностями.

Тон официозной прессы улучшился. Но она преследует двоякую цель:

1) доказать свою непричастность к тревожным слухам последнего времени;

2) подчеркнуть существующее между нами согласие и этим парализовать так называемые враждебные проекты Франции.

Она забывает, что кто слишком оправдывается, доказывает этим свою вину. Более того, уже после мне стало известно, что представителям второстепенных германских дворов официально было подтверждено, что положение является угрожающим.

Я останавливаюсь на этих фактах, потому что они лишний раз доказывают, насколько счастливым и благотворным для интересов мира

* Помета Александра II: «И есть за что».

оказалось вмешательство нашего августейшего монарха и нашего канцлера.

Пока же все успокоилось и можно только пожелать, чтобы такое положение и впредь продолжалось.

Я вчера имел случай ознакомиться с замечательным докладом, составленным ген. Далером [69] для нашего генерального штаба о германских вооружениях вообще, и прусских в частности.

Из него явствует, что маузеровские ружья розданы всем армейским корпусам; пушки нового образца готовы для всей армии, за исключением 7 батарей, но намеченные боевые припасы еще не изготовлены. На основании этих данных наш военный атташе заключает, что с военной точки зрения Германия, повидимому еще не была подготовлена к открытию военных действий. Но в то же время он указывает, что ее вооружения будут закончены к весне 1876 г.

Сообщая вам эти детали, я не имею намерения преждевременно высказывать какие-либо подозрения о наличии задних мыслей у кн. Бисмарка. Но совершенно очевидно, что при оценке последующей политики германского канцлера не следует упускать из виду всех этих обстоятельств.

Именно с этой точки зрения я считаю необходимым отметить эти данные, почерпнутые из верного источника.

Убри.

Письмо президента Французской республики маршала Мак-Магона Александру II, 22 (10) мая 1875 г.*

Государь,

Меня глубоко тронули чувства, выражение которых вашему величеству угодно было передать мне через французских послов в С.-Петербурге и Берлине, и я хочу вам засвидетельствовать мою благодарность. Я хочу также принести поздравления вашему величеству за то благородное и высокое влияние, которое вы только что оказали на ход европейских дел. Если успех ваших усилий породил чувство законного удовлетворения у всех держав, то больше всех других должна этому радоваться Франция, ибо никто глубже, чем она не почувствует благодеяния мира, который укрепился, благодаря вашей доброй услуге. Франция стремится только залечить раны, причиненные ей войной, и обрести условия безопасности, на которые она имеет право. Ваше величество констатировало, что, преследуя эту цель, мы выполняем только свой долг по отношению к нам самим, и вам было угодно поощрять нас в этом.

Уже было время, когда один из ваших прославленных предшественников сумел уберечь побежденную Францию от ослабления, которое серьезно нарушило бы европейское равновесие [70]. Оставаясь верным этой великой традиции, ваше величество лишний раз подтверждает общность интересов, которая объединяет обе наши страны и на которые вы недавно указали г-ну виконту Гонто-Бирону. Все мои усилия будут направлены к тому, чтобы сделать эти узы более теснымн, и французская нация, я в этом убежден, охотно окажет мне помощь в разрешении этой задачи, ибо она не забудет только что проявленной вашим величеством симпатии к ней.

Прошу ваше императорское величество принять выражение моего высочайшего уважения и моей почтительной привязанности.

Маршал Мак-Магон, герцог де Маджента.

---

* Это письмо опубликовано в 1-м томе «Documents diplomatiques français».

Донесение советника министерства иностранных дел Жомини Александру II, 30 (18) мая 1875 г.

Французский посол сообщил мне содержание писем, полученных им из Парижа. Содержащиеся в них подробности будут несомненно сообщены вашему императорскому величеству кн. Орловым. Я ограничиваюсь изложением сущности их, опуская добавления, сделанные генералом Лефло, так как они могли бы утомить ваше величество.

В Париже продолжает господствовать убеждение, что война была неминуема. Подтверждение этому находят во всех поступающих сведениях. Все зависело от вашего величества. Если бы ваше величество оставалось всего только индиферентным, кн. Бисмарк привел бы свое намерение в исполнение. Таким образом, Франция, а также Европа были спасены вашим величеством. Ваша доброжелательная и твердая позиция объединила вокруг вашего величества все кабинеты. В результате получилась европейская манифестация, которая расстроила расчеты кн. Бисмарка и которая позволяет надеяться на то, что мир отныне будет иметь серьезную гарантию.

Французское правительство сделало, повидимому, отсюда вывод, что в его интересах проявлять величайшую осторожность, чтобы закрепить это положение, и развивать в то же время свои оборонительные рессурсы. В случае же войны с Германией, Франция считает, что, сконцентрировав свои силы вокруг Парижа и предоставив остальную страну вторжению неприятеля, она с уверенностью может рассчитывать на то, что Европа, располагая временем, чтобы принять какое либо решение, окажет достаточное моральное и материальное давление для того, чтобы остановить Германию.

А. Жомини.

Депеша посла в Лондоне Шувалова Александру II, 4 июня (23 мая) 1875 г.

Государь,

Маркиз Гартингтон, лидер оппозиции в палате общин, сделал премьер-министру запрос по поводу занятой правительством королевы позиции в осложнениях, недавно угрожавших взаимоотношениям Германии с Францией. Лорд Гартингтон заявил, что у него нет ни малейшего желания создавать затруднения правительству и что он хотел только доставить ему удобный случай для того, чтобы сделать палате сообщение по вопросу, имеющему столь серьезное значение и возбуждающему интерес у всей нации. Он закончил свой запрос предложением огласить, если можно, в палате относящуюся к этому вопросу переписку.

Г-н Дизраэли ответил:

«Верно, что правительство ее величества посоветовало королеве сделать представление правительству германского императора по поводу взаимоотношений между Германией и Францией. Это представление имело своим назначением исправить ошибочные представления и обеспечить сохранение мира. На это представление мы получили удовлетворительный ответ. Что касается оглашения в палате переписки, то я полагаю, что было бы неудобно это сделать».

Этот ответ премьер-министра не вызвал никаких реплик со стороны оппозиции.

При всей своей лаконичности, заявление, сделанное г-ном Дизраэли не лишено однако определенного значения. Он констатировал факт вмешательства Англии в пользу сохранения мира и в скрытой форме признал, что угроза миру исходила от Германии, а не от Франции, так

как представление было послано правительству германского императора.

Запрос лорда Гартингтона был вызван появившимися в английской прессе статьями, перепечатанными из французских и германских газет по поводу шагов, предпринятых лондонским кабинетом во время недавнего кризиса.

Здешняя пресса воспользовалась этими довольно туманными сообщениями, чтобы провести параллель между энергичной, якобы, политикой Дизраэли во внешнеполитических вопросах и инертностью, которой отличался кабинет Гладстона [71], — параллель, всецело в пользу нынешнего премьер-министра.

В Англии, где так недавно еще гордились полнейшим миром в то время как на континенте одна война следовала за другой, поворот, в общественном мнении следует приписать, главным образом, поражениям, которые потерпела английская дипломатия в деле Алабамы [72] и в вопросе об отмене статей Парижского трактата [73]. Национальное чувство было задето сделанными в этих случаях уступками, как будто низведших Великобританию с положения великой державы до уровня второстепенного государства.

Эта обозначившаяся и все усиливающаяся тенденция в общественном мнении страны заслуживает величайшего внимания со стороны европейских кабинетов *.

Можно предвидеть, что Англия не удовлетворится больше ролью незаинтересованного зрителя в кризисах, которые в дальнейшем будут возникать на континенте, и что отныне придется считаться с государственными деятелями, вершающими судьбы этой страны.

Шувалов.

Депеша посла в Лондоне Шувалова Александру II, 4 июня (23 мая) 1875 г.

Государь,

Вслед за запросом лорда Гартингтона в палате общин, бывшим предметом моего предыдущего донесения, был сделан аналогичный запрос в палате лордов.

С речью выступил граф Руссель. Он предложил представить ее величеству королеве почтительный адрес, испрашивающий разрешение огласить в парламенте переписку, которая велась с начала года между правительством королевы и правительствами Франции, Германии, России, Италии, Бельгии, Голландии, Испании и Португалии по вопросу о сохранении мира. Он прибавил, что не настаивает на опубликовании переписки, оглашение которой могло бы оказаться несовместимым с общегосударственными интересами.

В своем ответе лорд Дерби отказался огласить и опубликовать дипломатическую переписку. Он сказал, что так как было бы нескромностью с его стороны огласить все, то он считает бесполезным опубликовать переписку в урезанном виде.

Министр иностранных дел затем заявил, что, признавая законным желание парламента и страны быть в курсе деятельности правительства, он с величайшей готовностью даст объяснения по этому вопросу.

Он долго затем говорил об осложнениях, которые едва не подвергли опасности мир в Европе; он объяснил, как вооружения Франции обеспокоили Германию и как угрожающий тон германской прессы, в свою очередь, взволновал Францию. Взаимное недоверие достигло такой степени, добавил он, что было бы трудно сохранить мир в случае, если бы Германия потребовала от Франции разоружения.

* Помета Александра II: «Да, конечно».

После этого длинного вступления, лорд Дерби перешел к действиям английского правительства.

Вот, государь, в каких выражениях он высказался.

«Мы узнали, что русское правительство решило сделать все от него зависящее в интересах сохранения мира, и недавний визит русского императора в Берлин дал нам удобный случай поддержать,— поскольку поддержка казалась необходимой,— те представления в пользу мира, которые, как мы полагали, русский император имел намерение сделать во время своего пребывания в столице Германии».

Я не могу удержаться, государь, чтобы не отметить расхождение между выступлениями премьер-министра и министра иностранных дел. Между тем, как первый заявил категорически, что представления в Берлине были сделаны и что был получен удовлетворительный ответ, второй упомянул только о предложенной поддержке и осторожно воздержался от сообщения, была ли она принята.

Обе эти речи характеризуют государственных людей, которые их произнесли*.

Дизраэли — решителен, быстр в репликах, не слишком щепетилен, не колеблется раздуть истину до неузнаваемости, когда дело касается расширения своей популярности и популярности своей партии.

Дерби — сдержан, заранее готовит свои речи, добросовестен до щепетильности, и предпочитает оказаться в противоречии с главой кабинета, чем сказать неточность.

Конец слишком длинной и несколько многословной речи лорда Дерби содержит только два утверждения, заслуживающих быть отмеченными: одно заключается в том, что Англия при этих обстоятельствах не взяла на себя никаких обязательств, которые могли бы в какой-нибудь мере стеснять свободу ее действий в будущем; другое же состоит в том, что политика невмешательства в дела континента,— политика пользующаяся в этой стране наибольшей популярностью,— не означает политики изоляции, и что Англия не может оставаться индиферентной к сохранению мира в Европе.

Шувалов.

Депеша посла в Париже Орлова Александру II, 6 июня (25 мая) 1875 г.

Государь,

Маршал Мак-Магон был глубоко тронут письмом, которым ваше величество его удостоило **. Старый солдат клянется честью, что он не помышляет об агрессивной войне, и что единственная цель, которую он себе ставит, это передать тому, кого нация призовет ему в преемники, страну спокойную извнутри и уважаемую извне ***.

К этому направлены также все помыслы герцога Деказа. Этот искусный министр знает, что Франция не может рассчитывать ни на какой серьезный союз в целях реванша. Вся ее надежда состоит в том, чтобы расположить в свою пользу Россию и Великобританию, проводя антиклерикальную политику внутри страны и не отступая ни на шаг от миролюбивой политики — во вне ****.

Вообще, я нахожу, что герцог де Маджента и его правительство идут по вполне правильному пути и в соответствии с интересами мира.

Г-н Тьер повергает к стопам вашего величества выражение глубокой благодарности. Он сознает, какую огромную услугу оказывает Франции

Пометы Александра II:

* «Да».

** «В ответ на его письмо, доставленное в Эмс Орловым»

*** «Полагаю, что можно рассчитывать на его слово».

**** «Это все, что мы можем желать».

и Европе русский государь своим великодушным и бескорыстным поведением. Экс-президент встретится в Швейцарии с канцлером и лично повторит ему чувства благодарности, воодушевляющие всю Францию *. Я стараюсь умерить шумное выражение ее, повторяя, что ваше величество нашло своего августейшего дядю, проникнутым искренним желанием мира **. Рыцарский характер императора Вильгельма и его высокие христианские чувства являются в глазах всего мира серьезной гарантией спокойствия. Сознанием этого начинают проникаться и в несчастной Франции, многие граждане которой еще долго будут говорить о реванше, не желая однако обнажать для этого шпаги. В этом отношении пресса плохо выражает мнение страны.

Журналисты охотно проповедуют войну, так как обычно они сами ее не делают. Напротив, те, которые призваны жертвовать своей жизнью и имуществом, бывают часто воинственны на словах, на деле же они всегда предпочтут устойчивый мир гадательным случайностям войны. Это — неизбежное следствие значительного материального процветания. Французы очень дорожат им и боятся новых войн, которые поставят его под угрозу.

Это совершенно реально. К сожалению, об этом мало осведомлены по ту сторону Рейна, и об этом трудно громко говорить, так как это может оскорбить самолюбие самой обидчивой в мире нации. Люди, стоящие у власти понимают истинное положение вещей ***, но стараются скрыть его от иностранцев.

Орлов.

Депеша посла в Берлине Убри Александру II, 10 июня (29 мая) 1875 г.

Государь,

Князь Бисмарк был очень недоволен речью лорда Дерби и объяснениями, которые он дал в парламенте по поводу затруднений, возникших, якобы, между Францией и Германией и вызвавших предложение услуги со стороны английского правительства.

По мнению германского канцлера эти объяснения преувеличены и неточны. Он высказался в этом смысле перед своим отъездом в присутствии некоторых лиц и в частности графа Карольи. Между прочим он будто бы заметил, что в речах английского министра было скрытое стремление испортить отношения России с Германией.

Такое же суждение высказал кронпринц лорду Одо Руссель, который вместо ответа предложил его высочеству ознакомиться с резюме речи лорда Дерби, напечатанным агентством Вольфа, которое принц еще не читал.

Мой английский коллега отвергает инсинуацию кн. Бисмарка, будто бы лорд Дерби стремился испортить наши отношения с Германией. Производит впечатление, что он относится к этому даже с некоторой насмешкой. Впрочем, он не видался с канцлером перед его отъездом. Но он имел случай беседовать о речи лорда Дерби с Бюловым. Статс секретарь выразил ему свое удивление по поводу некоторых мест этой речи, в частности, по поводу места, где упоминается о представлениях, сделанных германским правительством другим дворам по вопросу о вооружениях Франции. Берлинский кабинет не рассылал своим представителям сообщений о чем-либо подобном.

Посол заметил, что в таком случае он сожалеет о том, что это было сказано графом Мюнстером в Лондоне, так как последний выска-

* Помета Александра II: «Я велел им выразить мою благодарность».

** Помета Александра II: «Это результат разговора, который я здесь в Эмсе имел с Орловым несколько дней тому назад».

*** Помета Александра II: «Для нас именно это важнее всего».

зался именно в этом смысле перед английским кабинетом, как свидетельствует только что полученная им по этому поводу из Лондона депеша. Он ее тут же прочел г-ну Бюлову, который ее выслушал, не произнеся ни одного слова.

Этими подробностями, государь, я обязан любезности моего британского коллеги, который признался мне, что при таких обстоятельствах он был доволен тем, что ему удалось избежать всяких прямых объяснений с германским канцлером.

Виконт Гонто-Бирон пытался повидаться с кн. Бисмарком перед его отъездом. Он поручил Радовицу устроить ему это свидание, и два дня даже просидел дома, чтобы не пропустить извещения от князя Бисмарка. Но Бисмарк уехал из Берлина даже не ответив ему.

Эти подробности известны дипломатическому корпусу и комментируются там различно. Я, впрочем, не застал здесь своего французского коллегу. Он уже успел уехать на воды в Райхенгаль.

С другой стороны, кн. Бисмарк пожелал, чтобы были известны причины, побудившие его так действовать в данном случае. В близком ему кругу он дал понять, что он не мог принять г-на де Гонто потому что тот пользуется слишком большим расположением императрицы — королевы и состоит в хороших отношениях с карлистскими и ультрамонтанскими кругами, как Радзивиллом и Крой [74], известными своей враждебностью к его политике.

Убри.

Доклад советника министерства Жомини Александру II, 26(14) июня 1875 г.

Французский посол сказал мне, что в Париже попрежнему нервное настроение в связи с поступающими из Берлина известиями *. В результате последнего кризиса в Германии, якобы, пришли к тому заключению, что следует остерегаться в будущем заранее обнаруживать свои намерения. Будут действовать и поставят Европу перед совершившимися фактами. Генерал Лефло старался успокоить это волнение, высказав соображение, что те влияния, которые только что проявили себя в Берлине, будут и впредь с такой же энергией действовать в пользу мира **.

Князь Рейсс возобновил разговор по поводу роли, которую нам приписывают в инструкциях, полученных лордом Одо Русселем от лорда Дерби. Князь Бисмарк поручил ему сказать мне, что кн. Горчаков, как утверждает лорд Дерби, сообщая лорду Лофтусу о решении вашего величества, настоять в Берлине на сохранении мира, якобы, обратился к нему за поддержкой английского правительства ***.

Австрийский посол привез из Вены версию, что будто бы граф Шувалов, будучи проездом в Берлине, предложил лорду Одо Русселю испросить по телеграфу приказ о содействии ****.

Все это доказывает, что этим вопросом живо интересуются. Полемика, поднятая статьей «Голоса» ***** о союзе с Англией обратила на себя большое внимание. Мы дали для «Journal de St. Petersbourg» такую тему: так как соглашение трех императоров имеет целью обеспечить мир, то новые союзы были бы бесполезны, но всякое присое-

Пометы Александра II:
* «Это явствует также из последнего донесения Орлова».
** «Конечно».
*** «Я этого не думаю».
**** «Я этого не думаю».
***** «Да».

динение к этому миролюбивому соглашению было бы охотно принято. Такая же тема была указана секретным агентам для заграничной прессы *.

Жомини.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Убри, Павел Петрович, граф; с 1863 до 1868 г. русский посланник при прусском короле; в 1868 г. посланник при Северо-Германском Союзе; с 1871 г. по 1879 г. посол при Германском императоре.

2 Горчаков, Александр Михайлович, князь; с 1856 г. по 1882 г. министр иностранных дел, с 1867 г. был также и государственным канцлером империи.

3 Карлисты или апостолики — крайне реакционная клерикальная партия в Испании. Возникла в 30-х годах XIX в., когда испанский король Фердинанд VII изменил существовавший до того времени закон о престолонаследии в пользу своей малолетней дочери Изабеллы. Бывший ранее наследником престола брат короля дон-Карлос, благодаря этому закону, потерял право на престол. Под предлогом защиты старого закона о престолонаследии вокруг дон-Карлоса объединились все реакционные элементы страны. После смерти Фердинанда между сторонниками дон-Карлоса, карлистами, и сторонниками Изабеллы и ее матери регентши началась борьба, превратившаяся в настоящую гражданскую войну, которая продолжалась 6 лет. Карлисты в этой борьбе опирались на те испанские провинции, которые надеялись при помощи дон-Карлоса отстоять свою независимость от мадридского правительства. Правительственная партия находила поддержку в либеральных элементах страны, которым она сделала ряд уступок. Эта первая карлистская война окончилась поражением карлистов в 1840 г.

Партия карлистов, однако, не исчезла. Карлисты то усиливались, то ослабевали. В период, следовавший за революцией 1868 г., карлисты вступили в борьбу с республиканской партией. Особенно ожесточенной эта борьба была в период существования испанской республики (1873—1874 гг.). Вождем карлистов был новый претендент на престол, внук дон-Карлоса, получавший поддержку от клерикалов и монархистов соседних стран, особенно Франции.

Карлистское восстание продолжалось и после провозглашения королем Альфонса XII (конец 1874 г.), которого усиленно поддерживала Германия. Окончательно разбиты карлисты были в 1876 г.

4. Рейсс — принц Генрих VII, германский посланник, а затем посол в Петербурге с 1867 г. по 1876 г.

5 Бюлов, германский статс-секретарь по иностранным делам с 1873 по 1879 г.

6 Радовиц, советник германского министерства иностранных дел (бывший посланник в Афинах и генеральный консул в Бухаресте), был послан в феврале 1875 г. в Петербург с чрезвычайной миссией замещать германского посла Рейсса во время его болезни. В своей депеше от 7 февраля (26 января) Убри приводит германское официальное сообщение о назначении Радовица, в котором говорится, что знакомство Радовица с Востоком сделало особенно желательным его назначение на временный пост в Петербурге.

7 Буш, доктор, советник германского посольства и консул в Петербурге до 1875 г., а затем советник-докладчик германского министерства иностранных дел.

8. Под малыми делами восточной (Балканской) политики разумелись:

а) Так называемый инцидент д-ра Розена и б) Подгорицкое дело.

а) Инцидент германского генерального консула в Белграде, д-ра Розена, состоял в следующем: германское министерство иностранных дел, сочтя оскорбительным уклончивый ответ сербского министра на заявление Розена о предоставлении ему соответствующего ранга в консульском корпусе в Белграде, отозвало в декабре 1874 г. бар. Розена из Белграда.

Одновременно с отозванием бар. Розена германскому послу в Константинополе было предписано обратиться по этому поводу с представлением к Порте, как сюзерену Сербии, что вызвало неудовольствие России. Инцидент этот разрешился тем, что Германии было дано удовлетворение в вопросе о ранге ее представителя в Белграде; неудовольствие России актом обращения Германии к Порте было рассеяно объяснениями и заверениями Радовица.

б) В Подгорице (до 1878 г. турецкий город, а с 1878 г. отошел к Черногории) в апреле 1874 г. произошла резня черногорцев, вызванная убийством черногорцем турка. По требованию России, к которой присоединились также Австро-Венгрия и Германия, Порта назначила в Скутари комиссию для расследования и суда над виновниками резни.

В значительной степени под давлением России главари были приговорены к смертной казни. Но перед приведением в исполнение приговора, Турция в свою очередь

* Помета Александра II: «Правильно».

потребовала суда над черногорцами, виновными, в связи с событиями в Подгорице, в убийстве солдат турецкой пограничной охраны.

После длительных переговоров между дипломатическим корпусом в Константинополе, с одной стороны, и турецким правительством, с другой, было достигнуто соглашение, по которому суд над черногорцами должен был происходить на черногорской территории, но для выслушания показаний свидетелей турок комиссия должна была выехать на турецкую территорию в Спуж. Кроме того, Черногория должна была выдать Турции турецких подданных, скрывавшихся на черногорской территории. Только после осуществления этих условий Турция обязывалась привести в исполнение приговор, вынесенный в Скутари.

Черногорский князь Николай не принял однако этих условий и в ответ на коллективную телеграмму, посланную ему от имени 6-ти держав, сообщил депешей от 29 (17) января, что он отказывается послать комиссию в Спуж, считая, что «это послужило бы поводом к сомнению в независимости Черногории, а этот принцип — превыше всего». Вместе с тем князь Николай отказывался от своих претензий на возмещение со стороны Турции, т. е. на наказание виновных.

Это последнее решение кн. Николая было принято с согласия и с одобрения России, которая считала, что этим заявлением черногорского князя все Подгорицкое дело является исчерпанным. По настоянию России и все остальные европейские государства присоединились к этой точке зрения и согласились не настаивать на выполнении выработанного ранее соглашения.

9 Так называемое с о г л а ш е н и е 3-х и м п е р а т о р о в — германского, русского и австрийского — 1872—1873 гг., подкрепленно русско-германской и русско-австрийской военными конвенциями, официально должно было играть роль нового Священного союза, имевшего целью гарантировать европейские государства от революционных потрясений, а также способствовать сохранению мира.

В действительности же основной целью инициатора этого соглашения Бисмарка была изоляция Франции, которую после поражения 1870 г. Германия стремилась лишить возможных союзников.

Соглашение просуществовало недолго, так как вскоре обнаружились непримиримые разногласия между Россией и Австрией на Балканах, обострившиеся в особенности на Берлинском конгрессе в 1878 г.

10 Европейские государства, не имея до 1878 г. официальных представителей в Черногории, поддерживали дипломатическую связь с князем черногорским через своих генеральных консулов в Рагузе (город в австрийской провинции Далмации, ближайший к Цетинье). Лихтенберг и Ионин — германский и русский генеральные консулы в Рагузе.

В своем донесении от 16 (4) февраля Ионин сообщил о телеграмме, посланной Лихтенбергом князю Николаю с выражением удовлетворения от имени Вильгельма и Бисмарка по поводу умеренности, проявленной князем в разрешении Подгорицкого дела.

11 Бисмарк всегда относился с недоверием к католической церкви, так как, опираясь на католическое население Германии, римская церковь упорно противодействовала стремлению протестантской Пруссии добиться господствующего положения в Германии и отстаивала партикуляризм германских государств. Но открытый разрыв Бисмарка с католической церковью (ультрамонтанское духовенство — это наиболее ортодоксальная, непримиримая часть католического духовенства) явился следствием той ожесточенной борьбы, которую Бисмарк вел в рейхстаге с партией католического центра, являвшейся выразительницей сепаратистских тенденций южно-германских католических государств.

Перенеся борьбу с политической почвы на религиозную, Бисмарк провел целый ряд мероприятий, уничтоживших самостоятельность католической церкви и поставивших ее в полную зависимость от светской власти.

Более шести лет продолжалась борьба Бисмарка с католическим духовенством и закончилась целым рядом уступок со стороны Бисмарка, который должен был отменить большинство изданных им церковных законов.

12 В прусском городе Фульда ежегодно происходили конгрессы германских епископов. В период, когда борьба Бисмарка с германским католическим духовенством достигла наибольшей остроты (1872—1875 гг.), конгрессы эти были своего рода трибуной для оппозиционного германского духовенства. Так по отзывам современников пастырское послание конгресса 1872 г. явилось «манифестом для всех немецких католиков и объявлением войны германским правительствам».

13 Случай, о котором идет ниже речь, имел место в сентябре 1873 г.

14 Б а л а н — прусский, а затем германский посланник в Брюсселе с 1868 г. до марта 1874 г.

15 После принятия германским рейхстагом в мае 1874 г. новых антиклерикальных законов, когда борьба правительства с католическим духовенством в Германии достигла наибольшей остроты, ряд германских епископов, в том числе Мартин Падерборнский, были отрешены от епископских кафедр и арестованы.

16 П е р п о н ш е — С е д е л ь н и ц к и й — граф; германский посол в Брюсселе от 18 июня 1874 г. до 1875 г.

17 Д. Аспремон-Линден, министр иностранных дел в Бельгии с 1873 до 1878 г.

18 Нотомб, барон, бельгийский посланник в Берлине до 1881 г.

19 Благодаря мероприятиям либерального правительства, пришедшего к власти в 1847 г. (помощь безработным, с одной стороны, увеличение вооруженной силы для подавления революции, с другой), бельгийскому королевству удалось миновать рево-

18 Нотомб, барон, бельгийский посланник в Берлине до 1881 г.

20 Здесь имеется в виду, повидимому, Брюссельский конгресс анархистского интернационала, основанного Бакуниным. Конгресс происходил в 1874 г. и состоял в основном из бельгийцев. На этом конгрессе часть делегатов, близкая по своим взглядам к английским тред-юнионистам, отказалась от какой бы то ни было политической деятельности.

21 Андраши Юлий, граф; венгерский государственный деятель. В 1848 г. сражался в рядах революционной венгерской армии Кошута. После преобразования Австрии в дуалистическую монархию, возглавлял венгерский конституционный кабинет. Под его влиянием Австро-Венгрия придерживалась строгого нейтралитета в Франко-Прусской войне 1870 г. В дальнейшем, сделавшись австро-венгерским министром иностранных дел (1871—1879), он поддерживал политику, основанную на сближении с Германией, обеспечив этим поддержку Бисмарка Австро-Венгрии в восточном вопросе.

22 Свидание австрийского императора Франца-Иосифа с итальянским королем Виктором-Эммануилом в Венеции в апреле 1875 г. явилось следующим этапом сближения Австрии с Италией, начало которому было положено посещением Виктора-Эммануила в сентябре 1873 г. всемирной выставки в Вене. Сближение это вызывало тревогу в Берлине.

23 Руссель, лорд Одо, великобританский посол в Берлине с 1871 г. до 1884 г.

24 Германский кронпринц Фридрих-Вильгельм, сын Вильгельма I. Умер в 1888 г., через три месяца после вступления на престол. Был женат на дочери английской королевы Виктории, принцессе Виктории.

25 Александр II по дороге в германский курорт Эмс пробыл с Горчаковым в Берлине от 10 до 13 мая (н. ст.) 1875 г.

26 Гонто-Бирон — французский посол в Берлине с 1873 по 1877 г.

27 Законом о кадрах, принятым Национальным Собранием 13 марта 1875 г., к трем батальонам, из которых состоял по прежнему положению пехотный полк во французской армии, прибавлялся четвертый.

В полемике, возникшей между французской и германской официальной прессой о значении этого закона, немцы утверждали, что по новому закону французская армия будет в мирное время превышать германскую на 175 батальонов.

Французы, не оспаривая этого, указывали, что равновесие само собой установится к моменту мобилизации, так как четвертый батальон держится совершенно наготове в германской армии, и достаточно только приказа, чтобы он стал функционировать.

28 После присоединения Рима к Италии (октябрь 1870 г.) и перенесения в Рим столицы итальянского королевства положение папы было определено законом о гарантиях (май 1871 г.). По этому закону папа пользовался всеми правами главы церкви; его особа признавалась священной и неприкосновенной; ему были предоставлены ранг и почести монарха, содержание двора и посланников, личное содержание в 3½ миллиона франков ежегодно. Папе были оставлены Ватиканский и Латеранский дворцы.

Убри в своем донесении от 26 марта (7 апреля) сообщает о кампании, поднятой германской правительственной прессой против итальянского закона о гарантиях. В статьях этих доказывается, что «закон этот имеет интернациональный характер, в виду той неприкосновенности, которую он гарантирует папе в отношении иностранных государств. Между тем этот закон, рассматриваемый Италией как внутренний закон, не был санкционирован никакой другой державой. Италия может формулировать подобные комбинации для себя самой и ограничить, если она этого желает, свою свободу действий по отношению к папе. Иностранные государства не могут однако мириться с положением, какое создает главе католической церкви этот закон, разрешающий папе призывать подданных иностранных государств к неподчинению законам своей страны, что равносильно открытой проповеди восстания...»

29 Маюнке — редактор клерикальной газеты «Германия», депутат рейхстага, был присужден в сентябре 1871 г. к тюремному заключению за «оскорбление императора, Бисмарка и правительства».

30 Так называемый рептильный фонд, образованный Бисмарком из секвестрированного имущества ганноверского короля и гессенского герцога после присоединения их владений к Пруссии.

31 Орлов, Николай Алексеевич, граф. Русский посол во Франции с 1870 по 1882 г.

32 В письме от 23 (11) апреля Горчаков, сообщая об успокоительных сведениях из Берлина, выражает надежду, что пребывание Александра II и его, Горчакова, в Берлине будет способствовать еще большему умиротворению.

33 Мак-Магон, маршал, герцог Маджента. Во время войны 1870 г. имя Мак-Магона связано с двумя страшными поражениями французской армии — при Верте и при Седане. Командовал правительственными войсками против коммунаров. После отставки Тьера в 1873 г. он был избран президентом голосами всех трех монархических партий, которые сошлись на его кандидатуре в целях подготовки монархической реставрации. В январе 1879 г., когда, вопреки всем его мероприятиям, определилось республиканское большинство, Мак-Магон ушел в отставку.

34 Карольи, граф; австрийский посол в Берлине с 1871 по 1878 г.

35 Мольтке (1800—1891), граф. Прусский фельдмаршал и начальник генерального штаба с 1858 до 1888 г. Крупнейший представитель прусского милитаризма. Планы кампаний 1864, 1866 и 1870—1871 гг. предварительно разработаны были Мольтке.

36 Хрептович, граф; обер-камергер двора Александра II, б. русский посол в Париже.

37 Кронпринц Фридрих-Вильгельм должен был поехать вместо Вильгельма I с ответным визитом к итальянскому королю Виктору Эммануилу. Однако официальная поездка кронпринца не состоялась, так как итальянский король назначил местом встречи Рим, а Бисмарк категорически потребовал, чтобы Фридрих-Вильгельм не посещал папу. Кронпринц отказался от официального визита и поехал 12 апреля (31 марта) инкогнито путешествовать по Северной Италии.

Свидание кронпринца с итальянским королем все же состоялось в Неаполе. По официальной версии встреча эта не была заранее подготовлена и произошла случайно.

38 Кейдель — германский посланник, а затем посол в Риме с 1873 г. до 1887 г.

39. Варцин — замок князя Бисмарка в Померании, куда он уезжал для отдыха.

40 Тьер — палач Парижской Коммуны — 31 августа 1871 г. был избран Национальным Собранием президентом французской республики сроком на 3 года.

До окончания этого срока 19 мая 1873 г. он получил вотум недоверия в палате депутатов и 24 мая подал в отставку, которая была принята, как предполагали современники, неожиданно для него самого.

41 Гумберт — итальянский наследный принц, сын короля Виктора-Эммануила II. Итальянский король с 1878 до 1900 г.

42 Дерби, лорд, министр иностранных дел в кабинете Дизраэли в 1874—1878 гг.

43 Автор записки, подробно рассмотрев все виды вооруженных сил Франции и Германии и сопоставив их друг с другом, приходил к следующему выводу:

«Если беспристрастно рассмотреть взаимное положение Франции и Германии, и если сравнить средства, которыми обладают обе страны для наступательной войны, нельзя не убедиться в необоснованности обвинений, которые предъявляют Франции, и нельзя заблуждаться относительно истинного характера нашего закона о кадрах, который был однако представлен как угроза для безопасности Европы. Этот закон является мерой исключительно оборонительного характера, совершенно очевидно не связанной с какой бы то ни было мыслью об агрессии...»

44 Деказ Луи, герцог, министр иностранных дел в кабинете герцога де Брольи с 1873 по 1877 г. Активный сторонник монархической реставрации во Франции

45 Мантейфель — барон, прусский генерал-фельдмаршал, командующий армиями в кампании 1870 г. против французов. По окончании войны командовал оставленной во Франции оккупационной армией с 1871 до 1873 г.

46 Шувалов Петр Андреевич, граф; русский посол в Лондоне с 1874 по 1879 г.

47 Императрица Августа, жена Вильгельма I.

48 Вильгельм I, регент с 1850 г., король прусский с 1860 г. Первый германский император с января 1871 г. до 1888 г.

49 В донесении от 2 мая (20 апреля) Убри сообщает содержание нового закона, внесенного правительством в рейхстаг.

По этому закону существующие католические религиозные конгрегации (союзы, братства) должны прекратить свое существование в течение 6-ти месяцев. Никакие новые католические союзы не разрешаются. Исключение делается только для конгрегаций, занимающихся обучением, и странноприемных братств. Первые сохраняются в течение 4-х лет, вторые остаются впредь до особого королевского приказа.

Повидимому, первоначальный министерский проект не включал этих изъятий.

50 Лефло — генерал, французский посол в Петербурге с 1871 по 1879 г.

51 Ген. Вердер — германский военный атташе в Петербурге с 1871 до 1879 г. Здесь идет речь, повидимому, о заверениях о миролюбии Франции.

52 Эрцгерцог Альберт — австрийский эрцгерцог, шеф двух русских полков.

53 Барон Лангенау, австрийский посол в Петербурге с 1871 г. до 1880 г.

54 Милютин, Дмитрий Алексеевич, граф — русский военный министр с 1861 по 1881 г.

55 «Голос» — влиятельная распространенная газета, выходившая в Петербурге с 1863 по 1883 г. Орган либеральной торгово-промышленной буржуазии.

56 «Journal de St.-Petersbourg» — официозная газета министерства иностранных дел, выходившая в Петербурге на французском языке.

57 Барятинский, Александр Иванович, князь; бывший кавказский наместник (1856—1862), член государственного совета.

58 Во время франко-германской войны Северо-Германский союз и Франция дали обязательство Англии, гарантирующее нейтралитет Бельгии.

59 Война между католиками и протестантами в Германии, продолжавшаяся с 1618 до 1648 г. и совершенно разорившая страну.

60 Мать Александра II, императрица Александра Федоровна, была сестрой Вильгельма I.

61 Жомини — барон. Первый советник министерства иностранных дел, управлял министерством в отсутствии Горчакова, ввиду болезни товарища министра ин. дел Вестмана.

62 Дизраэли, лорд Биконсфильд, глава консервативной партии в Англии. С 1874 по 1880 г. возглавлял консервативное министерство.

63 Депеша от 17 (5) апреля 1875 г., предназначенная для прочтения английского министра иностранных дел, является по словам Горчакова «изложением общих взглядов русского правительства на Среднюю Азию». В ней официально заверяется, что Россия не имеет никаких намерений расширить свои границы в Средней Азии как со стороны Бухары, так и со стороны Красноводска.

Далее в депеше говорится о солидарности интересов русского и великобританского правительств в Средней Азии и о необходимости сотрудничества между ними.

64 Гамбургер — управляющий департаментом личного состава и имущественных дел, сопровождал Александра II в его заграничной поездке.

65 Бартоломей — советник русского посольства в Лондоне.

66 Приводим здесь выдержку из отчета Горчакова за 1875 г., в которой излагается история вмешательства Англии в франко-германский конфликт.

«...Лорд Дерби, извещенный английским послом в Петербурге о миролюбивом выступлении, которое ваше величество предполагает сделать в Берлине, приказал своему представителю в Берлине подкрепить это выступление всеми имеющимися у него средствами и предоставить в распоряжение в. в. всю мощь Англии, если это потребуется.

Не удовлетворившись этими шагами, он приказал английским представителям в Риме и Вене предложить итальянскому и австро-венгерскому правительствам предписать своим представителям в Берлине присоединиться к этому воздействию в пользу сохранения мира. Это была своего рода «моральная коалиция», инициативу которой брала на себя Англия».

Дальше Горчаков говорит, что Англия обострила положение своим вмешательством, что Вена и Рим уклонились от всяких представлений Германии, и что попытка Англии осталась совершенно изолированной.

67 Мюнстер — германский посол в Лондоне с 1873 до 1885 г.

Относительно слов, якобы сказанных лордом Дерби Мюнстеру, никаких следов в документах не найдено.

68 Лофтус, лорд. Великобританский посол в Петербурге с 1871 по 1879 г.

69 Далер — полковник. Русский военный атташе в Берлине.

70 Имеется в виду Александр I, который после поражения Наполеона при Ватерлоо сдерживал Англию и Пруссию от чрезмерных посягательств на французскую территорию.

71 Гладстон — лидер либеральной партии. Возглавлял в первый раз кабинет министров с 1868 по 1874 г.

72 Алабамское дело — спор, возникший между САСШ и Великобританией во время междоусобной войны между северными и южными штатами в Северной Америке.

САСШ обвиняли Великобританию в нарушении ею нейтралитета, так как суда южно-американских штатов, в том числе и крейсер Алабама, были куплены в Англии и вышли из английских гаваней, и потребовали от правительства Великобритании полного возмещения убытков, причиненных этими судами американской торговле.

Спор закончился лишь в 1872 году приговором третейского суда, признавшего ответственность Англии за действия Алабамы и других судов и обязавших Англию уплатить Соединенным Штатам 15½ миллионов долларов.

73 В 1871 году на конференции держав в Лондоне Англия вынуждена была согласиться на уничтожение статей Парижского трактата 1856 г., предусматривавших нейтрализацию Черного моря, т. е. запрещение строить и держать военный флот на Черном море, относившееся, главным образом, к России.

74 Прусский генерал Антон Радзивилл и герцог Крой находились в числе лиц, составлявших ближайшее окружение германского императора.

К истории рабочего движения 80—90-х годов

«Краткий курс истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)», изложенный в исключительно простой, доступной и яркой форме, написан на базе огромного исторического материала. Он обобщает весь гигантский опыт рабочего движения, опыт большевистской партии и дает подлинно научное, марксистское объяснение сложнейших вопросов истории революционной борьбы рабочего класса, истории его партии.

Публикуя ниже архивные документы, относящиеся к истории рабочего движения в царской России в 1881—1894 гг., т. е. к первому «утробному» периоду истории социал-демократической рабочей партии, мы поставили своей задачей дать в помощь изучающим историю ВКП(б) документальный материал лишь к небольшой части первой главы «Краткого курса истории ВКП(б)». Большинство помещаемых здесь документов публикуются впервые и лишь немногие уже появлялись в печати. Подбор публикуемых документов не имеет своей целью дать описание всех стачек и выступлений рабочих за указанный период, как не имеет целью дать и исчерпывающе все документы, относящиеся даже к упоминающимся здесь стачкам. Однако, документы настолько типичны для эпохи 80-х и первой половины 90-х годов прошлого столетия, что в целом они вполне отражают основные моменты из истории рабочего движения этой эпохи.

Показывая тяжелое положение рабочих в начальный период развития капитализма, документы, взятые из архива департамента полиции, со всей наглядностью свидетельствуют, как «над рабочими и крестьянами стояла целая армия исправников, урядников, жандармов, полицейских, стражников, которые защищали царя, капиталистов, помещиков против трудящихся, против эксплоатируемых»[1]. Документы описывают стихийную борьбу рабочих с капиталистами и в то же время рисуют картины расправы с рабочими, когда «рабочих избивали полиция и казаки, особенно во время стачек, когда рабочие прекращали работу, не выдержав притеснений фабрикантов»[2]. Наконец, документы свидетельствуют о нарастании рабочего движения, о постепенном создании условий для перехода рабочих от стихийных стачек к организованным, о росте сознательности рабочих, о том, как «передовые рабочие начали понимать, что для успешной борьбы с капиталистами нужна организация», о том, что «на опыте морозовской и других стачек рабочие поняли, что они многого могут добиться организованной борьбой»[3]. Показать, как массовое рабочее движение, превращаясь в серьезную силу политической жизни страны, выращивало в себе предпосылки для соединения с социализмом — такова задача данной публикации.

★

«После отмены крепостного права развитие промышленного капитализма в России пошло довольно быстро, несмотря на остатки крепостничества, еще

---

[1] «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)», краткий курс, стр. 6.
[2] Там же, стр. 6.
[3] Там же, стр. 9.
[4] Там же, стр. 6.

задерживавшие это развитие» [4]. Развивавшаяся промышленность все больше и больше требовала и поглощала «освобожденное» от земли и обнищавшее крестьянское население. Быстро шел рост «свободных и дешевых рабочих рук. Обездоленное реформой крестьянство вереницей потянулось в города на фабрики, заводы, в «отход» на промыслы. На текстильные фабрики, в шахты Донбасса, на строительство железных дорог пришли завербованные по кабальным договорам крестьяне Курской, Орловской, Рязанской, Смоленской губерний, владимирские плотники, калужские землекопы и др. Ограбленная помещиками, правительством и кулаками деревня к половине 80-х годов выбросила в города на поиски хлеба до 4½ млн. безземельных, ненужных в хозяйстве людей. К помещичьему гнету деревенской бедноты прибавился еще и гнет капитала. «Власть денег,— писал В. И. Ленин,— не только придавила, но и расколола крестьянство: громадная масса неуклонно разорялась и превращалась в пролетариев»... [1].

Процессу формирования пролетариата способствовал и процесс машинизации промышленности, требовавшей постоянных кадров рабочих. В начале 80-х годов на фабриках Московской губ. работало, уже не уходя в деревню, более 85% всех рабочих. В начале 80-х годов на петербургских фабриках насчитывалось около 75 000 рабочих. На Путиловском заводе в 1885 г. было 1 993 раб., а в 1890 г.— уже 3 520 чел.; на Балтийском судостроительном заводе в 1884 г. было 1 198 чел., а в 1894 г.—2 753 чел. К половине 90-х годов одни текстильные рабочие представляли собой армию до 600 тыс. человек.

Помимо сильного роста фабрик и заводов в центральной России происходил бурный рост промышленности на Украине и в Донбассе. В Кривом Роге с 1887 по 1896 г. население выросло с 6 тыс. душ до 17 тыс. На каменском заводе днепропетровского об-ва количество рабочих за тот же период увеличилось с 2 тыс. до 18 тыс. человек. В Юзовке образовался город с 29 тыс. населения [2].

Вопреки утверждениям народников о том, что капитализм в России представляет «случайное» явление, что он не будет развиваться в России, следовательно не будет расти и развиваться и пролетариат, количество рабочих увеличивалось с неимоверной быстротой, достигнув к 1893 г. цифры в 1,6 млн. человек.

Эта огромная по тому времени армия рабочих, готовых ради куска хлеба идти на фабрики на каких угодно условиях, подвергалась безграничной и бесконтрольной эксплоатации со стороны капиталистов.

Рабочий день фабричных рабочих не спускался ниже 12 часов, но часто доходил до 14—15 часов. Сверхурочные работы удлиняли его до 18—20 часов. В середине 80-х годов в Московской губ. только 10% фабрик имели рабочий день меньше 12 часов, остальные 90% фабрик работали от 12 до 15 часов, причем 44% их работали 13—13½ часов. На некоторых фабриках работали до 16 ч. в день, на рогожных — 18 час., а на машиностроительном заводе Струве — 19 часов. Рогожные фабриканты сами признавались, что рабочих их к лету «ветром качает». На Ивановских фабриках работа начиналась в 3½ час. утра и кончалась в 8 час. вечера. В шахтах Екатеринославской губ. работа взрослых и детей производилась «от зари до зари».

Такая продолжительная работа оплачивалась, однако, чрезвычайно низко. Не поднимаясь выше 48 р. 50 к. заработок текстильщиков в Петербургском округе колебался от 14 р. 40 к. до 43 р. 50 к., а во Владимирском округе — от 3 р. 25 к. до 28 р. в месяц, причем рабочие не имели казенной квартиры. Впрочем, рабочий не всегда знал, на какой заработок он может рассчитывать при найме на работу. В расчетных книжках фабрики Демидова (Ярцево, Вязник. у., Влад. губ.) было сказано, например, что «если не будет в книжке означено жалованье сдельное и месячное, то это будет соответствовать тому, что рабочий поступил без ряды, на жалованье, какое ему назначит хозяин по своему усмотрению, судя по заслуге и работе

[1] В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 101.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. III, примеч., стр. 409.

нанявшегося»[1]. Такие порядки существовали в ряде губерний. К 80-м годам реальная заработная плата сильно понизилась. К 1883 г. на фабриках Шуйского у. она понизилась в сравнении с 50-ми годами XIX ст. на 20—30%, так как цена хлеба повысилась на 95%, а заработки повысились только на 50—60%[2]. Денежная зарплата рабочего Московской губ. в 80-х годах была вчетверо ниже, чем в Англии и впятеро ниже, чем в США.

Но русский рабочий редко получал даже и тот мизерный заработок, который он вырабатывал. Значительная часть его оставалась в фабричной конторе в виде вычетов и штрафов. «Фабриканты могли брать штрафы,— писал Ленин,— за что хотели и в каком угодно количестве. Фабриканты брали тогда штрафы в безобразных размерах и наживали на штрафах громадные доходы.— Штрафы назначались иногда просто «по усмотрению хозяина», без указания причины штрафов.— Штрафы доходили иногда до половины заработка, так что рабочий из заработанного рубля отдавал хозяину пятьдесят копеек в виде штрафов»[3].

На Ивановских фабриках штрафы обусловливались даже правилами найма. В расчетной книжке фабрики Какушкина значилось, что «неявившемуся на фабрику рабочему записывается за каждый рабочий день вдвое». В книжке Покровской м-ры указывалось, что «в случае прогула целого дня записывается в расчетной книжке взыскание, равняющееся цене трех рабочих дней». Штрафы брались за «неисправную работу», за шум в казармах, за выход за ворота, за «непослушание» и т. п. Бывали случаи, когда с рабочих удерживался весь месячный заработок.

К особому виду грабежа рабочих относились произвольные сроки выплаты им заработанных денег. Некоторые фабрики выдавали заработную плату 6 и 4 раза в год, да и то с удержанием 10% «впредь до окончательного расчета» на предмет вычетов за возможные штрафы. Еще более закабаляла рабочих система выдачи заработной платы не деньгами, а талонами и продуктами из фабричных лавок по ценам выше рыночных. Этот вид закабаления давал в руки фабрикантов огромные барыши. Исследователи фабричного труда рабочих 80-х годов тогда же определяли, что заработок рабочего давал ему лишь «возможность существовать полуживотной жизнью»[4].

Условия труда ухудшались полным отсутствием надзора за охраной труда, вредностью производства. На Ярцевской фабрике Хлудова в 80-х годах за три года было искалечено 1829 чел. («Врач», 1885 г., № 22). По свидетельству материалов 7-го съезда врачей московского земства в 1881—1882 гг. «Население Реутовской м-ры вымирает». Фабрики в изобилии были окружены кабаками, куда сами фабриканты давали рабочим ярлыки.

Особые выгоды для эксплоатации представлял труд женщин и детей. Он был дешевле, и фабриканты старались широко использовать его применение. На текстильных фабриках Московской и Владимирской губ. женщины составляли до 40% состава всех рабочих. Дети до закона 1882 г. принимались на работу с 6—8 лет. Нередко дети и подростки составляли на фабриках 1/3 состава всех рабочих. По поводу условий работы на прядильных фабриках Иваново-Вознесенска корреспондент «Русских ведомостей» писал, что там «люди с головы до ног покрыты таким толстым слоем пыли, что нет возможности отличить их лица от платья. Большинство рабочих женщины и девушки... Видим еще детей, мальчиков и девочек. Все, как взрослые, так и дети, работают стоя, в продолжение 12 часов в сутки — сменные и 14 — дневные, и ни

---

[1] Любимский, Санитарное исследование фабричных заведений Вязниковского уезда, стр. 31.

[2] Туган-Барановский, Русская фабрика в прошлом и настоящем, стр. 448—450.

[3] В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 367.

[4] Дементьев, Фабрика, что она дает населению и что она у него берет, 1897 г.

на одну минуту не присядут, под опасением штрафа... душно, воздух пропитан запахом масла, кругом пыль, температура 48° по Р.». Утомляемость детей была так велика, что, по сообщению земских врачей, дети «подвергшиеся какому-нибудь увечью, засыпали во время операции таким крепким сном, что не нуждались в хлороформе». Земская санитарная комиссия в 1880 г. определяла, что «миллионная» фабрика Хлудова в Ярцеве, Смоленской губ., «служа гнездом всякой заразы, является в то же время образцом беспощадной эксплоатации труда капиталом... рабочим приходится вдыхать хлопчато-бумажную пыль, находиться под действием удушливой жары — до 28,2° и переносить удушливый запах из дурно устроенных ретирад. Фабричная администрация объясняла, что потому не принимает мер к их улучшению, что в противном случае, с уничтожением миазмов, эти места превратились бы в места отдохновения для рабочих». Что можно сказать о постановке медицинской помощи рабочим, если бывали случаи, когда «обязанности фельдшеров исполняли фабричные лавочники»? [1].

Быт рабочих был ужасен. В общих спальнях, в тесноте, духоте и грязи вповалку женатые и холостые, дети и взрослые. В небольших каморках на 4—6 чел. помещались 18—25 человек. Часто за неимением жилищ рабочие спали там, где работали днем. На Ярославской м-ре Корзинкиных из 100 рождавшихся детей ежегодно умирало 65.

Так, не встречая преград, никем не стесняемые, капиталисты неприкрытым грабежом рабочих увеличивали свои накопления. Налицо были все основные особенности и условия капитализма, порождающие рабочее движение; рост нищеты, гнет, порабощение, унижение, эксплоатация.

★

Отличительной чертой рабочего движения 80-х и первой половины 90-х годов является то обстоятельство, что оно протекало еще вне связи с революционным социал-демократическим движением. Но социал-демократия — группа «Освобождение труда» и отдельные марксистские кружки — переживала по выражению Ленина еще «процесс утробного развития». Но рабочее, движение 1881—1894 гг. уже сильно отличается от движения 70-х годов. Характерной чертой стачек 70-х годов являлись «бунты», «беспорядки», сопровождавшиеся поджогами, разгромами фабричных помещений. Вчерашние крестьяне, еще не изжившие свое отношение к царю, как защитнику и высшему судье, практиковали посылку к властям ходоков, унижаясь мольбами об облегчении тяжелых условий труда и жизни. Однако, постепенно вера в царя разрушалась теми репрессиями, которые обычно следовали за этими обращениями. После одного из таких ходатайств пермских рабочих в 1879 г. губернатор приказал «перепороть весь завод». 37 человек было запорото до смерти и 25 умерло от побоев.

Характерные для 60—70-х годов черты рабочего движения в некоторой степени сохранились и в периоде 1881—1894 гг. Однако эти элементы носили характер только остатков прежнего периода. Ниже мы помещаем документ о волнениях на петербургских фабриках и заводах в 1881 г., где попытки подачи прошения царю уже используются «приверженцами революционной партии» для устройства уличной демонстрации. Ряд других документов, рисующих еще картины разгрома фабричных помещений, нужно отнести к характеристике остатков наиболее примитивных форм борьбы рабочих периода 60—70-х годов.

---

[1] Янтул, Фабр. быт Моск. губ. 1884 г., стр. 136.

В основном же период рабочего движения 1881—1894 гг. отличается от предшествующего периода тем, что в нем появлялись все более элементы сознательности и организованности. Кроме того, что движение все более расширялось, оно поднималось на новую более высокую ступень.

За период 1883—1894 гг. в общей сложности участвовало в стачках около 230 тыс. рабочих против 150 тыс. периода 1870—1883 гг.

Усиление стачечного движения связано с тем аграрным и промышленным кризисом, который охватил Россию в 80-х годах. Увеличившийся приток крестьянского населения в города увеличил количество детских рабочих рук. Кризис повлек за собой массовое сокращение рабочих и безработицу. В 1885 г. по Владимирской губ. количество рабочих уменьшилось на 5 460 чел., в Петербурге с 1880 по 1882 г.— на 5 440 чел. Нажим капиталистов на рабочих усилился. Фабрики работали неполную неделю, с 2-х смен переходили на одну при удлиненном рабочем дне; понижалась заработная плата, усиливались и повышались штрафы. В 1-й половине 80-х годов в Московской губ. заработная плата понизилась на 40—50%, на тверских фабриках — на 20%, на владимирских — на 50%. Часто предприниматели задерживали выдачу денег рабочим. Все это вызывало многочисленные стачки. Участниками их были, главным образом, текстильщики центрального промышленного района. За период 1881—1889 гг. они провели 118 стачек, в которых участвовало 120 тыс. человек. Металлисты в это время имели 26 стачек с 26 тыс. участников. Указывая на характер выступлений рабочих в 80-х годах, Ленин писал: «Рабочие, заработки которых и без того были плохи, не могли уже снести новых притеснений, и вот в губерниях Московской, Владимирской и Ярославской начались в 1885—86 годах рабочие бунты. Выведенные из терпения рабочие прекращали работу и страшно мстили притеснителям, разрушая фабричные здания и машины, иногда поджигая их, избивая администрацию и т. п.» [1].

Из десятка стачек 1881 г. выделялась стачка на ф-ке Зубкова в Иваново-Вознесенске, в результате которой 348 рабочих были подвергнуты 7-дневному аресту. В 1882—1884 гг. происходили ежегодно по 16—18 стачек. Основной мотив их — борьба с понижением заработной платы и усилившимися штрафами. Почти все они окончились в пользу предпринимателя. Кроме текстильщиков мы встречаем в числе стачечников рабочих Пермского пушечного завода, Гвоздильного и Александровского сталелитейного з-дов в Петербурге, рабочих вагонных мастерских Ю.-з. ж. дороги, рабочих Степановского сахарного завода в Полтавской губ. и др. Из стачек этого периода выделялась стачка на Вознесенской м-ре в 1884 г., вызванная сокращением работы до 4-х дней в неделю. Она отличалась большим упорством. Из Москвы были вызваны войска, 115 наиболее активных рабочих было арестовано. Все же рабочие добились уступки со стороны фабриканта.

Стачки первой половины 80-х годов подготовили известную стачку в 1885 г. на ф-ке Морозова в с. Никольском. В Морозовской стачке отразилась и сконцентрировалась вся сила предшествующего периода. Эксплоатация рабочих на Морозовской ф-ке доходила до крайних пределов. В течение двух лет пять раз понижалась заработная плата. Под руководством трех передовых рабочих — Моисеенко, Волкова и Иванова — стачка охватила 8 000 рабочих. По разработанной заранее программе рабочие настаивали на повышении заработной платы, уменьшении штрафов, допущении выборных старост и др. Стачка вызвала два судебных процесса, которые по выражению адвоката Шубинского «подняли занавес с фабричного мира России». Стачка поставила рабочий вопрос перед лицом всей России. «Эта громадная стачка,— писал Ленин,— произвела очень сильное впечатление на правительство, которое увидало, что рабочие, когда они действуют вместе, представляют опасную силу, особенно

[1] В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 367.

когда масса совместно действующих рабочих выставляет прямо свои требования» [1].

Морозовская стачка подняла рабочее движение на новую ступень, она показала образец организованности рабочих и пробудившееся сознание рабочим классом своих интересов. Именно этот момент позволил Г. В. Плеханову в 1886 г. оценить морозовскую стачку как исходный пункт нового фазиса рабочего движения. Рабочие ф-ки Морозова поставили вопрос не только об удовлетворении своих требований, а обобщили опыт всего предшествующего движения и потребовали государственного регулирования отношений между предпринимателями и рабочими всей России. В Морозовской стачке мы видим уже участие (хотя и единичное) передовых рабочих, побывавших в революционных организациях и в ссылке. Это был П. Моисеенко.

Царское правительство не на шутку перетрусило. Помещаемые документы из переписки министра внутренних дел Д. Толстого с царем и другими министрами ясно свидетельствуют о большой тревоге. Не прошло и месяца после стачки, как правительство поставило вопрос об издании «правил», ограничивавших произвол фабрикантов в отношениях их к рабочим. В 1885 г. был издан закон о воспрещении ночной работы для женщин и подростков, а в 1886 г.— закон о сроках выдачи заработной платы, о запрещении расплаты талонами и товарами, о регулировании штрафов и расширении прав фабричной инспекции. «Рабочие должны благодарить,— писал Ленин,— за облегчение не начальство, а своих товарищей, которые добивались и добились отмены безобразных притеснений» [2]. Оба эти закона, как и закон 1882 г. о воспрещении работы детей до 12 лет, всячески тормозились фабрикантами и заводчиками, заявлявшими о невозможности их выполнения. Под влиянием капиталистов эти законы пересматривались и ухудшались. Из публикуемых документов о тверских стачках можно видеть, как тверские фабриканты всячески саботировали введение на своих фабриках закона 1886 г.

Морозовская стачка оказала влияние на все дальнейшее движение рабочих. Она вызвала ряд стачек: на Измайловской м-ре (Гиля), на Тверской м-ре Морозовой, на Путиловском з-де и в других местах. Под ее воздействием в конце 1885 г. семь дней бастовали сразу пять фабрик в Иваново-Вознесенске, в связи с применением закона 1885 г., вызвавшим изменение порядка работ. Поводом для стачки было введение 9-тичасовых смен, ввиду запрещения ночных работ для женщин, что означало падение заработков ткачей.

Целый ряд последующих стачек, как это видно из публикуемых документов, обнаруживает то новое, что дала Морозовская стачка. Рабочее движение из оборонительного постепенно переходит в наступательное. Стихийность сменяется организованностью. В числе руководителей стачек обнаруживаются «распропагандированные» и «лица из революционной среды» (стачка раб. мастерских Закавказских ж. д. в 1888 г.). Во время стачек появляются революционные прокламации (стачка на судостроит. адмиралт. з-де в 1891 г.). Рабочие начинают организованно подавать письменные петиции. Проявляя солидарность к пострадавшим товарищам, рабочие начинают собирать деньги в пользу высланных рабочих (на Митрофановской м-ре в 1892 г.) и т. п.

Нужно иметь в виду, что развитие массового рабочего движения происходило в обстановке, сохранившей еще многочисленные остатки крепостнических отношений, до крайности усиливавших гнет и эксплоатацию трудящихся.

Однако в большинстве случаев стачки этого периода возникают стихийно. И хотя в период 1881—1894 гг. мы встречаем участие в стачках представителей революционных организаций и кружков, но эти кружки не руководят еще забастовками и не решают их начало. «В начале 90-х годов,— вспоминает Н. Д. Богданов о работе петербургских с.-д. кружков,— мы сделали попытку

[1] В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 368.
[2] Там же, стр. 370.

заявить о себе во время забастовки в порту... Мы выпустили свою первую прокламацию. Забастовка была вызвана не нами, а чисто стихийно, и руководить ею мы еще не могли» [1].

Несомненно деятельность социал-демократических кружков начала 90-х годов подготовила почву для соединения марксизма с рабочим движением. Об этом в частности свидетельствует помещаемое в заключение настоящей публикации краткое обозрение деятельности социал-демократических кружков, составленное департаментом полиции в 1894 году.

Однако «и группа «Освобождения труда» и марксистские кружки того времени не были еще связаны практически с рабочим движением. Это был еще период возникновения и упрочения в России теории марксизма, идей марксизма, программных положений социал-демократии. Социал-демократия за десятилетие 1884—1894 годов существовала еще в виде отдельных небольших групп и кружков, не связанных или очень мало связанных с массовым рабочим движением. Подобно еще неродившемуся, но уже развивающемуся в утробе матери младенцу, социал-демократия переживала, как писал Ленин, «процесс утробного развития».

Группа «Освобождение труда» «лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению»— указывал Ленин.

Задачу соединения марксизма с рабочим движением в России, а также исправления ошибок группы «Освобождение труда» пришлось разрешить Ленину» [2].

Б. Златоустовский.

Из записки петербургского градоначальника в департамент полиции, 12 января 1881 г. [3]

Между рабочими разных фабрик, преимущественно же расположенных по Обводному каналу Ново-бумаго-прядильни, Резиновой мануфактуры и на Путиловском заводе, а равно на заводах Голубевском, Василеостровском, Патронном, Балтийском и других, замечено сильное возбуждение по поводу дороговизны продуктов, квартир и, в особенности, по случаю увольнения рабочих и сбавки штучных работ. Слышатся при этом соглашения о подаче прошения его императорскому величеству, с жалобой на крайнюю нужду; некоторые же отдельные личности предлагают собраться всем ко дворцу государя императора и просить помощи. За успешность и выгоды последнего указанного маневра стоят, как говорят, немногие, впрочем, приверженцы революционной партии, видя в том средства устроить уличную демонстрацию.

Между такими подстрекателями известен какой-то рабочий Сергей Столбов, о котором отзываются как о личности, дерзостью и решительностью превосходящей Преснякова и как об участнике в тайной типографии. Столбов по Адресному столу на жительстве не значится.

Меры к наблюдению по настоящему делу приняты, а за Столбовым будет учреждено наблюдение и прослеживание, тотчас по обнаружении места жительства.

[генерал-майор Федоров].

---

[1] Сборник «От группы Благоева к Союзу борьбы», стр. 41.

[2] «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)», краткий курс, стр. 17.

[3] ДП, III, 1881 г., д. № 4, л. 1. Документы подготовлены к печати научн. сотрудником Архива революции М. Сыромятниковой.

Донесение начальника Петербургского губернского жандармского управления в департамент полиции, 4 марта 1882 г., № 130[1]

Помощник мой заведующий Петербургским уездом майор Огарев, рапортом своим от 4 марта сего года за № 15 донес мне, что в деревне Волынкиной, Петергофского участка, на бумаго-прядильной фабрике бывшей г-на Штиглица (ныне г-на Кноп и К-о) между рабочими произошла стачка, и 3 числа сего марта месяца никто из них не явился на работу. Причина этому обстоятельству как говорят рабочие, что на них налагают большие несправедливые штрафы, так что каждому рабочему приходится платить такового более 5 рублей в месяц.

По настоящему поводу приставом Петергофского участка производится дознание.

Начальник управления генерал-майор Рюматов

Телеграмма нижегородского губернатора министру внутренних дел, 24 мая 1883 г.[2]

На Сормовских заводах Бенардаки, вследствие неуплаты заработков, усилилось волнение между рабочими[3]. Увещания исправника и чиновника на месте не подействовали, и сегодня утром толпа в 1 500 человек пришла ко мне. По моему требованию, тотчас рабочие без нарушения тишины отправились на завод, оставив выборных для разбора дела, которое и стараюсь уладить. К сожалению, претензии рабочих справедливы, а заводы не имеют денег. Серьезного не произошло и уверен, что не произойдет, но доношу вашему сиятельству для того, чтобы вас не обеспокоили могущими дойти до вас неверными преувеличенными слухами[4].

Губернатор генерал-майор Баранов.

Донесение начальника Ярославского губернского жандармского управления директору департамента полиции, 28 октября 1883 г., № 893[5]

В дополнение шифрованной телеграммы моей, о стачке рабочих на фабрике, под фирмой: «Ярославская Большая мануфактура» (Корзинкина), имею честь донести, что 25 сего октября, 100 человек ткачей не пошли на работу, собрались на дворе фабрики и останавливали угрозами и силой тех рабочих, которые проходили по двору на работу, разбили камнями несколько стекол в окнах здания, занимаемого ткацкими станками и, таким образом, увеличили собравшуюся на дворе толпу до 300 человек.

По получении донесения о вышеизложенном от унтер-офицера дополнительного штата вверенного мне управления, постоянно находящегося

---

[1] ДП, III, 1882 г., д. № 179, л. 1.

[2] ДП, III, 1883 г., д. № 185, ч. 8, л. 1.

[3] Рабочие требовали уплаты заработанных денег, которых не получали с начала марта; лавочники прекратили отпуск товара, и рабочие остались без хлеба. В результате стачки рабочие добились уплаты им заработка за март.

[4] Задержка зарплаты была частым явлением на Сормовских заводах. 4 августа 1885 г. начальник Нижегородского губернского жандармского управления доносил в департамент полиции, что «опять» рабочим не выдано жалование за 2 месяца с лишком.

[5] ДП, III, 1883 г., д № 185, ч. 15, лл. 1—3.

в составе наблюдательного поста на фабрике, я тотчас-же лично сообщил о том Ярославскому губернатору и отправился на фабрику, чтобы самому убедиться, до какой степени дошло своеволие рабочих.

Прибыв на место, я застал на дворе фабрики большую толпу рабочих, которая, окружив меня, в один голос кричала, что работать не будут до тех пор, пока начальство фабрики не отменит денежные штрафы

Никакие объяснения о том, что штрафы за дурную работу всегда существовали и теперь существуют на всех фабриках и если рабочие не желают подчиниться условиям, которые ими добровольно были приняты при поступлении на фабрику, то могут тотчас-же получить расчет, не могли убедить толпу разойтись по квартирам.

Между тем, в 7 часов вечера, при появлении командированных, согласно требования Ярославского губернатора, двух рот квартирующего в г. Ярославле Нежинского пехотного полка толпа разбежалась и совершенно очистила двор фабрики.

26 числа утром, хотя число забастовавших ткачей дошло до 700 человек, но то, что удалось арестовать шесть человек подстрекателей и зачинщиков беспорядка, которые уговаривали рабочих упорно стоять на своем требовании об уничтожении штрафных вычетов из получаемых ими заработных денег, видимо повлияло на толпу забастовавших ткачей и к вечеру, того-же числа, до 400 из них, принялись за работу.

Наконец утром 27 числа остальные участники в забастовке пошли на работу и стачка между ними прекратилась.

Принимая во внимание, что арестование шести главных подстрекателей к беспорядку весьма способствовало водворению должного порядка на фабрике, я признал необходимым лично объяснить Ярославскому губернатору, что немедленное распоряжение о высылке их административным порядком из г. Ярославля на места родины — необходимо, дабы тем способом предупредить всякое их сношение с рабочими фабрики.

При том долгом считаю иметь честь доложить, что во время 25-тилетнего управления директора фабрики англичанина Шокрос, на которой постоянно работает до 6 000 человек, не было ни одного случая не только стачки между рабочими, но даже заявления какого-либо неудовольствия на распоряжение или неправильный денежный с ними расчет фабричной администрации.

Генерал-майор З о р и н.

Донесение начальника Петербургского губернского жандармского управления в департамент полиции, 4 октября 1884 г., № 4563 [1]

Помощник мой в Петербургском уезде донес мне, что в районе Петергофского участка Петербургской городской полиции, в деревне Волынкиной, на бумагопрядильной фабрике барона Штиглица и К-о 2 сего октября, в 2 часа по полудни, рабочие, в числе восьмисот человек, прекратили работы и разошлись по домам. К прекращению работ на означенной фабрике, как оказалось из собранных сведений, послужило следующее обстоятельство: директор упомянутой фабрики Гутвин, в виду сокращения рабочих, уволил 20 девочек, занимавшихся размоткой пряжи, и возложил эту работу на мюльщиков и их подручных мальчиков; когда же последние стали просить, чтобы он нанял других девочек, так как у них и своей работы много, то Гутвин сказал: «если не хотите

[1] ДП, III, 1884 г., д. № 14, ч. 12, л. 6.

работать, то получите расчет и убирайтесь с фабрики». Услышав этот ответ, остальные рабочие подошли к Гутвину и заявили ему, что если он уволит мюльщиков и их подручных, то пусть тогда расчитает и всех остальных рабочих. После этого заявления Гутвин велел остановить машины и приказал рабочим разойтись по домам, что ими и было исполнено.

Местная полиция, известясь о случившемся, немедленно приняла меры к недопущению дальнейших беспорядков. О вышеизложенном честь имею донести департаменту.

Полковник Оноприенко

Записка министра внутренних дел Д. Толстого Александру III, 10 января 1885 г.[1]

Из телеграммы, полученной сего числа от Владимирского губернатора по поводу беспорядков на Никольской мануфактуре товарищества Морозовых, видно, что беспорядки возникли внезапно в понедельник, 7 сего января, утром. Ткачи, придя около 6 часов утра на работу, потушили газ и отправились толпой на другие фабричные корпуса, выгоняя работающих. Затем рабочие начали бить окна в зданиях фабрики и конторе, причем разграбили квартиры: ткацкого мастера Шорина, директора фабрики Лотарева и съестную лавку. К буйствовавшим присоединились толпы рабочих с соседних фабрик Викула Морозова и других, находящихся по ту сторону реки, в Московской губернии. Между грабившими произошла свалка, во время которой пятеро рабочих ранены и из них один 10 сего января умер.

К вечеру 7 января, ввиду сведений о прибытии губернатора с воинской командой, буйство прекратилось и ночь прошла спокойно. На следующий день утром работы были совершенно приостановлены и губернатор обратился с увещанием к рабочим о прекращении стачки, и так как рабочие жаловались на тягость работы, высокие штрафы и вообще строгое обращение администрации, то губернатор потребовал от управления фабрики удаления притеснявшего рабочих мастера Шорина и уменьшения размера штрафов. К вечеру, 8 числа, приехавший владелец фабрики Тимофей Морозов объявил прощение штрафов за последние три месяца и предложил рабочим или получить расчет или вновь приступить на прежних условиях. На это рабочие с шумом и негодованием не согласились, не производя однако беспорядков.

Ночь 9 числа прошла спокойно. Утром же 9 числа рабочие расклеили от себя письменные объявления о несогласии на предложенные Морозовым накануне условия и требовали новых расценок задельной платы или же расчета, согласно условий найма, по праздник пасхи, предупреждая, что в противном случае они будут бунтовать и не дадут фабрике работать.

Хотя наружных беспорядков нет, но принимая во внимание, что рабочие, которых на фабрике до 8 000 человек, не слушают убеждений, губернатор выстребовал казачью команду для принятия более решительных мер. По мнению действительного статского советника камергера Судиенко, рабочих едва-ли удастся умиротворить без новых уступок со стороны Морозова.

Следствие беспрепятственно продолжается и какого либо подстрекательства извне пока не обнаружено.

Граф Дмитрий Толстой.

---

[1] ДП, всеподд. зап. и докл. 1885 г., д. № 5, лл. 3—4.

Записка министра внутренних дел Д. Толстого Александру III, 11 января 1885 г. [1]

В дополнение к изложенным в записке от 10 января сведениям по делу беспорядков среди рабочих на Никольской мануфактуре товарищества Морозовых, владимирский губернатор телеграфирует, что хотя вчерашний день прошел спокойно, но правление мануфактуры, кроме уступок, о которых упомянуто во вчерашней записке, т. е. прощения штрафов за три месяца, решительно ничего более существенного в облегчении рабочих сделать не желает. Постановление об этом правления будет объявлено рабочим сегодня утром путем расклейки объявлений от имени правления. Такое положение дела, по мнению губернатора, вероятно, вызовет осложнение и следует ожидать новых волнений среди рабочих, к предупреждению коих губернатором принимаются меры.

Об изложенном долгом считаю всеподданнейше донести вашему императорскому величеству.

Граф Дмитрий Толстой.

Записка министра внутренних дел Д. Толстого Александру III, 12 января 1885 г. [2]

По делу о беспорядках на Никольской мануфактуре, всеподданнейшим долгом поставляю себе доложить вашему императорскому величеству, что вчера утром я по телеграфу предложил владимирскому губернатору отделить из упорствующих рабочих уроженцев других губерний и уездов и партиями отправить их на родину.

За сим, по последним донесениям губернатора оказывается, что вчера, в 8 часов утра, были расклеены решительные объявления с приглашением желающих стать на работы, или явиться за расчетом. В 9 часов, в присутствии расставленных войск, губернатор лично убеждал собравшуюся толпу, но рабочие с шумом и криком объявили, что они не согласны на предложения владельцев фабрики. Из арестованных коноводов главный кричал: «Нечего говорить с капиталистами, вызовите наших». Толпа бросилась за арестованными, крича: «ссылайте хоть всех, мы готовы, есть начальство и выше». Около 11-ти часов толпа, находившаяся впереди, отрезана казаками и бунтующие разошлись. В час дня рабочие собрались по звонку значительными массами и, с целью освободить арестованных, стали напирать на солдат, причем произошла между войском и рабочими свалка; при этом часть арестованных отбита толпой. Многие рабочие имели колья и железные прутья, а одно ружье сломано брошенным камнем.

Представивший губернатору письменные требования рабочий Василий Волков будет отправлен в тюрьму [3]. К вечеру вчерашнего дня ог-

---

[1] ДП, всеп. зап. и докл. 1885 г., д. № 5, л. 6. На подлиннике помета Александра III: «Какие облегчения еще?»

[2] ДП, всеп. зап. и докл. 1885 г., д. № 5, лл. 7—8. На подлиннике помета Александра III: «Все это весьма неутешительно».

[3] Вот что писал начальник Владимирского губернского жандармского управления в департамент полиции 28 ноября 1889 г., донося о приезде в с. Никольское Покровского уезда Василия Волкова: «Ныне мною получено известие, что в местечко Никольское приезжал, с целью возбуждения рабочих, серпуховской мещанин Василий Волков, который обвинялся в буйстве и подстрекательстве рабочих во время беспорядков на Никольской мануфактуре в 1885 году. Волков, а равно и крестьяне Смоленской губернии Петр Моисеенко и Лука Иванов были главными деятелями и вожаками буйства в 1885 году.

Из донесения моего от 6 июня 1886 г. за № 337 департаменту известно, что влияние Волкова на толпу бунтующих рабочих замечательно, и что при следствии обнаружилось, что он, Волков, с флагом в руках предводительствовал толпой в уличных беспорядках. Во все дни беспорядков, до своего ареста, он управлял толпой, которая его слушалась и повиновалась безусловно. Кроме того Волков хороший ора-

ромные массы, прогнанные от фабричных зданий, толпились у казарм, расположенных на противоположной стороне. В виду крайне возбужденного состояния рабочих, я телеграфировал губернатору о вызове большего количества войска и просил депешей графа Бреверн-де-Лагарди безотлагательно удовлетворить требования владимирского губернатора.

К сему обязываюсь присовокупить, что вчера поступило в департамент полиции прошение рабочих, в коем они заявляют, что, прекратив все до единого работы, они не возобновят таковые пока не прибудет из Петербурга доверенное лицо для производства расследования на месте «обид», нанесенных рабочим [1].

Граф Дмитрий Толстой.

Записка министра внутренних дел Д. Толстого Александру III, 13 января 1885 г. [2]

Владимирский губернатор сообщает, что вечером 11 января, значительная толпа рабочих собралась перед зданием занимаемого губернатором помещения с криками: «освободите нашего человека Василия».— По распоряжению губернатора рабочие были прогнаны в нагайки казаками, в которых бросали каменья из толпы и из окон. Толпы собирались и у вокзала железной дороги, а также вдоль пути к нему, но были рассеяны казаками. Затем арестованный Василий Волков, под сильным караулом казаков, препровожден на вокзал, заблаговременно занятый ротой, и беспрепятственно препровожден в Владимир. Ночь на 12-е число прошла покойно [3].

Относительно общих причин беспорядков, губернатор разъяснил, что издавна правлением товарищества практикуются крайне высокие денежные взыскания и штрафы, с целью этим способом понизить задельную плату, вычеты эти доходят до 30% с заработанного рубля. Последовательное понижение задельной платы с пасхи прошлого года, сводимой вычетами почти на нет, дошло до того, что многие рабочие остались даже должниками конторы. Требования рабочих сводятся к следующему: возобновление расценочных табелей, существовавших до пасхи прошлого года, ограничение штрафов пятью процентами с заработанного рубля, сложение всех штрафных вычетов, начиная с прошлой пас-

---

тор. Вследствие всего изложенного, я предписал находящемуся в м. Никольском унтер-офицеру вверенного мне управления немедленно по прибытии Волкова арестовать его... (ДП, II, 1889 г., д. № 34, ч. 21, л. 24).

[1] Категорическое требование о повышении расценков было предъявлено рабочими к хозяину, причем рабочие заявляли: «А если — ты нам не прибавишь расценок, то дай нам всем расчет и разочти нас по пасху. А то, если не разочтешь нас по пасху, то мы будем бунтоваться до самой пасхи» (сборник Центр. Архива «Морозовская стачка 1885 г.», стр. 51).

[2] ДП, всеп. зап. и докл. 1885 г., д. № 5, лл. 9—10.

[3] 12 января на Морозовской фабрике было арестовано 300 рабочих, из которых 112 были отправлены в тюрьму в Москву, а 71 — во Владимир. Высланы были 606 человек. Было сделано распоряжение об аресте уполномоченных, отправившихся для заявления претензий в Петербург (см. это же дело, лл. 11, 13, 16).

С 18 по 25 уходили вызванные на фабрику войска, но две сотни казаков было оставлено на постоянное пребывание «в предупреждение возможных случайностей». (Это же дело, л. 18). Дело о Морозовской стачке разбиралось во Владимирском окружном суде два раза: в первый раз 7—8 февраля 1886 г. без присяжных заседателей, когда из 19 подсудимых 2 были оправданы, а остальные приговорены к аресту от 10 дней до 3 месяцев; во второй раз 23—27 мая 1886 г. с участием присяжных — все 33 обвиняемых рабочих были оправданы, тогда как наказание по предъявленному им обвинению полагалось от 15 до 20 лет каторги. Этот приговор суда было осуждением не только Морозова и администрации его фабрики, но и вообще всех старых фабричных порядков.

хи, и уплата рабочим поденно за остановку работ не по их вине. При несогласии товарищества на эти условия рабочие требуют полного расчета всем по пасху сего года.

Граф Дмитрий Толстой.

Записка министра внутренних дел Д. Толстого Александру III, 16 января 1885 г.[1]

Начальник Московского губернского жандармского управления телеграфирует, что в Московском уезде, на бумагопрядильной фабрике Гиля, также произошла стачка рабочих, ткачей и прядильщиков, забастовавших в числе до тысячи человек. Причиной стачки являются уменьшение рабочего времени и заработка и высокие цены на продукты в фабричной лавке. Рабочие требуют возврата разных денежных вычетов с пасхи и не соглашаются на уступки хозяина, но буйства не производят.

Граф Дмитрий Толстой.

Записка министра внутренних дел Д. Толстого Александру III, 18 января 1885 г.[2]

В дополнение к докладу моему о происшедшей 15 сего января стачке рабочих на Измайловской бумагопрядильной мануфактуре Гиля, Московского уезда, всеподданнейшим долгом поставляю себе довести до сведения вашего императорского величества, что 16 января часть рабочих согласилась идти на работы, но узнав, что их товарищи продолжают упорствовать, также отказались принять условия фабриканта[3]. В виду сего было признано необходимым арестовать зачинщиков. Так как арест последних в здании рабочей казармы был признан невозможным, то все рабочие были выведены на двор фабрики, где и оцеплены воинской командой, а затем начаты аресты; в это время часть рабочих бросилась бежать чрез цепь нижних чинов, которыми однако была удержана; во время столкновения один из рабочих получил незначительный ушиб в голову прикладом. Арестованы 9 человек, а остальные возвращены в казарму, с учреждением за ними караула. 17 числа утром начался расчет рабочих; соглашающиеся получить таковой отправляются домой, упорствующие же оставляются под стражей на фабрике, работы на которой прекращены.

Граф Дмитрий Толстой.

Отношение министра внутренних дел Д. Толстого министру финансов Н. Бунге, 4 февраля 1885 г., № 281[4]

По исследовании местными властями причин происходящих в последнее время стачек рабочих на фабриках: Вознесенской[5] и Измайловской, Московской губ. и Никольской, Владимирской губ., обнаруживается, что означенные стачки, грозившие принять размеры серьезных волнений, произошли, главным образом, вследствие отсутствия в нашем законодательстве общих постановлений, на основании коих мог-

---

[1] ДП, всеп. зап. и докл. 1885 г., д. № 5, л. 15.

[2] Там же, л. 17.

[3] Администрация обещала рабочим с 1 января не производить вычетов, понизить цены на продукты и прибавить 20 коп. за каждый сработанный кусок.

[4] ДП, II, 1885 г., д. № 34, ч. 1, лл. 1—3. Такое же отношение было послано и министру юстиции.

[5] Стачка рабочих Вознесенской мануфактуры Лепешкина в Дмитровском уезде Московской губ. была в декабре 1884 г. вследствие сокращения рабочих дней в неделю до четырех. Стачка окончилась уступкой фабриканта.

ли бы определять взаимные отношения фабрикантов и рабочих. Такой пробел в законодательстве, обусловливая разнообразные порядки на фабриках, открывает широкий простор произвольным, клонящимся к ущербу рабочих, распоряжениям фабрикантов и ставит первых в крайне тяжелое положение. Несоразмерно высокие штрафы, в виду временного упадка промышленной деятельности, часто служат в руках фабрикантов способом искусственного понижения заработной платы до того, что рабочий лишается возможности уплатить лежащие на нем повинности и прокормить свою семью, высокие цены в фабричных лавках и недобросовестность прикащиков вызывают справедливый ропот и недовольство рабочих, а недостаток точности при составлении условий с малограмотными людьми порождает постоянные споры в расчетах задельной платы. Совокупность всех изложенных и многих других причин влечет за собою, как показал опыт последних событий,— возникновение беспорядков и необходимость для прекращения их прибегать к содействию войска,— по мнению моему, в достаточной степени свидетельствует о настоятельности ныне же приступить к составлению, в развитие действующего фабричного законодательства, таких нормальных правил, которые, ограничивая в известной степени произвол фабрикантов, способствовали бы к устранению в будущем повторения прискорбных случаев, имевших место в Московской и Владимирской губерниях.

Озабочиваясь в видах охранения общественного порядка и спокойствия в империи скорейшим разрешением возникающих по поводу существующих фабричных порядков вопросов, я полагал бы наиболее целесообразным образовать для начертания нормальных правил о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих, особое совещание или комиссию под председательством товарища моего сенатора тайного советника Плеве, из директоров департаментов полиции и хозяйственного вверенного мне министерства с тем, чтобы означенное совещание безотлагательно приступило к исполнению предположенного мною поручения [1].

Граф Дмитрий Толстой.

Доклад министра внутренних дел Д. Толстого Александру III, 11 февраля 1885 г. [2]

Исследованиями местных властей по поводу происходивших в конце прошлого и начале нынешнего года беспорядков на некоторых фабриках в Московской и Владимирской губерниях, выяснено крайне угнетенное положение фабричных рабочих. Заработок их все более и более уменьшается, с одной стороны, под влиянием постепенного сокращения, даже вопреки заключенному договору, рабочего времени (иногда на целую треть в сравнении с прежним), а с другой — при посредстве нередко совершенно произвольных и крайне чувствительных штрафов, особенно за недоброкачественность выработанных изделий, происходящую

[1] Одновременно Толстой представил доклад и Александру III. Уже 14 февраля была учреждена комиссия, которая выработала законопроект, внесенный 14 мая на утверждение государственного совета. 3 июня 1886 г. вышел новый закон о штрафах, который указывал случай, когда можно брать штрафы, определил крайнюю величину их и постановил, чтобы штрафные деньги шли на нужды самих рабочих. Но этот закон был введен в действие с 1 октября 1886 г. и только в трех губерниях: Петербургской, Московской и Владимирской. Через пять лет он был распространен на Варшавскую и Петраковскую губ., а еще через три года еще на 13 губерний. По поводу этого закона В. И. Ленин осенью 1895 г. написал брошюру: «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». (В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 363—397).

[2] ДП, II, 1885 г., д. № 34, ч. 1, лл. 9—12. На подлинном следующая помета: «Высочайше утверждено 14 февраля в Петербурге. Граф Толстой».

часто не по вине рабочих, а исключительно вследствие чрезмерной экономии хозяев, которые приобретают низких сортов материалы, неудобные для хорошей обработки. Благодаря штрафам, отчасти покрывающих недостаточность уменьшившейся за последнее время хозяйской прибыли, заработок рабочих сокращается нередко еще на 40%. Если же принять во внимание общее падение цен на рабочие руки (приблизительно на 20% сравнительно прошедшим годам), а также непредвиденные перерывы работы вследствие задержек в выдаче материалов, переделок машин и т. п., то естественно рабочие часто поставлены не только вне возможности уплачивать повинности и содержать свои семейства, но даже не могут заработать на свое личное пропитание, тем более, что последнее в большинстве случаев неизбежно приходится брать в кредит из лавок самих же фабрикантов, взимающих за отпускаемые продукты иногда до 45% выше обыкновенных рыночных цен.

Последствием описанных порядков не редко оказывается, что рабочий, вместо чистого дохода, остается еще должным фабриканту и сознание рабочими такого их безвыходного положения естественно наводит их на мысль о необходимости обезпечить себя от дальнейшего произвола хозяев. Законное средство — право жаловаться в суд — для них почти недоступно, отчасти за отсутствием формальных доказательств их прав, отчасти вследствие сложности процессуальных правил и невозможности, в виду больших штрафов за самовольный прогул, отлучиться с работы. По этому единственно пригодным в глазах рабочих средством являются стачки и всякого рода насилия.

Такое положение дела, порождая, с одной стороны, недовольство среди массы рабочего люда, а с другой, приучая ее к самоуправству, может быть по справедливости названо угрожающим для общественного порядка и спокойствия, представляя благоприятную почву к распространению противуправительственных замыслов, что уже и констатировано на Морозовской фабрике. Хотя возникавшие до сих пор беспорядки удалось своевременно прекратить, не прибегая к решительным мерам, но тем не менее, самое пользование для этой цели войском едва ли может быть названо нормальным средством восстановления нарушенного права, ибо не подлежит сомнению, что в глазах раздраженных современными условиями фабричного быта рабочих, военная сила является не для прекращения и предупреждения насилия и самосуда, а будто бы с целью защиты произвола фабрикантов и благодаря этому воззрению несомненно может пострадать и уважение к авторитету правительственной власти.

На основании вышеизложенных данных, озабочиваясь изысканием способов к возможному устранению на будущее время фабричных забастовок и беспорядков, я полагал необходимым ныне же приступить к пересмотру действующих постановлений устава о фабричной и заводской промышленности, в смысле упорядочения взаимных отношений фабрикантов и рабочих, с тем, чтобы ввести в эти постановления правила, кои, дополняя существующий закон определительными указаниями на права хозяев и рабочих, обеспечивали бы неуклонное исполнение теми и другими их обязанностей и открывали бы им более действительные способы к восстановлению нарушенных интересов. С этою целью я входил в сношение с министрами юстиции и финансов, которые вполне согласились с моими по сему предмету воззрениями. Для начертания проекта указанных правил предположенно образовать особую комиссию под председательством товарища моего сенатора тайного советника Плеве, из членов от министерства внутренних дел, директоров департаментов полиции и хозяйственного и редактора статистического комитета, коллежского советника Кауфмана (последний в качестве члена заведующего делопроизводством), от министерства финансов, дирек-

тора департамента торговли и мануфактур, тайного советника Ермакова и от министерства юстиции члена консультации действительного статского советника Таганцева. При чем представляется целесообразным представить председателю комиссии право приглашать в заседания оной, на правах совещательных членов, всех тех лиц, кои своими познаниями и опытностью в фабричном деле могут оказать полезное содействие работам комиссии.

На приведение изложенных предположений в исполнение всеподданнейшим долгом поставлю себе испрашивать высочайшее вашего императорского величества соизволение.

Граф Д. Толстой.

Записка министра внутренних дел Д. Толстого Александру III, 26 февраля 1885 г.[1]

Тверской губернатор телеграфирует, что 25 сего февраля, в Твери, рабочие бумагопрядильной фабрики купчихи Морозовой, в числе 4 тысяч человек, прекратили работы, требуя сложения штрафов и удаления двух притесняющих их, будто, бы, приказчиков. Губернатор, вызвал воинскую команду, тотчас-же отправился на место беспорядка с прокурором и начальником жандармского управления; по прибытии двух рот пехоты, толпа разошлась и кроме прекращения работ никаких беспорядков не произошло. Воинская команда оставлена пока на фабрике.

Граф Д. Толстой.

Донесение начальника Калужского губернского жандармского управления в департамент полиции, 4 июня 1885 г., № 172[2]

Имею честь донести департаменту полиции, что недовольство рабочих Людиновского завода и вообще фабричного населения Мальцовского торго-промышленного товарищества, о котором сообщалось мною еще 27 февраля текущего года за № 75[3], достигло в настоящее время таких пределов, что в воскресенье 2 июня были расклеены в разных местах Людиновского завода листки угрожающего характера для заводской администрации, а в понедельник 3 июля рабочие завода собрались толпою, без всяких однако беспорядков, прекратили работы, требуя удаления из завода некоторых мастеров и увеличения заработной платы, но при увещании местной полиции разошлись и стали на работы.

Получив вечером 2 июня телеграммы от помощника моего в Мещовском и Жиздринском уездах и от флигель-адъютанта полковника Мальцова о возникших беспорядках я, по соглашению с Калужским губернатором, предписал ротмистру фон-Брокгаузену произвести дознание на основании положения об охране, высочайше утвержденного 14 августа 1881 года, для выяснения с точностью причин волнения рабочих и фабричного населения, а равно лиц, подстрекающих к волнению и руководящих беспорядками.

Полковник Шрапп

---

[1] ДП, всеп. зап. и докл. 1885 г., д. № 5, л. 31. На подлиннике помета Александра III: «Эпидемия!».

[2] ДП, II, 1885 г., д. № 34, ч. 7, л. 36.

[3] В указанном донесении начальник Калужского ГЖУ отмечал «крайне ненормальное экономическое состояние рабочих и вообще фабричного населения» на заводах Мальцевского торгово-промышленного товарищества, находящихся в пределах Жиздринского уезда, а частью и в Орловской губ., и особенно Людиновского чугунно-литейного завода, в виду отсутствия оборотного капитала и полного недостатка денег, а равно запаса хлеба и продуктов. Заводское население земельных наделов не имело. Число рабочих на указанных заводах достигало более 35 000 человек, а заводы давали средства к жизни лишь 20 000 чел. (ДП, II, 1885 г., д. № 34, ч. 7, лл. 13—15).

Из донесения начальника Харьковского жандармского полицейского управления железных дорог командиру отдельного корпуса жандармов, 22 июня 1885 г., № 904 [1]

18 числа сего июня, рабочие Александровских мастерских Лозово-Севастопольской железной дороги прекратили самовольно работы и, узнав о прибытии на станцию начальника Александровского отделения подполковника Демидова, толпой в числе 380 человек собрались к станции для заявления ему тех неудовольствий и притеснений, какие они испытывают от железнодорожного начальства.

Успокоив шумящих, подполковник Демидов удалил толпу от станционного дома, где в то время проходили пассажирские поезда, и потребовал от них толкового изложения всех недоразумений, на которые они жалуются.

На первых же порах для него сделалось ясным, что силой убеждения ничего сделать было нельзя, почему дав знать о случившемся властям, он просил разрешения губернатора о командировании в его распоряжение, на всякий случай, одной роты пехоты из числа войск расквартированных в Александровске.

Получив телеграмму подполковника Демидова я немедленно выехал в г. Александровск и по дороге получал уже сведения более серьезного и тревожного характера. А именно: не успокоясь убеждениями... рабочие 19-го числа являлись к двум поездам, делали заграждение путей, накладывали на путь шпалы и другие предметы, и, таким образом, останавливали поезда, наводя страх на пассажиров.

Прибыв к месту происшествия, я застал толпу крайне взволнованной; местное железнодорожное начальство, видя усиливающийся беспорядок, скрылось и никаких распоряжений со стороны последнего ожидать было нельзя. Вызванный же телеграммой управляющий был еще в пути, а потому и претензии недовольных не могли быть до прибытия его разобраны.

Таким образом, прошло время до утра 21 июня. К этому дню в распоряжении моем была рота пехоты, которая и производила ученье вблизи станции: затем прибыл управляющий с инспектором дороги, которые, выслушав жалобы рабочих, согласились сделать в сущности весьма маловажные уступки,— заключавшиеся в том, чтобы новых, изобретенных управлением дороги, условий для задельной работы не вводить, а оставить все по старому, и тем успокоил толпу, после чего все рабочие дали слово разойтись по домам и больше никаких беспорядков не производить, что и было тотчас же ими выполнено.

По водворении порядка я возвратился в г. Харьков, поручив подполковнику Демидову возбудить законное преследование против лиц, замеченных в возбуждении толпы к буйству, о чем и уведомил местный прокурорский надзор.

Начальник Харьковского жандармского полицейского управления железных дорог Демидов.

Телеграмма управляющих Мальцовскими заводами в министерство финансов, 18 марта 1886 г. [2]

Казенное управление имеет честь донести, что в Людинове и других заводах началось сильное возбуждение, часть мастеровых забастовала. Запасов ржи в Людинове и Песочне только на десять дней и других

[1] ДП, III, 1885 г., д. № 2, ч. 16, лл. 8—9.
[2] ДП, II, 1885 г., д. № 34, ч. 7, лл. 119—120.

запасов еще менее; в материалах для заводов большой недостаток. В кредите торговцы отказывают. Часть мастеровых неудовлетворена за месяц и за два; скотина их скоро станет пропадать с голоду. За неимением денег они берут муку для скотины. За распутицей доставка затрудняется, а надо сделать запас теперь же на месяц, так как недели на три совсем прекращается сообщение с заводами. Через несколько дней можно ожидать активного возбуждения. Если к субботе не будет денег, служащие хотят уехать и бросить заводы. Предупредить можно на первое время единственно ассигнованием по телеграфу не менее двухсот тысяч; за последствия не можем отвечать.

Шостак и Кнорре.

Копия с рапорта начальника Александровского отделения Харьковского жандармского полицейского управления железных дорог в департамент полиции, 26 марта 1886 г., № 40 [1]

Путем негласного наблюдения дознано, что в Александровских мастерских со времени беспорядков, бывших в истекшем году, не прекратилось неудовольствие рабочих на управление дороги, которое поддерживается к тому-же агитаторами. Из числа их наибольшим влиянием на толпу пользуются: Антон Дубинский, Илья Луканович, Евлампий Корниенко, Петр Сущенко и Павел Некрасов.

На днях было агитаторами решено произвести вновь беспорядки и уничтожить здание мастерских. Имея в виду, что порядок может быть восстановлен лишь по высылке из г. Александровска беспокойного элемента, то о сем я имею честь обратиться с ходатайством к вашему превосходительству.

Подполковник Демидов.

Доклад петербургского градоначальника Александру III, 2 декабря 1886 г. [2]

28 ноября в 11 часов дня, рабочие ситценабивной фабрики Паля, находящейся в пригородном Шлиссельбургском участке, недовольные размером задельной платы, прекратили работы и выйдя на Шлиссельбургский проспект остановились толпою и требовали увеличения платы. Когда же хозяин фабрики согласился, по настоянию фабричной инспекции, на требуемую прибавку и вывесил о том объявление, то рабочие заявили, что они приступят к работам, но не ранее 1 декабря.

Несмотря, однако, на данное рабочими обещание, 1 декабря они не только не пошли на работу, но даже стали уговаривать рабочих соседней Петровской ткацкой фабрики присоединиться к ним и потребовать увеличения платы и на Петровской фабрике.

После обеденного времени рабочие двух фабрик, оставаясь на улице, хотя и не производили беспорядков, тем не менее находились в весьма возбужденном состоянии и, несмотря ни на какие увещевания, как фабричной инспекции так и полиции, за работы не принимались.

Сегодня же рабочие двух названных фабрик около часа дня, соединившись вместе, подошли к Спасской фабрике, и, не допуская рабочих последней идти на работы, начали шуметь, при чем некоторые из них, ободряемые толпою, позволили себе кидать в окна каменья и ломать ворота.

Видя, что мерами полиции остановить беспорядка нельзя и опасаясь дальнейшего его развития и вредного влияния на другие соседние фаб-

[1] ДП, III, 1885 г., д. № 2, ч. 16, л. 16.

[2] ДП, II, 1885 г., д. № 34, ч. 4, лл. 3—4. На подлинном помета: «Доложено его величеству 4 декабря Грессер».

рики, я вызвал в 5 часу по полудни команду лейб-гвардии казачьего полка (в числе 128 человек) и лично отправился на место беспорядков.

Рабочие, завидя казаков, тотчас же разбежались по квартирам и затем уже никаких уличных беспорядков не производили.

Когда же я командировал нескольких офицеров полиции в фабричный жилой дом, населенный 750 рабочими с их семьями, то большая часть из них, заняв всю входную лестницу пятиэтажного, обитаемого ими дома, начали вновь кричать и грозили бросанием дров, при чем несколько предметов было выброшено из окон.

Полицейские офицеры, в сопровождении нескольких городовых и казаков, войдя на лестницу, разогнали столпившихся на ней рабочих по занимаемым ими комнатам.

Обойдя, вслед за тем, весь вышеназванный дом и убедившись, что рабочие успокоились, я ограничился задержанием наиболее шумевших в числе 72 человек, которые отправлены в полицейский дом Александро-Невской части, и учреждением бдительного полицейского надзора за остальными [1].

Казаки отпущены около 8 часов вечера. Причина беспорядков — недовольство рабочих существующим размером заработной платы.

Всех рабочих на поименованных выше трех фабриках 3 600 человек.

Во все время беспорядков трактирные и питейные заведения, а равно и портерные лавки, находящиеся в этой местности, по моему распоряжению, были закрыты и по этому, в числе шумевших рабочих пьяных не замечалось.

Генерал-лейтенант Грессер.

Заявление 600 рабочих фабрики Паля министру внутренних дел Д. Толстому, 2 декабря 1886 г. [2]

Работая на ткацкой фабрике купца Паля, мы выделывали между прочими ткацкими производствами миткаль, получая за работу по следующему условию: за выделанный кусок, мерой в 60 аршин, по редкому расчету — 40 коп. и за выделанную бумазею мерой от 61—62 аршин в куске — 40 коп.

Между тем последнее время хозяин фабрики Паль увеличил размер миткаля, а именно мера прибавлена им до 10 арш. в куске, против прежнего, с плотным расчетом, цену же, вместо прибавки, напротив убавил против прежней цены на 10 коп. Мера же куска бумазеи также им увеличена, почти на 20 аршин более прежнего размера. Цена на бумазею им оставлена прежняя — 40 коп.

При таких условиях заработок наш с прибавлением работы, вместо [того, чтобы] увеличиться,— уменьшился.

Так, при бывших прежних условиях, нами зарабатывалось в день не менее 75 коп., в настоящее же время заработок не превышает 50 коп., а при налагаемых очень частых штрафах месячный заработок не превышает 12 руб.

Будучи недовольными такими установленными новыми условиями Палем, мы, не видя его самого, обратились к управляющему заводом с просьбой установить более выгодные для нас условия, но управляющий отказался выслушать наши вполне справедливые требования и вместе с тем предложил оставить нам завод, что мы беспрекословно и исполнили.

---

[1] Из числа лиц, арестованных во время стачки на фабриках Паля и Максвеля (Петровской) было выслано из Петербурга 20 рабочих — мужчин и 1 ткачиха. (ДП, Еж. зап., 1886 г., д. № 2, лл. 271 и 267.)

[2] ДП, II, 1885 г., д. № 34, ч. 4, л. 5.

В настоящее время не по собственному капризу, а единственно из за невыгодности продолжать работу у Паля, мы в числе 600 человек рабочих с 28 минувшего ноября вынуждены, без всяких средств к существованию, скитаться по городу. Сделанные нами заявления, как полиции, так равно и прибывшему к нам главному инспектору, остались без внимания.

Рабочие ткацкой фабрики Паля.

Из хроники московского подпольного журнала «Объединение» № 2, февраль 1887 г.[1]

Русское общество наверно не знает о той печальной истории, которая разыгралась в Петербугском пригороде. Газетам об этом конечно запрещено было говорить. На ткацких фабриках Петербурга уже года три идет постоянная мелкая сбавка заработной платы. Делалось это и на ткацких фабриках Максвеля и Паля, что на Шлиссельбургском тракте. Плата на этих фабриках поштучная, с куска. Уменьшение платы достигалось увеличением размеров куска. За месяц до стачки это удлинение без ведома рабочих было сделано так велико, так уменьшило «получку», что рабочие начали об этом говорить и, смерив однажды длину нескольких кусков, нашли увеличение аршин на 8. Такое маклацкое оттягивание заработка настолько возмутило рабочих, что они потребовали прибавки платы, а в противном случае порешили не идти на работу.

Получив отказ, все ткачи (числом в 600 ч.) забастовали с пятницы 28 ноября 1886 г. Суббота и понедельник прошли в переговорах рабочих с фабрикантами, результатом которых были прибавки 5 коп. на кусок каждого сорта, но без уменьшения длины куска. Такая незначительная прибавка конечно не могла удовлетворить рабочих и, по всей вероятности, они добились-бы большей уступки, если-бы в это дело не вмешался г. Грессер. Увидев подкрепление, а может быть и получив назидание от г. Грессера за опасную уступчивость, Паль объявил, что уничтожает пятикопеечную прибавку, а если кто не согласен,— пусть берет расчет и убирается с фабрики. До сих пор все шло мирно, но узнав о последнем фокусе, рабочие собрались перед фабрикой, пытались ворваться в нее и произвести расчет по свойски.

Полиции все таки удалось сдержать толпу, причем было арестовано до 50 ч. ткачей и ткачих. Арестованные были немедленно отправлены в город для препровождения на родину. На другой день устрашенные рабочие, неимеющие [возможности] при нынешней безработице достать какую-нибудь работу, должны были согласиться на какие угодно условия, тем более, что невышедшим на работу грозил арест и высылка.

Ткачи и ткачихи фабрики Максвель уже давно были недовольны той сбавкой платы, которая была сделана в начале нынешнего года, вследствие необходимости перестроить одно из ткацких отделений. Эта перестройка вызвала уменьшение числа рабочих и желание сбавить цену. Рабочие по необходимости согласились на эту сбавку. Не обошлось к тому же дело и тут без мало заметного для глаза рабочего увеличения куска, хотя и не в таких нахальных размерах, как у Паля. И вот почва для стачки была готова, нужен был только толчек. Этот толчек был дан, начавшийся так успешно, стачкой у Паля. В понедельник 1 декабря сначала на одной, а потом и на другой фабриках Максвеля перестали работать около 1½ тысяч рабочих. Этот день прошел весело

[1] Воспроизведено с гектографированного подлинника инв. № 4968, стр. 57—62. Журнал издавался студенческими организациями.

и мирно; поколотили лишь одного управляющего фабричным домом, очевидно, за старые грехи. На другой день рабочие громадной толпой собрались у участка и выражали свои требования уменьшения размера куска, прибавки платы и протестовали против ареста нескольких лиц, сделанного накануне, заявляя, что они делали тоже самое, что и арестованные и если забирать так забирать всех. Разнесшийся слух, что арестованных препроводили в здание фабрики, побудил толпу пойти туда. В то же время, как будто случайно проходил целый полк казаков, но, очевидно, эта поездка башибузуков имела связь со стачкой — хотели напомнить рабочим, что казаки недалеко. Рабочие, громко заявляли свою ненависть к казакам: «перекормили, знать, дармоедов, что повезли проветривать».

Среди дня многолюдная толпа пробовала прорваться на фабрику, но когда это не удалось, то каменьями повыбивали все стекла фабричной конторы. Раздражение толпы излилось, главным образом, на мастеров, заявивших себя разными гадостями по отношению к рабочим и на шпионов, из которых одного избили до полусмерти. Досталось при этом и самому хозяину Максвелю. Рабочие, не имея ничего подходящего под руками, закидали его грязью, когда он проходил среди толпы.

Под вечер явился Грессер с тремя вагонами городских полицейских и немедленно потребовал эскадрон казаков, который, также как у Паля, смял толпу, загнал ее в фабричный дом — казарму. Рабочие думали оказать сопротивление, бросали из окон поленья, горшки, кирпичи. Выбросив все что было можно, они принуждены были сдаться. Тогда Грессер, в сопровождении свиты казаков, зашел в самый дом, в волюшку излил свой гнев в самых грубых ругательствах, за которыми последовал арест до 60 чел. Арестованы были все те, кто по приглашению Грессера вздумал с ним говорить о причинах стачки. «Взять его» — было единственным ответом этого полицейских дел мастера на все доводы рабочих. Арестованные немедленно были увезены в Петербург и посажены по частям и затем высланы на родину. Среди высланных много семейных, дети которых остались здесь.

Эскадрон казаков всю ночь провел около фабрики Максвеля и Паля и, совместно с полицией, производил аресты как на улице, так и на квартирах. На следующий день ошеломленным и плохо сорганизованным рабочим ввиду голода и высылки оставалось только пойти на работу. В течении следующих двух дней казаки разъезжали и день и ночь по тракту. Местная полиция — в лице будочников — была арестована на несколько дней за неточное исполнение своих служебных обязанностей: от них требовали указания зачинщиков стачки и ничего, конечно, не добились.

Так и кончилась эта печальная история. И снова загудел тоскливый фабричный гудок. Снова встает ткач в пять часов утра, чтобы с 6 до 8 вечера простоять у станка за утомительной скучной работой. Все опять пошло по старому. Не прибавилось платы, но прибавилось горькое чувство обиды от грубых ругательств полиции до казацких нагаек. Прибавилось в сознании рабочего, что к услугам фабрикантов готово все: и полиция с Грессером во главе, и казаки с нагайками, а ему — полуголодному рабочему — лишь тяжелый труд, да ссылка по этапу в деревню, где у него ни кола ни двора. Не убавилась длина куска, убавилось лишь несколько десятков отцов, высланных в деревню, голодные дети которых будут ходить по тракту и просить милостыню. Мы еще не забыли прошлогодней попытки образовать общество взаимной помощи — материальной и нравственной, кончившейся ссылкой рабочих причастных этому делу.

Записка начальника Московского губернского жандармского управления товарищу министра внутренних дел, 28 февраля 1887 г., № 10 [1]

Из числа всех 314 фабрик и заводов Тверской губернии более третьей их части (121) расположены в смежных с Московской и Владимирской губерниями Зубцовском, Тверском, Корчевском и Калязинском уездах.

Фабричные всех трех губерний находятся в постоянных между собой сношениях и, благодаря этому, тверские рабочие очень скоро узнали о новом законе «на счет штрафа и правильного расчета». Появление у москвичей и владимирцев «расчетной книжки», в которой, как известно, помещены извлечения из закона 3 июня 1886 г. и рассказы очевидцев, что такие книжки есть и в С.-Петербурге, окончательно убедили тверской фабричный люд, что «сам царь теперь за своего фабричного заступился и обижать и обсчитывать его фабриканту запретил».

Между тем на тверских фабриках и заводах все идет старым порядком. Соседи платят штрафы только тогда, когда сделают что нибудь «против закона», да и платят-то столько, сколько «в законе сказано», а тверских рабочих фабрикант штрафует за все и про все и берет штраф какой ему вздумается. Москвичей и владимирцев рассчитывают «по закону» раз в месяц или каждые две недели, да и вычитать из заработка больше одной трети не позволено; — а тверичанам платит контора когда и сколько сама захочет. При указании «на закон», фабричная и местная власти толкуют что этот закон «не для Тверской губернии писан». Обратились тверчане с расспросами к московским жандармам; — но объяснения последних, что новый закон вводится постепенно и в свое время дойдет и до Твери, были приняты с видимым недоверием [2]. Не только не хочет, но и не может рабочий понять, чтобы для двух, чуть не рядом стоящих фабрик, могли существовать два разных закона. Для Петербурга и Москвы еще возможен особый закон — «а Владимир-то чем лучше Твери?».

Мало по малу недоумение начало переходить в недовольство, а в декабре уже произошли в Корчевском уезде у Кузнецова такие беспорядки, что потребовалось содействие войска. По сведениям судебной власти, беспорядки эти были вызваны будто бы какой-то конторской ошибкой, вследствие чего несколько рабочих получили меньшую плату. Не отрицая того, что факт этот непосредственно предшествовал началу беспорядков, можно с полной уверенностью сказать, что обстоятельство это, в сущности, было только последней каплей, переполнившей чашу. Давно уже слышались жалобы не непомерно-высокие штрафы и вообще на произвол кузнецовской администрации, и сравнение своего положения с положением фабричного «по закону» вывело кузнецовских рабочих из терпения [3].

Беспорядки в Корчевском уезде скоро были прекращены, но в среде всего фабричного люда Тверской губернии тлеет глухое недовольство. Идут даже толки о том, что закупленная фабрикантами полиция «скрала новый закон», и что «потерпим, потерпим еще, да и прижмем полицию,— так тогда и закон добудем».

Такое положение дел может повести, если не к весьма серьезным,

---

[1] ДП, II, 1885 г., д. № 34, ч. 13, лл. 3—5.

[2] Новый закон о штрафах был введен в действие в Тверской губернии только с 15 марта 1891 г.

[3] Стачка рабочих на фаянсовой фабрике Кузнецова в Корчевском уезде Тверской губернии была с 1 по 8 ноября 1886 г. Рабочие требовали изменения учета работы и уничтожения штрафов; жаловались на продолжительность рабочего дня. 14 человек были приговорены к заключению в тюрьму на разные сроки.

то, во всяком случае, к весьма грустным последствиям. Можно еще пожалуй надеяться, что пасхальный расчет и наем рабочих пройдет благополучно. Возможность летнего — полевого — заработка заставляет, с одной стороны, фабриканта быть уступчивее, а с другой, рабочего менее дорожить фабрикой. Но осенью (рабочие почти всегда нанимаются от Покрова — 1-го октября — до пасхи и от пасхи до Покрова) отношения фабрикантов и рабочих могут сильно обостриться, тем более, что известным настроением фабричного люда легко могут воспользоваться для своих целей злонамеренные личности, в летнее время свободно разгуливающие по берегам Волги, благодаря удобству пароходного сообщения. Лучшим, если не единственным средством к успокоению умов было бы распространение на Тверскую губернию «правил о надзоре», согласно 22 ст. закона 3 июня 1886 г., с присоединением ее к московской фабричной инспекции, к которой она уже принадлежит, относительно надзора за работами малолетних.

Мера эта была будто бы даже проектирована, но осуществлению ее воспрепятствовали финансовые соображения. Между тем действительный статский советник Янжул, по всестороннем обсуждении этого вопроса, официально сообщил мне, что, если ему прибавят еще одного помощника, то явится полная возможность следить за применением к тверским фабрикам и заводам (314) «правил о надзоре». И это отнюдь не самонадеянно со стороны профессора Янжула, так как по Московской губернии на 2 800 фабрик и заводов у него только четыре помощника. Содержание же одного помощника окружного фабричного инспектора составляют жалованья — 800 руб., столовых — 600 руб., квартирных — 600 руб. и на разъезды по участку — 1 000 р. Следовательно всего потребуется увеличение годового расхода только на 3 000 рублей. Неужели же ради соблюдения такой ничтожной в сущности экономии, придется дождаться беспорядков, когда передвижение какого-нибудь баталиона на ту или другую фабрику потребует, в течение 10—15 дней, в 3 или 4 раза больших, нежели 3 000 рублей, расходов.

Генерал-майор Середа.

Из хроники московского подпольного журнала «Объединение» № 2, февраль 1887 г.[1]

...Между 12—15 января 1887 г. в Москве на шелкоткацкой фабрике Мозжухиной, находящейся близь Сокольников, рабочие, узнав о понижении заработанной платы на 4 коп. с аршина, забастовали и требовали уничтожения этой сбавки. В стачке приняло участие 150 человек, полное число рабочих фабрики. Полиция не замедлила явиться с полицеймейстером Огаревым и Полем во главе, была встречена ропотом фабричных... На требование полиции разойтись они отвечали также требованием уйти и не вмешиваться в их частные дела, до полиции не касающиеся. После незначительной остановки работы на фабрике Мозжухина уступила требованиям рабочих и уничтожила сбавку. Характерно действие полиции ко всем останавливающимся и любопытствующим. Городовые по приказанию своего начальства говорили всем, что фабричные бунтуют, требуя с хозяйки плату за праздничные дни, на которую они не имеют никакого права.

В двух с половиной верстах от Вязников Владимирской губернии расположена значительная льнопрядильная фабрика товарищества наследников Демидова, вырабатывающая более 800 пуд. пряжи каждый день. Число рабочих ныне 2½ тыс. — 3 тыс. человек. 14 числа эта

[1] Воспроизведено с гектографированного подлинника инв. № 4968, стр. 63—65.

масса рабочих взбунтовалась «из за новых правов», как говорили они сами. Все, даже не участвующие в беспорядках, утверждают, что бунт произошел вследствие крайнего недовольства новыми правилами для фабричных, и главное 3-м пунктом — «личного условия найма» — в котором сказано: «Вообще я добровольно и непринужденно подчиняюсь всем правилам и условиям, изложенным в моей расчетной книжке, в чем и подписуюсь». Желающих собственноручным подписом закрепить это условие почти не нашлось, а когда администрация фабрики вздумала достичь подписей при пособии мероприятий более энергичных, разразился бунт, продолжавшийся с 4 часов вечера до светлого утра. Контора фабрики со всеми хранившимися в ней книгами, книжками и документами рабочими уничтожена окончательно. Конторщик Орлов и его подручный Сахаров избиты; директору тоже «попало»; хотя он потом и успел скрыться. Мастера и подмастерья поцрятались кто куда мог. На утро на место катастрофы прибыли из Владимира: заступающий место губернатора вице-губернатор Семенов, жандармский полковник, фабричный инспектор и два батальона войск.

Из донесения начальника Екатеринославского губернского жандармского управления в департамент полиции, 23 мая 1887 г. № 197[1]

Доношу департаменту полиции, что будучи в г. Луганске для производства дознания и получив 7 сего мая по телеграфу известие, что в ночь с 6 на 7 число сего мая рабочие угольных копей горного и промышленного общества (французская компания) в Бахмутском уезде взбунтовались и произвели беспорядки даже на заводе Новороссийского общества (Юза), я немедленно отправился из г. Луганска на место происшествия и, прибыв на завод Новороссийского общества, дознал, между прочим, следующее: 1) в угольных копях горного и промышленного общества, находящихся в 5 верстах от завода Новороссийского общества работает обыкновенно шахтеров, преимущественно из крестьян центральных губерний России: Тульской, Орловской, Смоленской, Калужской и Курской, до 1 500 человек, из которых часть есть беспаспортные, т. е. с просроченными паспортами, при чем все эти рабочие распределяются на трех угольных шахтах, носящих №№ 11, 18 и 19; 2) на всех угольных копях здешнего района с 1 мая существует постоянный порядок повышения летней заработной платы, в виду того, что в летнее время в рабочих руках нуждаются и землевладельцы для уборки хлеба и для сенокосов и 3) контора горного и промышленного общества тоже увеличила с 1 мая плату шахтерам сравнительно с зимними месяцами, но не в том размере, как была увеличена плата в прошлом году летом, ссылаясь на то, что каменный уголь на рынках сбыта в цене понизился сравнительно с прошлым годом и что подземная работа шахтеров в этом году легче прошлогодних.

Но шахтеры названных копей остались недовольны назначенной летней платой за выработку угля и особенно высказывали это неудовольствие рабочие шахты под № 19, которые 3 и 4-го мая начали подбивать шахтеров шахт под №№ 11 и 18 к увеличению заработей платы и, таким образом, к 5 числу сего мая образовалась стачка, в которой приняли участие рабочие всех трех указанных шахт, при чем участники стачки потребовали управляющего угольными копями названного общества, инженера, французского подданного Венсанза, который явился на шахту под № 19, в сопровождении приглашенного им полицейского надзирателя завода Новороссийского общества Рубцова, и выслушал заявление стакнувшихся рабочих, которые потребовали: уве-

[1] ДП, II, 1885 г., д. № 34, ч. 6, лл. 14—25.

личения платы за выработку и удаления следующих лиц, эксплуатирующих рабочих в пользу конторы, за что будто-бы эти лица получают из конторы наградные деньги, а именно: подрядчика, поставляющего по ордерам конторы говядину очень плохого качества; фельдшера Фуксмана за то, что он отказывает рабочим в выдаче записок о болезни, а, между тем, больные рабочие, не представившие такой записки и неявившиеся на работу, подвергаются штрафу; приказчика конторской продуктовой лавки Хныкина, за то, что при отпуске товаров ругает рабочих, приказчика той же лавки Онегина за то, что он обвешивает при отпуске продуктов и отпускает, например, вместо пуда муки только 35 фунтов; табельщика Климашевского за то, что он слишком усердно и неправильно бракует уголь, а за это шахтеры штрафуются и добыча угля остается неоплаченною; десятника Котова за то же; всех иностранцев штейгеров за то, что они недобросовестно оценивают труд рабочих, а контора, не входя в разбирательство, по этой оценке оплачивает труд рабочих, и кроме того эти штейгера, плохо владея русским языком и не понимая потому объяснений шахтеров, не выслушивают последних, а только прописывают штраф, и наконец инженера француза Коста, который, заведуя непосредственно рудниками, почти совсем не понимает русского языка, а в силу этого не понимает заявлений шахтеров и не входит в разбирательство жалоб последних на штейгеров и десятников и только представляет в контору о штрафе рабочих. Инженер Венсанз, испугавшись бунта рабочих, собравшихся в числе 1 500 человек, согласился исполнить требования стакнувшихся шахтеров, тогда рабочие потребовали в этом согласии подписки, которая и была дана Венсанзом за скрепою полицейского надзирателя Рубцова.

Волнения рабочих угольных копей горного и промышленного общества отозвались среди рабочего элемента и других соседних шахт. 9 мая я, проезжая из завода Новороссийского общества на угольные копи указанного выше общества, встретил на дороге приказчика с угольных копей бывшего предводителя дворянства Бахмутского уезда Петра Александровича Карпова. Этот приказчик обратился ко мне с заявлением, что рабочие шахт г. Карпова заявили подрядчикам 8 мая о прибавке жалования, несмотря на сделанную им летнюю прибавку жалования после пасхи, и так как подрядчики отказались сделать вторичную прибавку платы, то рабочие отказываются работать и требуют расчета, который и будет учинен 9 мая...

Независимо изложенных выше причин, вызвавших беспорядки на угольных копях горного и промышленного общества, я как лично, так равно и при посредстве подведомственных мне унтер-офицеров, постарался узнать о причинах недовольства рабочих и условиях наложения на них штрафов, а также о притеснениях штейгеров и прочих служащих лиц, при чем мною было обнаружено нижеследующее. 1) Из представляемой у сего расчетной книжки можно усмотреть то тяжелое положение рабочего угольных копей названного общества, в которое он поставлен при своей трудной подземной работе: жалованье свое он может получить, как видно из § 10 только 6 раз в год, тогда как существует высочайшее повеление о выдаче рабочим жалования ежемесячно. Кроме того по § 11 рабочий не имеет права получить окончательного расчета в другое время, кроме указанного в § 10, т. е. 6 раз в год. Потом эта система штрафов, и если к этому прибавить еще усердие штейгеров — иностранцев, смотрящих на русского рабочего, а особенно на шахтера, как на какое-нибудь животное, и старающихся перед конторой в наложении штрафов на рабочих, за что они получают наградные деньги, и если принять во внимание, что в противовес этим правилам, гарантирующим только контору, рабочие в свою очередь, никакими

условиями не гарантированы, то будет понятно то безвыходное их положение, в которое они поставлены. И, наконец, по § 9 от рабочих требуется еще и праздничная работа, т. е. в дни предусмотренные § 8, и если какой рабочий не исполнял этого условия, то с него взимался штраф, а рабочая плата за праздничные дни назначается не по особому условию, а зависит по § 9 от благоусмотрения конторы, а не обеих заинтересованных сторон.

2) Рабочие рассказывали, что жизненные продукты они брали из конторской продуктовой лавки по ордерам конторы, при чем приказчики этой лавки очень часто, не имея над собою контроля, обмеривали и обвешивали рабочих. Кроме того, чтобы получить ордер из конторы на продукты, рабочему нужно было идти в контору и ждать не редко часов 6 времени получения ордера, потом, получив ордер, рабочий такое же количество времени должен прождать и около лавки. Приходит домой с продуктами, смотрит, а на работу, в свою очередь, в шахту опоздал и должен платить рубль штрафу. Что касается цен в продуктовой лавке, то оне не были высоки, судя по конторским книгам, но может быть, благодаря слабому контролю и тому, что в ордерах конторы значилось на какую сумму денег отпустить товара, а не самый товар,— приказчики сами произвольно назначали цены на продукты.

3) Судя по рассказам тех же рабочих, они, работая в шахтах, должны были добытый ими уголь всыпать в вагончик, который, таким образом, являлся мерилом количества выработанного шахтером угля и зависившей от этого платы за труд, но этот вагончик, при следовании по шахте к подъемной машине на верх, всегда осыпается и делается немного не полон, такой неполный вагончик в счет рабочего не принимался, потом нередко при разработке пласта угля встречался в середине тонкий слой глины или другой какой-либо породы, которая при темноте в шахте, по ошибке принималась рабочими за уголь и ссыпалась в вагончик, за такой вагончик рабочий штрафовался 3 рублями, а платы за уголь не получал, а вагончик этот все-таки шел на верх и там нанятыми за счет рабочих мальчиками уголь очищался от глины, а потом сдавался в склад. Понятно для конторы очень выгодна была такая добыча угля. С каждого рабочего контора удерживала по 50 коп. в месяц за доставление им воды и 25 коп. в месяц за отопление, с каждой тысячи вагончиков контора отсчитывала 30 вагончиков в расход для топки машин и печей в шахтах, для вентиляции воздуха и за эти 30 вагончиков рабочие платы не получали. Независимо того, десятники и штейгера, будучи недовольны на какого нибудь рабочего или желая выслужиться перед конторой, позволяли себе снимать нумера рабочих с идущей из шахты вагончиков с углем, а тогда вагончик без нумера шел не в счет рабочего, а в счет конторы общества, так что благодаря всем штрафам и злоупотреблениям, иные рабочие при расчете получали только 20 коп. заработанных денег, если же некоторые шахтеры обращались в контору или к инженеру Косту с жалобой на неправильный штраф, то на таких рабочих кричали, ругали их и говорили им, что по-русски не понимают, а иных, более назойливых, прямо выгоняли с работ на рудниках. Поставленные в такое положение и не зная где искать себе защиты и помощи, рабочие и решили, как они говорят, протестовать, но не по одиночке, а сообща, что они и сделали в настоящее время, при чем полагают, что хотя их и накажут за беспорядки, то по крайней мере, войдут в их положение и хотя немного улучшат его...

Ротмистр Яковлев.

Записка директора департамента полиции, министру внутренних дел Д. Толстому, 10 октября 1888 г.[1]

Имею честь доложить вашему сиятельству, что 28 сентября, в г. Шуе, рабочие фабрики Третьякова[2], в числе около 1 000 человек, произвели забастовку, требуя уничтожения ночных работ и не соглашаясь на зимние расценки. К этим рабочим присоединились рабочие двух других фабрик — Бурылина и Павлова, числом до 3 000 человек, причем к вечеру, не взирая на все меры, принятые полицией и фабричной инспекцией, началось буйство: толпа рабочих ходила по улицам, била стекла и бросала каменья, причем ранили помощника пристава и нескольких городовых. В виду вышеизложенного на место происшествия выехали владимирский губернатор и начальник губернского жандармского управления, а также вызван баталион пехоты, по прибытии которого в Шую беспорядки прекратились.

Из телеграммы начальника жандармского управления от 30 сентября усматривается, что после прибытия пехоты и двух сотен казаков, вызванных из Москвы, беспорядки не возобновлялись, но рабочие, до 6 000 человек, упорствуют, выжидая уступок фабрикантов, хотя последние значительно изменили условия в пользу рабочих.

Директор департамента К о з л о в.

Донесение начальника Владимирского губернского жандармского управления в департамент полиции, 8 ноября 1889 г., № 743[3]

Имею честь донести департаменту полиции, что 4 и 5 сего ноября временное отделение Владимирского окружного суда разбирало в г. Шуе, без присяжных заседателей, дело о стачке рабочих на Шуйских фабриках, бывшей в октябре месяце прошлого 1888 г., причем 30 человек обвиняемых, явившихся в суд, приговорены к тюремному заключению: 7 человек на 1 год и 4 месяца, 15 человек на 8 месяцев и 8 человек несовершеннолетних на 4 месяца.

Полковник В о р о н о в.

Донесение начальника Ярославского губернского жандармского управления в департамент полиции, 30 ноября 1888 г., № 1109[4]

15 сего ноября на полотняной фабрике купца Локалова, находящейся в Ярославском уезде, при селе Гаврилов Ям, между ткачами произошла стачка, которая в продолжении того-же дня была ими прекращена по соглашению с администрацией фабрики. Поводом к означенной стачке, — как дознано мной на месте, — послужило распоряжение владельца фабрики г. Локалова об уменьшении рабочим задельной платы, начиная с 1 числа наступающего декабря месяца, о чем рабочие были извещены еще 1 числа минувшего октября. При отказе ткачей 15 ноября идти на работу, на предложенный им вопрос хозяином фабрики купцом Локаловым о причине прекращения работы, большинство рабочих предъявили требование о восстановлении прежней платы за работу, смены сортировщика полотна, писавшего за ними непомерно высо-

---

[1] ДП, III, 1887 г., д. № 21, ч. 13, л. 12.

[2] В подлиннике «Третьякова», надо Терентьева, см. донесение начальника Владимирского ГЖУ в департамент полиции от 28 сентября 1888 г. № 766, в котором он указывает на 1 500 рабочих фабрики Терентьева в г. Шуе, забастовавших 28 сентября 1888 г.— ДП, II, 1885 г., д. № 34, ч. 4, л. 64.

[3] ДП, II, 1885 г., д. № 34, ч. 4, л. 133.

[4] Т а м ж е, ч. 14, лл. 1—3.

кие штрафы, и сверх того улучшения отпускаемых им продуктов из фабричного лабаза и устройства новой бани.

По выслушании означенных требований, владелец фабрики тотчас же изъявил согласие на удовлетворение их претензий, но под условием, чтобы они снова принялись за работу, на что все забастовавшие рабочие согласились все между собой продолжать работу на фабрике.

По прошествии нескольких дней, подобные же беспорядки начались также и на соседней фабрике купцов Иридова и Маругина, находящейся в Ярославском уезде при селе Великом; причиной беспорядков на этой последней послужило также распоряжение владельцев фабрики об уменьшении задельной платы рабочим, которые вследствие этого, устроив 22 и 23 ноября стачку между собой, явились в числе 200 человек в контору фабрики, требуя восстановления прежней платы, смены сортировщика и другие льготы, подобно тем, какие были предъявлены рабочими на соседней фабрике купца Локалова. По выслушании этого заявления, владельцы фабрики отказались исполнить требования рабочих, вследствие чего для прекращения волнения между ними администрацией фабрики приглашена была местная полиция, которой спустя несколько суток удалось уговорить большинство забастовавших рабочих начать работу на предложенных владельцами фабрики более льготных чем прежде условиях, но без увеличения задельной платы. Неизъявившим же согласия на эти условия, а равно и тем, которые принимали после того участие в уговоре остальных рабочих не соглашаться идти на работу, администрация фабрики, по требованию уездного исправника, дала расчет, после чего таковые в числе 28 человек были немедленно уволены с фабрики, и произведенное полицией дознание о них, как главных зачинщиков происходивших беспорядков, в настоящее время передано на распоряжение судебного следователя 2-го участка Ярославского уезда, которым по этому делу уже и приступлено к формальному следствию.

Доводя о вышеизложенном до сведения департамента полиции, я вместе с тем долгом считаю иметь честь донести, что главной причиной, как настоящих беспорядков между рабочими названных фабрик, так и происходивших в прежнее время, о чем я имел честь своевременно доносить департаменту полиции,— служит, по мнению моему, полная бесконтрольность действий и распоряжений администрации фабрики купца Локалова со стороны фабричной правительственной инспекции, благодаря чему владелец названной фабрики, пользуясь отсутствием должного надзора, по собственному произволу, время от времени старается изыскать способы к увеличению доходности фабрики, принимая для этого без всякой видимой причины такие меры, которые, служа к явному ущербу рабочих, вызывают между ними постоянные недовольства на администрацию фабрики, последствием коих явились и настоящие беспорядки.

Генерал-майор Зарин.

Донесение начальника Владимирского губернского жандармского управления в департамент полиции, 22 апреля 1889 г., № 197 [1]

В дополнение телеграмм моих, посланных 18, 19, 20 и 21 апреля г. командиру отдельного корпуса жандармов, товарищу министра внутренних дел и заведующему полицией [2], имею честь донести департаменту полиции, что 18 апреля ткацкие фабрики в г. Шуе, после перерыва на праздник св. пасхи, вновь должны были приступить к работам,

[1] ДП, П, 1889 г., д. № 34, ч. 21, лл. 15—17.
[2] Указанные телеграммы в этом же деле, лл. 8—12.

причем фабриканты, как в г. Шуе, так и в Иваново-Вознесенске и Коврове, в виду застоя в настоящее время в торговле хлопчато-бумажным товаром, постановили на летний период найма, с пасхи по октябрь месяц, сократить производство на половину, для чего решили работать только днем в одну смену по 13 часов в сутки, с перерывом на обед 2 часа, при каковом порядке работ, число ткачей на фабрике должно сократиться на половину против прошедшего зимнего периода, — когда работы производились в две смены в течение 18 и 24 часов в сутки,— и на всех ткацких фабриках Шуйского и Ковровского уездов до 6 000 человек ткачей останутся на лето без работ.

О новом порядке работ было объявлено ткачам при последнем расчете их в четверг на страстной неделе, и уже тогда рабочие изъявляли на это неудовольствие; и говорили, что при найме после пасхи они будут требовать старого порядка, и в случае неудовлетворения их желания производить беспорядки.

17 числа апреля в г. Шуе начался прием рабочих на фабрики, с тем, чтобы на другой день приступить к работам, но 18 числа, когда на некоторых фабриках начались работы, толпа не принятых ткачей, около 2 000 человек, собрались около фабрики купца Небурчилова, стали бросать камнями в окна фабрики, требуя чтобы машины были остановлены и рабочие выпущены из фабрики, и когда требование это не было исполнено, то вся толпа направилась к другим фабрикам, причем выбили камнями окна в домах всех фабрикантов и управляющих фабриками; на фабриках-же Павлова и Терентьева разрушили каменные заборы и ворота.

На все увещания чинов полиции и корпуса жандармов действующие рабочие отвечали требованием, чтобы порядок работ на фабриках был установлен тот же, что и зимой, причем угрожали, что они на другой день заставят прекратить работы на всех других фабриках в городе, и, чтобы войска не могли быть вызваны во время, перервут телеграфную проволоку и испортят железнодорожное полотно.

В виду изложенного и так как местными средствами не представлялось никакой возможности остановить беспорядки, исправник телеграфировал г. губернатору о немедленной присылке войск.

19 числа утром, прибыли в г. Шую г. владимирский губернатор с двумя баталионами пехоты и 20 числа прибыли две сотни казаков из Москвы, и с этого времени буйства рабочих прекратились, но они все-таки собирались по улицам толпами, и в течение 19 и 20 чисел, несмотря на увещания, не хотели приступить к работам и только 21 числа утром, после того как губернатор посредством печатного объявления заявил рабочим, что никаких уступок им сделано не будет, ткачи на всех фабриках приступили к работам; оставшиеся же без работы понемногу стали уходить из города.

Одновременно с беспорядками в г. Шуе, произошли такие же беспорядки и по тем же причинам на фабрике купца Треумова в г. Коврове, причем 19 числа буйствовавшие рабочие выбили камнями стекла на фабрике и в доме Треумова, почему того-же числа из г. Владимира был вызван один баталион, с прибытием которого беспорядки прекратились, но до настоящего времени ткачи отказываются брать назад из фабричной конторы свои паспорта, а так-же и приступить к работе, требуя увеличения заработной платы и того-же порядка работ, как прошлую зиму.

В г. Иваново-Вознесенске на всех ткацких фабриках за исключением Дербеневой, работы должны начаться только 25 сего апреля, фабрика же Дербеневых начала работать с 18 числа, и с этого же времени около этой фабрики стала собираться толпа свободных и непринятых рабочих, требуя, чтобы порядок на фабрике был изменен, и когда после

увещаний полиции и переговоров, длившихся 18 и 19 числа, им в этом было отказано, они 20 числа стали бить камнями стекла на фабрике и в доме Дербеневых. Высланная в тот-же день из г. Шуи, одна сотня казаков разогнала толпу и тем остановила дальнейшие беспорядки, но рабочие в ожидании предстоящего начала работы на других фабриках, сильно возбуждены и продолжают собираться толпами в разных частях города.

Полковник Воронов.

Донесение начальника Владимирского губернского жандармского управления в департамент полиции, 2 мая 1889 г., № 218[1]

В дополнение к донесениям моим за №№ 194 и 197, имею честь донести департаменту полиции, что беспорядки между фабрично-рабочими не повторялись, но как в г. Шуе, так и в г. Иванове-Вознесенске ткачи, оставшиеся без работы, крайне возбуждены и только присутствие войск в этих городах сдерживает их от дальнейших беспорядков. Все ткацкие фабрики в Иванове-Вознесенске начали работу с 26 апреля и работают в настоящее время в одну смену по 13 часов в сутки. В Коврове ткацкая фабрика купца Треумова начала работать с 25 апреля, причем к 600 станкам стали 300 женщин для работы в одну смену по 13 часов в сутки, на остальных же 600 станках работают как мужчины, так и женщины в две смены по 8 часов каждая.

В с.с. Лежневе и Горках, Ковровского уезда, на фабриках купцов Кокушкина и Шарыгина предполагалась также 13-часовая работа в одну смену, но, вследствие последовавшего соглашения между фабрикантами и рабочими, фабрики эти работают с 22 апреля в две смены по 9 часов каждая, приэтом расценка заработной платы оставлена та же, что и для 13-часовой работы, почему заработок ткача не превысит 8—9 руб. в месяц, что в недалеком будущем может повлечь за собой новые недоразумения, так как до настоящего времени нормальный заработок ткача на этих фабриках был в два раза более.

В г. Шуе за буйство произведенное рабочими 18 апреля, привлечены к ответственности по 3 п. 38 ст. уст. о наказ. налагаемых М. С. 24 человека, которые и приговорены к аресту: один на три месяца, один на $2^1/_2$ м., семь на два месяца, а остальные 15 человек на $1^1/_2$ мес.

В Коврове и Иванове-Вознесенске по той же статье устава привлечены в первом два, а во втором — одиннадцать рабочих, но дела их до настоящего времени мировыми судьями не разбирались.

При этом имею честь присовокупить, что казаки по сотне в Шуе и Иванове-Вознесенске остаются и поныне.

Полковник Воронов.

Из донесения владимирского губернатора министру внутренних дел, 19 октября 1889 г., № 4330[2]

Вследствие сообщения министра финансов, основанного на донесении главного фабричного инспектора, высказавшего опасения о возможности возникновения беспорядков среди рабочих Морозовской мануфактуры, изволите требовать от меня ближайших по сему предмету сведений.

Донесение главного инспектора, основанное на сообщенных местной полицией владимирскому окружному инспектору слухах весьма неопределенных и требующих тщательной проверки, я в данном случае не могу не признать по меньшей мере слишком поспешным.

[1] ДП, II, 1889 г., д. № 34, ч. 21, лл. 18—18.
[2] ДП, II, 1885 г., д. № 34, ч. 4, лл. 129—130.

Одновременно с сообщением окружному фабричному инспектору, покровский исправник доносил мне о тех же слухах. Поводом, как оказалось по расследовании, послужила безграмотно нацарапанная на клочке бумаги, слюнами прилепленная к дверям отхожаго места, записка, что 15 на Никольской фабрике будет бунт. Между тем в среде рабочих незаметно было никаких волнений и неудовольствий ни за весьма незначительную сбавку задельной платы на некоторые сорта фабрикатов, ни за расчет нескольких плохих рабочих по окончании срока, что постоянно повторяется при возобновлении найма, не возбуждая никаких протестов, и вообще положение дела на Морозовской мануфактуре до такой степени не возбуждало опасений, что я не счел нужным доводить до сведения вашего высокопревосходительства о встревоживших фабричную инспекцию слухах.

В минувшем июне на той же Никольской мануфактуре, действительно, замечалось некоторое возбуждение в среде местных рабочих, хотя никаких поводов к неудовольствиям не существовало, но тогда они по ночам собирались в кружки, делали сходки, и, есть основания предполагать, что беспорядки могли бы возникнуть, если бы не были мною во время приняты меры к предупреждению таковых высылкою в места родины четырех рабочих, замеченных в водительстве и подстрекательстве толпы, с удалением которых все успокоилось, о чем я имел честь доводить до сведения вашего высокопревосходительства 30 июня за № 2598.

Губернатор Судиенко.

Донесение начальника Енисейского губернского жандармского управления в департамент полиции, 8 марта 1890 г. № 139[1].

В Минусинском округе на золотых приисках Петра Осипова Барташева рабочие в числе 150 человек прекратили работы и оказали ослушание распоряжениям прибывшего горного исправника и только подчинились его требованиям по прибытии вызванной из г. Минусинска воинской команды в числе 27-ми человек под начальством офицера. Поводом к неудовольствию рабочих было объявление 30 января сего года служащими на приисках, что выдача рабочим водочной порции прекращается, вследствие малоуспешности работ. Неудовольствие первоначально выразилось заявлением рабочего из поселенцев Ренкульта Веникса, который был арестован и наказан розгами, а затем расчитан. Кроме того ему были нанесены побои самим хозяином прииска и его сыном Николаем Барташевым. После девятидневного ареста Веникс был отправлен в сопровождении казака в ближайший улус Сыри. Казак однако не довел его до улуса, оставив на дороге. Это обстоятельство возбудило подозрение среди рабочих, что Веникс убит. Тогда прекратив работы они послали 7 человек для розыска Веникса и вскоре убедились, что он жив.

Отказавшись давать горному исправнику показания каждый отдельно, рабочие требовали опроса всех разом и намеревались всем составом итти с жалобой в г. Минусинск.

По прибытии воинской команды при офицере они подчинились распоряжениям исправника, выдав главных виновников, а на другой день вновь приступили к работам. Из них 15 человек были наказаны розгами, а 7 человек препровождены для заключения в Минусинский тюремный замок. Дело передано судебному следователю.

По дошедшим до меня сведениям рабочие жалуются на дурное обращение с ними служащих на прииске и сына владельца прииска.

Полковник (подпись)

[1] ДП, II, 1890 г., д. № 58, ч. 16, лл. 1—2.

Донесение олонецкого губернатора министру внутренних дел, 22 декабря 1890 г. № 2572[1].

Имею честь почтительнейше донести вашему высокопревосходительству, в дополнение к представлению моему, от 27 минувшего ноября за № 2407, что после 15 ноября на Мариинской системе, среди рабочих были забастовки в разных пунктах производства работ в текущем декабре. Не выходили на работы 3-го числа — 280 и 13-го числа 260 рабочих.

Причиною прекращения работ были претензии рабочих на обременительность задаваемых на дневной срок работ. По донесению исправника претензии рабочих не основательны. Беспорядков, требовавших вмешательства полиции, не было.

Все эти забастовки окончились соглашением контрагента с рабочими.

Независимо от сего, вчера исправник телеграммою донес, что 20-го числа забастовало вновь 500 рабочих. Сегодня получено известие, что забастовка прекратилась. Подробности ожидаю почтою.

Начальник округа путей сообщения, действительный статский советник Звягинцев, не придавая невыходу рабочих контрагента Лопарева на работы значения опасных рабочих беспорядков, выражает надежду, что по мере навыка к местным условиям и увольнения более беспокойных и буйных рабочих, недоразумения между подрядчиком и рабочими будут разрешаться миролюбиво, как разрешались и бывшие забастовки.

Губернатор М. Веселкин.

Из еженедельной записки департамента полиции с 4 по 11 февраля 1891 г.[2]

1. Несколько времени тому назад на судостроительном заводе в Новом Адмиралтействе в С. Петербурге, произошли, как известно, незначительные беспорядки среди рабочих.— Из полученных ныне по сему делу подробных сведений усматривается что поводом к неудовольствию рабочих послужило уменьшение заработной платы, так как до последнего времени рабочие в Адмиралтействе оплачивались больше и пользовались значительными льготами, сравнительно с рабочими частных судостроительных заводов. Вновь назначенный исправляющим должность командира контр-адмирал Верховский признал необходимым уменьшить заработную плату и установить штрафы за порчу казенного имущества, прогулы и другие упущения в работе.

Эти нововведения возбудили неудовольствие и 21 января рабочие, находившиеся на постройке полуброненосной лодки «Гремящий», числом около 400 человек, прекратив работу вышли на двор. Увещания прибывшего на завод контр-адмирала Верховского и местного полицейского пристава не имели успеха, и работы в этот день не возобновлялись. На другой день, утром, рабочие стали собираться на завод с явным намерением продолжать забастовку, но их впускали на завод небольшими группами. Нежелавшим возобновить работу на новых условиях немедленно выдавался расчет. Благодаря такому образу действий дальнейшие беспорядки прекратились и в настоящее время на заводе все спокойно.

По поводу настоящей забастовки появились на прошлой недели, среди рабочих адмиралтейства прокламации, возбуждающия их поддерживать друг друга при стачках, чтобы заставить начальство сделать требуемые уступки. Одновременно с этими прокламациями выпущены воззвания к обществу, приглашающие оказать нравственную и мате-

[1] ДП, II, 1890 г., д. № 58, ч. 43, л. 4.
[2] Еженед. зап. 1891 г. № 2, лл. 56—62.

риальную поддержку пострадавшим рабочим. К розыску виновных в составлении и распространении этих преступных прокламаций приняты возможные меры. При этом следует заметить, что означенные прокламации появились в крайне незначительном числе экземпляров.

Из еженедельной записки департамента полиции с 19 по 27 августа 1891 г.[1]

23 сего августа в С. Петербурге, работавшие на табачной фабрике под фирмою «Богданов и К°» мастерицы папирос, в числе около 1.200 женщин, ввиду распространившихся неправильных слухов о предстоящем, будто-бы, уменьшении заработной платы, произвели шум и беспорядки, причем некоторые из них, выбив в окнах стекла, выбросили на двор находившиеся в работе табачные изделия. По прибытии на место происшествия полиции порядок был немедленно восстановлен, а когда в тот же день директор фабрики выставил в мастерских объявления о неверности слухов относительно сбавки заработной платы, работы тотчас же возобновились. Зачинщицы беспорядка будут привлечены к законной ответственности.

Директор департамента полиции П. Дурново.

Донесение тульского губернатора министру внутренних дел, 5 октября 1891 г. № 3619[2].

25 минувшего сентября, получена была мной телеграмма, что на бумаготкацкой фабрике торгового дома наследников Е. С. Карякиной, при с. Малом Редькине, Каширского уезда, рабочие в числе 320 человек, вследствие неудовлетворения некоторых их требований предъявленных к фабричной администрации, прекратили работы, не нарушая впрочем спокойствия.

Вследствие этого для расследования и устранения беспорядков были командированы туда мною уездный исправник и помощник фабричного инспектора Московского округа, заведующий фабриками в Тульской губернии. По прибытии означенных лиц и разъяснении владельцам фабрики и рабочим их обязанностей, работы, прекращенные 24 сентября, возобновились 28 числа.

Заявленные рабочими претензии были следующие: 1) что существующая заработная плата, обозначенная в табелях со скидкой 10% с выработанного рубля, для них низка; 2) что цены на харчевые продукты, забираемые ими обязательно на артель из фабричной лавки, черезчур высоки; 3) что они просят или сбавить цены на харчи до таких, какие существуют в данной местности, или дозволить им брать харчи там, где пожелают; 4) что до сих пор администрация фабрики принуждала их харчи брать непременно в фабричной лавке, а не желавших это делать увольняла; 5) что штрафы за порчу товара они находят высокими, и что таковые часто налагаются, 6) что их заставляют остатками от их стола кормить хозяйских свиней, тогда как все остатки и помои они могли бы сбывать на сторону рублей за 15 в месяц; 7) что приказчик, принимающий у них товар, обращается с ними крайне грубо и дерзко, ругает неприличными словами не только мужчин, но и девушек, а также часто позволяет себе наносить обиду и действием; 8) что пруд, из которого они берут воду для варки кушанья, бывает загрязнен; 9) что ретирадные места отнесены далеко от спален и ночью приходится бегать к ним по холоду; 10) что спальни тесны и замужние пары поме-

[1] ДП, еженед. зап. 1891 г. I полут., л. 59.
[2] ДП, II, 1891 г., д. № 66, ч. 37, лл. 1—2.

щаются вместе с холостыми мужчинами; 11) что на некоторых товарах, например: цветных салфетках 7/4, клетчатом № 42, демикатоне № 1135, при расчете, кроме 10%, сбавляли еще с куска по 10—20 коп. по усмотрению приказчика.

В виду всего этого, рабочие просили: 1) чтобы не сбавлялось 10% с заработанного рубля, 2) чтобы харчи им позволяли брать, где угодно, а также, чтобы дозволяли жить на вольных квартирах, 3) чтобы штрафы были меньше, 4) чтобы приказчик был удален, 5) чтобы расценка была вывешена точная с обозначением меры каждого сорта, 6) чтобы заработанная плата не была сбавлена до пасхи, 7) чтобы рабочие не были уволены хозяином вследствие забастовки.

По расследовании помощником фабричного инспектора вышеозначенных жалоб, все таковые, кроме № 5 и 11, признаны справедливыми; что-же касается штрафов, то претензии рабочих оказались вполне неосновательными, так как штрафы весьма невысоки и не часты; точно также и сбавка с куска, кроме 10% из расчетных книжек невидна. Затем владельцы фабрики согласились: 1) до 1 января 1892 г. оставить прежнюю расценку, без сбавки 10%; 2) отпустить рабочих на вольные квартиры и прекратить отпуск харчей, предоставив рабочим право брать таковые, где им угодно; 3) перевести приказчика на другую должность; 4) не увольнять рабочих без законных причин до 1 января 1892 г., 5) вывесить немедленно прежнюю расценку, но более подробную. Кроме того по просьбе рабочих владельцы фабрики согласились не высчитывать жалованья за 4 прогульных, во время забастовки, дня.

О всем вышеизложенном имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства, присовокупить, что в виду того, что порядок рабочими нарушен не был и они сохраняли полное спокойствие, претензии же их оказались большей частью справедливыми, то я полагал-бы судебного преследования по настоящему делу не возбуждать.

Губернатор Зиновьев.

Из еженедельной записки департамента полиции, 14 апреля 1892 г.[1]

5. В течение минувшего марта, на металлургическом заводе, находящемся в селе Каменском, Екатеринославского уезда и губернии, произошли две незначительные забастовки рабочих. Причиной стачек послужило уменьшение заработной платы, хотя об этом и было заблаговременно объявлено рабочим. Вслед за тем, Екатеринославский губернатор получил сведения, будто на некоторых рудниках, расположенных в Славяносербском уезде, готовятся среди рабочих волнения, поводом к коим выставляются газетные известия о последних забастовках рабочих в Западной Европе с благоприятными для последних результатами в виде сокращения рабочего времени и увеличения заработной платы.

Ввиду изложенных обстоятельств, губернатор, камергер Шлиппе, независимо принятых им административных и полицейских мер, признал необходимым спросить у командующего войсками Одесского военного округа, чтобы на праздник св. пасхи в уездные города и на пункты сосредоточения значительного числа рабочих Екатеринославской губернии были временно командированы военные команды. Надо полагать, что все сделанные по сему предмету распоряжения достигли своей цели, так как доныне не получено никаких тревожных известий о каких бы то ни было беспорядках в Екатеринославской губернии за последнее время.

Директор департамента полиции П. Дурново.

---

[1] Еженед. зап., I пол. 1892 г., лл. 172—174.

Из еженедельной записки департамента полиции, 23 июня 1892 г.[1]

В дополнение к помещенным в предыдущих записках сведениям о беспорядках, произведенных, в конце минувшего мая рабочими на угольных рудниках, принадлежащих г.г. Иловайским и находящимся в слободе Макеевке Таганрогского округа, области войска Донского, в настоящее время получены следующие по сему делу подробности.

Еще весной текущего года между рабочими Макеевских и соседних рудников, было замечено брожение, вызванное неудовольствием рабочих на местную администрацию копей за отказ шахто-владельцев увеличить заработную плату и уменьшить цену жизненных продуктов, продаваемых из принадлежащих последним лавок. Затем в течении апреля и мая месяцев рабочие неоднократно проявляли попытки произвести стачки, но все эти недоразумения прекращались благополучно.— Наконец, 26 мая, когда на принадлежащем Иловайским руднике «Сергей» был дан призывной гудок к началу работ, рабочие не пошли на работу, а после повторения несколько раз того-же сигнала, около рудника собралась толпа, человек около 1 200, которая стала шуметь, упорно отказываясь начать работы, пока не будут удовлетворены их требования. Толпа эта направилась к главной конторе рудника, где их встретил управляющий, который пробовал было уговорить рабочих, обещая им разные уступки со стороны администрации. Но рабочие не желали верить этим обещаниям и требовали к себе самого владельца рудника, Иловайского, оказавшегося в отсутствии. Тогда толпа, к которой тем временем успели присоединиться рабочие одного соседнего рудника, отправилась на бойню поставлявшего на рудники Иловайских мясо иностранца Ролланда и здесь произвела буйство, причем бросала на бойню камни и разрушила часть построек, а затем возвратилась к конторе ожидать возвращения владельца рудника. Для водворения порядка была вызвана с соседнего завода Юза полусотня казаков, при участии коих толпа была разогнана и порядок восстановлен. На следующие дни работы на руднике продолжались в полном порядке.

Следствие по сему делу производится и главные виновники арестованы.

Исправляющий должность директора департамента полиции —
Н. Сабуров.

Донесение петербургского градоначальника в департамент полиции, 11 июня 1892 г. № 6233[2]

1 сего июня рабочие Митрофаньевской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры, помещающейся в д. № 138 по Обводному каналу и принадлежащей Вонлярлярскому, числом около 700 человек, заявили свое неудовольствие директору фабрики Джонсону на то, что в виду недоброкачественности вновь принятой на фабрику партии хлопка, им приходится вырабатывать значительно меньшее против прежнего количество ткани, что влияет на уменьшение их заработка, и требовали вследствие этого увеличения заработной платы. Директор фабрики Джонсон, выслушав рабочих, предложил им успокоиться и продолжать работы, пообещав сообщить о их требованиях владельцу фабрики Вонлярлярскому, который, прибыв на фабрику около трех часов пополудни, зая-

[1] Еженед. зап., I пол. 1892 г., лл. 273—275.

[2] ДП, III, 1892 г., д. № 558, лл. 1—2. На подлинном след. резолюция: «По сведениям градоначальника в среде петербургских рабочих производят сбор денег в пользу высланных. Сумма собранных денег будто бы значительна. Установить наблюдение за денежной корреспонденцией лиц, высланных на родину, причем д. с. с. Оржеровскому сообщить сведения об отправителях денег.»

вил рабочим, что он согласен увеличить им плату, в виду вышеизложенных обстоятельств. Но в 4 часа пополудни того же 1 июня рабочие, подстрекаемые некоторыми из своих товарищей, объявили общую забастовку и по прибытии на фабрику фабричной администрации, вручили помощнику управляющего Ильину писанную петицию, в коей выразили требования уже о постоянном увеличении рабочей платы и уменьшении поштучного размера хлопчато-бумажной ткани, в виду чего, по распоряжению моему, работы на фабрике были временно приостановлены, а замеченные в подстрекательстве зачинщики беспорядков, в числе 12 человек, задержаны и затем высланы из С. Петербурга на родину этапным порядком, с воспрещением жительства в столице в течение одного года. Затем фабрика с 3 сего июня вновь открыла свои операции и порядок более не нарушался.

О вышеизложенном имею честь сообщить департаменту полиции, с препровождением списка рабочих, коим мною воспрещено жительство в Петербурге.

Генерал-майор Фон-Валь.

Телеграмма управляющего Рязанской губернией министру внутренних дел, 26 мая 1893 г.[1]

25 мая около двух часов пополудни в городе Егорьевске на фабрике Хлудовых начались беспорядки между ткачами, которые требовали увеличения платы и других льгот, всего до 2 000 человек[2]. К вечеру волнение усилилось, к ткачам присоединились рабочие других отделов, всего числом более 3 000. В конторе истреблены все документы, сохранена только денежная касса. Истреблены запасный магазин, материал на станках ткацкой, частью в прядильной, перебиты стекла в фабричных зданиях и доме директора фабрики. Волнение привлекло часть рабочих фабрик. Полицейская команда по требованию исправника увеличена 40 человеками местной команды. Рабочие отчасти успокоились, вследствие обещаний исправника уладить их отношения с фабричной администрацией. В виду вероятности возобновления беспорядков и распространения их на другие фабрики, мной вызваны два баталиона пехоты из г. Зарайска и командирован и. д. вице-губернатора старший советник Корвин-Круковский. Губернатор, находящийся на ревизии в Скопинском уезде, извещен мной. Выехать на место происшествия лишен возможности, в виду отсутствия губернатора и управляющего Казенной палатой.

Управляющий губернией Гордеев.

---

[1] ДП, II, 1893 г., д. № 37, ч. 16, лл. 5—8 об.

[2] Среди требований рабочих Хлудовской фабрики в 1893 г. были требования: а) более человеческого обращения, б) уничтожения платы харчами, в) удаления некоторых служащих и др. Почти все требования были удовлетворены. Директор и часть администрации уволены. Вот что вспоминает корреспондент из Егорьевска в № 51 «Искры» (от 22 октября 1903 г.). «Я хорошо помню «бунт» 1893 г., когда весь фабричный двор Хлудовской бумагопрядильни, в несколько десятин размером, был засыпан, как снегом, клочками конторских книг, счетов, квитанций и пр.; когда речка Гуслянка, протекающая около фабрики, чуть не выступила из берегов, заваленная кусками коленкора, мотками пряжи и т. п. Разгром был полный... Были вызваны спешно войска. После «бунта» город, в лице своих отцов, обратился, куда следует, с просьбой о присылке постоянного войска. Просьбу уважили и прислали целый полк. Судил «зачинщиков» (если не ошибаюсь, их было 17 человек) в Егорьевске же окружный суд. Защищал бесплатно Плевако, и приговоры были сравнительно легкие. Настроение у рабочих, благодаря выигрышу стачки, защите Плевако («сам Плевака нас защищал»,— говорили потом рабочие) и общей обстановке суда — сочувствующая публика — было бодрое, но оно не было совершенно использовано благодаря отсутствию «революционных бацил». («Искра» № 51, стр. 19).

Донесение московского губернатора московскому генерал-губернатору, 4 мая 1893 г. № 112.[1]

Имею честь представить вашему императорскому высочеству, что 20 минувшего апреля, в 8 часов вечера на фабрике компании Богородско-Глуховской мануфактуры, в Богородском уезде, ткачи отбельно-красильного заведения, вследствие вывешенной в тот день утром, по распоряжению администрации фабрики, новой табели цены на сдельные работы, утвержденной фабричной инспекцией 19 апреля, на основании которой число рабочих часов увеличивалось с 18 на 24 в сутки, с понижением расценки на 6%, — найдя это распоряжение для себя невыгодным, прекратили работу и всей толпой, в числе 200 человек, высказывая свое неудовольствие, ушли на свои квартиры. 21 же апреля, около 3 часов пополудни по прибытии на фабрику компании командированного на место помощника фабричного инспектора Московского округа, — администрация фабрики пришла с забастовавшими рабочими к миролюбивому соглашению и последние изъявили желание продолжать работу в течении 18 часов в сутки, по расценке, утвержденной фабричной инспекцией до пасхи сего года, 22 марта.

О стачке этой произведено Богородским уездным исправником дознание, из которого выяснилось, что подстрекателями и зачинщиками стачки были 9 рабочих и все дознание это передано судебному следователю 2 участка Богородского уезда.

Принимая же во внимание, что забастовка рабочих произошла по вине администрации фабрики компании Богородско-Глуховской мануфактуры, не позаботившейся ранее начала работ заготовить новый расценок и предупредить о том рабочих, мной сделано распоряжение о рассмотрении действий администрации помянутой фабрики в ближайшем заседании Московского губернского по фабричным делам присутствия.

Губернатор Сипягин.

Телеграмма рязанского губернатора министру внутренних дел, 4 июня 1893 года[2].

Имею честь доложить вашему высокопревосходительству, что спокойствие Егорьевске полное. Расчеты фабричных пойдут безостановочно. Расчитано 1800 человек, что составляет более четвертой части всех рабочих, администрация фабрики уволила двух смотрителей мастерских за злоупотребления; уведомила оффициально, что опасности для производства работ от состояния машин не представляется для рабочих, повреждения исправляются и фабрика может начать работу 8 июня, о чем будет объявлено рабочим заблаговременно. Накануне открытия будет производиться наем рабочих с условием прекращения ночных работ накануне двунадесятых праздников. Меры охранения порядка и безопасности при открытии фабрики и по возобновлении работ приняты. Имеются очевидные признаки ослабления стачки и есть надежда на спокойное разрешение кризиса. Арестовано пока 15 человек и отдано под надзор полиции 9. Командирование в Егорьевск опытных чинов полиции даст возможность быстрее привлечь к ответственности виновных и открыть главных зачинщиков. Рабочие со времени моего отъезда из Егорьевска держат себя спокойно и всякие скопища их по улицам воспрещены.

Губернатор Брянчанинов.

---

[1] КМГГ. 1893 г., д. № 96, лл. 1—2.
[2] ДП, II, 1893 г., д. № 37, ч. 16, лл. 20—21.

Донесение рязанского губернатора министру внутренних дел, 10 сентября 1893 г. № 3428 [1]

Представлением от 21 июня сего года за № 2322 доводя до сведения вашего высокопревосходительства о причинах возникновения беспорядков на бумаго-прядильной фабрике товарищества бр. Хлудовых и о жалобах рабочих, я имел честь сообщить также, что справедливость жалоб рабочих отчасти подтверждается судебным следствием и что, по прибытии в г. Егорьевске, тотчас после бывших беспорядков, моею главною заботою было: восстановить возможно скорее действие фабрики в виду важного значения оной для населения уезда в экономическом отношении и для устранения в городе скопления громадного числа людей без занятий и нуждающихся в средствах к жизни. Переговоры с хозяевами фабрики об удовлетворении справедливых требований рабочих мною отложены были на некоторое время, в предположении начать таковые после того, как рабочие подчинятся безусловно порядку, стачка прекратится и работы начнутся согласно условиям найма, принятыми ими при возобновлении договора, после праздника св. пасхи настоящего года, а равно и по выяснении справедливости и законности желаний рабочих.

В дополнение вышеозначенного представления за № 2322 имею честь доложить вашему высокопревосходительству, что предварительным следствием, произведенным о происшедших на бумаго-прядильной фабрике товарищества братьев Хлудовых 25 и 26 мая беспорядках и стачке рабочих установлено.

1) Рабочие названной фабрики имели дело исключительно с ее дирекцией, благодаря редкому появлению хозяев в городе Егорьевске, вследствие чего рабочие были лишены возможности обратиться к ним с своими претензиями не только непосредственно, но и путем письменных заявлений, так как таковые жалобы, во многих случаях вполне основательные, не вызывали со стороны правления никакого расследования и оставлялись без последствий. Разрешение всех вопросов, касавшихся нужд населения бумаго-прядильной фабрики, находились в руках ее директора Ригг, который, как иностранец, не знавший русского языка, был неспособен и чужд понимания русского рабочего. Кроме того Ригг, занимаясь исключительно производительной и доходной стороной фабрики, отстранял себя от непосредственных сношений с рабочими, и в частности от ткацкого отделения, поставив рабочих в полную зависимость от низших агентов администрации: подмастерьев и мастера ткацкого отделения англичанина Говард, пользовавшегося у директора Ригг полным доверием.

Между тем злоупотребления низших агентов, в форме повседневного взяточничества, практиковались большинством подмастерьев ткацкого отделения фабрики и оставались без обжалованья, потому что, по словам рабочих, принесение жалоб непосредственно Ригг влекло за собою увольнение жалобщика, а подача жалоб мастеру Говард представлялась немыслимой, как по тому, что рабочие были запуганы его крутым и придирчивым обхождением, так и потому, что они не верили в справедливость разрешения их претензий. Вместе с тем, отношения начальства к рабочим, будучи крайне строги, проявлялись нередко в форме несправедливой и незаконной. Так были примеры, что за какое-либо нарушение заведенного порядка рабочие подвергались временному на несколько дней удалению с работы, а по возвращении на таковую подвергались денежным взысканиям за время удаления, как за самовольный прогул с работы. Бывали случаи, что за неявку на работу,

[1] ДП, II, 1893 г., д. № 37, ч. 16, лл. 53—60.

несмотря на представление рабочим надлежащим способом удостоверений вполне законной причины неявки, неявившийся всетаки подвергался штрафу.

2) По поводу жалоб рабочих на незаконные и обременительные штрафы сверх штрафов, записываемых в фабричные книги, данными судебного следствия установлен факт скрытия штрафов. Сокрытие это производилось при приеме от рабочего выработанного материала следующим образом: ввиду отсутствия в рассчетных книжках рабочих, вопреки 3 п. 137 ст. Уст. о промышленности заводской и фабричной ч. II. т. XI св. зак. изд. 1887 года, указаний оснований исчисления заработной платы, такое исчисление не производилось, а при представлении рабочим выработанного куска материи, в книжку рабочего записывался заработок его за предъявленный кусок, в размере полном 30 коп. за кусок, в случае полной доброкачественности материи, и со скидкою при выработке материала невысокого качества от 5 до 25 коп. с куска, в виде штрафа за плохую работу. Полученные таким образом взыскания, маскируясь исчислением заработной платы по степени доброкачественности работы в штрафную установленную 15 ст. Уст. о промыш. фаб. и завод. книгу не заносились. Такой незаконный порядок взимания штрафов с рабочих Хлудовской фабрики привел к неверному показанию в фабричных книгах общей суммы штрафов в 5 т. рублей, или около 1 р. в году на рабочего, тогда как в действительности рабочие уплачивали штрафами от 1 р. 50 к. до 3 руб. в месяц, что должно значительно увеличить общую сумму штрафов.

3) Цены на продукты, продававшиеся в лавке при фабрике бр. Хлудовых, были проверены следствием за январь, февраль, март и апрель 1893 года. При чем оказалось, что из 34 продуктов этой лавки 14, за указанный период времени, имели цены гораздо более высокие, чем справочные цены Егорьевской городской управы на теже продукты продовольствия, цены же на остальные продукты, колеблясь по временам незначительно, превышали, или же уравнивались с ними и в нескольких весьма многочисленных случаях стояли ниже справочных. В конце 1891 г. комиссия Егорьевской городской думы, поверявшая торговлю в лавках г. Егорьевска, обнаружила случаи обмера и обвеса при продаже товаров из лавки при фабрике бр. Хлудовых.

По соображениям всех данных добытых судебным следствием и полицейским дознанием и по выяснении справедливости и законности жалоб и требований рабочих я вошел в переговоры с представителями фабрики г.г. Найденовым и Востряковым, а также и в письменные сношения с правлением товарищества фабрики об удовлетворении жалоб рабочих и этим путем достиг следующих результатов.

1) Директор фабрики англичанин Ригг удален и заменен новым.

2) Жалобы рабочих на разного рода несправедливости к ним служащих низшей администрации фабрики будут разбираться вновь приглашенным помощником директора из русских техников.

3) Заслужившие злобу и ненависть рабочих своими злоупотреблениями ткацкий мастер Говард и лица низшей администрации: смотрители Андрианов и Ларионов, браковщик Ворожейкин и бухгалтер Решетов удалены с фабрики.

4) По желанию рабочих им представлено право получать деньги два раза в месяц, что дает им возможность покупать харчи не исключительно в фабричной лавке, а там, где они хотят.

5) К пяти двунадесятым праздникам, накануне которых работы оканчивались в 6 часов вечера, прибавлено еще 7 двунадесятых праздников, под которые ночью работа производиться не будет.

6) По распоряжению г. главного фабричного инспектора в последних числах июля, администрация фабрики ночную 8-часовую работу ткачей

заменила 6-часовой, так что в настоящее время каждая рабочая смена установлена лишь 6 часов и ночная работа ткачей этим значительно облегчена.

Удовлетворение администрацией фабрики предъявленных ей требований имело благотворное влияние на успокоение рабочих и установление на фабрике бр. Хлудовых обычной жизни и, как мне кажется, содействовало тому, что и по выводе из гор. Егорьевска войск в лагерь и на маневры порядок между рабочим не был нарушен, но за всем тем, для полного восстановления нормальных отношений между рабочими фабрики бр. Хлудовых и их хозяевами необходимо упорядочить существующую систему штрафов, уничтожив возможность замаскировки штрафов, заменив расценку работ по качеству путем перевода сработанных кусков из сорта в сорт штрафами по особой выработанной табели за неисправность в работе, и кроме того желательно отменить ночную работу с субботы на воскресенье, как о том заявляла мне значительная часть рабочих.

Из доставленных мне фабричным инспектором Московского округа сведений видно, что средний заработок каждого рабочего на шести Московских и двух Рязанских фабриках простирается от 143 р. до 172 рублей, на фабрике же бр. Хлудовых заработок доходит всего только до 133 рублей.

Причина такой разницы заключается в том, что на фабриках Московской губернии за работу куска миткаля платят от 24 коп. до 40 коп. без различия сортов, на Хлудовской же фабрике уплачивается по сортам за 1 сорт — 30 коп., серебром, за 2-й — 25 коп., за 3-й — 20 коп. и за 4-ый — 15 коп. По мнению фабричного инспектора, такая расценка дает фабриканту возможность присваивать все штрафы за порчу товара в свою пользу, чего в Московской губернии недопускается по закону. Существующая на фабрике бр. Хлудовых расценка представляет зло и вводит с одной стороны в обман рабочего, который, нанимаясь, полагает, что будет работать кусок по 30 коп., а на самом деле получает гораздо меньше, так как от произвола приемщиков зависит отнести кусок к тому или другому сорту, а с другой стороны, дает фабриканту возможность под благовидным предлогом уменьшать по произволу задельную плату рабочим. Рабочие фабрики бр. Хлудовых хорошо знают, что нигде на Московских фабриках такой расценки нет, и если кусок сработан, то платят одну цену, а если испорчен, то штрафуются по особой табели, в которой точно означен каждый недостаток, какой можно сделать при работе, и этот штраф гораздо ниже тех вычетов, какие практикует Хлудовская фабрика, переводя куски из одного сорта в другой.

В виду сего установление правильной расценки на работы с платой за кусок миткаля без подразделения на сорта, представляется на Хлудовской фабрике делом первостепенной важности, так как последствием будет устранение для рабочего всякой неопределенности в заработке и вполне сознательное и безобидное отношение к налагаемым штрафам, как скоро последние будут налагаться только по строго установленной табели, с точным обозначением всех неисправностей.

Далее, по сведениям установленным фабричным инспектором, оказывается, что на фабриках Московской и других губерний ночные работы под праздники практикуются очень редко и составляют исключительное явление, так в Московской губернии самой промышленной, ночные работы под праздники производятся только на 5 фабриках. Рабочие очень не любят ночной работы под праздники и по причинам основательным: ночные работы отнимают у них возможность посещать храм божий, бывать в бане и, крайне утомляя рабочих, при возвращении последних на праздники в свои деревни, лишают их возможности

заняться домашним хозяйством. Нерасположение рабочих к ночным работам усиливается и тем, что на соседней с Хлудовской фабрике Бардыгина подпраздничных работ не существует вовсе.

В виду вышеизложенных данных я предполагал вновь войти в сношение с правлением товарищества бр. Хлудовых об устранении последних, по моему мнению, причин неудовольствия рабочих, могущих в будущем грозить повторением беспорядков, но получив 21 августа предложение вашего высокопревосходительства за № 3402, в коем изложено высочайшее повеление 30 июля о распространении, в виде временной меры на Егорьевский уезд изложенных в Уст. промыш. постановлений о надзоре заведениями фабрично-заводской промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих с возложением наблюдения за исполнением означенных постановлений в названном уезде на чинов инспекции Владимирского округа,— приостановился предъявлением своих требований правлению товарищества.

Принимая во внимание, что надзор за соблюдением на фабриках и заводах должного благоустройства и порядка законом возлагается на местное губернское начальство и осуществляется при содействии губернских по фабричным делам присутствий, чинов фабричной инспекции и полиции (ст. 48 Уст. о промыш. фабрич. и завод. предприятий ч. II, т. XI зак. изд. 1887 г.), то в виду желательности скорейшего установления нормальных отношений рабочих к хозяевам на Хлудовской фабрике и близости обычного срока (1 октября) изменений условий найма рабочих на большинстве фабрик, я имел в виду войти с представлением к г-ну министру финансов, испрашивая разрешения на учреждение временного фабричного присутствия в г. Рязани для Егорьевского уезда, с приглашением в оное фабричного инспектора Владимирского округа, так как учреждение такового присутствия не вызвало бы никаких денежных ассигнований и объединяло бы деятельность местной губернской власти и фабричной инспекции в виду неотмененной высочайшим повелением 30 июля 48 ст. Уст. о промыш. о надзоре местной губернской власти за благоустройством и порядком на фабриках. Но в силу последовавшего распоряжения от г-на министра финансов о сосредоточении всех подлежащих ведению фабричных присутствий дел по Егорьевскому уезду в Владимирском присутствии, я приостановился означенным моим представлением.

Ко всему вышеизложенному считаю долгом присовокупить, что в виду постоянных недоразумений и жалоб со стороны рабочих о неуплате им денег администрациею фабрик Ноленской и Истынской, в Пронском уезде, я имею честь представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства о необходимости распространения правил о надзоре за фабриками на всю Рязанскую губернию и об учреждении в ней губернского по фабричным делам присутствия.

Губернатор Брянчанинов.

Из донесения владимирского губернатора министру внутренних дел, 8 июля 1893 г. № 3216.[1]

21 июня во 2 часу пополудни, Шуйский городской полиции стало известно, что ткачи фабрики товарищества Шуйской мануфактуры (Павлова) прекратили работу, собравшись толпой близь полотна железной дороги против дер. Панфиловки. Тотчас же местный уездный исправник с помощником фабричного инспектора и помощником начальника Владимирского губернского жандармского управления от-

[1] ДП, II д-во, 1893 г., д. № 61, ч. 10, лл. 16—19.

правились на указанное место, где действительно нашли рабочих означенной фабрики, собравшихся большими толпами. На требование полиции немедленно отправиться на фабрику и стать на работу, рабочие объявили, что они исполнить этого не могут, так как находят для себя 13-ти часовой труд крайне непосильным и желают сокращения рабочего времени до 10 часов в сутки, о чем и будут просить губернатора (29 июня ожидался в Шуе мой приезд на ревизию); при этом рабочие заявляли претензию на ткацкого мастера и табельщика, которые, будто-бы, «штрафуют их за всякую мелочь», и на фабричную администрацию, увольняющую рабочих с фабрики за всякие, даже маловажные, проступки. Несмотря на все увещания и требования местной администрации, ткачи отказались продолжать прерванную работу.

По прибытии моем утром 22 июня в Шую с фабричным инспектором и начальником губернского жандармского управления, мне было доложено о подготовляющейся забастовке рабочих и на других Шуйских фабриках. Действительно в тот же день, после полудня, прекратили работу ткачи фабрик пот. поч. гр. Терентьева, товарищества Тезинской мануфактуры и пот. поч. гр. Небурчилова[1], заявив те же претензии, что и рабочие фабрики товарищества Шуйской мануфактуры. Кроме вышеприведенных жалоб, ткачи трех последних фабрик жаловались еще на то, что прошлой зимой, в феврале и марте месяцах, слишком часто были переработки, т. е. излишняя работа сверх рабочих часов, установленных правилами внутреннего распорядка,— от чего они крайне изнурились и не в состоянии будут продолжать работу, если их труд не будет облегчен.

Опасаясь возникновения более серьезных беспорядков, которые в то же время несомненно отразились бы на настроении и остальных рабочих, которых всего в Шуе состоит до 6 000, а также и фабричного населения г. Иваново-Вознесенска, я телеграфировал начальнику Владимирского горнизона о немедленном командировании в Шую двух батальонов из состава квартирующих в Владимире войск. Затем, призвав выборных из среды ткачей от каждой из забастовавших фабрик, я объявил им, что учинив стачку, рабочие преступили закон, за что и будут подлежать установленной ответственности, до тех же пор, пока не прекратят стачку, никакие заявления и жалобы их мною не будут приняты к рассмотрению и таковые могут получить возможное с моей стороны удовлетворение лишь тогда, когда все без исключения рабочие немедленно снова примутся за работу.

Несмотря на это, только незначительная часть ткачей вновь стала на работу, большинство же забастовавших бродили толпами около фабрик, но впрочем, буйств и открытых беспорядков не производили. В это время полицейским дознанием обнаружено несколько подстрекателей, которые в числе 15 человек, по прибытии войск были арестованы 23 и 24 числа. Дело о стачке передано прокурору Владимирского окружного суда и, по распоряжению его, судебным следователем по особо важным делам начато следствие. Для предупреждения беспорядков и наблюдения за поведением забастовавших рабочих, были расставлены в разных местах патрули из полицейских городовых.

23 июня, утром прибыли вызванные из Владимира два батальона 10 гренадерского Малороссийского полка. Толпы рабочих с раннего утра находились массами около фабрик, но с известием о неожиданном для них прибытии войск, стали расходиться по соседним селениям и лесам. Однако, стачка не прекращалась. В виду этого я вынужден

[1] Всех забастовавших было до 3 000 человек.

был объявить рабочим, что им будет выдан расчет, после чего они должны немедленно удалиться в места их постоянного жительства [1]. Мера эта оказала благоприятный результат: уже 23 числа, после полудня стала на работу часть ткачей на Тезинской и Терентьевской фабриках, следующий день 24 июня был праздничный и все Шуйские фабрики не работали, а 25 явилась часть рабочих и на фабрики Небурчилова и товарищества Шуйской мануфактуры, так что в общем на всех забастовавших фабриках оказалось до половины всего комплекта рабочих, и затем 26 числа работало уже более 1 500 человек [2].

По ближайшем расследовании заявлений рабочих выяснилось, что 13-часовая работа, по местным условиям, действительно представляется изнурительною, так как большинство рабочих, проживая вне фабрик, в двух, четырех и даже шести верстах, много теряют времени на проход с фабрик домой и обратно, вследствие чего установленный двухчасовой перерыв на обед для них не может считаться достаточным,— отдохнуть после дневной работы они не успели и большинство является на послеобеденную работу утомленными, особенно женщины, которые в назначенное на обед время должны выполнять и разные домашние работы. Принимая все это в соображение, я, 22 июня, пригласив владельцев фабрик, предложил им сократить число рабочих часов до 12 с трехчасовым перерывом на обед, и вообще принять меры к облегчению труда рабочих. Но фабриканты ни на какие мои предложения не соглашались, упорно отстаивая 13 часовую работу.

26 июня, когда стачка уже прекратилась, я вновь пригласил фабрикантов на совещание по настойчивому моему предложению, они изъявили наконец готовность установить с 1 октября сего года, т. е. при заключении новой ряды рабочих на зимний период, 12-ти часовую работу в сутки, с перерывом на обед в 2,5 часа и окончанием работы в 7,5 часов вечера, т. е. получасом ранее установленного срока, о чем мною и было объявлено рабочим особыми печатными объявлениями. После того, 28 июня все забастовавшие рабочие стали на работу.

По поводу жалоб рабочих на допускавшиеся прошлой зимой слишком частые переработки, мною выяснено, что года два тому назад шуйские фабриканты, в виду, усиленного спроса на товар возбудили перед фабричной инспекцией ходатайство об утверждении в правилах внутреннего распорядка на их фабриках пункта, дающего им право при спешных заказах увеличивать установленную норму рабочего времени (13 часов) до 1 часа в сутки. Не находя в этом ничего противозаконного, фабричный инспектор означенный пункт правил утвердил и первоначально фабриканты, в течение почти года, весьма умеренно пользовались представленным им правом, но в течении великого поста сего года, благодаря большим требованиям на фабричные изделия, стали злоупотреблять оным, допуская переработку, под предлогом спешных заказов, даже тогда, когда таковых не было. Особенное же неудовольствие со стороны рабочих вызвали начавшиеся великим постом нынешнего года незаконные переработки, путем более раннего (на несколько минут) начатия работ с утра и после обеда и более позднего окончания их пред обедом и вечером, так что таких «незаконных минут набиралось 20—60 в сутки, и та-

[1] Были произведены не только расчет и высылка рабочих, но 25 человек были арестованы.

[2] Все бастующие рабочие встали на работу 30 июня, с 1 ноября рабочий день был установлен в 12 часов, с перерывом на обед в два с половиной. Работа кончалась в 7½ ч. вечера.

ким образом, вместе с переработкой, по случаю спешных заказов, работы на фабриках продолжались иногда до 14,5 и до 15 часов в сутки.

В виду безуспешности принятых со стороны фабричной инспекции мер к устранению подобного беспорядка, упомянутый пункт правил относительно переработок по случаю спешных заказов, фабричным инспектором, на основании п. 4 ст. 54 уст. о промышленности, был исключен весною сего года из правил внутреннего распорядка. Для прекращения же переработок, происходящих от незаконного начатия и окончания работ несколькими минутами ранее и позднее установленного срока, губернское по фабричным делам присутствие, согласно доклада фабричного инспектора, признало необходимым потребовать от фабрикантов внесения в правила внутреннего распорядка пункта о том, чтобы фабрики для определения времени начатия и окончания работ руководствовались местным временем, точно регулированным с железнодорожными часами, и чтобы продолжительность работы ни в каком случае не превышала 13 часов в сутки; что и было исполнено, и с тех пор переработки прекратились. Но рабочие всетаки опасались, как бы с 1 октября, по возобновлении найма, фабриканты снова не возвратились к прежним порядкам, почему, для успокоения рабочих я признал необходимым в означенном печатном объявлении подтвердить, что отныне никаких переработок не будет.

По прекращении стачки, каких либо волнений или беспорядков в среде Шуйских рабочих не замечалось и до сего времени настроение их продолжает быть спокойным, в виду чего войска отозваны из Шуи.

Губернатор Теренин.

Донесение начальника Рязанского губернского жандармского управления в департамент полиции, 26 октября 1893 г. № 1019[1]

В дополнение телеграмм начальника Рязанского губернского жандармского управления от 3 и 5 сего октября честь имею донести департаменту полиции, что беспорядки, вторично произведенные рабочими бумагопрядильной фабрики бр. Хлудовых в г. Егорьевске (донесение от 9 июня сего года за № 516), ограничились и на этот раз исключительно фабрикой Хлудовых. Несмотря на то, что после беспорядков, произведенных рабочими в минувшем мае, виновные в их совершении были привлечены к законной ответственности, и некоторые правильные желания рабочих были исполнены, между рабочими время от времени происходили разговоры, в которых, хотя не ясно, но выражалось неудовольствие на фабричную администрацию.

В видах окончательного упорядочения отношений между фабричной администрацией и рабочими, 28 сентября в г. Егорьевск прибыл владимирский фабричный инспектор, которому рабочие представили заявление, прося увеличения задельной платы, прекращения работ вечером накануне всех праздников вместо 5 час. утра, как это производится и выдачи жалованья в первую субботу после 15 числа каждого месяца, а не 20. Призвав двадцать выборных ткачей, фабричный инспектор разъяснил им, для сообщения остальным, что первые две просьбы исполнены быть не могут, так как, заключая условие, на годичный срок работ, рабочие знали условия работы и издельную плату, что же касается третьей, то она будет исполнена. Вместе с сим фабричный инспектор распорядился вывесить подробное объявление, коим устанавливалось как такса за производимые на фабрике работы, так и штрафы за все упущения рабочих, начиная от самых мало-

[1] ДП, II д-во, 1893 г., д. № 37, ч. 17, лл. 89—91.

важных, за которые взыскивается 5 коп., и кончая более серьезными до 1 руб. Объявлением этим предполагалось внушить рабочим, что они вполне гарантированы от произвола фабричной администрации.

2 октября, прочитав вывешенные таксы штрафов, рабочие объявили, что на прежних условиях работать не согласны, одновременно во всех отделениях прекратили работы и начали требовать прибавки заработной платы и прекращения работ вечером накануне всех праздничных и воскресных дней. Толпа с шумом и криками вышла на фабричный двор, причем разбито несколько стекол. Прибывшему немедленно егорьевскому исправнику не удалось словесными увещаниями заставить толпу разойтись и вступить снова на работы; он для прекращения беспорядков и охранения имущества потребовал роту расположенного в г. Егорьевске пехотного Моршанского полка, с прибытием которой все рабочие были удалены из пределов фабрики, у входов которой поставлены военные караулы. Рабочие разошлись по домам. 3 октября как на фабрике, так и в городе было все спокойно, но рабочие на работы не вышли. По получении телеграммы из г. Рязани г. губернатором был командирован старший советник губернского правления д. с. с. Корвин-Круковский, а для производства полицейского дознания несколько опытных полицейских чинов. Ввиду того, что день 3 октября прошел спокойно, предположено было на следующий день 4 октября, в обычное время, в 7 час. утра подать звонок для заступления на работы. 4 октября рабочие собрались, но на работы не вступили и на все увещания отвечали упорным отказом, некоторые позволили себе сорвать объявления о таксе штрафов, за что немедленно были арестованы и присуждены городским судьей к трехнедельному аресту. В 3 часа пополудни толпа отправилась было в город и начала опрокидывать стойки мелочных торговцев, но с прибытием еще двух рот 139 пехотного Моршанского полка рабочие немедленно разошлись по квартирам.

5 октября на фабричном дворе рабочим давал разъяснения фабричный инспектор,— согласия со стороны рабочих не последовало и они, под предлогом обедать, отправились в город, где хотели было разгромить лавки. Торговцы во время успели закрыть лавки и вместе с двумя ротами решились оказать отпор. Рабочие, не произведя беспорядка и грабежа, разошлись по домам. Принимая во внимание, что рабочие не намерены вступить на работы, 5 октября было вывешено объявление о том, что ввиду прогула более трех дней, все условия между рабочими и администрацией фабрики прекращаются и 6 октября будет произведен окончательный расчет. 6 октября с 10 час. утра был начат расчет, во время которого большая часть рабочих заявила, что желает вновь поступить на работу, почему одновременно было приступлено к новому найму рабочих. 7 октября нанялось вновь 2 600 рабочих, и работы на фабрике возобновились. К 11 октября на фабрике состояло уже 4 500 рабочих, т. е. немного меньше полного комплекта; волнение между рабочими прекратилось. Главной причиной возникновения беспорядков можно считать с одной стороны желание увеличения платы и прекращения работ накануне праздничных и воскресных дней, и с другой, то обстоятельство, что на фабрике купца Бардыгина, расположенной в г. Егорьевске, где условие составляется с 1 октября (на фабрике бр. Хлудовых с пасхи) 1 сего октября была несколько повышена плата, что могло повлиять и на рабочих Хлудовых.

Во время беспорядков не было оказано насилия над людьми и сопротивления полицейским властям и равно оскорбления их, а также не было расхищено и повреждено имущество фабрики и частных лиц. К 20 октября восстановлено полное спокойствие.

Судебной властью будет привлечено до 15 человек, замеченных в срывании объявлений, подвергнуты аресту; до 100 человек из принимавших участие в беспорядках, произведенных в мае сего года, не приняты в число рабочих.

Временно и. д. начальника управления Задонский.

Из еженедельных записок департамента полиции с 10 по 17 января 1894 г.[1]

Пермский губернатор телеграфирует, что 10 сего января, крестьяне Троицко-Александровской волости, входящие в состав Нижнетагильского завода Демидовых, несколько лет сряду упорствовавшие в уплате повинностей, произвели беспорядки, для прекращения коих представилось необходимым вызвать войска, так как заводское население Тагила превышает 40 000 человек. Прибывший на место беспорядков губернатор оказался вынужденным принять, для водворения порядка, строгие меры и после наказаний некоторых из зачинщиков розгами и ареста других крестьяне успокоились и стали платить повинности, так что 14 числа часть войск была уже выведена в места своего постоянного расположения и сам губернатор выехал обратно в Пермь. Главные виновники беспорядков заключены под стражу и будут подвергнуты законной ответственности; подробности еще не известны[2].

Директор департамента полиции Петров.

Донесение начальника Томского губернского жандармского управления в департамент полиции, 17 марта 1894 г. № 308[3]

В Бийском округе, в 125 верстах от города, на Быстрянском золотом прииске кабинета его императорского величества, рабочие, в числе 109 человек, с 15 февраля сего года прекратили работу. По доведении о том властям выяснилось, что причиной стачки и забастовки было нарушение контракта со стороны управителя сем прииском Каверина, который заставлял рабочих работать в воскресенье и не давал винной порции (4 раза в месяц по воскресеньям), увеличивая уроки работы: так, вместо 1 сажени 1 четверти кубических на двух, давал 1 с. 3 чет. куб., безосновательно и придирчиво штрафовал рабочих, дерзко обращался с рабочими, контора дорого брала за продукты первой необходимости и другие незаконные притеснения рабочих.

Рабочие несколько раз жаловались инженеру Ярославцеву, но он не считал нужным входить в рассмотрение этого дела и оставлял жалобы без последствий.

Рабочие вели себя тихо, но на все увещания не пожелали выйти на работы, при условии оставления Каверина и его брата Сергея на при-

---

[1] ДП, II, еженед. зап. 1894 г., д. № 1, лл. 16 об.— 17.

[2] Население Тагила возбудило ходатайство об освобождении от части податей, взимаемых по какому-то недоразумению, и в течение нескольких лет их не платили. Но губернатор Погодин решил собрать эти недоимки сразу, не дожидаясь решения дела. Население было не в силах удовлетворить произвольные требования начальства. Они выбрали на сходе 9 человек депутатов к земскому начальству. Депутаты были арестованы. На требование рабочих освободить арестованных земский начальник ответил ругательствами и выхватил шашку. Собравшиеся не выдержали, сломали шашку и побили земского начальника. Губернатор отправил три роты и сам приехал на место происшествия. Согласно данным № 5 листка «Свободной русской прессы» от 30 апреля 1894 г., «начальство начало генеральную порку. Пороли всякого, без разбору и «не щадя живота»... Двоих запороли на смерть, 70 человек — до отнятия способности двигаться».

[3] ДП, II, 1894 г., д. № 51, ч. 5, л. I.

иске, а потому их привлекли к ответственности по 618 ст. уложения. Из 109 человек, 33 остались работать, а остальные 76 отправлены в г. Бийск; зачинщики посажены в тюрьму.

Подполковник Малинин.

Телеграмма начальника Донского областного жандармского управления из Новочеркасска в департамент полиции, 27 марта 1894 г.[1]

24 марта в сборном цехе мастерских Владикавказской дороги [в Ростове на Дону] произошла забастовка возникшая из ссор рабочих с заведующим цехом[2]. 25 забастовка распространилась на остальные цехи, а 26 подана общая жалоба рабочих, заключающая в себе требования уже переходящие предел возможности их удовлетворения. Заметны попытки агитации на других фабриках; большая часть вожаков известна, но арест их теперь признается несвоевременным. Резолюция управляющего дорогой по жалобе состоится сегодня, беспорядков и нарушений спокойствия в городе не было. Полицейские средства усилены двумя сотнями находящимися в готовности.

Полковник Страхов.

Телеграмма начальника Козлово-Владикавказского жандармско-полицейского управления железных дорог в департамент полиции, 26 марта 1894 г.[3]

26 марта во Владикавказских железнодорожных мастерских последовала забастовка двух цехов, которые увещаниями и угрозами склонили весь состав рабочих мастерских — 1 800 человек прекратить работу, заявляя требования об изменении существующих условий работ и задельной платы. Забастовка выразилась пока в спорах и возражениях. Меры к восстановлению порядка приняты.

Полковник Юкин.

Телеграмма начальника Козлово-Владикавказского жандармского полицейского управления железных дорог в департамент полиции, 27 марта 1894 г.[4]

Сегодня утром после переговоров управляющего дорогой с выборными от рабочих Ростовских мастерских и обещания расследовать их жалобы рабочие успокоились и дали слово завтра стать на работы. Сборища прекратились и пока все спокойно.

Полковник Юкин.

---

[1] ДП, II, 1894 г., д. № 51, ч. 1, лл. 33—34.

[2] «Дело началось из-за мастера паровозо-сборного цеха. Мастер этот, по фамилии Дервоед (и фамилия-то нечеловеческая), часто собственноручно наказывал кулаками и пинками провинившихся мальчиков и молодых слесарей, кроме того, что поколоченный был в конце концов штрафован. Так продолжалось дело несколько лет, все это терпели наши русские, долготерпеливые труженики, пока Дервоед не набросился и не поколотил одного старого служащего, старика лет 50, всеми уважаемого рабочего, работающего лет 18 только в этих главных мастерских Владикавказской железной дороги» — так рассказывает рабочий — очевидец о поводе к стачке, продолжавшейся 12 дней («Рабочее движение и социал-демократия в Азово-Черноморском крае», издание Истпарта Азово-Черноморского Крайкома ВКП(б), 1935 г., стр. 20).

[3] ДП, II, 1894 г., д. № 51, ч. 4, л. 1.

[4] Там же, л. 3.

Телеграмма начальника Козлово-Владикавказского жандармского полицейского управления железных дорог в департамент полиции, 30 марта 1894 г.[1]

Сего числа все мастеровые мастерских в урочное время начали работу, но в 8 часов утра после переговоров с главным инспектором князем Хилковым вновь забастовали и, несмотря на последующие увещевания князя Хилкова и других, продолжать работу не согласились. Решено мастерские закрыть. Все покойно, меры к предупреждению возникновения беспорядков приняты.

Полковник Юкин.

Копия телеграммы начальника Донского областного жандармского управления в департамент полиции, 1 апреля 1894 г.[2]

Князь Хилков исполнил многие желания рабочих, но стачка продолжается; требования усложняются,[3] рабочие ведут себя сдержанно. В городе совершенно спокойно. Вожаки спрятаны толпой, дома не ночуют, почему арест их представляется затруднительным. В виду возможности обострения дела приняты предупредительные меры против сношения масс и сношений с городскими заводами. Мои чины и прочие служащие участвуют в деле с 25 марта. О ходе событий донесу своевременно.

Полковник Страхов.

Телеграмма начальника Козлово-Владикавказского жандармского полицейского управления железных дорог в департамент полиции, 2 апреля 1894 г.[4]

Вчера в 3 часа пополудни через местную полицию было распространено между рабочими ростовских мастерских распоряжение господина министра путей сообщения, полученное от главного инспектора, предписующее объявить рабочим требование начать работы в 24 часовой срок. Сегодня утром вышло на работу из 1 619 человек всего сто восемьдесят семь, а после обеда сто тридцать пять человек. Объявлено распоряжение — неявившимся рабочим увольнение. Все спокойно[5].

Полковник Юкин.

---

[1] ДП, II, 1894 г., д. № 51, ч. 4, л. 7.

[2] Там же, л. 14.

[3] Требования рабочих были следующие: «§ 1. Всякий удовлетворительно сдавший пробу мастеровой должен получать 1 руб. 20 коп., а чернорабочий 90 коп. в день. § 2. Чтобы все штрафы и прочие поборы шли на мастеровых обратно в виде фонда (вроде общей кассы), из которого расходовались бы деньги на книги для библиотек в мастерских и школу. § 3. Гуманное отношение мастеров к мастеровым. § 4. Платить за каждый больной рабочий день половину поденной платы, а если случились поранения, то день за день, т. е. платить за каждый больной день целую поденную плату. § 5. Указать количество даровых билетов на проезд по железной дороге по своей и по чужим железным дорогам. § 6. Девятичасовой рабочий день перед каждым праздником. § 7. Прогнать Дервоеда. 8. Уничтожить подписку при получении очков.

Последние шесть требований были удовлетворены. (Из рассказа рабочего — очевидца в сборнике «Рабочее движение и социал-демократия в Азово-Черноморском Крае», 1935 г., изд. Истпарта Азово-Черноморского Крайкома ВКП(б), стр. 23).

[4] ДП, II, 1894 г., д. № 51, ч. 4, л. 17.

[5] Стачка продолжалась 12 дней; рабочие вышли на работу 6 апреля.

Вот что писала «Искра» в передовой статье: «Осенние итоги» в № 30 от 15 декабря 1902 г.: «Почти десять лет назад, зимой (так в подлиннике) 1893—94 гг. жел.-дор. рабочие мастерских Ростовско-Владикавк. жел. дор. умело проведенной стачкой обратили на себя внимание революционеров, которые в то время в своей массе еще не выяснили себе всего значения начинавшегося рабочего движения. Ростовская стачка 1893—94 г.г. была первым, сколько нам известно, крупным

Отношение директора департамента полиции московскому оберполицеймейстеру, 10 ноября 1894 г. № 7987 [1]

Из имеющихся в департаменте полиции сведений усматривается, что за последнее время революционная пропаганда социал-демократического характера, найдя для своего распространения благодарную почву в среде фабричных рабочих, начинает приобретать внутри Империи серьезное значение и по своей силе едва ли не превышает пропаганду всех остальных революционных фракций.

Так, между прочим, департаментом получены указания, что речи революционного содержания, произнесенные на рабочих сходках в Вильне, воспроизведены посредством гектографа и находятся в обращении отдельными брошюрами между рабочими многих фабрик. В Москве, Владимире, Нижнем-Новгороде, Киеве, Казани, Самаре, Саратове, Харькове и Ростове на Дону имеются уже, будто-бы, вполне организованные революционные рабочие кружки, преследующие чисто социал-демократические цели.

Среди этих кружков возникают уже ныне толки о необходимости объединения и созыва для сего конгресса русских рабочих, на котором, между прочим, могла бы быть выяснена наличность организованных рабочих групп.

Получаемые сведения указывают, что пропаганда, благодаря энергии вожаков социал-демократов и восприимчивости рабочих, действует весьма успешно в смысле привлечения новых членов. До рождества минувшего года в Москве, будто-бы было лишь пять человек, сочувствовавших социал-демократическому движению, к апрелю же текущего года число это возросло до 20; в Нижнем-Новгороде одна из социал-демократических групп возросла в течение всего нескольких месяцев с 7 до 40 человек, другая же группа числила в своем составе около 20 организованных рабочих. Вообще в названном городе, будто бы, нет ни одной сколько-нибудь крупной фабрики, между рабочими которой не велась бы настолько деятельная пропаганда, что по некоторым данным к будущей весне можно ожидать увеличения членов рабочих групп до 200 человек. Независимо сего, на Сормовском заводе, Нижегородской губернии, пропаганда также ведется весьма успешно, и при том при участии даже местной фабричной администрации. Из других рабочих центров обращают на себя внимание Саратов, рабочая группа которого организует особую кассу, и Киев, в коем число вполне организованных рабочих революционеров достигло к весне текущего года до 100 человек.

Об изложенном департамент полиции считает долгом уведомить ваше превосходительство для сведения.

Генерал-лейтенант Н. Петров.

проявлением массового рабочего движения 90-х годов, руководимого социалистами (в числе многочисленных жертв ее был, между прочим, известный Моисеенко, бывший организатор знаменитой Морозовской стачки, сосланный по ростовскому делу в третий раз на три года)»...

[1] МОО, 1894 г., д. № 487, л. 10.

К истории волнений на Глушковской суконной фабрике

(1797-1798 гг.)

Волнения, возникавшие в XVIII в. среди рабочих и приписных крестьян крепостных мануфактур, лишь недавно стали предметом исследований (см., напр., «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в., изд. Академии Наук СССР, М.—Л. 1937 г.), хотя актуальность этой темы совершенно бесспорна. То, что сделано в этой области до настоящего времени, совершенно недостаточно для того, чтобы дать историю волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в. В частности, до сих пор почти совершенно ничего не было известно о волнениях на крепостных мануфактурах при Павле I.

Е. Трифильев, выпустивший в 1904 г. специальную работу повествовательного характера о крестьянских волнениях при Павле (см. его «Очерки по истории крепостного права в России») лишь бегло сообщает о нескольких случаях волнений крестьян, связанных с крепостными мануфактурами. Но он ничего не сообщает о волнениях рабочих и приписных крестьян на Глушковской суконной фабрике, Путивльского у., Курской губ., хотя эти волнения получили большой размах, вызвали посылку в Глушково значительных военных отрядов и закончились жестокой расправой над большим количеством крестьян. Мало того: Трифильев прямо говорит, что ему ничего неизвестно о каких-либо крестьянских волнениях при Павле в тогдашних Курской и соседней Слободско-Украинской губерниях, которые, однако, как показывают печатаемые ниже документы, были широко охвачены крестьянским движением в 1797—1798 гг. Павлов-Сильванский, подвергший суровой и заслуженной критике работу Трифильева, сообщает ряд дополнительных сведений к материалам Трифильева, но и он ничего не говорит о Глушковской фабрике (см. его «Сочинения», т. II).

Все это придает особую ценность печатаемым ниже документам: они впервые раскрывают перед нами картину волнений на одной из самых крупных и старинных суконных фабрик в самом конце XVIII в.

Глушковская суконная фабрика была основана в 1719 г. Основателем ее был «состоявший при ее императорском величестве пользовавшийся особою ее милостию» келлермейстер Дубровский, получивший в вотчину с. Глушково с прилегающими к нему землями и хуторами. Здесь Дубровский устроил фабрику и приписал к ней всех крестьян. В 1729 г. Глушковская фабрика поступила в казну, в ведении которой оставалась до 1732 г. В 1732 году Глушковская фабрика была отдана в аренду московскому купцу Полуярославцеву. Через 9 лет «за дурное содержание» фабрика была взята у Полуярославцева и до 1752 г. оставалась за казной, когда по решению сената была передана московскому купцу Козьме Матвееву «в вечное и потомственное его, Матвеева, владение», «как вполне благонадежному и капитальному человеку», с условием, чтобы он увеличил ее производительность.

Матвееву, повидимому, удалось расширить фабрику, поставлявшую сукно для армии, так как через несколько лет он в награду за это получил дворян-

ство. В 1791 г. с разрешения Екатерины II Глушковская фабрика перешла по купчей крепости от Матвеева к ген.-аншефу гр. П. С. Потемкину (родственнику фаворита Екатерины II). В руках его наследников она находилась до 1858 г., когда в качестве приданого за кн. Потемкиной перешла в руки гр. Рибопьера. Этот последний в 1868 г. продал фабрику киевскому богачу А. Терещенко. (Н. Добротворский. Историческая справка о Глушковской суконной фабрике. «Киевская старина», 1886 г., декабрь).

Печатаемые документы о волнениях на Глушковской суконной фабрике в 1797—1798 г.г. не дают нам полной картины волнений и к тому же изображают их односторонне, так как за исключением первого документа («Прошение поверенного приписных крестьян Глушковской мануфактуры П. Слюсарева имп. Павлу I») все они исходят от представителей администрации; если бы в нашем распоряжении были другие прошения или жалобы крестьян, а также протоколы их допроса на судебном процессе, картина волнений была бы полнее и разностороннее. Тем не менее надо признать, что эти документы имеют не малое значение для истории крепостной мануфактуры конца XVIII в., так как дают сведения о числе рабочих, их положении, о продукции фабрики и пр.; документы дают также материал для характеристики того бюрократизма, который насквозь пронизывал всю систему тогдашнего управления и так ярко сказался в действиях местной и центральной администрации. Чрезвычайно также типична для павловского царствования рисуемая документами расправа с участниками волнений в с. Глушкове, которые, как видно из публикуемых документов, вышли далеко за пределы Глушковской вотчины: недаром в подавлении волнений наряду с курским губернатором деятельное участие принимал губернатор Слободско-Украинской губернии, а для подавления волнений было двинуто несколько крупных воинских частей.

Публикуемые документы хранятся в Центральном государственном архиве народного хозяйства и в Центральном государственном архиве внутренней политики, культуры и быта в Ленинграде. Документы подготовлены к печати научными сотрудниками архива тт. Злобинской и Шапиро.

К. Сивков.

Из прошения поверенного приписных крестьян Глушковской мануфактуры П. Слюсарева Павлу I, сентябрь 1797 г.[1]

Прошлого 1796 году июня месяца, поданным я, именованный, объявлением в Судженской нижний земской суд прописывал: пожалована была оная фабрика императрицею Елисавет Петровною московскому фабриканту коллежскому ассесору Козме Матвееву, со всеми принадлежащими селениями, с людьми и с землями и все, что следует при фабрике. И сказанной содержатель, а по нем жена его 39 лет оную фабрику содержали, и чрез все то время земледельцы в казенную работу употребляемы были с двора по одному человеку, а мастеровые люди работали казенные суровые сукна. Сновки было 32 аршина и полагаемо было шленской шерсти ж по 10 фунтов, простой черкасской шерсти ж по одному пуду. Выходила каждая половинка по 29 аршин. Получали плату два ткача за каждой край по 85 коп., скребельщики и картовщики по 60 коп., предильщикам, пяти человекам, 1 рубль, шпульнику — 10 коп. И как уже оная фабрика досталась бывшему графу Павлу Сергеевичу Потемкину, то уже возложено не малое на людей отягощение. Ве-

[1] УЦГАЛ, Архив внешней политики культуры и быта, ф. министерства юстиции, 1797 г., д. № 334, лл. 2—4 об.

лено употреблять на фабричную работу со всякого двора по три, а на господскую работу с каждого двора по четыре человека. А таковая работа по сие время еще не отменена. И сверх того с каждого селения атаманы с людьми принуждаемы были к платежу: с каждой положенной по ревизии души — по 2 руб. по 7 коп. И в рассуждении недостаточных пожитками людей производить оного платежа из земледельцов никто не приступил, а потому еще полагаемо было сбирать хлеба с каждой души по 4 четверика и по 2 гарнца и ржи, то и к тому сбору всех селений общество не приступили и содержали фабричных мастеровых людей, ткачей, скребельщиков, картовщиков, предильщиков, ворсальщиков, даже до малейшего, два года и один месяц земледельцы своим коштом. И всякой год по 80 руб. с двора выходило. И чрез те два года один месяц от него, графа Потемкина, на содержание оной фабрики денег не имелось. И от таковых несносных притеснений немалое число людей, оставя свой экипаж и посеянной на земле хлеб, с разных селениев разбежалось. А оставший их хлеб земледельцами сжат был, по повелениям управителя, маиора Никифора Доброскокова, свезен в гумно господское. А оставшую после тех беглых людей распашную землю пахали и засеяли хлеб один год земледельцы, и из оного хлеба брав оной управитель половинную часть, а потом оной же управитель взяв в хороших местах из той оставшей земли немалое количество, которую земледельцы обрабатывают поныне. А сенокосную оных беглых людей землю отдает управитель в наем за деньги казенным людям.

Во всех же селениях фабричных собирается ежегодно с каждого двора овса по 4 четверика, по 1 пуду и по 10 фунтов дроку, а из десяти дворов по одному барану, из птиц по одному гусю, по одной утке и по одной курице живых, и доставляют сборщики в гостинной дом, и, как выше сказано, что по четыре человека на господскую работу употребляется, то и ныне ежедневно работают и по насланным от оного управителя Доброскокова во все селения письменным приказам, каждого году взыскивались подушные деньги разными положениями по 95, по 70 и по 60 коп. с каждой души и в каждую половину прибавлено еще в снове сукном по пяти аршин, а шлионская шерсть в половинку по одному пуду и по 25 фунтов. Получают плату два ткача за каждый край по 75 коп., скребельщику и картовщику — по 50 коп., предильщикам (пяти человекам) один рубль 35 копеек, шпульнику 10 коп.

Станов ныне во оной фабрике имеется 150, 20 артелей в селе Глушкове, в Карыжи фабрика, артелей 40, в селе Теткиной 25, в селе Глубце 40, кои заготавливают основы и утки. Почему Судженского нижнего земского суда и просил о описуемых причиненных нам обидах произвесть следствие и обо всем учинить резолюцию.

Вследствие поданного объявления сего 1797 году июня 26 дня, по слушании оного объявления, в Судженском нижнем земском суде определено: объявление писарю Петру Слюсареву, оставя со оного копию, отдать обратно с надписью, потому что претензия, в нем описываемая, до разбирательства земского суда не принадлежит, а имеет он, буде желает, просить о сем особо, где по законам следует. Вследствие чего в силе оной резолюции просил я обо всем вышеписанном в уездном суде, на что оной суд сего ж 1797 года июля 8 дня, по слушании оного моего прошения, определил: прошение от писаря Слюсарева подано в высочайшем титуле не по форме, в 12 день декабря месяца 1796 года его императорским величеством конфирмованном. Для того оное с приложением подателю возвратить

с надписью, которое и возвращено. Почему и паки сего 1797 года июля 31 дня просил курского губернского правления.

...Прилагая последнее подаванное и обращенное мне с надписью объявление, всеподданейше просил, рассмотря налоги управителя Доброскокова, утесняемые верителей моих и влекущие в крайнее изнеможение и упадок последних их избытков, кому надлежит повелеть об оном, изследуя оные налоги, яко излишние, оставить и за полученной излишний управителем Доброскоковым с верителей моих сбор, их удовлетворить, а содержанию Глушковской фабрики быть, как законы повелевают. Вследствие оной просьбы для исследования оной казенной фабрики и о удовлетворении моих верителей о причиненных моим верителям обидах произвести следствие, предписано было господину Путивльскому земскому комиссару указом. Токмо оной комиссар, уважая господину нашему управителю — майору Доброскокову, об оном следствие не произвел и моих верителей не удовлетворил. Но как же в проезде г. курского губернатора тайного советника и разных орденов кавалера Степана Денисовича Бурнашова через город Суджу и на оную фабрику казенную, где, остановясь в доме казенном на фабрике, называемой Глушковской, и взошед на фабрику, спрашивая у мастеровых казенных людей обиды, о которых объявлено, как и в прописываемой просьбе значит обида состоит[1]. На что его высокопревосходительство, объявя, чтобы я явился в город Курск для удовлетворения сентября 24 числа. Почему я и приехал. Токмо от его превосходительства объявлено, что де я всевозможно старался для удовлетворения вас за майора Доброскокова, но денег не мог сыскать, и никакого мне и верителям моим удовлетворения не сделал.

Что объясняя и прошу, дабы высочайшим в. и. в. указом сие мое прошение принять и о сем учинить в. и. в. милостивое рассмотрение и решение. Всемилостивейший государь, прошу в. и. в. о сем моем прошении решение учинить.

К сему прошению Глушковской суконной фабрики поверенный писарь Петр Слюсарев подписался.

Записка курского гражданского губернатора С. Бурнашева о Глушковской суконной мануфактуре[2]

По поступлении в Курскую губернию от Слободской украинской Глушковской суконной фабрики, пожалованной покойному генералу аншефу и кавалеру графу Павлу Сергеевичу Потемкину, писарь той фабрики Слюсарев, по доверенности приписанных к ней людей, жаловался Судженскому нижнему земскому суду, что во время бытности той фабрики во владении коллежского ассесора Матвеева земледельцы в казенную работу употребляемы были со двора по одному человеку. А мастеровые работали сукна, полагая в сновку по 30 аршин, шерсти ж шлионской по 10 фунтов, да простой по одному пуду, из чего и выходило по 29 аршин сукна в половинке. И платимы были деньги: двум ткачам за каждый край по 75 коп., скребельщику и кардовщику по 60 коп., предильщикам, пяти человекам, по рублю, а шпульнику по 10 коп. Но по пожаловании той фабрики графу Потемкину употребляются в работу фабричную со всякого двора по три, а на господскую по четыре человека. Сверх того принуждаемы были поселяне к платежу с души по 2 рубли по 7 коп., и к даче

[1] Так в подлиннике.

[2] АВП. К и Б., ф. мин. юстиции, 1797 г., д. № 334, лл. 9—13. Записка препровождена С. Бурнашевым ген.-прокурору канцелярии сената кн. А. Куракину 28 ноября 1797 г.

хлеба с души по 4 четверика и ржи по два гарнца. А по несогласию поселян на то и по неприсылке от Потемкина на фабрику денег, быв принуждены земледельцы два года и один месяц содержать фабричных. Многие из них разбежались, хлеб же их, в земле бывший, забрал управляющий фабрикою майор Доброскоков, а землю оставшуюся отдавал протчим поселянам, брав половину их хлеба, лутчую из оной, как и сенокос, отдает в наем, причем собирается ежегодно с каждого двора по пуду и 10 фунтов дроку и разная живность, а подушные деньги взыскиваются ежегодно разнообразными суммами, как то: по 95, по 70 и по 60 копеек с души.

В сновку сукна прибавлено по пяти аршин и шлионской шерсти вовсе не употребляется, а производится платеж: двум ткачам за каждый край по 75 коп., скребельщику и кардовщику по 50 коп., предильщикам, 5 человекам, по одному рублю 35 коп., а шпульнику 10 копеек.

О чем просил учинить следствие.

Но земский суд, не будучи известен, казне ли принадлежит помянутая фабрика или почему досталась графу Потемкину и по тому, дабы не войтить иногда в разбор дела между владельцом и ево людьми, в распоряжения которыми мешаться суд обязанности не имеет, отдал ему прошение ево с надписью, дабы просил о том, где следует по законам.

Слюсарев 3 августа прошение то представил с надписью в Курское губернское правление и просил рассмотрения о всех описываемых им притеснениях. А как и губернское правление не имело ничего в виду, на каком основании помянутая фабрика пожалована графу Потемкину: в собственность ли ему и на ево полное распоряжение или на каких условиях относительно находящихся при ней майстеровых и протчего звания людей, без какового сведения и не можно было сделать просьбе Слюсарева удовлетворения, то для поручения дела сего к разсмотрению тому месту, до которого следует, требовало сообщением от 18 августа от Слободского Украинского губернского правления (в ведомстве которого та фабрика состояла) уведомления: какое граф Потемкин, а по нем наследники ево на ту фабрику имеют право. Путивльскому же земскому комиссару, по состоянию той фабрики ныне в Путивльском уезде, велено указом отобрать сведение и от управляющего оной майора Доброскокова.

Между тем во время объезда моего Курской губернии нужным почел я съездить сам на ту фабрику, дабы узнать о точном ее состоянии, по прибытии куда 5 сентября жаловались мне мастеровые на неполучение ими заработных денег, не токмо за прежнее время — за два года и один месяц,— но и на дневное пропитание; а сверх того, и на принуждение их обрабатывать землю более прежнего. А относительно исправности фабрики нашел я многие повреждения строений неисправным и недостаток в изготовлении материала, на что майор Доброскоков объявил мне при них, что он на удовлетворение требования мастеровых на исправление фабрики и приготовление материалов денег не имеет, а земли они обрабатывают малое количество для употребления на ту же фабрику по повелению покойного графа Потемкина. То, дабы до присылки сведения из Слободского Украинского губернского правления о праве наследников Потемкина на ту фабрику и доколе учинено будет рассмотрение о притеснении не остановить работы счину, в необходимости я был отнестись к графине Прасковье Андреевне Потемкиной и к попечителям ее графам: Николаю Петровичу Шереметьеву и Александру Николаевичу Самойлову, дабы ускорено было нужным распоряжением к прекращению дошедших жалоб, а

фабричных уговорил, чтобы они безмятежно продолжали работу сукон для армии и ожидали в скорости и спокойно удовлетворения по их просьбе.

На отношение то получил я отзыв от графини Потемкиной 10 октября, что по случаю оказавшегося на фабрике неустройства и по происшедшей несправедливой жалобе, дабы и далее не могло последовать неприятности, к пресечению того приняты ею средства, почему и надеется, что все успокоено будет. Чего и объявлено приносившим жалобы и, дабы были спокойны во ожидании удовлетворения, по уверению графини Потемкиной, послан был из губернского правления 16 октября указ Путивльскому земскому комиссару с тем, чтобы он и наведался притом, когда и каким средством они действительно будут удовлетворены, или оное и зачем продолжится и донес правлению, дабы, получа нужные сведения от Украинского Слободского губернского правления, на случай неудовлетворения их принять законные способы.

Но 14 числа ноября Путивльский нижний земский суд рапортует, что по прибытии на ту фабрику заседателя того суда Стремоухова для объявления фабричным о скором их удовлетворении собранные сотским фабричные, пришедши в квартиру ево Стремоухова, когда начал он читать указ при находившихся там: майоре Доброскокове, капитане Креткине, порутчиках Мещенкове и Сафронове, то фабричные, не выслушав оного, сделали шум. А при уговаривании их Стремоуховым, дабы от того удержались, из них Петр Слюсарев в великом азарте, бросясь на Стремоухова, ударил его и тем прервал объявление, о чем по извещению, хотя и отряжен был другой заседатель Трифанов для следствия и поступления по законам, но фабричные ни сами к допросу не пошли, ни Слюсарева не дали, объявляя, что они ко взятию ево, яко поверенного в их делах, не допустят, «хотя бы, де, и сам г. губернатор был». В рассуждении каковой дерзости и, дабы не родилось от того смятения и не остановилась работа сукон, принужден был он Трифанов, при уговаривании ко удержанию от таких продерзостей оставить их в таком положении и при работе на фабрике без допросов.

Почему для точного узнания причины сего происшествия и в предупреждение и более от дерзости фабричных людей произойти могущего неповиновения нижнему земскому суду отряжен 17 ноября на фабрику ассесор 1 департамента курской палаты суда и расправы Аксаков, которому и велено: от управляющего, оного майора Доброскокова, писаря Слюсарева и протчих участвовавших в дерзостных поступках фабричных людей, истребовав вместе с земским комиссаром, произвести им противу рапорта земского суда надлежащие допросы и в чем подлежать будет исследовать, а виновных для суждения посредством земской полиции отослать в суд. В случае ж какого-либо от них вновь происшедшего ослушания, стараться их вразумить, что сопротивление законной власти строго по законам наказывать велено, почему и все они, таковое преступление учинившие, наказания не избегнут. И сие уговаривание учинить при помощи управляющего тою фабрикою майора Доброскокова, который все способы употребить должен, таковые неустройствы отвратя, привести подчиненных ему людей в должной порядок и послушание. Когда ж все уговаривании не подействуют, то сказать им, что с ними поступлено будет, как с бунтовщиками, вооруженною рукою. А как путивльский комиссар на особый ордер мой рапортовал мне, что на фабрику ничего больше от графини Потемкиной не прислано для удовлетворения рабочих и всех нужд, как только известие, что все меры прилагаются о получе-

нии денег из комиссариатского ведомства[1] за поставленные сукна, которые и присланы будут,— справясь как у майора Доброскокова, так и у фабричных людей, получили ли они, по обнадеживанию графини Потемкиной, принадлежащее им за их работы и в протчем удовлетворение, в чем они прежде приносили жалобу или нет, и возвратясь в Курск, о всем обстоятельно донести правлению, но он, Аксаков, еще не возвратился.

А как из дела, присланного сего ноября 11 дня из Слободского Украинского губернского правления, видно, что показанная фабрика пожалована графу Потемкину на тех же правах, с какими пожалована была фабриканту Матвееву, коему в данной высочайшей грамоте, между протчим, изображено: «и по той фабрике ево, Матвеева, и принятых товарищей, тако ж детей их, братьев и прикащиков судом и расправою ведать в одной нашей мануфактур-коллегии и никому ни в чем утеснения и обид им не чинить, но в потребном случае возможное вспоможение показывать»,— то и остается ныне, кроме происшествия, случившегося на той фабрике от дерзновенного поступка писаря Слюсарева: в контракте, заключенном в государственной мануфактур-коллегии с фабрикантом Матвеевым, сказано: ведать судом той коллегии и государственных криминальных дел. Буде, по осведомлению отправленного ассесора Аксакова, фабричные и протчие люди в претензиях их не получили обещанного графинею Потемкиною удовлетворения, для которого прислано от графини Потемкиной, как ныне прислан ко мне рапорт от 17 ноября от майора Доброскокова, 5 000 рублей,— препроводить все обстоятельство сие на рассмотрение и определение государственной мануфактур-коллегии, тем паче, что при деле вовсе нет никаких актов, каким образом и по скольку людей употреблять в работу, какой платеж за какую работу производить и в какой повинности и зависимости должны быть приписные той фабрике люди.

Что ж касается до состояния самой сей фабрики, во оной, по осведомлению земского комиссара, оказалось приписных душ положенных по 5 ревизии — 8775, каменного строения 9 палат, из которых следует перекрыть крыши на двух, кладовых анбаров каменных — 8, деревянного строения — 24, связи из которых следует перекрыть — 9, станов суконных — 150, каразейных — 16, артелей, на которых артельную и утошную пряжу заготовляют — 278, майстеровых — 2 428 человек. Да при разных майстерствах и работах майстеров рабочих и служителей 727, а всего находящихся повсявременно — 3 155 человек.

Правительствующим сенатом по высочайшему указу, данному в 3 день ноября 1791 года, положено ежегодно на той фабрике выробатывать сукна по 477. 907 аршин с половиною, которого в течение сего года по 5 октября сделано и отдано в комиссариатское ведомство 104.668 аршин пять дробных, каразеи — 4 056 аршин. Да в наличности оставалось суровых и валеных неотделанных сукон — 59. 505 аршин, каразеи — 2331 аршин, о чем уведомлена от меня государственная мануфактур-коллегия от 27 октября, как и от 12 сего ноября. Оная ж коллегия и государственная военная по комиссариатской экспедиции с тем, чтобы первая сделала о том ее расмотрение и меня уведомила.

Степан Бурнашев.

---

[1] Комиссариатское ведомство заведывало денежным, вещевым и другими видами довольствия войск.

Донесение С. Бурнашева кн. А. Куракину, 23 ноября 1797 г.[1]

Милостивый государь, князь Алексей Борисович!

По случаю, происшедшему на Глушковской суконной фабрике, описанному в представленной от меня к вашему сиятельству сего числа записке о дерзновенном поступке поверенного Слюсарева и фабричных, не допустивших взять оного под стражу, необходимо нужным почитаю, ваше сиятельство, всепокорнейше просить разрешения: естли они и посланного ассесора не послушают, приводить ли их тотчас вооруженною рукою, по силе уложения, в послушание или представить правительствующему сенату и ожидать повеления, когда можно надеяться кроткими средствами, по содержанию указа правительствующего сената по секретной экспедиции от 6 ноября 1782 года под № 35, довести их до оного. А сие средство, почитаю я, есть единое, когда от вышнего правительства объявится им о должном повиновении и о неминуемой в противном случае строгости, ибо простой сей народ, руководствуем дерзким каким-либо человеком, подобным сему Слюсареву, и подстрекаем нечестивых людей внушением, заражается предубеждением, что не получат они правосудия от присудственного над ними начальства, упорно стоит в таком ожесточении и, не щадя своей жизни, становится жертвою его невежества и коварства руководителей. Я осмеливаюсь представить мое мнение, что средство таковое спасительно в таком случае, когда от подобного непослушания не видится еще неповиновения власти во всех частях и не может на окрестных жителей иметь влияния. Но, когда зараза неповиновения может распространиться на окружные селения, в таком случае должно решиться употребить возможные строгие меры, не ожидая повеления.

Степан Бурнашев.

Донесение С. Бурнашева кн. А. Куракину, 8 декабря 1797 г.[2]

Милостивый государь, князь Алексей Борисович!

Вследствие поданной просьбы его императорскому величеству от поверенного Глушковской суконной фабрики фабричных писаря Слюсарева, на предписание вашего сиятельства имел я честь доносить от 23 ноября, между протчим, о дерзком поступке писаря Слюсарева против заседателя Стремоухова и о донесении о том от Путивльского земского суда, что послан туда член палаты суда и расправы для точного узнания о сем происшествии. А как из произведенного им членом следствия и допросов открывается, что якобы заседатель Стремоухов к дерзкому сему Слюсарева поступку непристойным поведением своим подал сам притчину и что посыланного для следствия о том от земского суда заседателя Трифонова об ослушании фабричных донесении несправедливы, то о поступлении по законам с преступившим должность предложено от меня палате суда и расправы первому департаменту: о суждении ж за дерзкой поступок Слюсарева отослано следствие в уездный суд.

Относительно жалобы фабричных, поданной чрез поверенного Слюсарева в губернское правление, посыланной для исследования член [палаты] суда и расправы Аксаков, коему и о удовольствовании их по той просьбе спросить велено было, рапортует, что они объявили ему, якобы полного удовлетворения от графини Потемкиной не получили, то просьба их от губернского правления и отослана к рассмотрению в мануфактур-коллегию.

Степан Бурнашев.

---

[1] Там же, л. 14.
[2] Там же, л. 16.

Письмо кн. А. Куракина К. Бурнашеву, 17 декабря 1797 г.[1]

Милостивый государь мой, Степан Денисович!

В разрешение письма вашего превосходительства от 23 ноября о фабричных Глушковской суконной фабрики, учинивших ослушание и продерзость заседателю нижнего земского суда, я согласен с мнением вашим, что естли сии люди и за увещанием от присланного туда нарочно ассесора окажут вторичное неповиновение, то к предварительному укрощению самих их и вредоностных последствий, могущих иметь влияние от сего случая на окрестных жителей, конечно, первое средство: взять из них упоминаемого в письме вашего превосходительства поверенного Слюсарева, которой, полагать должно, служит между ними главным начинщиком необузданности, и, естли при сем случае какое произойдет супротивление, то, конечно, должно будет употребить строгость вооруженной рукой, дабы, отняв у них человека сего, лишить их и средств для распространения неспокойства их.

Буду ожидать от вас, милостивый государь мой, безмедленного уведомления, какие приняты будут со стороны внимательного вашего по сему предмету распоряжения меры.

Донесение С. Бурнашева кн. А. Куракину, 5 января 1798 г.[2]

Милостивый государь, князь Алексей Борисович!

Ваше сиятельство от 17 декабря предписать изволили: уведомить какие приняты мною меры по случаю происшествия на Глушковской фабрике. Я, ссылаясь на донесение мое от 8 декабря, имею честь донести, как оное, по обследовании на месте ассесором Аксаковым, оказалось не согласно с рапортами заседателей, то дело о том, касательно преступивших должность — в Палате суда и расправы, а о Слюсареве — в уездном суде и примет свое окончание. В обязанности однако ж почитаю я себя представить вашему сиятельству точное изображение обстоятельств по замечанию моему о сей фабрике.

Граф Потемкин, получа фабрику, возложил на приписанных коной людей более повинностей, а плату уменьшил против содержательницы Матвеевой, равно и полевые работы увеличил вместо ста до четырех сот десятин. Хотя по числу душ сельские жители много и не сетовали на то, но не менее однако ж отягощались, почитая себя не в обязанности. Большая тягость нанесена им содержанием слишком два года на своем коште работников без заплаты, а, наконец, в сем году по неимению у управителя на то денег претерпевали они действительно нужду. С самого начала определен был управителем на фабрику графом Потемкиным майор Доброскоков, после переменен им же капитаном Кретким, но по смерти его графиня паки определила Доброскокова. Кретким, находясь в отлучке от полку, изключен из оного и остался без пристанища. Естественно, чувствуя негодование на причинивших ему сию участь и находясь в Глушкове под предлогом сдачи, мог взирать на Доброскокова, яко человека, для коего остался без пропитания. Лишася службы и видя недовольных, мог скрытным образом, по слабости Доброскокова, и подстрекать мастеровых, дабы при недостатках на фабрике, доведя их до жалоб, отошла оная в казенное ведомство или отдана в другие руки. Не утверждаю я сего, милостивый государь, за верное, но по замеченным мною на месте сценам, имею причину к таковому заключению, тем паче, что в жалобе своей фабричные о Кретким не упоминают, хотя он управлял таким же образом. Писарь же Слюсарев по

[1] Там же, л. 15.
[2] Там же, л. 17.

пьяному своему житию и не дальнему уму, но дерзкому, был уже давно от должности отрешен, шатаясь праздно, употреблен только поверенным от фабричных. В селениях, принадлежавших фабрике, чрез проезд объявляли мне жители, что они не приемлют в просьбе на Доброскокова участия. Но как ныне Доброскоков графинею Потемкиною переменен паки Кретким и деньги 20 тысяч рублей на сих днях от Курской палаты казенной по ассигнации комиссариатской отпускаются присланному от фабрики, коими фабричные удовольствованы быть должны, да и к полевым работам более они уже не употребятся, то и надеюсь я — неудовольствии их кончутся, ежели не простирают они желания своего быть в казенном ведомстве или в другом владении. А потому Слюсарев им и не нужен будет. А, видя тогда таковые обстоятельства, крайнюю осмотрительность принять был должен; с одной стороны не дать повода к ослушанию без наказания, с другой — сильным исторжением из рук их Слюсарева, коего почитают они своим ходатаем, не произвесть явного сопротивления, долженствующего навлечь на себя строгие меры и тем воспричинствовать неминуемую расстройку фабрике и недостаток в сукне, в коем настоит крайняя надобность на обмундирование армии. Ибо в бытность мою на фабрике нашел я умы мастеровых угнетенных скудостью, готовых на всякую крайность, к началу каковой и подал повод заседатель Стремоухов неразсудительным своим поступком при объявлении им, что удовольствие получат от графини скорое. Ныне я имею сведение, что мастеровые хотели выдать Слюсарева земскому комиссару, но он скрылся.

Степан Бурнашев.

Донесение С. Бурнашева кн. А. Куракину, февраль 1798 г.[1]

Милостивый государь, князь Алексей Борисович!

Ссылаясь на донесения мои вашему сиятельству о Глушковской фабрике, объясняющие по всей подробности состояние оной, не распространяюсь я вашему сиятельству о причинах происшедшего ныне совершенного возмущения, о коем отправил я курьера со всеподданнейшим донесением его императорскому величеству и в правительствующий сенат, с коего приложить честь имею сего копию.

К принятию строгих мер на случай их упорства руководствовался я предписанием вашего сиятельства ко мне от 17 декабря прошедшего года. Тем паче нужным почитаю оные, что без оказания им страха и силы власти не надеюсь я произвести кроткими средствами в надлежащее послушание фабричных и в совершенный порядок вообще для успешного производства в делании сукон, когда за удовольствием их заработными за прошлый год деньгами, как управитель Кретким доносил мне за три дни до сего происшествия, изъясняя, что фабричные кажутся ему успокоенными и что Слюсарев отослан будет в суд,— дерзнули они произвести явное возмущение.

Степан Бурнашев.

Рапорт С. Бурнашева в сенат, январь 1798 г.[2]

По поводу поданной жалобы в Курское губернское правление от поверенного мастеровых Глушковской суконной фабрики, высочайше пожалованной графу Павлу Потемкину, писаря Слюсарева, на при-

[1] Там же, л. 19.
[2] Там же, лл. 20—21 об.

теснение якобы чинимое им управляющим оною майором Доброскоковым и до собрания справок чрез Слободское Украинское губернское правление о праве Потемкина на владение тою фабрикою, во время объезда моего губернии в прошлом годе должностию моею поставил я наведаться лично о состоянии той фабрики и о справедливости жалоб и, найдя многие в строениях повреждении, недостаток в материалах для сукна и что рабочие не получают платежа за труды их, в необходимости был, уговоря фабричных, чтоб продолжали работу сукна спокойно во ожидании удовлетворения, писать к графине Потемкиной и попечителям ее, господам действительным тайным советникам графам Шереметьеву и Самойлову, для ускорения нужным распоряжением к прекращению дошедшей жалобы и предупреждения последствиев, могущих расстроить фабрику. А по получении отзыва от графини, что она к удовлетворению принимает нужные меры, послан был указ из губернского правления Путивльскому земскому комиссару для объявления им о том, в следствие чего земский суд рапортовал правлению, что при объявлении заседателем Стремоуховым оного на фабрике, поверенный Слюсарев, бывши между фабричными, оказавшими на то неудовольствие, ударил заседателя и тем прервал объявление, для исследования чего, хотя и отряжен был другой заседатель Трифанов, но и тот суду донес, что фабричные ни сами к допросу не пошли, ни Слюсарева не дали, почему для узнания сущей причины сего происшествия послан был на место ассесор палаты Аксаков и, как по обследованию им открывалось, что Стремоухов неприличным поступком своим мог и сам подать повод Слюсареву, заседатель Трифанов оказался в преступлении несправедливым донесением, а земский комиссар в упущении должности их, то и преданы они за то уголовному суду, Путивльскому же уездному суду велено по произведенному следствию ассесором Аксаковым в дерзновении Слюсарева поступить по законам. А 27 числа сего месяца явился ко мне поверенной той фабрики Вощекин, который в присутствии губернского правления, объявил, что по получении 25 числа генваря повеления в контору из Путивльского земского суда по указу уездного о присылке во оный к означенному делу Слюсарева, когда взят он был управляющим фабрикою капитаном Кретким и выпровожен за селение им, Вощекиным, то фабричные, ударя в набат и собравшись толпою к господскому дому, по выломании дверей, вытащили Кретким и, причиня ему побои, заковали в цепь и потом, ограживая убить, вымучили приказ посланным со Слюсаревым возвратить его. А когда привезен он был, то, заковав Кретким в другую цепь, открыли явное буйство и наглость, намереваясь грабить домы несогласных с ними и бить до смерти мастера ж той фабрики, измучив без пощады, держать в цепи, а протчим причиняют мучительные побои. Для прекращения зла сего в самом его начале и дабы не дать места внедриться оному и произвести влияние в окрестных селениях, к той фабрике приписанных, в которых состоит вообще до 9000 душ, предписал я тот же час с нарочными земским комиссаром путивльскому и сопредельных округ рыльской и судженской, отправиться в около лежащие селении и пресечь все способы к сообщению оным с бунтующими, куда на место и сам я по важности сего происшествия отправляюсь сей час к приведению их в повиновение.

На случай же их упорства сообщил я командиру квартирующего в Курске Черниговского кирасирского полку генерал-майору фон Эссену, дабы он для усмирения дерзких сих преступников вооруженною рукою следовал с означенным полком к той фабрике. О чем со всеподданнейшим донесением его императорскому величеству отправлен от меня нарочный, а с ним долгом моим почитаю рапортовать прави-

тельствующему сенату, донося при том покорнейше, что в отсутствие мое из губернского города предложено от меня курскому губернскому правлению отправлять дела должности оного относящиеся сообразно 94 статьи высочайших учреждений и указа правит. сената от 22 октября 1797 года.

Донесение С. Бурнашева кн. А. Куракину, 2 февраля 1798 г.[1]

Милостивый государь, князь Алексей Борисович! Поспешая всеподданнейшим донесением его императорскому величеству о приведении силою оружия в повиновение законной власти мятежников Глушковской фабрики мастеровых и селений, к оной приписанных, взятье самово начинщика бунта злодея Слюсарева и ево сообщников, не описываю я вашему сиятельству особенно сего происшествия, а приемлю честь приложить копию рапорта моего о том в правительствующий сенат и копию с увещевательного письма. Возможная скорость в принятых мерах, поспешность движения Черниговского кирасирского полка, несмотря на глубокий снег, редко здесь бываемый, морозы и метелицу и ревность служащих во оном, а особливо быстрой подвиг командира г. генерал-майора ф. Эссена отвратили вредные следствия, могущие произойти и от малейшей медленности, ибо фабричные в пьяной буйности произносили о намерении убить Кретkина, зжечь фабрику и разграбить в конторе деньги, коих было до 8000 р., но все оказалось, по счастию, невредно. Должную справедливость отдать я должен сужденскому земскому комиссару Толмачеву, которой по должности своей в собрании понятых, бывши с оными безотлучно, твердостью своей удержал наглость мятежников, покушавшихся на разграбление дворянского дома г. Кочетова в селении Кобылках в общем владении с фабрикою, в двух верстах от оной отстоящего.

Я нужным почел остатца здесь на время, сколько необходимо, для восстановления всего в надлежащей порядок, а паче дать движение фабрики в деле сукон и, рассмотря недостатки, подать возможное мне пособие оной.

Степан Бурнашев.

Донесение С. Бурнашева Павлу I, 2 февраля 1798 г.[2]

По отправлении с нарочным курьером 28 числа генваря всеподданнейшего донесения вашему императорскому величеству о происшедшем возмущении и наглости Путивльской округи в селе Глушкове от фабричных тамошней суконной фабрики под предводительством писаря Слюсарева, отправился я тотчас к месту такового преступления и по прибытии 29 генваря в город Суджу, получа рапорты от земских комиссаров Путивльского и Судженского, что буйство и дерзость умножается в селе Глушкове от мятежников, собранных более тысячи человек Слюсаревым и ежевременно умножающихся из селений к сему врагу тишины народной, принявшего уже звание правителя на место капитана Кретkина, содержимого в цепях, которые, пьянствуя, не только раззоряют домы несогласных с ними жителей и протчие чинят наглости, наводящие страх, но предприемлют дерзость ко ограблению соседственных дворянских домов. И что жители приписанных к той фабрике селений, в судженской округе состоящих, явное оказали непослушание комиссару и тем открыли участие их в возмущении, не внемля никакому увещанию священников. Слюсарев же, разъезжая по селениям, приказывает народу не слушать никого, но вооружась

[1] Там же, л. 28.
[2] Там же, лл. 24—27 об.

иттить в Глушково. Тотчас сообщил я командиру Черниговского кирасирского полку, выступившему уже из Курска, г. генерал-майору фон Эссену, дабы тот полк поспешил своим походом, а земским комиссарам предписал с нарочными собрать понятых и в прилежащих к фабрике селениях стараться всемерно не допустить мятежников до разграбления домов и до распространения злодейств их в селениях, окрест лежащих. Продажу вина, яко главной подгнет буйности, в приписных к фабрике селениях приказал содержателям запретить.

А к господину слободскому украинскому губернатору сообщили 30 числа, по смежности селений тамошней губернии к той фабрике, для принятия нужных мер с тем, что ежели он рассудит для безопасности пограничных селений Слободской губернии оградить их войсками, там расположенными, то, в случае необходимой уже надобности, могут они и близки быть к помощи Черниговскому кирасирскому полку, состоящему из 378 человек нижних чинов.

31 числа приехал я в село Анагость за 15 верст до Глушкова, смежное с подведомственными фабрике селениями, куда и полк того ж дни вступил, и, получа известия, что жители приписных селений толпами стекаются к мятежнику Слюсареву в Глушково, тотчас разослал по селениям и в самое Глушково увещательные листы, чтоб зараженные неистовством, раскаясь и отстав от злодея Слюсарева, явились ко мне с повинностью, давая при том им знать, что воинские силы готовы уже на поражение противных. А между тем сделано предположение: каким образом, в случае их упорства, укротить вооруженною рукою. Вследствие сих разосланных увещательных листов от двух только селениев явились ко мне старейшие и начальники с повинностью, а от двух ближних по пути к Глушкову получены отзывы, что они никого не послушают, от мятежников же в Глушкове и никакого отзыву не сделано. Видя таковое их упорство, не оставалось другого способа, как употребить силу победоносного вашего императорского величества оружия к приведению их в повиновение законной власти, и потому 1 числа сего февраля перед светом сообщил я о сем командиру Черниговского кирасирского полку, дабы он поступил по сделанному предположению, который, несмотря на болезненный случившийся ему припадок, с толикою ревностию и скоростию исполнил, что, покоря вооруженною рукою противных жителей двух селений, лежащих по пути, связав из них 163 человека, отдал земской полиции и не останавливаясь, следовал на самих мятежников, скопившихся до трех тысяч в Глушкове и, таковым быстрым подвигом приведя их в замешательство, покорил почти без кровопролития, ибо ранено из них тяжело только двое, без малейшего войску повреждения. Самого злодея Слюсарева взял и с ним главных и других участвовавших в бунте, всего 320 человек и управляющего фабрикою капитана Кретkина освободил из оков. Спасшиеся же бегством сыскиваются по жилищам как в самом Глушкове, так и в протчих селениях, из которых приказал я тут на месте требовать начальников и старейших для произведения следствия. Я же для установления во всем надлежащего порядка и для приведения в действие суконной фабрики остаюсь на нужное к тому время в селе Глушкове, по исполнении чего немедленно к месту моему отправлюсь. О чем имею я счастие вашему императорскому величеству всеподданнейше донести.

Степан Бурнашев тайный советник.

Резолюция: «Государь император в знак монаршего благоволения за таковую деятельность и успех в приведении в порядок такового неустройства высочайше пожаловать соизволил губернатора Бурна-

шева и генерал-майора Эссена кавалерами ордена святые Анны I степени, повысив исправника чином, почему и изготовить надлежащие указы. Февраля 10 дня 1798 г.».

Увещательное письмо С. Бурнашева к восставшим[1]

Его императорского величества всемилостивейшего государя моего тайный советник, Курской губернии гражданский губернатор и кавалер Бурнашев по случае происшедших Путивльской округи в селе Глушкове возмущений, буйства и дерзости, чинимых фабричными по вдохновению и под предводительством врага тишине и спокойствию народному — писаря Петра Слюсарева, предположил я по силе высочайших узаконений зло сие истребить силою победоносного его импер. величества оружия, и воинские силы готовы уже поразить огнем и мечем преступников. Но движим будучи состраданием как и приобщившихся в толпу законопреступных мятежников по единому непросвещению, глупости и невежеству или же страха ради не быть разореным от буйствующих за несогласие с их намерениями и по страсти к пьянству, так равно и к самым преступникам, ослепленным богопротивным злодеем Слюсаревым — я, яко верноподданный его импер. велич. всемилостивейшего государя моего, увещаю и, яко начальник губернии сей, по силе высочайше вверенной мне власти приказываю и наисильнейше подтверждаю, всем и каждому, жителям села Глушкова и прочих селений, приписанных к фабрике, щадя живота их детей и имения, чтоб обратилися на путь истинный, и непричастные еще доныне богомерзскому поступку, не токмо не дерзали мешаться в толпу развращенных законопреступников, но друг друга уговаривая, и все вообще старались возвратить и из замешавшихся семьянинов их и сродников и ко мне представить самих же преступников, а паче злодея Слюсарева, изымать и предать его правосудию законной власти, предпоставленной самодержавнейшим государем императором, яко богом самим, ибо всякая власть есть от бога. А покушающихся на сообщество бунтовщиков удержать, дабы с умножением преступников не умножилось числа огнем и мечем погибнуть долженствующих. Впадщие же в сети злодея Слюсарева по непросвещению, внимая сим моим кротким начальническим увещаниям и не теряя краткого времени, да явят должное раскаяние и, отстав от мятежника, да предстанут ко мне с покорностью и тем спасут себя и в будущей жизни от вечного наказания.

Таковым повиновением отвратится пролитие крови их, ибо ни упорством спастись, ниже укрыться где-либо и избежать должного им наказания не можно и потому паки повторяю начальническое мое повеление, увещая предать себя и злодея Слюсарева, яко главного виновника зла сего, правосудию закона, явясь ко мне, паче же не допустить, чтоб злодей сей мог где скрыться или сам себя погубить, что вовлечет в вящее их самих наказание яко упустивших первого преступника, подлежащего примерному наказанию.

Сим кротким средством, возбуждая совесть в заблуджем народе, ожидаю я повиновения их в самой скорости, к чему как священники и старейшие, так и начальники в селениях да приложат старание, внуша каждому просягу в верности государю императору и, чтоб повиноваться высочайше постановленным от его величества властям [и] впечатлеть готовность к послушанию. В противном же случае поздно будет раскаяние, когда огнь и меч обращены будут на поражение и истребление нечестивых.

---

[1] Там же, л. 62.

Письмо кн. А. Куракина С. Бурнашеву, 10 февраля 1798 г.[1]

Милостивый государь мой, Степан Денисович!

На всеподданнейшее донесение ваше его императорскому величеству о усмирении мятежа, на Глушковской фабрике последовавшего, спешу сообщить вашему превосходительству высокомонаршую государя императора волю, чтобы все участвовавшие в сем происшествии, купно с зачинщиками, немедленно преданы были уголовному суду и чтобы действительно виновной, а особливо зачинщики получили самое жестокое наказание в страх другим, буйствами своими в подобные дерзости вводящими.

Помета рукою его величества: «Слюсарев особливо должен быть другим примером».

Донесение слободского украинского губернатора А. Теплова Павлу I, 3 февраля 1798 г.[2]

Получено мною от курского губернатора тайного советника Бурнашева генваря 31 числа уведомление, что близ самой границы Слободской украинской губернии, в Путивльском уезде, слободы, приписные к суконной Глушковской фабрике, учинили буйственное и наглое ослушание всему начальству и, чиня свирепства, приемлют дерзость к разорению и ограблению соседственных дворянских домов, которых ослушников земскою полициею ни уговорить, ни укротить уже способа нет. Так же извещает, что ослушание распространилось и по приписным к оной фабрике селениям, состоящим в другой прикосновенной Судженской округе, всего в числе 9 тысяч душ. И как сия часть Путивльского и Судженского уездов, в коей неустройство возымело ныне начало, до разграничения принадлежала к состоявшему под начальством моим в бывшей Харьковской губернии Белопольскому уезду и по отписанию в Курскую губернию осталась смежна с Сумским уездом Слободской украинской губернии, состоящим из 74 тысяч душ, составляющих большею частию одни помещичьи и многолюдные селения, а с другой стороны с волостию Ивановскою княгини Барятинской, то видя из отношения курского губернатора, что Черниговский кирасирский полк, состоящий только из 370 человек строевых, на укрощение чинимого ослушниками выступил в поход и что оной губернатор, извещая меня о происходящем, предваряет, дабы я оградил селения близ лежащие от такого же случая, чрез что, сближа бы совокупно силы, тем ему подал помощь. Сообразя все обстоятельства и не потеряв времяни для выполнения, по мнению моему, надлежащего, долгом поставляю о распоряжении мною учиненном всеподданнейше донесть вашему императорскому величеству.

Знав обширность сих мест и количество великое худо против своих помещиков расположенных крестьян в смежности близкой ослушающихся селений, как и отдаление войск по Малороссийской губернии, примыкающей к Слободской, положение и внутри происходимое в селениях сих частей, ныне принадлежащих к двум губерниям, и потому опасаясь, дабы по расстоянию более двухсот верст от Харькова и Чугуева, отделяя малые на первый случай военные команды из вверенной высочайше вашим имп. велич. мне губернии, не обессилить сим самым впредь их действие и наконец, ослабя полки, подав малыми отрядами умножению волнующих средство с успехом сопротивляться, решился я немедленно сообщить господам шефам двух чугуевских регулярных казацких полков, предпочтительных на сей слу-

[1] Там же, л. 31.
[2] Там же, лл. 37—38.

чай тяжелой кавалерии и не столь казне стоющих в употреблении, дабы они обоими полками по необходимой сей надобности подали помощь военною силою и выступили походом сколь скоро возможно, получа от меня маршруты и все к тому нужные пособия.

Второй Чугуевский полк маршем отправился 2 числа чрез города Слободской губернии Золочев и Курской Мирополье прямейшим путем в смежные с владением Глушковской суконной фабрики селения Сумского уезда помещиков Савичей-Беловод и помещицы малолетной Кондратьевой Яструбенское и Павловку, из коих в последних двух жительствующие крестьяне с прочими сей помещицы деревнями, состоящими в Сумском уезде, в числе 7 тысяч душ, в прошедшее лето некоторые ослушании начальству своему чинили, но при объезде моем губернии совершенно усмирены и виновные законным порядком будучи осуждены, наказаны. Буде же второй Чугуевской полк понадобится в марше своем для подкрепления Черниговского кирасирского полку, то сообщил я как курскому губернатору, так и оного полку шефу генерал-лейтенанту Горичу, дабы он не доходя уже до селений Сумского уезда, обратился прямо и поспешно для усмирения ослушников по первому отношению курского губернатора.

Первый же Чугуевский полк, выступя того ж числа и проходя чрез всю многолюдную часть Слободской губернии из Чугуева чрез Харьков, Богодухов, Ахтырку и Сумы, где, дабы иметь в центре уезда военную команду, оставя один эскадрон в Сумах, а далее по дороге другой в городе упраздненном Белополье, с остальными, буде второй Чугуевской полк займется делом в Курской губернии, то первому полку одному уже с остальными эскадронами вступить во все пограничные мною назначенные к той стороне селении Сумского уезда, наблюдая, дабы чрез сей кордон пресекать подвоз вина к каждому ослушному селению и чтоб толпа оных из сей губернии на случай не могла умножаться, а равно и виновные побегом удаляясь в Слободскую губернию в некоторых склонных к ослушанию против помещиков селениях чрез наставлении злоумышленных и ябедников той округи не учинили бы внутри уезда буйства. Присоединил я к сему еще замечание мое, что буде к двум полкам и от первого Чугуевского еще будет надобна помощь, то отделить можно в прибавок четыре эскадрона; другую же половину полка по назначенным местам на время в Сумском уезде оставить под начальством и наблюдением шефа оного полка генерал-майора Леслея, коему мнение и сведении мои я сообщил касательно выполнения деятельного и на сей случай нужного к сохранению спокойствия как Сумского, так и прикосновенных уездов сей губернии. Из числа изготовленных мною прежде без огласки на непредвидимые надобности четырех пушек с снарядами ныне отправил я две трех-фунтовые со вторым Чугуевским полком. При сем нужным почитаю всеподданнейше представить вашему императорскому величеству карту с означением уездов и положения селений Курской губернии, принадлежащих Глушковской фабрике и Слободской украинской, в которых назначено мною расположиться двум Чугуевским полкам, сближение коих с разных неожидаемых сторон в немалом количестве должно устрашить сию толпу, как и прикосновенные волости, и привесть в должное послушание вышедших из оного, кои считали войска сии в двухстах пятидесяти верстах от своих жилищ, и можно надеяться, что сим восстановится вскоре порядок, для устройства коего, в силу высочайших вашего имп. величества повелений, все имею выполнить с должным усердием и точностью.

Действительный статский советник Алексей Теплов.

Рапорт слободского украинского губернатора А. Теплова кн. А. Куракину, 3 февраля 1798 г.[1]

Учиня надлежащее по должности моей, спешу чрез сей эстафет доставить вашему сиятельству донесение мое его императорскому величеству, копию с оного и плана уездам, как и селениям, упоминаемым во всеподданнейшем рапорте. В сих обстоятельствах, знав тесное положение, при том видя из сообщения курского губернатора, что полк Черниговский кирасирской, пришедший из Курска, не в состоянии не токмо, по мнению моему, сократить тремя стами семидесятью человеками буйство фабричных сел, кои на расстоянии 60 верст по реке расселены, а еще более в случае, что прикосновенные к толпе присоединятся, как волости Ивановской княгини Барятинской в числе 15 тысяч, Куколевых около тысячи и кондратьевских 7 тысяч душ, при том, видя из сообщения курского губернатора, что волнующие предприемлют дерзость на разграбление дворянских домов, то, соображая сие с гулящим ныне масленичным временем и предвидя на случай и весьма худое, решился сообщить двум на сию экспедицию преспособным: Чугуевским полкам, как из рапорта и плана усмотреть изволите, туда следовать, в своих же квартирах имею здесь кирасирской Харьковской полк и две пушки, до высылки коих, конечно, не дойдет. Однако путем сближения Чугуевских двух полков, коими я расположил окружить все селения подозрительные, и, сократя величайшей подвоз горячего вина из Юнаковки и других мест Слободской губернии, надеюсь, что все прекращено будет скоро и прочно. Г. генерал-майор Леслей шеф 1-го Чугуевского полку, человек умной и расторопной, получил от меня все надлежащие замечания и сведения, каким образом поступать по Сумской округе и близь оной лежащих. На непредвиденный случай щитаю в отдалении паче лишнюю осторожность взять, каковая никак не вредит, чем, пропустя время, дать злу усилиться, каковое и укореняется обыкновенно и начало получает от малой осторожности и недоразумения. Лекаря Ротчера отставного, как первейшего ябедника и того, которой близ бунтующих селений помещичьи все против помещиков в Сумской округе восстановлял, дабы он тайно их при сем случае не поощрил к ослушанию сам или чрез своих учащихся у него других плутов и ябедников, то я его под присмотром продержу до окончания всех сих дел в Харькове. При отправлении сего эстафета явился у меня князя Михайла Андреевича Голицына поверенный из села Юнаковки, которое сопредельно с селениями Глушковской фабрики, и донес мне, что курским губернатором по получении от меня извещения распущенный слух о следующих в те места двух Чугуевских полках, в селениях Слободской губернии лежащих около губернской границы, произвел между жителями приметную тишину и спокойствие, и по сим первым началам можно без сомнения уже надеяться, что с приближением полков и самая толпа, устрашась, обратится к должному повиновению и спокойствие совершенно восстановиться может, чрез единое только вступление в те места сего немалого числа военных команд.

Действительный статский советник Алексей Теплов.

Донесение С. Бурнашева кн. А. Куракину, 9 февраля 1798 г.[2]

Милостивый государь, князь Алексей Борисович!

По усмирении мятежа на Глушковской фабрике и в приписанных ко оной селениях, оставаясь я там на месте до 6 числа, каким обра-

[1] Там же, лл. 41—42.
[2] Там же, л. 59.

зом впоследствие того поступил, имею я щастие с сею почтою всеподданнейше донесть его имп. велич. а вашему сиятельству, долгом поставляю, приложа при сем копию с рапорта моего о том в правительствующий сенат, покорнейше донести, что к таковому наказанию тотчас на месте фабричных людей взятых во общей толпе сопротивляющихся мятежников, вовлеченных несмысленностию и пьянством, решился я не только по роду чрезвычайного сего происшествия, в страх всем приписным, очевидно, единомыслившим и в пример вообще поползновенном к подобному возмущению при малой искре мятежа народу, но и для того, чтобы не оставить фабрику деланием сукон для армии, обнажа оную отсылкою майстеров и работников на долгое время к формальному суду. И сверх того таковое множество колодников переводить в уездной, а потом в губернской город и паки на места преступления к наказанию неминуемо сопряжено и с немалыми затруднениями и продлилось бы время, в которое фабрика должна бы быть без действия. Черниговский кирасирский полк остался там до 10 числа сего месяца, в которое время все работы на фабрике придут в полное свое течение, а один эскадрон останется до тех пор, покуда Слюсарев и его сообщники наказаны будут там на месте. Сии меры принять нужным я почел, ибо, хотя и трудно предполагать, чтоб возгореться могло вновь какое смятение, но для вящего самообнадеяния, так и для того, чтоб злодей Слюсарев и сообщники ево были наказаны при старшинах из всех селений, к чему и нужно быть там войскам для предосторожности.

Степан Бурнашев.

Рапорт С. Бурнашева в сенат, февраль 1798 г.[1]

Правительствующему сенату имел я честь доносить от 2 числа сего февраля, что по прекращении мятежа в селе Глушкове, происшедшего от писаря Слюсарева и сообщников ево фабричных, укрывшиеся бегством сыскиваются, а начальники приписных к фабрике селений призываются в Глушково. Вследствие чего явились ко мне ото всех селений старшие и начальники с повинною, а некоторые и с доказательствами неучаствования их в злом деле сем, исключая сел Сухиновки и Веселого, которые явиться ко мне отреклись, почему и посланы были два эскадрона Черниговского кирасировского полку, из коих один под командою подполковника Блюма, по некотором сопротивлении упорствующих жителей села Сухиновки, взял 117 человек, а другой — под командою майора Бахметьева также взял 43 человека, над которыми, как и над взятыми прежде г. генерал-майором Эссеном в селах Вишневке и Комаровке 163 человеками, производится следствие. Из главных же мятежников писарь Слюсарев с женою ево и 45 человек единомышленников отосланы в Курск к суду для успешнейшего окончания оного под собственным моим надзором.

А как прочие 251 человек взяты вооруженною рукою во общем скопище мятежников, явно противящихся, и в поданном от фабричной конторы списке показаны участниками, пребывали в послушании Слюсареву, принявшему самовольно власть управительскую после закону противного поступка с капитаном Кретким и другими, да и по увещательным листам моим, не прийдя в раскаяние, не явились ко мне, за каковое их преступление явным принятием участия в мятеже и подвергли они себя наказанию на месте неотложно. А потому, дабы пересылкою многого числа колодников и формальным производством суда, тот же самой конец восприять долженствующим, не продлить

[1] Там же, лл. 60—61.

времяни и избегнуть многих с тем затруднений, паче же, дабы не остановить совершенно фабрики и привести оную тотчас в движение деланием сукна на обмундирование войск его импер. величества, которого фабрика сия выработать в год должна до 470000 аршин, не менее и того ради, что чрезвычайное преступление сие требовало скорого и примерного наказания, то и приказал я Путивльскому земскому суду всех из яко виновных преступников, но и не столько виновных, как самые мятежники, отосланные в Курск к суду для осуждения к тяжкому наказанию, а вовлеченных в мятеж сей по невежеству их и по страсти к пьянству, наказать, по рассмотрению моему, плетьми и батоги, а несовершеннолетних розгами в страх и пример другим, для тишины и спокойствия на будущее время, что 6 числа февраля в присутствии моем при всех жителях селе Глушкова и старшинах протчих селений исполнено, и наказанные введены в фабрику для продолжения работы, которая по исправлении некоторых повреждений, во время мятежа причиненных, должна начата быть 8 числа февраля. А до 10 числа пробудет там и Черниговский кирасирский полк, а как главным преступникам наказание должно будет учинить на месте преступления в селе Глушкове, до того времяни предположено остаться там одному эскадрону помянутого полка.

Я же по приведении сим образом в порядок состояния фабрики того ж 6 числа отправился и прибыл в Курск к половину дни 7 числа февраля к отправлению высочайше мне вверенной должности, о чем от меня импер. велич. с сею почтою всеподданейше донесено.

Бурнашев.

Донесение С. Бурнашева кн. А. Куракину, 16 марта 1798 г.[1]

Милостивый государь, князь Алексей Борисович!

Обязанностию поставляю вашему сиятельству почтеннейше донести. Дело о мятежниках мастеровых Глушковской суконной фабрики в Палате суда и расправы 12 сего марта решено, а 13 числа преступники посланы из Курска для наказания на месте, а именно главной начинщик Слюсарев 200-ми кнутом ударами с вырезанием ноздрей и постановлением штемпельных знаков и ссылке в каторжную работу, а протчие по мере их участия по жестоком наказании кнутом в каторжные ж работы, другие в Иркутск на суконную фабрику, а менше виновники и престарелые с оставлением на жилище.

О произведении таковой экзекуции от меня и командиру Черниговского кирасирского полку генерал-майору Эссену знать дано, что эскадрон, в Глушкове стоящей, по исполнении экзекуции и по отправлении наказанных преступников обратно в Курск для отсылки, куда следует, может на другой день оттуда выступить к соединению с полком. О скорейшем же окончании дела в Путивльском и Суджанском уездных судах, производящихся по случаю того ж возмущения о сельских жителях, приписных к той фабрике в неповиновении законной власти предписал я привести к окончанию с возможною поспешностию и отослать на ревизию в Палату суда и расправы.

Степан Бурнашев.

Из протокола заседания мануфактур-коллегии, апрель 1798 г.[2]

1798 года февраля 9, 23, 26, марта 1 и апреля 6 числа. По указу его императорского величества Государственная манифактур-коллегия

[1] Там же, л. 68.

[2] ЦГАНХ, фонд мануф. коллегии, д. № 258, 1798 г., лл. 13—18.

слушали дело по прошению, поданному его императорскому величеству от мастеровых Глушковской, покойного графа Павла Сергеевича Потемкина, суконной фабрики на притеснения, терпимые ими от управляющего оною майора Доброскокова, в котором значит: что прошлого 1797 года, ноября от 3 числа, г. действительный тайный советник, сенатор, сей коллегии главный директор и кавалер, князь Николай Борисович Юсупов предложил полученное им от г. действительного тайного советника, генерал-прокурора и кавалера князь Алексея Борисовича Куракина, поданное его императорскому величеству и по высочайшему повелению к нему г. генерал-прокурору обращенное прошение вышеозначенных Глушковской суконной фабрики мастеровых людей, с тем, дабы оный г. главный директор благоволил предложить оное на рассмотрение Государственной манифактур-коллегии для надлежащего постановления, и ево г. генерал-прокурора и кавалера уведомил в свое время о положении, каковое коллегиею под предмету сему учинено будет.

А во оном прошении явствует, что прошлого 1797 года в июне месяце, поданным от мастеровых, подданных малороссиян, поверенный писарь Петр Слюсарев объявлением в Сужденской нижний земский суд прописывал: пожалована была оная фабрика блаженно и вечно достойной памяти императрицею Елисавет Петровною московскому фабриканту коллежскому ассесору Козме Матвееву, со всеми принадлежащими селениями, с людьми, землями и все, что следует при фабрике. И сказанной содержатель, а по нем жена его 39 лет оную фабрику содержали; и чрез все то время земледельцы в казенную работу употребляемы были с двора по одному человеку, а мастеровые люди работали казенные суровые сукна. Сновки было 32 аршина и полагаемо было шленской шерсти по 10 фунтов, простой черкасской шерсти по 1 пуду. Выходили каждая половинка по 29 аршин. Получали плату два ткача за каждой край по 85 коп., скребольщики и картовщики по 60 коп., прядельщикам, 5 человекам, 1 руб., шпульнику 10 коп.

И как уже оная фабрика досталась бывшему графу Павлу Сергеевичу Потемкину, то уже возложено не малое на людей отягощение. Велено употреблять на фабричную работу со всякого двора по 3, а на господскую работу с каждого ж двора по 4 человека. И таковая работа по сие время еще не отменена. И сверх того с каждого селения атаманы с людьми принуждаемы были к платежу: с каждой положенной по ревизии души по 2 руб. по 7 коп. И в рассуждении недостаточных пожитками людей производить оного платежа из земледельцев никто не приступил, а потому еще полагаемо было сбирать хлеба с каждой же души по 4 четверика и по два гарнца ржи, то и к тому сбору всех селений общества не приступили и содержали фабричных мастеровых людей, ткачей, скребельщиков, картовщиков, прядельщиков, ворсольщиков даже до малейшего два года и один месяц земледельцы своим коштом. И всякой год по 80 руб. с двора выходило. И чрез те два года и один месяц от него, графа Потемкина, на содержание оной фабрики денег не имелось.

И от таковых несносных притеснений не малое число людей, оставя свой экипаж и посеянной в земле хлеб, с разных селениев разбежалось. А оставшей их хлеб земледельцами сжат был, по повелениям управителя, майора Никифора Доброскокова, свезен в гумно господское. А оставшую после тех беглых людей распашную землю пахали и сеяли хлеб один год земледельцы, из оного хлеба брав оной управитель половинную часть, а потом оной же управитель взяв в хороших местах из той оставшейся земли немалое количество, которую земледельцы обрабатывают поныне. А сенокосную оных беглых людей землю отдает управитель в наем за деньги казенным людям.

Во всех же селениях фабричных собирается ежегодно с каждого двора овса по 4 четверика, по 1 пуду и по 10 фунтов дроку, а с 10 дворов по 1 барану, из птиц по одному гусю, по одной утке и по одной курице живых и доставляют сборщики в гостинный дом, и, как выше сказано, что по 4 человека на господскую работу употребляется, то и ныне ежедневно работают. И по насланным от оного управителя Доброскокова во все селения письменным приказам каждого года взыскивались подушные деньги разными положениями по 95 и по 60 копеек с каждой души, на каждую половину прибавлено еще в сновке сукон по 5 аршин, а шлионская шерсть уже отменена и употребляется простая шерсть в половину по 1 пуду и по 25 фунтов. Получают плату 2 ткача за каждый край по 75, скребельщику и картовщику по 50 копеек, прядельщикам, 5 человекам, 1 руб. 35 коп., шпульнику 10 копеек.

Станов ныне во оной фабрике имеется 150, двадцать артелей в селе Глушкове, в Корыжи фабрика, артелей 40, в селе Теткиной — 25, в селе Глущце — 40, кои заготовляют основы и утки. Почему Судженского нижнего земского суда и просил в описуемых причиненных им обидах произвесть следствие и обо всем учинить резолюцию, вследствие поданного объявления 1797 года июня 26 дня.

По слушании оного объявления в Сужденском нижнем земском суде определено: объявление писарю Петру Слюсареву, оставя с оного копию, отдать обратно с надписью, потому что претензия, в нем описываемая, до разбирательства земского суда не принадлежит, а имеет он, буде желает, просить о сем особо, где по законам следует. Вследствие чего в силе оной резолюции просил он обо всем вышеписанном в уездном суде, на что оной суд 1797 года июля 8 дня, по слушании оного его прошения, определил: прошение от писаря Слюсарева подано в высочайшем титуле не по форме, во 12 день декабря месяца 1796 года его императорским величеством конфирмованном; для того оное с приложением подателю возвратить с надписью, которое и возвращено.

Почему и паки 1797 года июля 31 дня, с изъяснением вышеписанных происходящих им отяготительностей, как и того, что по вящшему управителя Доброскокова на фабричных налогу, хотя паки подавал он в тот же земский суд минувшего июля 18 числа объявление с просьбою, как и прежде о произведении следствия, но и то отдано ему с надписью, которое приложил при том своем прошении. Просил он Курское губернское правление рассмотрения: налоги управителя Доброскокова, утесняемые фабричных и влекущие в крайнее изнеможение и упадок последних их избытков — кому надлежит, повелеть об оном исследовав,— оные налоги, яко излишние, оставить и за полученной излишне управителем Доброскоковым с фабричных збор их удовлетворить, а содержанию Глушковской фабрики быть, как законы повелевают. И вследствие оной просьбы для исследования и удовлетворения просителей в причиненных им обидах произвесть следствие предписано было указом путивльскому земскому комиссару. Токмо оной комиссар, уважая управителю майору Доброскокову, об оном следствия не произвел и просителей не удовлетворил. Во время ж приезда курского губернатора г. тайного советника и кавалера Бурнашева на оную фабрику, и спрашивая у мастеровых о обиде, от которых то ж самое объявлено было, как и в прописываемой прозбе значит; на что от г. губернатора подателю прозбы сказано, чтоб явился в г. Курск для удовлетворения 24 числа сентября. Почему он и приехал. Токмо от г. губернатора объявлено, что он всевозможно старался для удовлетворения их за майора Доброскокова, но денег не мог сыскать, и никакого ему подателю и просителям удовлетворения не сделал, почему

и просил дабы о сем учинить милостивое рассмотрение в сей комиссии.

По выслушании оного прошения того ж года ноября от 26 числа, с прописанием оного к курскому г. губернатору послано сообщение, дабы он благоволил, по истребовании противу всех значущихся в том прошении обстоятельств, от кого следует, нужных объяснений, доставить оные купно с собственными своими в потребном случае замечаниями в коллегию в непродолжительном времени. А равномерно и к содержательнице оной фабрики, графине Прасковье Андреевне Потемкиной, послать указ с тем, дабы она и с своей стороны прислала нужное, против той жалобы объяснение как наискорее. Вследствие чего оная содержательница Глушковской фабрики, графиня Потемкина, на посланной к ней указ декабря от 3 числа рапортом донесла, что от нее управителю той фабрики Доброскокову о избирании поборов с мастеровых людей и к заставливанию их к излишней крестьянской работе и в чинении им налогов, кроме принадлежащих правильных по контракту фабрике работ, повеления давано не было. А как по смерти супруга ее, графа Павла Сергеевича Потемкина, к оставшимся после его малолетним детям графам: Григорию и Сергею Потемкиным, к имению их определены Санктпетербургскою дворянскою опекою опекунами она и г. тайный советник, сенатор и кавалер Гаврила Романович Державин, то они обще с своей стороны на оставят к пресечению всего того, буде подлинно тем Доброскоковым описуемые в прошении Слюсарева налоги чинены были, принять всевозможные меры. Для чего и посылают к капитану Ивану Креткину доверенность с тем, чтобы он того управителя Доброскокова сменил и в управление той Глушковской фабрики вступил во всем на основании контракта, учиненного с прежним фабрикантом Матвеевым, и последовавших о том от сей коллегии предписаниев, а в производимых мастеровым людям налогах сделал исследование, и что по том окажется, обо всем ее уведомил. И притом сию коллегию просит, не угодно ли будет взять на замечание и то, что помянутый доноситель Петр Слюсарев за оскорбление прибывшего в ту Глушковскую фабрику к выполнению указного повеления путивльского г. дворянского заседателя Стремоухова отдан под суд; следовательно по таковому его столь дерзкому противу начальства поступку, и донос ево едва ль справедливым быть может. Г. же курской гражданской губернатор от 11 числа декабря 1797 года сообщением коллегию уведомляет, что от него предписано путивльскому земскому комиссару в самоскорейшем времени отобрать во всей подробности против прописанной жалобы, поданной его императорскому величеству от фабричных Глушковской суконной фабрики, объяснение от управляющего оною майора Доброскокова. А того ж декабря 20 числа из полученного в коллегию из курского губернского правления сообщения, последовавшего по рапорту коллежского ассесора Аксакова, поданному на имя тамошнего губернатора г. тайного советника и кавалера видно, что он Аксаков, по ордеру от него г. губернатора, по прибытии на Глушковскую суконную фабрику, спрашивал у находящихся при оной фабрике рабочих людей, удовлетворены ль они по прозбе от графини Потемкиной. На каковой вопрос объявили ему, что они полного удовольствия по той их прозбе и поныне не получили.

По учиненной же в курском губернском правлении справке оказалось, как тому правлению неизвестно, прежде бывшая казенная и в содержании коллежского ассесора Матвеева путивльская Глушковская суконная фабрика, на каком положении отдана в содержание покойному графу Павлу Сергеевичу Потемкину: в собственность ли ему, на ево полное распоряжение или на каких условиях относительно нахо-

дящихся при оной фабрике мастеровых и прочих званий людей, без такового сведения оное правление и не могло сделать, по прозбе поверенного Слюсарева, удовлетворения; но чтоб поручить оное дело к надлежащему рассмотрению тому месту, до которого оное следует нужно, необходимо означенное сведение. И для того в Слободское украинское губернское правление в ведомстве коего до разграничения вновь губернии оная фабрика находилась, от 18 числа августа из того правления сообщено, дабы благоволило о праве графа Потемкина, а по нем ево наследников, какое они на тую фабрику имеют, оное правление немедленно уведомить.

А между тем велено Путивльскому нижнему земскому суду отобрать об оном сведение от управителя майора Доброскокова и доставить в правление немедленно...

В приложенном же том майора Доброскокова объяснении явствует, что прошлого 1791 года июня 3 дня, когда пожалована Глушковская суконная фабрика в содержание покойному графу Павлу Сергеевичу Потемкину, в то время оной г. Потемкин определил его, Доброскокова, для управления оною. Сделав новое свое положение и предписание находящимся при фабрике мастеровым людям, кои должны делать армейские мундирные сукны, а когда фабрика строением и станами приумножится, тогда и рабочих людей с дворов прибавить потребное число. При той Глушковской суконной фабрике в здачу поступило от бывшей содержательницы коллежской ассесорши Анисьи Матвеевой суконных станов — 122, заводных артелей, прядут для успеху одни основы и утки в Глушкове — 30, в селах Теткине — 16, в Глущце — 27 и ко оным выходило работников по 2 человека со двора. А при нынешней содержательнице графине Прасковье Андреевне Потемкиной прибавлено к тому еще в Глушкове строение и 28 станов заводных артелей для прядения ж основ и утков в селах Корыже — 43 в Теткине — 14 в Глущце — 8 и ко оным еще истребовано по одному человеку. И выходит ныне с каждого двора на фабрику работать по 3 человека, с селениев выходит на работу, яко то по нарядам, конные и пешие люди. И имянно; в принадлежащие времена рубят и возят на фабрику и в красильню из своих и из покупных лесов строевой лес и дрова. Отвозют с фабрики на валюшни для валяния суровые сукна, а с валюшень валеные привозют на фабрику.

У отвозу в Киевскую и Крюковскую комиссию, отпускаемых по указам комиссиев армейских разных цветов сукон и каразеи. Из привозу покупаемых из разных городов имеет на фабрику припасов, как то: мыла, масла, цыновок, рогож, веревок к красильне и на фабрику досок шеловок, драни и разного строевого леса. В летнее ж время у мойки покупной сырой рунной немытой шерсти, при разных строениях, плотников, бондарей и колесников. Возют из степей в зимнее время во овчарные хутора для корму овец и прочего скота сено, чистют овчарные кошары, вывозят навоз. У гачения плотин и исправления мельниц, у караулов, где требует надобность. И прежде обрабатывали малую часть господской хлебопашенной земли в селе Веселом, покупные Матвеевым люди, при кошении и уборке для шленских и голанских ублюдочных овец и баранов и прочего скота сена, то для успеху к скорейней уборке того сена бывает по 4 человека со двора только на то покосное время.

Подушные ж деньги, по насылаемым от него отаманам с громадами письменным приказам при бытности ево во управлении 1791-го августа с 1792 году маия по 1 число: на 2 половину 791 собиралось подушных, почтовых и накладных по 40 коп. со всякой ревизской души. 792 года на 1 половину — по 43 коп. с души. Будучи ж им во управлении в другой раз, 1793 года июня с 11 794 году маия по 1 число, собиралось же на 2-ую 793 года половину по 40 коп., а 794 года на 1 по-

и просил дабы о сем учинить милостивое рассмотрение в сей комиссии.

По выслушании оного прошения того ж года ноября от 26 числа, с прописанием оного к курскому г. губернатору послано сообщение, дабы он благоволил, по истребовании противу всех значущихся в том прошении обстоятельств, от кого следует, нужных объяснений, доставить оные купно с собственными своими в потребном случае замечаниями в коллегию в непродолжительном времени. А равномерно и к содержательнице оной фабрики, графине Прасковье Андреевне Потемкиной, послать указ с тем, дабы она и с своей стороны прислала нужное, против той жалобы объяснение как наискорее. Вследствие чего оная содержательница Глушковской фабрики, графиня Потемкина, на посланной к ней указ декабря от 3 числа рапортом донесла, что от нее управителю той фабрики Доброскокову о избирании поборов с мастеровых людей и к заставливанию их к излишней крестьянской работе и в чинении им налогов, кроме принадлежащих правильных по контракту фабрике работ, повеления давано не было. А как по смерти супруга ее, графа Павла Сергеевича Потемкина, к оставшимся после его малолетним детям графам: Григорию и Сергею Потемкиным, к имению их определены Санктпетербургскою дворянскою опекою опекунами она и г. тайный советник, сенатор и кавалер Гаврила Романович Державин, то они обще с своей стороны на оставят к пресечению всего того, буде подлинно тем Доброскоковым описуемые в прошении Слюсарева налоги чинены были, принять всевозможные меры. Для чего и посылают к капитану Ивану Креткину доверенность с тем, чтобы он того управителя Доброскокова сменил и в управление той Глушковской фабрики вступил во всем на основании контракта, учиненного с прежним фабрикантом Матвеевым, и последовавших о том от сей коллегии предписаниев, а в производимых мастеровым людям налогах сделал исследование, и что по том окажется, обо всем ее уведомил. И притом сию коллегию просит, не угодно ли будет взять на замечание и то, что помянутый доноситель Петр Слюсарев за оскорбление прибывшего в ту Глушковскую фабрику к выполнению указного повеления путивльского г. дворянского заседателя Стремоухова отдан под суд; следовательно по таковому его столь дерзкому противу начальства поступку, и донос ево едва ль справедливым быть может. Г. же курской гражданской губернатор от 11 числа декабря 1797 года сообщением коллегию уведомляет, что от него предписано путивльскому земскому комиссару в самоскорейшем времени отобрать во всей подробности против прописанной жалобы, поданной его императорскому величеству от фабричных Глушковской суконной фабрики, объяснение от управляющего оною майора Доброскокова. А того ж декабря 20 числа из полученного в коллегию из курского губернского правления сообщения, последовавшего по рапорту коллежского ассесора Аксакова, поданному на имя тамошнего губернатора г. тайного советника и кавалера видно, что он Аксаков, по ордеру от него г. губернатора, по прибытии на Глушковскую суконную фабрику, спрашивал у находящихся при оной фабрике рабочих людей, удовлетворены ль они по прозбе от графини Потемкиной. На каковой вопрос объявили ему, что они полного удовольствия по той их прозбе и поныне не получили.

По учиненной же в курском губернском правлении справке оказалось, как тому правлению неизвестно, прежде бывшая казенная и в содержании коллежского ассесора Матвеева путивльская Глушковская суконная фабрика, на каком положении отдана в содержание покойному графу Павлу Сергеевичу Потемкину: в собственность ли ему, на ево полное распоряжение или на каких условиях относительно нахо-

дящихся при оной фабрике мастеровых и прочих званий людей, без такового сведения оное правление и не могло сделать, по прозбе поверенного Слюсарева, удовлетворения; но чтоб поручить оное дело к надлежащему рассмотрению тому месту, до которого оное следует нужно, необходимо означенное сведение. И для того в Слободское украинское губернское правление в ведомстве коего до разграничения вновь губернии оная фабрика находилась, от 18 числа августа из того правления сообщено, дабы благоволило о праве графа Потемкина, а по нем ево наследников, какое они на тую фабрику имеют, оное правление немедленно уведомить.

А между тем велено Путивльскому нижнему земскому суду отобрать об оном сведение от управителя майора Доброскокова и доставить в правление немедленно...

В приложенном же том майора Доброскокова объяснении явствует, что прошлого 1791 года июня 3 дня, когда пожалована Глушковская суконная фабрика в содержание покойному графу Павлу Сергеевичу Потемкину, в то время оной г. Потемкин определил его, Доброскокова, для управления оною. Сделав новое свое положение и предписание находящимся при фабрике мастеровым людям, кои должны делать армейские мундирные сукны, а когда фабрика строением и станами приумножится, тогда и рабочих людей с дворов прибавить потребное число. При той Глушковской суконной фабрике в здачу поступило от бывшей содержательницы коллежской ассесорши Анисьи Матвеевой суконных станов — 122, заводных артелей, прядут для успеху одни основы и утки в Глушкове — 30, в селах Теткине — 16, в Глущце — 27 и ко оным выходило работников по 2 человека со двора. А при нынешней содержательнице графине Прасковье Андреевне Потемкиной прибавлено к тому еще в Глушкове строение и 28 станов заводных артелей для прядения ж основ и утков в селах Корыже — 43 в Теткине — 14 в Глущце — 8 и ко оным еще истребовано по одному человеку. И выходит ныне с каждого двора на фабрику работать по 3 человека, с селениев выходит на работу, яко то по нарядам, конные и пешие люди. И имянно; в принадлежащие времена рубят и возят на фабрику и в красильню из своих и из покупных лесов строевой лес и дрова. Отвозют с фабрики на валюшни для валяния суровые сукна, а с валюшень валеные привозют на фабрику.

У отвозу в Киевскую и Крюковскую комиссию, отпускаемых по указам комиссиев армейских разных цветов сукон и каразеи. Из привозу покупасмых из разных городов имеет на фабрику припасов, как то: мыла, масла, цыновок, рогож, веревок к красильне и на фабрику досок шеловок, драни и разного строевого леса. В летнее ж время у мойки покупной сырой рунной немытой шерсти, при разных строениях, плотников, бондарей и колесников. Возют из степей в зимнее время во овчарные хутора для корму овец и прочего скота сено, чистют овчарные кошары, вывозят навоз. У гачения плотин и исправления мельниц, у караулов, где требует надобность. И прежде обрабатывали малую часть господской хлебопашенной земли в селе Веселом, покупные Матвеевым люди, при кошении и уборке для шленских и голанских ублюдочных овец и баранов и прочего скота сена, то для успеху к скорейней уборке того сена бывает по 4 человека со двора только на то покосное время.

Подушные ж деньги, по насылаемым от него отаманам с громадами письменным приказам при бытности ево во управлении 1791-го августа с 1792 году маия по 1 число: на 2 половину 791 собиралось подушных, почтовых и накладных по 40 коп. со всякой ревизской души. 792 года на 1 половину — по 43 коп. с души. Будучи ж им во управлении в другой раз, 1793 года июня с 11 794 году маия по 1 число, собиралось же на 2-ую 793 года половину по 40 коп., а 794 года на 1 по-

ловину с малороссиян по 50 коп., а с крестьян по 40 коп. с души. И оные деньги взносимы были в Белопольское уездное казначейство с заплатою с тем собираемых денег за умерших, отданных в военную службу и в погонщики, также и бежавших людей. И при бытности его во управлении по 95 коп., по 70 коп. и по 60 копеек сбору з души не было. Сновка основам зделана прошлого 1793 году в апреле месяце по 42 аршина, на что и шерсти прибавлено по 5 фунтов в каждой стан. Плата задельная производится с каждой половинки двум ткачам — 1 руб. 50 коп., скребельщику и кардовщику — 1 руб., за пряжу прядельщикам, 5 человекам — 1 руб. 35 коп., шпульнику — 10 коп. — итого 3 руб. 95 коп. за половинку, а при прежней содержательнице Матвеевой, сновка была не 42, а 38 аршин, шерсти шленской, по объявлению суконного мастера, полагаемо было не по 10-ти, а по 5-ти фунтов в половинку и то в давних прошедших временах, при прежней содержательнице.

При вступлении ж в содержание фабрики граф Потемкин сделал положение: с числа тех же 10 суконных станов, из шленской шерсти делать сукна, которые тогда и деланы были теми ж рабочими людьми за задельную особую плату и отсылаемы оные и шерсть в город Москву. Ныне ж, таковых шленских сукон не работается, а шерсть шленская собирается и отсылается к содержательнице графине Потемкиной в Москву ж. А на мундирные употребляют: на основу черкасской покупной шерсти... При фабрике имеется ныне; с вышеписанными прибавочными, при теперешней содержательнице суконных станов — 150 к приуготовлению для лучшего успеху пряж, основ и утков, заводных артелей в разных местах — 128, да каразейных — 16 станов. Фабричных работных людей содержали на задельной денежной и хлебной плате 1791 году августа с 1-го 1793-го сентября по 1-е число, жители разных сел и деревень на громадском содержании, по повелению покойного графа Павла Сергеевича Потемкина. Управлял он фабрикою 791 году августа с 1792 году маия по 1, с коего числа по повелению содержателя Потемкина [в] место ево управителем вступил квартермистр Иван Кретькин. И находился в управлении, он, Кретькин 793 году июня по 11, с которого числа, по повелению содержателя Потемкина, в другой раз он во управление вступил и продолжал 794 маия по 1 число и во время ево управления оставшего от бежавших людей хлеба земледельцам сжинать и свозить в гумно господское никогда и никому не приказывал и свозимо не было а равно из роспашной земли кою пахали земледельцы хлеба половинной части також и в хороших местах земли ни от кого не отбирал и сенокосов в наем за деньги никому не отдавал. А самые атаманы разных сел представили в кантору денег 385 рублей 65 коп., которые деньги в канторе, по повелению содержателя Потемкина, записаны в приход с селениев, состоящих за фабрикою, с жителей. При прежде бывшей содержательнице Матвеевой и по повелению графа Павла Сергеевича Потемкина собиралось со двора овса для разъезжих лошадей по 4 четверика, для крашения зеленых сукон травы дрока по 1 пуду, а для расходу по дому господскому из птиц: по одному гусю, по одной утке и по одной курице живых, а баранов с 10-ти дворов по одному или по одной овце, да и то все положенное количество никогда собираемо сполна не было. А в 1791 и 1792 годах маия по 1-е при управлении ево и совсем такова сбора не было птиц, баранов, кроме травы дрока, а 1794 года маия с 1-го числа, по повелению содержателя фабрики Потемкина на место ево во управление вступил капитан Иван Кретькин и продолжал при Глушковской суконной фабрике 1797 года августа по 5-е число. С того числа по просьбе содержательницы г. генеральши графини Прасковьи Андреевны Потемкиной вступил он во управление, где и ныне находится.

Прошлого ж лета бывшим управителем Кретким, хотя и было посеяно на господской и оставшей впусте от бежавших людей земли в разных местах господского ярового хлеба, с которого часть, до ево вступления в управление, с поля несвезенную в господское, построенное им Кретким в селе Глушкове, гумно, оной оставшей хлеб приказал он людям с поля свести, дабы оной в осеннее время в поле не пропал и уже хлебопашество господское оставлено.

Управлению ж его Глушковскою суконною фабрикою 791 года августа с 1 числа 792 году маия по 1 и 793 году июня с 11 794 маия по 1 число всего было один год семь месяцев и двадцать дней, да 797 году августа с 5 дня. И никому из жителей, состоящих за Глушковскою фабрикою во владении, никаких обид и притеснениев в такое, как выше явствует, малое ево правление не делал.

А наконец, от 9 числа февраля сего года, Курское губернское правление извещает коллегию о происшедшем в оном селе Глушкове, от фабричных тамошней суконной фабрике, под преводством писаря Слюсарева возмущении, которое уже наконец в присутствии в тех селениях самого курского губернатора и кавалера Бурнашева Черниговским кирасирским полком вооруженною рукою совсем прекращено.

Приказали: как описанные в прошении его императорскому величеству от вышеозначенного писаря Слюсарева поданные жалобы, якобы в незаконном фабрики Глушковской с фабричных людей поборе денег, хлеба, в присуждении к излишней крестьянской работе и других бывшим управителем той фабрики майором Доброскоковым чиненных притеснениях, а равно и приносимые им Доброскоковым противу оных опровержений требуют точного на месте изыскания истины и надлежащего по законам исследования, тем паче, что содержательница оной фабрики графиня Потемкина, как выше явствует удостоверяет коллегию, что с ее стороны ни о сбирании с мастеровых людей поборов и к заставлению их к излишней крестьянской работе, ни в чинении им налогов, кроме принадлежащих правильных по контракту фабрике, работ никому повеления давано не было. По силе же изданных узаконений благоустройство в губернии, споспешествование в исполнении законов и способ к удовлетворению каждого законным образом от попечения начальника губернии зависит, то на сем основании и отписать к курскому гражданскому губернатору г. тайному советнику и кавалеру Бурнашеву, дабы он поручил вышеозначенное исследование произвесть на основании законов тому месту, до которого оно по существу своему принадлежит и, предоставя сему делу законное попечение, уведомил бы коллегию, когда и на каком основании оное окончано будет. Впрочем же, как уже принятым им, г. губернатором, законными средствами, открывшееся на той фабрике неустройство вовсе прекращено, а потому и никакого дальнейшего из того последствия ожидать не можно, то, дабы производиться на той фабрике работа сукон и каразеи с должною поспешностью и исправностью продолжаема была, предоставить на основании именного высочайшего 1791 года ноября 3 дня указа егож г. губернатора распоряжению, чтоб на сей конец не только обнаруженные им в строении фабрики ветхости немедленно поправлены, но и прочие могущие остановить течение работы упущения предупреждены были, приведением оных в надлежащее устройство в самоскорейшем времени. Ибо известно коллегии, что на оной, обязанной поставкою в казну сукон и каразеи фабрике, числится за минувшей 1797 год знатная недоимка, а потому и не безнужно бы было ту фабрику, чрез земское начальство освидетельствовав, узнать на месте, в какое точно время та недоимка сверх назначенной ее на нынешний год пропорции сделана и отдана быть может в комиссариатское ведомство. Какое ж обстоятельство коллегия, предоставляя его г. губернатора замечанию,

ожидать будет о всем том собственного его распоряжения и уведомления, а между тем содержательнице оной фабрики, графине Потемкиной, дать приметить, чтоб она во избежание всякого со стороны фабричных людей неудовольствия, удовлетворяла их задельными деньгами всегда в свое время и без всякого удержания равномерно, чтоб они обращаемы были единственно в те работы и повинности, к которым они, будучи приписаны к фабрике, предназначены. А не менее обратила бы свое внимание и на то, чтоб фабрика ее, яко обязанная поставкою, немедленно приведена была в состояние выполнять с надлежащею исправностью возлагаемую на оную в рассуждении поставки сукон и каразеи для армии обязанность. И на сей конец употребила бы неотложное старание, чтоб все оказавшиеся в строениях ветхости и прочие упущения немедленно же исправлены были. А в какое имянно время располагает она открывшуюся по той фабрике за 1797 год недоимку выставить, и для чего оная по ныне числится, о всем том равно и какое по вышеписанным обстоятельствам учинит она исполнение, уведомила бы коллегию неукоснительно. О чем к ней, графине Потемкиной, послать указ, а к курскому г. губернатору сообщение...

К истории каракалпаков XVIII в.

По истории каракалпакского народа имеются лишь мелкие отрывочные сведения, разбросанные по разнообразным источникам, не посвященным специально исследованию истории каракалпаков.

Недостаточное освещение истории каракалпаков в литературе заставляет особенно бережно и внимательно относиться ко всем, хотя бы мелким упоминаниям о каракалпаках, как в восточных, так и в русских исторических источниках. Особенную ценность приобретают сведения, почерпнутые из архивных документов, относящихся к истории каракалпаков, но, к сожалению, таких документов в наших архивохранилищах чрезвычайно мало. Некоторые упоминания о каракалпаках за XVII в. можно найти в архивных материалах «Сибирского приказа». За XVIII в. сведения о каракалпаках сохранились в фонде «Каракалпакские дела» б. Коллегии иностранных дел, объем которого весьма невелик. Здесь имеются сведения о событиях, относящихся к истории каракалпакского народа с 1720 по 1725 г. и с 1742 по 1743 год. Некоторым дополнением к этим делам, в очень небольшой своей части, могут служить «дела Астраханские», в которых отражена колонизаторская политика русского царизма в отношении каракалпаков. Однако, в этих материалах мы находим лишь изложение соображений по поводу разгрома каракалпаков киргиз-казахским ханом Абул-Хаиром. Соображения эти сводятся к попытке оправдать всякие меры, приводящие к ослаблению военной и экономической мощи каракалпаков [1].

Из архивных материалов мы узнаем, что каракалпакский народ в первой половине XVIII столетия ведет полукочевой образ жизни и делится на две части: — верхних каракалпаков, кочующих около города Туркестана, на берегах реки Чирчик, берущей начало в горах джунгарских кочевий, и нижних каракалпаков, кочующих на восточной стороне Аральского моря по берегам Сыр-Дарьи, «где и хлеб пашут, почему живут более в одном месте, да и кочуют не отдаляясь от оной реки Сыр-Дарьи; ружье имеют они огненное с фитилем, которое сами делают, так же и в Хиве покупают, а селитру и порох делают сами же и киргис-касакам продают. Они же имеют сайдаки, копья и сабли. Содержание их и богатство состоит более в скотоводстве... Они упражняются также и в ловле зверей и потому находятся у них волки, лисицы, корсаки, барсы и другие звериные кожи. А лошадей у них весьма мало, чего ради в работы, и в разъезды, и в телеги принуждены они больше употреблять быков. В протчем оной каракалпацкой народ из тамошних степных кочевых народов состояния спокойнейшего и к воровству не склонен» [2].

Генерал-майор Тевкелев, в бытность его в 1732 г. в киргис-казахской орде, доносил в коллегию иностр. дел, что в каракалпакской «орде до 10 000 кибиток быть имеет да и они сами объявляют, якобы и военных людей до 40 000 набраться у них может» [3].

---

[1] ГАФКЭ, Астраханские дела.
[2] ГАФКЭ, Контора коллегии иностранных дел, д. № 21.
[3] ГАФКЭ, Киргиз-кайсацкие дела, к. № 4.

Каракалпаки — народ земледельческий, много терпели от набегов соседних кочевников — киргиз-казахов, туркменов, калмыков, и искали себе защиты у других народов.

Верхние каракалпаки в начале XVIII столетия отдались под покровительство джунгар, а нижние, следуя примеру Малой киргис-казахской орды, вступившей в 1730 г. в подданство России, обратились в 1731 г. к русскому правительству с просьбой о принятии их в российское подданство, но с условием — не платить русскому правительству ясака, так как каракалпаки платили ясак киргис-казахскому хану Абул-Хаиру, и двойная ясачная подать была не по силам каракалпакскому народу. Каракалпакские ханы приняли присягу верности России и вернули царскому правительству 160 кибиток башкир, бывших у них в плену.

Несмотря на принятие русским правительством каракалпаков в свое подданство, яицкие казаки в том же году разгромили каракалпакский торговый караван в 300 человек, идущий в Астрахань. В 1740 г. выяснилось, что грамоты, посланные с Тевкелевым и с статским советником Кирилловым, адресованные «киргиз-кайсацким ханом каракалпацкому Каиб-хану, ходжам, батырям и ко всему народу, которыми им дано знать, что они по их прошению в здешнее подданство приемлются» оказались задержавшимися у Кириллова и Тевкелева. В 1740 г. были разосланы другие грамоты, свидетельствующие о русском подданстве каракалпаков с объяснением, что яицкие казаки разбили каракалпакский караван «не зная, что они в подданство здешнее вступают».

В 1742 г. приехавшие в Орскую крепость каракалпакские послы, вместе с Абул-Хаиром и с киргиз-казахскими старшинами, именем своего Каиб-хана, старшин и всего народа вторично присягали на верность русскому царизму.

Для приведения к присяге каракалпакских салтанов, старшин и всего народа в том же году был отправлен к ним поручик Гладышев. Вернувшись в 1743 г. в Оренбург, Гладышев в своем доношении дал ряд ценных сведений о каракалпаках. О внутреннем порядке правления у каракалпаков Гладышев сообщал, что: «Напредь сего было в каракалпацком народе по нескольку ханов, но ныне сколько у них оных, о том неизвестно. Кроме того, что киргис-кайсацкой в Меньшой орде находящегося салтана, который называется Батырь и у которого один сын в Хиве ханом и называется Каиб-хан, другой его же сын называется Буртей, в оном каракалпацком народе ханом находится». Каракалпакские старшины — посланцы при подаче в Оренбурге ханских писем Неплюеву — объявили, «что их каракалпацкой народ назад тому 260 лет от России отстал» и называли себя «природными подданными». Гладышев в своем доношении указывал, что сами каракалпаки считают, «что они изстари живали между Астрахани и Казани, а потом на Бухарскую сторону к Аральскому морю отошли в раззорение оных царств».

Из публикуемых документов выясняется, что каракалпаки, кроме сельскохозяйственной и ремесленной деятельности и довольно широко развитой торговли произведениями своей промышленности, скупали у соседних кочевых народов военнопленных и перепродавали их. Вершинин в своем отчете о пребывании его в каракалпакской орде в 1721 г. пишет, что «пленных людей у него Ишима хана тысячи с полторы и те де пленники незавоеванные, куплены у бухарцов и у хивинцов и у киргиз-казаков, и ежели императорское величество соизволит прислать для взятья тех пленников на выкуп, он де Ишим хан отдавать тех пленников будет». Из листов присяги каракалпакской аристократии на верность русскому царизму мы узнаем о размерах владений отдельных каракалпакских феодалов, напр.: Кундратского рода Банк Ксарьис имел тысячу дворов, а Кундратского роду старшина Шамурат Бий имел пятьсот дворов, и т. д.

Надежда каракалпаков найти себе опору и защиту в русском правительстве не оправдалась. Уже в 1743 г., т. е. через год после перехода в русское подданство, они были совершенно разгромлены Абул-Хаиром. Хозяйственное благосостояние каракалпаков было почти полностью разрушено. Абул-Хаир явно мстил каракалпакам за отказ платить ему подати и стремление выйти из сфе-

ры его влияния. Абул-Хаир пытался мстить и русскому правительству. Не найдя поддержки у царского правительства в своих притязаниях на главенство над всеми киргиз-казахскими ордами: Большой, Средней и Малой, и получив отказ царского правительства принять аманатом побочного сына его Чингиза, вместо законного Ходжи-Ахмета, Абул-Хаир стал действовать против России, возбуждая против нее всеобщее недовольство среди киргиз-казахов и поощряя их к нападениям на русские пограничные селения и на подданные России народы.

Русский царизм, принимая в свое подданство каракалпаков, не собирался выступать на их защиту с вооруженной силой или вступать в конфликт с их соседями, тем более, что к этому времени взаимоотношения народов Средней Азии чрезвычайно осложнились: ходжакский Абул-Керим-Бек, мобилизовав стотысячное войско, предпринимал поход на Ташкент и другие владения джунгарского кон-тайши; джунгарский Галдан-церен к этому времени подготовлял поход на русские границы, а в Большой киргиз-казахской орде делал «побор пансирями, а сверх того и из знатной той орды молодых людей переписал в службу и оставил их с таким приказом, дабы были в поход готовы» [1] против Абул-Керим-Бека; Китай готовился воспользоваться случаем ослабить или уничтожить грозное владычество джунгаров в Средней Азии.

Русский царизм в подданстве каракалпаков видел лишь, что «польза быть от них может такая, что живут они близь Аральского озера по реке Сырь, где пристани быть надлежит для российских купеческих караванов, кои имеют ходить... до Бухар и до Водокшана и в Индию и наипаче через те места, ежели какие нечаянные противные случаи не помешают удобно рассыпанные бухарские владения одно по другом в вечное ее императ. велич. подданство приводить» [2].

При назревающих событиях в Средней Азии политика русского царизма была: «разными политическими средствами, время от времени сей непостоянный и легкомысленный народ (народы Средней степной Азии *А. Б.*) уменьшать, приводя их... в такое безсилие и изнурение, чтоб они бунтовать не отваживались» [3], поэтому действия Абул-Хаира по отношению к каракалпакам не являлись чем-либо противоречащим политике русского царизма.

Каракалпаки, почти совершенно разоренные и вынужденные силою обстоятельств устремиться на Яны-Дарью в районы к юго-востоку от Аральского моря, к границам Хивы, попали в полную зависимость от Хивы, а впоследствии и бухарского хана (1754 г.). Этот период в истории каракалпакского народа — история злейшей эксплоатации и раздробления единства народа. Только в XIX в. после подчинения России Хивы и Бухары каракалпаки перешли в полное подданство России. К этому времени каракалпаки были расселены по разным территориям Средней Азии, но русский царизм и не заботился об их объединении и их народном благополучии потому что: «Политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности, руссифицировать их. Результаты такой политики — неразвитость и политическая отсталость этих народов» [4].

Переписка астраханского военного губернатора с начальником Кавказской области за 1842—1844 гг. [5] дает нам пример отношения царского правительства к небольшой группе каракалпаков, которые, спасаясь от гнета бухарских ханов, пришли в Россию, в пределы Астраханской губернии и обратились с просьбой о наделении их землей. Оказалось, что свободной земли для наделения ею прибывших каракалпаков в Астраханской губернии не имелось,— кундров-

[1] ГАФКЭ, Контора коллегии иностранных дел, д. № 21.
[2] ГАФКЭ, Киргиз-кайсацкие дела, к. 5, д. № 4.
[3] ГАФКЭ, Контора коллегии иностранных дел, д. № 492.
[4] И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, Партиздат ЦК ВКП(б), 1935 г., стр. 69—70.
[5] ГАФКЭ, Портфели Миллера, дело «Каракалпаки».

ские татары не согласились принять их в свое общество, а въезд в киргизские кочевья им был запрещен. Предложение поселить их либо в Кавказской области, либо в Оренбургской губернии каракалпаки отвергли «по отдаленности и неизвестности» Оренбургского края и боясь, что в Кавказской области «при бедном их состоянии они могут подвергнуться совершенному разорению». Явилось предположение переселить их на земли Саратовской губернии, но после длительной об этом переписки саратовское начальство нашло невозможным принять каракалпаков. Измученные неопределенностью и голодом каракалпаки выразили согласие поселиться в Кавказской области, однако, начальник Кавказской области просил астраханского военного губернатора до полного разрешения вопроса о месте для кочевья или поселения каракалпаков, воспретить им переход в пределы области. И лишь когда кочующие в Кавказской области ногайцы изъявили согласие принять каракалпаков в свои кочевья, астраханский военный губератор дал предписание отправить их (в количестве 32-х семейств) в ногайские кочевья.

Только завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, закрепленные в Великой Сталинской Конституции, дали каракалпакскому народу в братском содружестве со всеми народами Советского Союза возможность свободного существования и все возможности для культурного и хозяйственного развития.

А. Бирзе

Донесение испр. об. астраханского губернатора И. Кикина в коллегию иностранных дел, 1720 г. [1]

Сего 720 года апреля 4 дня по посланному великого государя указу из Астрахани на Яик присланы в Астрахань три человека каракалпак, которых полонил, будучи на Яике, лейб-гвардии капитан князь Черкаской, а в роспросех оные каракалпаки сказали. Первой сказался: Маметкулом де ево зовут Джеуверев, в прошлом де 717 году послан он был с товарыщи триста человек от Ишим хана в погоню за калмыками. И оных калмык не догнали и возвратились назад и увидели де лошадей и оных лошадей отогнали; чаялись, что их каракалпацкие отгонные, которых отогнали калмыки, а сколько числом тех лошадей отогнали, сказать не упомнит. И того ж де числа увидели они руское войско и пушки и, покинув тех лошадей, бежали на побег, и нагнав де их оное войско ево Маметкула с товарыщи четырех человек взяли в полон, а товарыщи де их бежали и, взяв де их, привезли в войско. а из войска отдали за караул на Яик в Гурьев городок и с того же числа сидели в том городке, а с князем де Черкасским бою у них не было. Другой каракалпаченин сказался Амангулом де ево зовут Ямшу Мергенев, в прошлом де 717 году послан де он был с товарыщи своими из урочища Тарасуста триста человек от Ишим хана в погоню за калмыками для отгону лошадей, которых у них [отогнали] калмыки, и гнали за ними калмыки до Яику и, не догнав де оных калмык, возвратились и увидели де лошадей и чаяли, что оные лошади — их каракалпацкие и от того табуну отогнали пятьдесят лошадей. И, наехав де на них от Яику, драгуны и татары, которые взяты были в поход с князем Черкаским, и ево Амангула с товарыщи четырех человек поймали и привезли в войско к князю Черкаскому, а товарищи де их каракалпаки бежали, а князь де Черкаской отдал за караул на Яик. Третей сказался: Атышем де ево зовут Бурашев и сказал теж речи, что и вышеписанные каракалпаки: Мамбеть, да Амангул выше сего, а четвертой каракалпаченин отдан в прошлом 719 году калмыцкому владельцу Доржe Назарову, вместо драгунского шквадрона вахмистра Фридриха, и оные ка-

[1] Каракалпакские дела, К. № 1.

ракалпаки и ныне держатца за караулом и из оных каракалпак оной же калмыцкой владелец Доржа просит себе одного человека на обмену за руского, а бес повелительного указу отдать я не смею, так же и с протчими что чинить, понеже многия годы держатца за караулом. На сие требуетца царского величества решительного указу.

О сем всеподданнейше доносит Ивак Кикин.

Указ военной коллегии, 24 октября 1720 г.

Лета 1720, октября в 24 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца государственному канцлеру и Государственной иностранных дел коллегии президенту ковалеру графу Гаврилу Ивановичю Головкину, да государственному подканцлеру тайному советнику и вице-президенту ковалеру барону Петру Павловичю Шафирову с товарыщи.

Сего октября в 8 день в Государственную военную коллегию в доношении казанского губернатора Салтыкова написано: в прошедшем де августе месяце, писал к нему из-за Камы полковник Друмонт, которой определен с командою своею для охранения тамошних обывателей от неприятельских татарских набегов, что де воинские каракалпаки того августа 16 дня в полдни на один ево пас деревни Резановки, где содержал порутчик Шишилов, при котором было драгун 54, да донских казаков 156 человек, напав внезапно, побрали на поле ис тутошних жителей в полон мужеска и женска полу 62 человека, и у того ж де порутчика с теми неприятельскими людьми был бой. А как тот бой начался и с неприятелем начали битца, то донские казаки побежали возвратно, в котором бою оные неприятели, видя оставших драгун малолюдство, наступя сильно, оного порутчика Шишилова убили до смерти, а прапорщика ранили, да убил ж до смерти ундер-афицера одного, драгун трех, ранено драгун восмь. Да как бой начался, в то число убит казак один, ранено десять человек. А как он полковник по известии з другова пасу ко оному порутчику в помощь прибыл, увидя их, неприятели побежали, за которыми, хотя и неблиской путь он следовал, но настичь не мог, и ушли в степь, понеже у них у каждого человека лошади по две и по три, а у драгун были лошади одни беспеременно и больше итить не могли. И по той де ево полковничей отписке от командиров ис казанских гварнизонных полков послан он к нему в прибавок в помощь ис Казани салдат две роты, в них 200 человек с принадлежащим числом обер и ундер-афицеров, понеже команда ево стоит на разных пасех, разстоянием команда от команды верст по пятидесят и больши. Да сентября де 6 дня оной же полковник Друмонт писал к нему, что ис тех же донских казаков с пасу из деревни Хрещевки 9 человек, отпросясь у есаула своего, для добычи ездили за Волгу реку и розбили разбоем ясашного чювашенина и все ево пожитки взяли, которые во оном и в других воровствах винились и содержатца у него полковника под арестом; и о том де их побеге и воровстве писал он к генералу маэору Кропотову, а он де над ними без указу ничего чинить не смеет, а оные де неприятельские люди и воровские калмыки и поныне в тех местах являютца ж, от которых всякая осторожность имеетца, и по требованиям означенного полковника Друмонта все к нему отправляет, а о воровских де калмыках, дабы им следовали и от того их удержали писал он к Дмитрею Бахметеву и к калмыцкому хану Аюке. И великий государь указал со оного доношения в правительствующий сенат для известия подать доношение ж, а о донских казаках надлежащее решение учинить в коллегии иностранных дел тебе государственному канцлеру и государственной иностран-

ных дел коллегии президенту ковалеру графу Гаврилу Ивановичю, да государственному подканцлеру тайному советнику и вице-президенту ковалеру барону Петру Павловичю с товарыщи.

Михайла Волков.
Князь Григорий Есипов.

Выпись из экстракта

...Да сего ж июня 15 дня (1721 г.) писал в Астрахань с Самары дворенин Василей Своитинов и при отписке своей прислал яицких казаков от атамана Ивана Иванова с отписки копию, в которой написано:

Минувшего де майя 17 дня писал де к ним калмыцкой владелец Доржа с посланцы своими; были де их калмыки улусом у Индерских гор на Самарской стороне и поехали де ис того улусу два человека калмык на Бухарскую сторону чрез Яик реку для взятья соли и на тех де калмык дву человек были каракалпаки немалое число и одного человека взяли в полон, а другой раненой ушел в свой улус, и сказывал де тот калмыченин, что было тех каракалпак по смете з 2000 человек, а идут де вверх по Яику реку под их казачей городок, в недальном ростоянии.

И оного ж де майя 20 дня прибыли на Яик казаки их, которые ездили с Яику небольшие люди минувшего апреля в первых числах для взятья каракалпак в степь к Енбе-реке, и, недоехав до Енбы-реки, в урочище на Уле реке взяли языка киргисца. И сказывал де тот киргизец им казаком в кругу, что пошли де каракалпаки и киргисцы 3000 человек под калмыцкия улусы и под государевы городы и под их казачей городок. А большим де собранием пошли в верх по Яику реке выше их казачья городка, а где де оные неприятельские люди явятца с войною под их казачьим городком или под государевыми городами, того им не ведомо.

Указ военной коллегии, 25 августа 1721 г.[1]

Лета 1721 августа в 25 день по указу в. г. Петра Алексеевича... государственному канцлеру и ковалеру и государственной коллегии иностранных дел президенту графу Гаврилу Ивановичю Головкину, да государственному подканцлеру тайному советнику и ковалеру и Государственной коллегии иностранных дел вице-президенту барону Петру Павловичю Шафирову с товарыщи.

В нынешнем 1721 году, июля в 25 день, в Государственную военную коллегию в доношении из Астрахани полковника и астраханского губернатора Волынского, июня от 26 дня, написано: сего де 721 году, майя 22 дня, писал в Астрахань с Яику из Гурьева городка порутчик Иван Епанчин: Майя де 16 дня на городок Яик и на Нижней государев рыбной учюг были воровские каракалпаки, по которым из города и из Нижнего учюга стреляли ис пушек, и учинили против их высылку; и потом оные от города отступили и взяли в то число на переезде в полон переведенца рыбного промыслу баграча Максима Ласкина, которой де ехал с учюга с рыбою; а по скаске присланного с Яику с вышеозначенною отпискою капрала Ивана Фоменкова, было де каракалпак, например, по 200 человек, которые, отступя от городка, поехали в степь. И как де он капрал ехал морем подле Чечней в

[1] КИД, Каракалпакские дела, д. № 1, 1721 г.

Астрахань и в то время видел между Яика и Красного Яру подле моря в урочище у Пороховых гор воровских каракалпак две станицы, человек по 20, и по тем ведомостям в городы Астраханской губернии, а имянно: в Красной и в Черной Яры, в Самару, тако ж и в селитреной Ахтубинской городок, что под ведением маэора Малостова, на Яик яицким казакам для ведома посланы указы, чтоб были от них во опасении. Да того ж майя 31 дня писал с Терку подполковник Василей Заэзерский и прислал при отписке гребенских казаков от атамана Лукьяна Дементьева и от всего гребенскова войска письмо, в котором написано: прислали де к ним барагунского мурзу Карсакова кумыцкие владельцы Адемир Амзин з братьями и своим владением, также и Андреевской Чапан Шевкал, согласясь с ними ж, чтоб помиритца и договор учинить во всем против прежнего, и казачьих жен и детей, которые у них в полону, хотели всех по договору отдать и что по тому их прошению чинить, и к ним учинить ведение. И против де того их письма велел он казакам с ними миритца до указу царского величества для того, что у них ныне приспело время косить сена, а и хлебу де жатва начнетца быть в начале июня месяца. Однако ж он Заэзерской пишет, что оные владельцы, хотя и требуют миритца, но токмо то чинят под политикою для того, чтоб им самим убратца с хлебами, тако ж и с конскими кормами, чтоб им к тому не пропустить своего времени, а потом сумневается от них впредь, как к городу Терку, так и к гребенским казачьим городкам и для промыслу, понеже от них набеги начались с 720 году, с ноября месяца, которыми побрали они немалое число людей в полон руских и иноверцев и побили, также и скота множество отогнали, а отпору им и отмщения и по се время никакова не учинено; того для и впредь им такое разорение чинить повадно, а что де в которое время побито каких людей и в полон взято и что отогнано скота, тому при оном доношении прислан экстракт. И сего августа в 25 день по его великого государя указу государственная военная коллегия, слушав вышеписанного присланного из Астраханской губернии от полковника и губернатора Волынского доношения и при том о нападении неприятельских людей экстракту приговорили в государственную иностранных дел коллегию при указе для известия со оного экстракта послать копию, которая в коллегию иностранных дел с сим его великого государя указом и посылаетца.

Князь Григорей Есипов.

Донесение казанского губернатора А. Салтыкова в сенат, 30 июля 1722 г.[1]

В прошлом 718 году поймано в Казанском уезде за Камою рекою из неприятельских людей каракалпаков, которые приходили для разорения тамошних жителей, семь человек и присланы в Казань. И с того 718 году по 720 год оные содержаны были под караулом, а в 720 году ис тех каракалпаков два человека умерли; а достальные пять человек за их воровство, по учинении им наказания, посланы в галерную работу в Санкт-Питербурх. И в том же 720 году каракалпацкой хан прислал в Казань от себя посланцов и с ними трех человек руских людей, кои были у них в полону, и писал, дабы, вместо оных присланных, отдать их взятых каракалпаков. И против того ево ханского письма о повелительном указе что чинить и о возврате каракалпаков посланных в галерную работу, писано ис Казани доношением в государственную иностранных дел коллегию и с того ево хан-

[1] КИД, Каракалпакские дела № 2, 1721 г.

ского письма, и с допросов присланных руских при том доношении посланы копии. А в прошлом же 720 году, декабря 30 дня, при его императорского величества грамоте из оной иностранных дел коллегии ис посланных в галерную работу каракалпаков прислано в Казань возвратно два человека, а о троих объявлено, что там померли и велено об отдаче их присланных посланцов учинить по разсмотрению моему; и те присланные каракалпаки в Казани приняты и отданы под караул, понеже оные посланцы их не дожидались и уехали до присылки в свою землю. И для объявления оной его императорского величества к ним милости посланы были ис Казани в каракалпаки к хану с листом дворянин да переводчик и писано, чтоб он хан, служа его императорскому величеству, что у них есть руских пленных, всех собрал и прислал, а своих взял. И те посланные ис той посылки возвратились и с ними от оного хана приехали посланцов семь человек, а именно прошлого 721 году декабря 24 дня перед отъездом моим ис Казани в Москву только за день и по приезде в Казань подали лист, в котором по перево́де написано, что кои руские пленники были в Ургенчах, и они их выкупили и чтоб для приему прислать отцов их и братьев, а их пленников отдать оным посланным посланцом и отпустить их в марте месяце, с которого его ханского письма с переводу, также и с доезду оного посланного дворенина, для лутчего разсмотрения при доношении в бытность мою в Москве, в государственную иностранных дел коллегию марта 2 дня 722 году поданы копии и требовано, что означенных посланцов отпустить ли и оных взятых в полон дву человек им отдать ли или держать его императорского величества указом повеления. По которому моему доношению ис колегии иностранных дел указу и поныне не прислано. И за неполучением указу оные посланцы отпуском в Казани одержены, а сего июня 5 дня всепресветлейший державнейший Петр Великий император и самодержец всероссийский, будучи в Казани, имянным своим величества указом указал оных каракалпацких посланцов семь и взятых в полон дву человек в домы не отпущать, а послать в высокоправительствующий сенат, которые посланы при сем казанского гарнизона с капитаном Гаврилом фон Болцом. А для подлинного об них посланцах рассмотрения с присланного ханского письма с переводом, также и с доезду посланного дворянина прилагаю при сем копии, и о том и о посылке каракалпак вышнему правительствующему сенату сим доношу.

Копия с переводу каракалпацкого хана листа[2]

От меня Ишим Мухаметя Батыря хана Алексею Петровичю великое челобитье. Напрежде сего промеж нас посланники бывали, а ведомостей от вашего благородия к нам и от нас к вам не бывало, а ныне де от вас к нам посланники явились и ведомость от вас получили и мы с вашими посланники послали своих до вас посланников. Которое было наше зло между нами надобно простить, а впредь бы нам с вами быть в совете; хто на сем свете добро делает, тот бороду белую наживает, а хто на сем свете худо делает, кости ево погребают в землю. Которые у вашей милости наши пять человек и тех бы прислать с нашими посланники к нам, которые ваши были взяты в полон в Ургенчь, и мы их выкупили, а ежели бы мы не выкупили, то бы их для продажи повезли в ыные земли; и чтоб от белого царя и от бояр прислать оных отцов и братьев в посланниках для взятья их, а ко-

[1] Был послан Вершинин.
[2] Заголовок подлинника.

торые де присланы от вас к нам посланники и, не пустя де нас, воровские казаки[1] их взяли и я старшинам и многим войскам от них киргис-казаков оных посланников взяли, а которого де у них посланников были какия кони и то осталось у них казаков, а мы де к вам послали посланников Джанбек Батыря, Ходжебая Батыря, Турдибая Батыря, Калмухамед Батыря, Темербека Батыря, князя Дюсметева, Сапзара и об наших и уездах вашей милости донесут оные наши посланники Янбек Батырь. Да еще ж у вашей милости просим, которые взяты от нас и держатца у вас Каракар Мерган, да Актемир Мерган с товарыщи пять человек и слышно нам, что Актемира Мергана Годбаева сына не стало и о нем к нам отписать, что он в живых или нет, имянно с нашими посланники. И прошу, которые у вашей милости наши посланники, пожалуй не задержи, отправь к нам в марте месяце.

Донесение Д. Вершинина о поездке к каракалпакам, 1722 г.[2]

1721 году декабря в... день по его императорского величества указу велено мне уфимскому дворенину Дмитрею Тимофееву сыну Вершинину с посланным листом ехать х каракалпацкому хану и посланной со мною лист ему хану подать и по подаче того листа ему хану говорить, дабы он хан, служа его императорскому величеству верно, пленных людей российских городов, которые держатца в плену у них, всех бы приказал собрать и прислать с своими нарочными посланцы в Казань, а которые люди ево ханскова улусу держатца в Казани, тех бы взяли для того, что он хан в прошлом 720 году присылал в Казань нарочных своих посланцов трех человек, Долмана Бая с товарыщи и просил у его императорского величества, чтоб их пленников, которые держатца у нас, и тех бы отдать ему, а которые руские люди у них есть в полону, всех собрав, обещались отдать.

2-е. По принятии того листа, что он хан скажет, и то мне записывать.

3-е. Ему ж хану говорить, что императорское величество всемилостивейший монарх, милосердуя об них, которые их пленники взяты были в росийские городы в плен, и те их люди посланы были в Санкт-Питербурх и по означенному прошению ханскому те люди ево присланы все для отдачи к нему в Казань; и ныне их люди в Казани.

4-е. Ему ж хану говорить, чтоб он людем своим учинил заказ крепкой, дабы они для разорения в российские городы не ходили и жили б с людьми его императорского величества в мире и в соседстве той дружбе, понеже ево ханские люди и за вышеписанным ево письмом и прозьбою в прошлом 720 году приходили в руские городы и села, и деревни, раззоряли, и людей в полон побрали, а других побили до смерти.

5-е. Ежели он хан станет руских людей пленников собирать и с своими посланцы в Казань посылать и ныне с теми посланцы ехать вместе в Казань и тем посланцом обещать государеву милость — жалованье.

6-е. Буде ж он хан в отдаче пленников откажет и отдавать не станет и мне просить у него отпуску себе и, как отпущен буду, по тому ж ехать и явитца в Казани.

И по оному его императорского величества указу я Дмитрей Вершинин с посланным ис Казани листом, да со мною толмачь Гарасим Овсяников, донской казак Семен Лехов в оную Каракалпацкую орду к Ишиму хану ездили и как поехали с Уфы и будучи в Уфимском уезде

[1] Речь идет о киргис-кайсаках.
[2] МИД, Каракалпакские дела, д. № 2, 1721 г.

по Сибирской дороги в Каратабыцкой волости у башкирца Абызана, и оной Абызан нам сказал, что де каракалпацкой посланец, кой приезжал в Казань, князь Досман до приезду нашего у него Абызана умер, а посланного с нами из Уфинской росправной канцелярии указу к нему Абызану о даче нам в каракалпацкую орду провожатых, он Абызан того указу не принял и своей братьи башкирцов в провожатые не дал. И от него Абызана мы поехали к Ишиму хану с каракалпаками с Карабатырем с товарыщи, человек с тритцать, которые каракалпаки были в Уфинском уезде по Сибирской дороге для купечества. Только он Абызан написал к Ишиму хану с ними каракалпаки письмо, чтоб нас он Ишим хан кормил и, не задержав, отпустил по прежнему на Уфу. И как мы ис Каракалпаки в киргиз-казацкую орду во владенье Абалгаир хана приехали, а они киргиз-казаки нас пограбили и, пограбя, нас, они киргиз-казаки розвезли порознь; меня Дмитрея взял к себе в дом киргиз-казак Токалак и жил у него Токалака шесть недель и он Токалак, да Анкай, да Анзибай и другие киргиз-казаки,— по имяном других казаков не знаю,— сказывали мне, что де Уфинского уезду Нагайской дороги Бурзенской волости башкирец Алдарбай приехал к ним в киргискую орду к Абалгаиру хану в нынешнем де 1721 году летним временем и сказывал де ему Оболгаиру хану он Алдар, что де их братью башкирцов и киргиз-казаков воевать будут руские люди, а то де руское войско пришло ныне на Уфу и чтоб ему Алдару в предбудущей весне он Оболгаир-хан дал 7000 войска и прислал к нему Алдару в Уфинской уезд на Нагайскую дорогу в Бурзенскую волость, чтоб в то время итти ему Алдару с ними киргиз-казаками, для разорения под государевы городы, и он де Оболгаир-хан ему Алдару войска 7000 дать обещал и хотел оное войско прислать в Уфинской уезд весною.

Да в то ж время, как я у означенного киргиз-казака Такалака в доме жил, приезжал ко оному Такалаку в дом бывшей Казанского уезду деревни Чалны беглой чювашенин вор Сеитка, которой приходит воровски разорять поукрайные городы, и говорил мне, что де ограбить нас велел он Сеитка, бутто мы к Ишиму едем воровски. И сказав, он вор Сеитка те слова, поехал в дом свой; после того был я у него Сеитка в доме четырежды, и он Сеитка и киргиз-казаки Алтай, да Азибай с товарыщи мне говорили: ежели де императорское пресветлое величество сына ево Сеиткова, тако ж и другова их киргиз-казака Боярка велит отдать, и то де в Хиву и в Бухары чрез их киргиз-казацкой орды путь будет свободной, а ежели сын ево Сеитков и киргиз-казак Боярка отдан не будет, и то де он для воровства и раззорения под государевы городы ходить будет, а русских пленников у них киргиз-казаков я видел в разных улусах с 50 человек, и сказывали те пленники, что у них киргиз-казаков рускова иноверскова плену з 2000 человек. Да оной же Сеитка сказывал мне, что де писала мать ево грамотку по своей басурманской вере с клятвою, чтоб он Сеитка перестал русских иноверцев воевать, и он де Сеитка сказал ежели сын ево отдан будет, то де он Сеитка на украйну для воровства ходить не будет.

А как мы были в плену у означенного киргисца Токалака, и он Токалак посылал от себя человека к Ишиму хану, что посланы мы ко оному Ишиму хану с листом, и нас киргиз-казаки пограбили, чтоб он Ишим хан, как возможно, прислал от себя для взятья меня и служилых людей, а ежели де он Ишим хан для взятья меня и служилых людей не пришлет, то де он Токалак меня и башкирца Тохтагула хотел отвести на Уфу с собою. И по той ево Токалаковой ведомости он Ишим хан для взятья меня и служилых людей прислал сына своего Алим Салтана с товарыщи восемь человек, и он Алим Салтан меня и служилых людей у них киргиз-казаков взяли и, совокупя с посланными

со мною служилыми людьми, привезли к нему Ишиму хану по сю сторону Сыр-Дарьи реки, понеже он Ишим хан был в других своих улусах на сей же стороне Сыр-Дарьи реки. И посланной со мною и с служилыми людьми лист ему Ишиму хану подал, и принял он Ишим хан тот лист с честью и велел прочесть мне, и прочел ему Ишиму хану я тот лист чрез толмачество оного Овсяникова. И, выслушав, он Ишим хан сказал, что де императорское пресветлое величество к нему Ишиму хану ис пленников ево, которые держатца в Казани, повелел прислать хотя человека з два или одного, а его императорского пресветлого величества пленных людей у него Ишима хана что тысячи с полторы, и те де пленники незавоеванные, куплены у бухарцов и у хивинцов и у киргиз-казаков, и ежели императорское величество соизволит прислать для взятья тех пленников на выкуп, он де Ишим хан отдавать тех пленников будет, а которые пленники скажутца, что де у него Ишима хана завоеванные и он Ишим хан тех отдавать будет же и без выкупу. И я у него Ишима хана просил, чтоб он завоеванных пленников отдал, и он Ишим хан мне сказал: завоеванных де пленников, кроме купленных, нет, а сказывал мне в тех улусах уже был [у] Ишим хана руской пленник Игнатей Тимофеев сын Кулебякин [1], что де вышеозначенной башкирец Алдар был у Ишима хана в нынешнем же лете и просил войска, чтоб ему Алдару итти с тем войском предбудущею весною для раззорения под государевы городы, да у него ж де Ишима хана просил он Алдар земли на усадьбу для селитьбы, и он де Ишим хан воинских людей и земли под селитьбу ему Алдару не дал и сказал, что де посылает он Ишим хан до императорского пресветлого величества посланников.

Да я ж Ишиму хану говорил: которые воровские военные люди приходили на украйну и побрали руской полон в прошлом 720 году, чтоб тех пленников мне объявил и возвратил со мною; и он хан мне сказал, что де ево владенья каракалпаки не ходили; и тех пленников видел я в киргиз-казацкой орде во владенье Оболгаир хана трех человек, а сказывали мне киргисы Толбай с товарыщи, что ходили на украйну они и тот полон брали они в Казанском уезде по речке Сюлче. А у Ишима хана жил я с служилыми людьми два месяца, и он Ишим хан отпустил меня и служилых людей, да с нами ж посланцов до Уфы и до Казани с письмами каракалпаков: князя Юнысбека с товарыщи семь человек, да Салтан Мурата хана Маметь Берду, да Тагузбека с письмами; и прибыл с служилыми людьми и с каракалпаки в Уфинской уезд на Ногайскую дорогу в Ерматынскую волость; и ис тех де посланцов Салтан Мурат хан Маметь Берда со мною и с служилыми людьми и с помянутыми посланцы в город Уфу не поехал и сказал, едет де он к Алдару, понеже что де бутто руские люди з башкирцы не в миру; и затем де он Маметь Берда к Алдару и поехал и сказывал де он у себя от Салтан Мурата письма.

Выписка сенатской канцелярии [2]

Декабря 24 дня 721 году в присланном в Сенат с Уфы генерала маэора Кропотова доношении написано.

Ноября де 17 дня 721 году явился ему в Уфе казанской толмачь Герасим Овсянников, которой был посылан ис Казани от губернатора господина Салтыкова в Каракалпаки с листом к каракалпацкому хану Ишиму, чтоб он взятых пленников ими со стороны императорского величества паки возвратил, а с ним Овсяниковым посланы были из Уфы

[1] Повидимому, в тексте есть пропуск. Более связные сведения об этом сообщает другой посланный Овсянников, см. ниже, стр. 236.

[2] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 2, 1721 г.

новокрещенского списка толмачь Дмитрей Вершинин да конной казак Семен Лехов, башкирец Осинской дороги деревни Артаул тож Тохтаул Ахматов и сказали.

Как де он Овсяников с товарыщи ехали в каракалпацкую орду и в киргиз де Кайсацкой орде во владенье Оболгаира хана в Дем Депетиову сотню и в той сотне киргиз-казацкая орда, ево Овсяникова с товарыщи ограбя, взяли к себе в полон, и были у них в полону 6 недель, и в то де время у киргиз-казаков слышали, что в то число приезжал к их киргиз-казацкому ко Оболгаир хану Уфинского уезду Ногайской дороги Бурзенской волости башкирец Алдарка Батырь с сыном своим и с товарыщи 5 человек, назвался послом и просил де он Олдарка у хана киргиз-казацкого силы, чтоб со оными итти войною на руских людей, и по тому ево Алдаркину прощению хан Абалгаир силы дать хотел ли, того они не знают, но токмо подарил ево Алдарку он хан 200 лисиц, полтораста волков, 200 корсаков, 6 лошадей, а их толмачей и башкирца называл[1] ворами и бутто ездят они своею волею и велел ему хану с казаками побить их до смерти.

Да он же де Алдарка, прибыв в дом, посылал к киргиз-казаком с ведомостию, дабы они были готовы, понеже де на них идут руские люди войною, а такие слова, что Алдарка Батырь для оного приезжал к Обалгаир хану, слышали они от руских тамошних полоняников. Тако ж сказывали им, что для того приезжал к хану волости Бирсти киргиз-казак Болтака Абыз с товарыщи. И, уведав де каракалпацкой хан Ишим, что они в полону, прислал для выручки их к киргиз-казаком сына своего Алим Салтана да князей Янибека и Тирбака с товарыщи 6 человек, чтоб их отдали добровольно, а ежели де добровольно им не отдадут, то де они каракалпаки пойдут на них киргиз-казаков за то войною. И они де ему ханскому сыну их и посланной с ними лист отдали, а пожитков их не отдали.

И как де они к каракалпацкому хану Ишиму прибыли и посланной с ними лист ему хану отдали и тот лист он, приняв у них с честью, ответствовал, что руских людей завоеванных у него нет и войною на руских людей не ходит, а есть де у него руские люди в полону, которых он купил у хивинцов и киргиз-казаков и у бухарцов и, ежели де будет его императорского величества повеление, чтоб тех руских людей брать у них каракалпаков на выкуп, то де они отдать им готовы. И отпустил его толмача с товарыщи от себя попрежнему; да с ними ж послал в Казань послов своих каракалпаков с письмами, которые будут в Уфу ноября к 22 числу, а киргиз де казаки и каракалпаки приезжают в башкирцы многолюдством на Сибирскую и на Ногайскую дороги, также и башкирцы к киргиз-казакам и каракалпакам с товарами повсягодно и живут друг у друга по месяцу и по 3 недели. Да как де они Овсяников с товарыщи ехали ис каракалпаков в Уфу, встретились с ними на дороге в степи Иргиз башкирца Шима Батыря брат с товарыщи 8 человек, с торгом, а как их зовут не знает, и как де он Овсяников был у каракалпацкого хана и в то время сказывал ему пленник руской человек Игнатей Кулебакин, что приезжал де башкирец Алдарка Батырь к хану Ишиму и к хану ж Салтан Мурату и просил у них, каракалпаков, силы, с кем бы итти войною под государевы городы и просил под двор земли, чтоб ему у них каракалпаков жить, и салтан Мурат и Ишим ханы для войны под государевы городы силы и под двор земли дать хотели ль, не знает.

Да которой де башкирец Тохтаул Ахматов посылан с ним Овсяниковым в каракалпаки, сказывал ему Овсяникову, что де приезжали из бухар к Ишиму хану посланцы и просили у него сына, которого

[1] Т. е. Алдарка.

обещали зделать у себя в Бухарех ханом, а своего хана, которой ныне у них, хотели убить до смерти за то, что де он руских пленников держит у себя в верности и во всем на них полагаетца, а мурз бухарских он хан многих побил до смерти. А Тохтаул Ахматов сказал, что де такие слова он Тахтаул в каракалпаках слышал и ему Овсяникову сказывал.

Указ казанскому губернатору А. Салтыкову, 5 октября 1722 г.[1]

В прошлом 1720 году, сентября в 30 день в нашей императорского величества грамоте писано к вам и по доношению вашему послано каракалпаков два человека, которые взяты в 1718 году в приход их для разорения русских сел и деревень и сосланы на каторгу в Санкт-Питербурх и с каторги свобождены для отдачи присланным их каракалпацким посланцом, для того, что те посланцы привезли в Казань руских трех человек, которые в допросе сказали, что у тех каракалпаков многое число русского полону, а каракалпацкой хан в листу своем в Казань к вам писал, чтоб русским жить с ними смирно и когда он хан желает миру, то надобно ему всех русских пленных прислать, для чего их каракалпаки, взятые в полон и сосланные на каторгу, ныне им отдаются, о чем велено писать к нему каракалпацкому хану, тебе боярину нашему и губернатору от себя с нарочным или с теми их посланцы и тех их каракалпацких полонеников 2-х человек отослать к ним и учинить о том по разсмотрению твоему, а три человека каракалпаков на каторги умерли.

А сего 1722 году в Сенате в доношении твоем боярина нашего и губернатора написано, что присланные с каторги каракалпаки удержаны в Казани, понеже каракалпацкие посланцы, не дождався их, уехали, а для объявления им о том посыланы ис Казани к хану с листом дворянин Дмитрий Вершинин да переводчик и писано, чтобы он хан служа нашему императорскому величеству руских пленных всех собрал и прислал, а своих взял.

И те посланные возвратились и с ними от каракалпацкого хана приехало посланцов семь человек, а в листу, с ними присланном, написано: кои руские пленники были в Ургенчичах, и они их выкупили и чтоб для приему их прислать отцов их и братьев, а ежели б они не выкупили, то бы их для продажи повезли в ыные земли, а их бы пленных отдать тем посланцом и отпустить их в марте месяце. И по нашему императорского величества указу тех каракалпацких посланцов и их двух полоняников прислали вы сюда к Москве в правительствующий сенат и при том доезд посыланного дворянина Вершинина, что он в пути удержан был и обран от киргиз-казацкой орды во владении Абалгаира хана, и каракалпацкой хан, уведав о том, присылал сына своего Алим Салтана с товарыщи восемь человек и взяв их привезли к нему хану; и посланной с ним лист ему хану он Вершинин подал и принял он хан тот лист честно и чрез толмача их, выразумев ис того листа, говорил, что велено их пленных двух или одного отпустить, а у него хана русских пленных с полторы тысячи человек и те не завоеванные, но купленные у бухарцов и у хивинцов и у киргис-казаков, и он хан отдаст их на выкуп и в 1720 году владения ево каракалпаки на российские городы не ходили, а ходили и тот полон брали киргисцы Торба с товарыщи, и он Вершинин видал сам в киргиз-казацкой орде русского полону з две тысячи человек. В киргиз-казацкой же орде виделся с ним Вершининым бывшей Казанского уезду деревни Чалны беглой чювашенин вор Сентка, которой приходил разорять украинные

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 2, 1721 г.

городы и говорил, что ежели отдан будет сын ево Сеитков и киргиз-казак Боярко, то в Хиву и в Бухары чрез их орду путь будет свободной, а ежели сын Сеитков и Боярко отданы не будут, то они и впредь будут ходить для разорения российских городов.

А присланной каракалпацкого хана посланец Джанбек Батырь с товарыщи объявил словесной от хана приказ, что хан желает быть в мире и в дружбе с подданными нашего императорского величества и хощет исполнять повеление нашего величества, чтоб послы и посланцы между нашим величеством и ханом о делах их и о словах ездили; купецкие люди, как российские, так и каракалпацкие между собой купечество отправляли без опасности, купленных русских людей у них много, а сколько числом и что за них выкупу дано и кто имяны и какого чину люди, того подлинно сказать не знают и ис тех руских некоторые, которые уже и пооженились на каракалпачках и на калмычках, а некоторые выслужили от хозяев своих свободу, и чтоб отправить к хану посланца, которой может с ханом о выкупе пленных договоритца. Что другие степные народы делают всякие пакости и подъезжают под российские городы, а эхо дают будто каракалпаки, а он хан верно обнадеживает, что от их народов никогда подъездов и вреды подданным нашего величества не чинитца, а ежели своевольные каракалпаки то чинили, и то без воли ево хана, и он как возможно будет их каракалпаков своего владения от того отвращать и не допускать.

И ис правительствующаго нашего сената то дело и посланцы присланы в нашу государственную коллегию иностранных дел и сего сентября в... день в государственной нашей коллегии иностранных дел решено на лист каракалпацкого хана ответствовать тебе боярину нашему и губернатору листом своим по приложенному при сем образцу [1] и с теми посланцы послать из Казани офицера или дворянина, которому что тамо делать такожде прилагаетца при сем обрасцовая инструкция, и, ежели вы, боярин наш и губернатор, с товарыщи, усматривая по тамошнему. что еще к тому в дополнение прибавить заблаго-разсудите, и то учинить вам по вашему разсмотрению, для чего с словесного тех каракалпацких посланцов предложения приобщена при сем копия [2]; что ж показано в доезде дворянина Вершинина, что вор Сеитка чювашенин говорил ему о свободе сына своего и киргис-казака Боярка, за что обещают они в Хиву и в Бухары чрез их орду свободной проезд, и о сем вам боярину и нашему губернатору с товарыщи в колегию иностранных дел прислать известие, какой тот вор Сеитка и давно ль в ту орду збежал, где сын ево и казак Боярко взяты и ныне содержатца, и какое ваше губернатора с товарыщи о сем мнение.

И как ся наша императорского величества грамота подана будет, и вам боярину нашему и губернатору Алексею Петровичю с товарыщи о вышеписанном учинить по нашему императорского величества указу и что учинено будет о том писать в нашу государственную коллегию иностранных дел.

Инструкция офицеру или дворянину, кто пошлетце в каракалпаки [3]

Ехать ему из Казани х каракалпацкому Ишим Мухаметь хану с посланцы его Джанбек Батырем с товарищи и, приехав, лист боярина и губернатора подать ему хану и, подав, говорить, что он хан приказывал чрез посланцов своих, что он хан желает жить с подданными его

[1] Напечатано в сборнике «Материалов по истории каракалпаков», стр. 171.
[2] Копия в издании опускается, она напечатана в сборнике «Материалы по истории каракалпаков», стр. 170—171.
[3] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 2, 1721 г.

императорского величества в мире и хощет исполнять повеления его императорского величества и посланцы с обоих сторон ездили и купечество на обе стороны отправлялось и его императорское величество изволил сие принять милостиво, и ежели ваши каракалпаки на российские городы подъездов чинить и вреды подданным его величества делать не будут, за то вас его императорское величество содержать в милости своей и посланцов ваших в Казань и к Москве допускать изволит и купечество свободно отправлять повелит, в чем будите благонадежны, и изволите то по своему обещанию содержать и исполнять. Потом домогатца у него хана об отпуске русских пленных, которых каракалпаки из российских городов взяли и туда завезли, и тех, которые от хозяев своих выслужили свою свободу и чтоб оные ему были отданы, а которых российских пленных сказывают они каракалпаки выкупили у других, и в тех домогатца ему офицеру, чтоб он хан такожде для показания к его императорскому величеству своей верности и доброжелательства велел отдать, буде ж так не отдадут, а станут ему говорить, что они их выкупили и дали за них свои деньги и без откупа отдать их невозможно, и ему офицеру просить, чтоб тех выкупленных пленных позволено ему видеть и с ними говорить. И когда ему то дозволено будет, и он тех людей увидит, и ему спрашивать у них самих, подлинно ль так, что они из российских городов были взяты другими тамошними народы, а каракалпаки их выкупили и что за них выкупу дали и в России есть ли у них отцы и братья и родственники, домы и завод, и тот выкуп могут ли они, прибыв на старые свои жилища, за себя заплатить. И наведався от них о том о всем, тако в договор вступить и обещать за них заплатить то, что оные полоненики сами за себя заплатить могут и, договоря, требовать тем полонеником отпуску, обещая за них деньги заплатить, и ежели словесному ево в платеже денег обещанию не поверят, то и письменно обязатца; которые ж российские полонянники отцов и братьев и родственников, домов и заводов у себя не скажут и скажут, что того откупу самим платить им будет нечем, и тех полонянников ему офицеру переписать всякого порознь, из которого кто места, какова чина, каким случаем и кто ево взял и что за него откупу взять желают, и то в роспись привесть с собою и прислать сюда для решения, а их обнадежить, чтоб они о выкупе себе ожидали его императорского величества высокой милости и пребывали в вере христианской непоколебимо, а не бусурманились.

Донесение казанского губернатора А. Салтыкова в коллегию иностранных дел, 3 декабря 1722 г.[1]

В грамоте его императорского величества из государственной коллегии иностранных дел, писанной в Москве октября 5 дня сего 722 году, в Казанскую губернию писано. По его императорского величества указу и по решению государственной коллегии иностранных дел велено, против листа каракалпацкого Ишима Мухаметь хана, с которым присланы были от него хана посланцы Джанбек Батырь с товарищи, ответствовать мне листом своим по приложенному при оной его императорского величества грамоте обрасцу и с теми посланцы послать ис Казани афицера, или дворенина, которому, что тамо делать, тако ж прислана обрасцовая инструкция и по рассмотрению моему, для того словесного тех каракалпацких посланцов предложения прислана копия; что ж показано в доезде дворенина Вершинина, что вор Сеитко чювашенин говорил ему о свободе сына своего и киргис-казака Бояр-

[1] МИД, ф. № 55. Каракалпакские дела. д. № 2. 1721 г.

ка, что обещают они в Хиву и в Бухары чрез их орду свободной проезд и дабы о том в коллегию иностранных дел прислать известие, какой тот вор Сеитко и давно ль в ту орду збежал и где сын ево и казак Боярко взяты и ныне содержатца и дабы о том о всем учинить по его императорского величества указу, и, что учинено будет, о том в государственную коллегию иностранных дел писать. И оная его императорского величества грамота получена в Казани ноября 7 дня сего ж 722 году. И по той его императорского величества грамоте во оную каракалпацкую орду с посланцы их отправлен ис Казани с листом сего ж ноября 12 дня афицер Афонасей Филиппов, при нем толмачь, да писарь, а дана ему против присланной обрасцовой инструкцыя, а о киргис-казаке Боярке и о Сеитке чювашенине по справке в губернской Канцеляри — в прошлом 718 году писали с Яику яицкие казаки и прислали в Казань вышепомянутого Боярку, которой з другими киргис-казаками подъезжал под тот Яицкой городок для взятья полону и отгону лошадей, и взят в полон, а ис Казани в 720 году послан на каторгу в вечную работу в Санкт-Питербурх и на дороге умре, а Сеитка Аднагулов был Казанского уезду ясашной татарин и в прошлом 707 году, как бунтовали Уфинского уезду башкирцы, оной Сеитко с ними башкирцы в том бунте был же и в 708 году оной Сеитко ушел в киргис-казацкую орду и с теми киргис-казаками приходит для розорения в Казанской и в другие уезды, и села и деревни раззоряют, а сын ево Сеитков в Казани под караулом не держиван, а по известию ныне оного Сеитка сын ево Имерка жил в Уфинском уезде по Казанской дороге в Ерминской волости деревни Кузметевы у башкирцу Кузметки и для взятья оного посылан был ис Казани нарочной афицер, которой, возвратясь, доношением объявил, что Сеиткин сын у вышепомянутого башкирца жил и в доме их башкирца и Сеиткова сына не изъехал, а до приезду ево уехал в башкирцы и о вышеписанном государственной коллегии иностранных дел сим доношу.

Алексей Салтыков.

Донесение казакского коменданта Вяземского в Московскую контору коллегии иностранных дел, 31 декабря 1724 г.[1]

В прошлом 722 году ноября 7 дня в присланной его императорского величества грамоте из государственной коллегии иностранных дел в Казанскую губернию писано. По его императорского величества указу и по решению государственной коллегии иностранных дел велено против листа каракалпацкого Ишима Мухаммет хана, с которым присланы были от него хана посланцы Джанбек Батырь с товарыщи, ответствовать ис Казани листом по приложенному при оной его императорского величества грамоте обрасцу и с теми посланцы послать ис Казани афицера или дворенина, которому тамо, что делать, прислана обрасцовая инструкцыя; и с словесного тех каракалпацких посланцов предложения прислана ж копия, что они обещают в Хиву и в Бухару чрез их орду свободной проезд и дабы о том учинить по его императорского величества указу, а что учинено будет, о том в государственную коллегию иностранных дел писать.

И по той его императорского величества грамоте в 722 году декабря 3 дня к помянутому каракалпацкому хану с листом послан ис Казани афицер Афонасей Филиппов, да при нем толмачь, да писарь, и дана ему против присланной образцовой инструкции из губернской канцелярии инструкцыя ж. А сего 724 году, декабря 21 дня в Казани в гу-

[1] МИД, ф. № 55. Каракалпакские дела. 1724 г.

бернской канцелярии оной афицер Филиппов явился и сказал: в прошлом де 722 году послан был ис Казани из губернской канцелярии в каракалпацкую орду к Ишиму хану с листами, да с ним же де послан был ис Казани татарского языка толмачь Семен Яковлев да Захарова полку писарь Иван Кононов, да каракалпацких посланцов восемь человек. И будучи де они в пути, не доехав до каракалпак верст с пять, вышеписанные де каракалпацкие посланцы, которые ехали ис Казани с ним, послали от себя одного каракалпака Толузбая, который прислан был посланцом от Салти Мурат хана, в каракалпаки, чтоб оттуды каракалпаки выслали их встретить. И оной де посланной от них каракалпак и с ним двенатцать человек каракалпаков, выехав к ним навстречю, и посланные с ним листы у них отняли и их ограбили, а их разобрали порознь, и он де прапорщик жил у каракалпака Сундука, а толмачь Яковлев у Джанбека, да у Тенябека, а писарь у Казибея, и жили у них в полону. А сего де 724 году в осень приехал в каракалпацкую орду Уфинского уезду Ногайской дороги башкирец Максет Мулла Юнусов, который был в государственной Коллегии иностранных дел с письмами, и оной де башкирец ево Филиппова и толмача Семена Яковлева у каракалпаков выпросил и отпустили ево Филиппова с товарыщем своим башкирцом Сафаром Рысхозяевым, да с яицким казаком Андреем Семеновым, которой был в каракалпаках в полону, в Казань; и послал с ними в иностранную коллегию три письма, написаны татарским языком, запечатаны, а по переводу татарских переводчиков на тех письмах подписано: на первом — подать в иностранную коллегию, на втором — подать в московском царстве в Посольском приказе, а третьее письмо без подписи, а толмача де Семена Яковлева оставил оной башкирец Максет в каракалпаках при себе, а писаря Кононова каракалпаки у себя убили до смерти, а за что, про то он не знает.

И оной прапорщик Филиппов и с ним башкирец и яицкой казак с вышепомянутыми письмами посланы в Москву государственной коллегии иностранных дел в кантору и дано им на две ямские подводы прогонов до Москвы два рубли 24 алтына и о посылке оных сим доноситца.

Полковник и комендант Вяземской.

Переводы с турецких и татарских писем

№ 1. Перевод с письма турецкого и татарского, присланного ис каракалпак от Махсюта Юносова, полученного в Москве генваря 15 числа 1725 году.

Божиею милостию великому и милостивейшему государю Петру Алексеевичю, над всеми грозному, вожду своего государства и над всеми войски храброму и победителю супостат, поля Кыпчакского и Крыма устрашителю, вам императорскому величеству всеподданнейшие раби все каракалпаки, обретающиися вокрай моря войска, к стопам вашего величества приподаю.

Потом вашему величеству я раб ваш доношу, что от них противности никакой не показано, окроме склонности, которую они, 1000 храбрых начальников, единогласно показали, что де от нас его императорскому величеству противности никогда не будет и не было от давных времен, а хотя де и был присланной Дмитрей Фирсов у них, которому, чтоб от них противное было, но и напреж того от хана и от салтана нападок и раззореней они де не винивали, на котором слове они себя утверждают и стоят крепко.

К сему же объявляют, что де непостоянный человек Багатырь, именем Джан-Бек к вам императорскому величеству прежде передался, за что ж был содержан в вашей государевой милости, а после он паки к ним перекинулся, чем многое им возмущение учинил он непотребно.

Так же о присланном к ним Афанасии показует, что де подлинно ево за посланца не приняли, того для, понеже де он в то время запечатанной грамоты нам не объявил, а как к нам ты Мулла Махсют прибыл, то в то де время мы о том и о всем были уведомлены, которых посланцов мне вручили, и о том противности и преступления и вины нашей де нету, и дабы за оное не было бы гнева вашего императорского величества на них, а о чем де он Афанасей предложить имеет, о всем подлинно сам [1] и о сем их предложении они все каракалпаки и казаки, обретающиися около Дарьи, покорно просят и объявляют, ежели повелено будет в Крым или на всех степных тамо обретающихся обывателей нам итти, то де с охотою нашею служить готовы, что за благо приемлют.

Требуют же, когда отправлены кто от них будет в Россию, то дабы были пропусканы до вашего величества без задержания, так же, по отправлении дел, и возвратно пропусканы б были незамедля.

Объявляют, что здесь де российского народа многое число, а и наших де народов также в России и дабы одного за одного розмену учинить, и чтоб сие в приятность причтено было, так же дабы сего Сафара с есырем, не удержав, отправить возвратно, о чем паки просят.

О калмыцких и башкирских юртах, что оные указом вашего величества в протекции вашей утверждены, о том мы каракалпаки о всем сведомы, о чем де и мы в городе Уфе [2] договор свой учинили;

И дабы ниоткуду опасения ни о чем не было, и ежели с сим посланцом кто прислан к ним будет, то чтоб никакого опасения не имел бы, понеже казаков на дороге никого нет, тако ж де, ежели от него посланного Сафара они доброе известие получат, то со мною Муллою Махсутом довольно их войска в Россию прийти желают, аще бог о сем соизволит.

При том письме для утверждения утверждают печатью Худай Назаров с четырех углов.

И письмо писал Махсут Юнусов сын и руку приложил. На подписи подписано посему.

Сие письмо в Москве граде в Посольском приказе да вручится.

Сей перевод переводил переводчик Сулейман Еникеев. Переводили при переводчиках ученик Гаврило Ангельцов, генваря 16 дня 1725 году.

№ 2. Перевод с письма (турецкого) и татарского, присланного от Худай Назара каракалпатского, которое в Москве получено генваря 15 дня 1725 году.

Щасливейшему и благополучнейшему, всего света славному государю, его императорскому величеству Петру Алексеевичу доносим мы раби ваши нижайшии.

Понеже задержан я был в Казанской и Астраханской губернии, в городе Казане от Никиты Алферьевича, которой своим произволом отца моево и жену и меня бил напрасно, также и все наши жители каракалпаки и казаки великие обиды от него, Никиты, претерпевают,

[1] Так в подлиннике.
[2] Уфа администр. центр того времени.

за которыя ево обиды и нападки они каракалпаки злобствуя, с российским народом воюют.

И хотя мы, нижайшии раби ваши, и погрешили пред своим монархом вашим величеством, и оное не от нас, но от него Никиты за напрасные нам от него нападки и казни, в чем он бога не боится, а вашему величеству ни о чем о том не объявляет.

К сему же доношению предлагаем вашему величеству Петру Алексеевичю, мы нижайшии раби ваши, ежели что повеленное от вашего величества ко услужению будет, на что склонность наша служить вашему величеству главами нашими готова, в чем содержимся всеми нашими юртами, каракалпаки и казаки единогласно о сем объявляем, а для уверения при сем письме Салтан Мурат хана вместо печати тамга такова. При том же письме печать Худая Назарова. Подпись на пакете такова: вручить сие письмо в Москве в Коллегии иностранных дел.

Переведено генваря 18 дня 1725 года. Переводил переводчик Сулейман Еникеев.

В прошении к его императорскому величеству от казанского татарина Сеита, который живет в каракалпаках в бегах, по переводу написано.

Щастливейшему и пресветлейшему, во всей вселенной славнейшему государю Петру Алексеевичу, доношу я раб ваш, от какой причины я из Казани ушел и живу при морце Сире; того для, что мне показаны были великие обиды от губернии Казанской и Астраханской, а именно Никита Алферьевич в Казане меня и отца моего и жену мою пытал напрасно, а миром нас оправдали, что мы не винны, и хотя весь народ нас и оправдал, однако ж Никита нас мучил без всякой причины, изветчика, жителя города Сока, Федосея, не розыскал и ему ничего не учинил, а нас всегда безпокоил, и от того весь народ и бунтовали, от нападения его же Никиты, понеже самовольно, на кого осердитца, то, не боясь, безвинно казнил смертию и никогда вашему императорскому величеству правильно не доносил. А ныне мы, оставя свои жилища, скитаемся в чужих краях и своему государю, вашему величеству, согрешили мы от него Никиты. К сему ж вашему величеству Петру Алексеевичу покорно доношу я, нижайший вашему величеству всегдашной раб, хотя я и здесь живу, однако ж вашему величеству со усердием служить готов, понеже российские люди, в которых бы сторонах не были, в каракалпаках или в казаках в полону, всех я знаю, где держатца, и их могу высвободить на розмену, хотя б они и у Салтан Мурата были. Позади листа написано, сей знак Сеитов. При том же есть и печать приложен чернильной, в ней имя Худай Назарово.

Переводил Мамет Тевкелев.

№ 3. Перевод с письма татарского присланного от Мурада шейха Азиз с товарыщи, полученного в Москве генваря 15 дня 1725 году.

В начале пишет.

По нашему разсуждению и всех общего совета нашего, а именно: Мурад шейха Азиз, князя Худай Назара, князя Турсуна, Карабаша Богатыря, князя Аит Кула, князя Чюберлея и всех старшин наших, и больших и малых, и князя Ишима по премногу прошением нашим просим его императорское величество о сем нашем нижепоказанном предложении.

Прибыл к нам из Уфы Мулла Махсют, от которого мы получили ведомость, а которой был с Джаном Беком Багатырем посланник и оного посланника мы отпустили, понеже он воровски у нас блуд учинил с

женским полом, того ради за оное с тем посланником от нас не дружески поступлено было. Но как к нам прибыл Махсут мулла то мы, по объявлению через ево Махсюта, узнали, что он — посланник, а понеже оной по прибытии своем от великого государя к нам за печатью грамоты не привез, того для мы ево за посланника не признавали, и оного для в братство и дружбу не приняли. Ныне у нас и у казаков российского народа содержится с 5000 взятых из верхних городов, а наших народов каракалпак и казаков также есть на Уфе. И ежели соизволится, то дабы одного за одного розменять, и о тем буде намерение сочинится, то который послан за посланником от Махсута, чтоб одного незамедля паки возвратно к нам прислать с подлинною ведомостию, коликое число каракалпак и казаков поимянно в России содержится. Также дабы с сим посланным Сафар Муллою отправлен бы был ваш особой посланник с ним вместе.

У того письма Мулла Махсут сын Юнусов руку приложил.

У того ж письма печать Мурад шейха Азиз. Еще другая печать. Абдулла Магомета.

Над теми печатьми подписано:

Сии печати положены от всего собрания нашего. К тому ж на тое письме знаки их.

Переводил переводчик Сулейман Еникеев. Переводили при переводчиках ученик Гаврило Ангельцов. Генваря 16 1725.

№ 4. Перевод с письма турецкого и татарского, присланного от Махсута Юнусова, которое получено в Москве генваря 15 дня 1725 году.

Божиею милостию его императорского величества превосходительному господину Петру Андреевичю Толстому, и судье полковнику Петру Ивановичю Вельяминову-Зернову, сие в доношение предъявляю.

Понеже известно его императорскому величеству, что которой отправлен посланник в Бухары Флиории Беневи, от которого прислан был я, Юнуса Ахуна сын Махсут, с нужными письмами в Москву в Посольской приказ, откуды указом повелено мне ехать в Бухары. Паки и для провожания повелено при мне быть 10 человеком башкирцом и одному русскому и оных при мне ни одного человека ныне не обретается, о чем в городе Уфе я объявлял и доношение предложил; понеже те башкирцы, убояся, сказали, что де нас убьют; того ради они остались и со мною не поехали и я, полагаясь на волю божию и уповая на его императорское величество, отправился в путь, токмо взял с собою в Ногайской дороге в юртах, в Юрмантеевой деревне, татарина Сейтова сына Ногая.

И как прибыли мы к морю в каракалпаки, где напали на меня каракалпаки и лошадей у меня отняли, также у двух моих служителей, что было, то все пограбили, а нам самим никакой вреды не учинили. И в то же время все каракалпакские князья собрався, спрашивали меня, чего для я к ним приехал, на что я им ко ответу предлагал, что прислан я от его императорского величества и объявил и всем каракалпатским князьям и протчим при них почтенным, которые в собрании были, его императорского величества милосердие, и уговаривая их к склонению, что они приняли благоприятно и радовались. Потом они каракалпаки двоих присланных к ним, которые у них содержались под арестом, оных мне вручили, и объявили мне о них, что де о тех посланных мы неизвестны какие они люди, понеже де они при сем запечатаных [писем] никаких не объявили, и у них де мы не видали, что подлинно он Афонасей о всем донесет сам. И сие учинил я, хотя без указу, но на волю божию и его императорского ве-

личества милосердие полагаясь, и, ежели против сего предложения их милостивой от его императорского величества им прислан будет указ, так же и мне о том повелено будет, то они обещают радетельно посланника Флиории Беневи, как возможно, препроводить до его императорского величества, также обещание свое с общего совета безлестное предлагают, что де мы государю своему никакой неправды не учиним, что боже благоволи, и ежели бы я правдиво с ними поступил, то мною, чтоб меня жива не упустили, или какой вред учинили б, чего для принужден был я с ними поступить так. Уведомился я, что его императорского величества посланник Флиории Беневи в добром здравии обретается в Бухарах, но токмо из служителей ево 6 человек тамо в Бухарах взяты (отняты) для услуг хану, о чем он посланник никакого противления чинить не может. И тако оное тамо сочинялось, что предлагая ко известию.

Еще доношу, что между бухарским ханом Абулфеизом и Самердканским ханом Режепом содержится война и доныне. К сему ж доношу, что также и между хивинским ханом Ширгазеем с орадским[1] ханом Шахтемиром содержится и ныне война, чего для нынешнего года он хивинской хан стоит в местечке Калбраке и, чтоб Шахтемир от него не ушел в Бухары, того для от стороны Бухарской на дорогах поставил караулы. И которые обретающиеся каракалпаки по реке Дарье собранием 1000 начальников все купно служить его императорскому величеству желают, и один богатырь именем Ушуну, Аюке хану свойственник, который через войну с Абулхаиром ханом город Туркестан взял было и 32 улуса, но потом он Абулхаир хан, соединясь с казаками, паки чрез войну в Туркестан пришел и содержит даже и доныне паки в своем владении, а во оное время тот Ушуну багатырь х контайше послал со известием и подарки и договором таким, ежели кто из подданных их изменит и уйдет, тот да будет казнен смертью.

Так же как он Ушуну Богатырь Туркестан город взял, в то время от себя отправил в бухары с поздравлением посланника которой принят приятно и оттуду паки возвращен с честию и подарки, а ныне Абулхаир хан Туркестан города паки содержит попрежнему, а посланники ныне обретаются у салтан Мурата, которых от себя не отпускает, и так здесь сочиняется: которые были сего года казаки побраты от калмыков, из оных человек с 40 к ним возвратились, а протчие все пропали. Между каракалпаками и башкирцы никого из казаков нету, понеже казацкой князь с ними не совокупляется, а и они его не приемлют, а первый хан каракалпатский умре, а князья их в благолюбительном состоянии содержатся, и в согласии своем состоит крепко. А казацкого князя того для не приемлют, понеже безумный, но однако каракалпаки и казаки все между собою обходятся, как и прежде, единокупно. А начальник князь Назар ко благому намерению более всех склонен, токмо подарки или гостинцы любят.

Оральцы и хивинцы между собою обходятся так, ежели один з другим увидятся, то друг друга умерщвляют.

Здешние князья обычаи имеют, чтоб были подарены, чего для обходятся приятно и любительно, а ежели не будет подарку, то во всяком обхождении не так любительны, а о предбудущем не разсуждают, но токмо о настоящем и говорят, дело настоит сего дня, однако ж в чювство прити могут.

И ежели по сему делу какое отправление будет, то дабы повелено во отправлении всего быть толмачю Петрушке Куклину, которой обре-

[1] Шах Темир — хан аральский.

тается в городе Уфе, понеже о всем он как о пути здешнем и обхождении и о протчем знает, и буде он послан будет, то дело всякое может сочиниться. Которой купецкой караван ходит от Яицких казаков и самарканских жителей, по тому пути проезжать сюды способно и в сих странах обретаются реки, а именно, Чимсидемир, Мугаяр, Аджин, и оные реки впали в море, которые неглубоки, и возможно чрез них вброд переходить, а и каракалпаки качуют подле моря близь реки и страны Яика и от сего места до Хивы ходят в 25 дней.

Худай Назар и прежним присланным к ним посланцом был приятен, и шурин ево Мурза таков же и еще Ходжан Бердеев сын Арык, Именглебаев сын, которые желают и прозбою просят сами, дабы были порадованы какими подарками и, ежели будут чем пожалованы, то и протчие возъимеют охотную склонность и ко отправлению от себя посланцов добрых. Здешних стран состояние таково, буде ис красных сукон на 50 или на 100 рублев прислано будет сюды, и то учинить для пробы, надеюсь, что примут зело благодарно, и буде по сему учинено будет, то довольно к лутчему их порадованию, и пользе состоятися может.

При сем же доношу, что которой казак Маргян из Бухар от Флиория ехал со мною вместе, понеже и при Флиории был он верным, и в пути нас пограбили, о чем и в допросах своих показали. А ныне оного казака брат у яицких казаков содержится окован в железах, о чем яицкой казак Андрей Семенов о всем донесет словесно, и другой русской же, а вышеупомянутой яицкой казак Маргян и нам во всяких случаях услугу свою показал верную, и о том просим, ежели с сим нашим посланным Сафаром казак к нам вместе прибудет, то нам в пользу бы было.

Так же Марьянов брат казак Довлет Бай к Москве поехал, о котором я неизвестен, где обретается, а за нево один русской готов.

А мне отсюды проехать никуды невозможно, понеже которыя хотя и казаки посылаются в Бухары, но токмо на дороге их грабят, того для и боятся.

Которые двоя обретались при мне служители, и из оных одного именем Сафара послал я с сими письмами, а другова намерен я отправить в Бухары, а как купецкие люди возимеют в Бухары путь, тогда и я с ними как возможно отправлюсь и поспешать буду. А ныне обретаюсь я в местечке Дарья-Сыр. Никаких ведомостей к нам, как из росписи от его императорского величества, так и из Бухар от посланника Флиория не слышно, а от сего местечка с сими письмами вышепомянутого я отправил, и против сего повелительного указу, здесь же ожидать буду чрез сего посланного.

Письмо писал месяца Реббиавеля первого дня.

У того письма печать Магомет Махсюта. Переводчик Сулейман Еникеев. Переводил при переводчике ученик Гаврило Ангельцов. Генваря 21 дня 1725 году.

Показания Сафара Расхозяева в коллегии иностранных дел, февраль 1725 г.

1725 года февраля в... день в коллегию иностранных дел явился уфинский татарин Сафар Расхозяев и допрашиван, а в допросе сказал. В прошлом 1724 году прибыл в башкиры татарин Максюта Юносов, которому велено ехать с письмами, посланными с ним в Бухары к секретарю Флиорию Беневи, и велено ему для проживания взять уфинских башкирцев 10 человек. И для провожания ево Максюты записались во всех четырех дорог башкирцев 10 человек, и в то число произнесся слух, что в каракалпацкой орде есть опасение от неприя-

тельских людей, и того ради оные 10 человек с ним Максютою не поехали, что видя он Сафар, хотя и имел опасность, однако ж, желая показать свою к его императорскому величеству службу, для провожания ево Максюты через каракалпацкую орду в Бухары с ним Максютою поехал для того, что он ту дорогу знает. И когда приехали они в каракалпацкую орду и услыша, что чрез оную ехать в Бухары опасно, понеже на той дороге была война у каракалпаков и казаков с трухменцы. И того ради жили они в каракалпацкой орде 40 дней. И в ту свою бытность, увидя тамо казанского гварнизона прапорщика Афанасья Филиппова, о котором он Максюта был известен, что он послан ис Казани в каракалпаки, по его императорского величества указу с листами и тамо задержан. И просил он Максюта о нем прапорщике и о толмаче, которой с ним прапорщиком послан, каракалпацких владельцев, чтоб их свободили, объявя им, что они посланы к ним его императорского величества указом, и по той ево прозбе оные владельцы их прапорщика и толмача ему Максюте отдали. И потом он же Максюта, увидя там яицкого казака Андрея Семенова, который был взят в полон от киргис-касаков, и выпросил ево у хозяина ево на обмен, за которого обещал отпустить киргис-касака, которой держитца на Яике, и по той прозьбе тот ево хозяин того казака ему Максюте отдал на поруку в том, что б ему Максюте того киргисца высвободить и привесть бы в Каракалпаки ему Сафару с собою. И потом он Максюта намерился тех полоняников для лутчаго без опасения в пути тамошними бродами отправить с ним и отпустил их прапорщика и казака с ним Сафаром, для подлинного об них объявления и верности, а толмача оставил при себе для того, что не имел он толмачь лошади, на чем ево отпустить. И со оными прапорщиком и казаком приехал он в Казань и ис Казани отпущены в Москву. И из Москвы ис канторы колегии иностранных дел отправлены в Санкт-Петербурх, а письма, посланные с ними от Максюты, подали ассесору Петру Курбатову, которой приказал им явитца в колегии иностранных дел, где и явился, а он Максюта, по отъезде ево Сафарова, хотел отправитца в Бухары не замешкав, а с собою хотел взять киргисца Аюки хана, которой жил в каракалпаках, а толмача оставить до возвращения ево Сафарова в каракалпаки.

При отпуске ево Сафара ис каракалпацкой орды татарин Максюта Юносов приказал ему в колегии иностранных дел словесно донесть, что просили у него Максюты те каракалпаки и киргис-касаки, чтоб повелено было указом его величества собрать пленных их, которые имеются в Астрахани, в Сибири и на Яике в городе и переписать их имена и послать с ним Сафаром, понеже и они каракалпаки и киргис-касаки хотели послать на розмену с посланцы своими русских пленных, которые у них держатца, о которых он Сафар слышал, что имеетца оных русских у каракалпак с 400, у киргисцов 600 человек, а подлинно ль, того он не знает; он же Максюта велел донести, чтоб ево Сафара отправить к нему Максюте, незадержав, как наискоряя, понеже ему Максюте возвращаяся оттуда на дороге без него Сафара будет трудно и опасно. А прибыть бы ему Сафару к нему Максюте конечно в майе месяце сего года.

При сем же допросе он Сафар доносил, что ежели он Сафар послан будет от вышеписанного Максюты или сам усмотрит, что к лутчему интересу ее императрицына величества, и поедет для донесения о том ко двору ея величества, чтоб ево повелено было пропускать незамедля и того б ради в городы ко управителям даны ему были повелительные указы.

Между Яиком и башкирцы на реке Сакмаре городок строитца, а какие люди и по какому указу строят, о том он Сафар не знает.

Донесение коллегии иностранных дел в сенат, 1725 г.

1. В 1722 году, по присланному от правительствующего сената делу и по отправленной ис коллегии иностранных дел грамоте, посылан был ис Казани (с присланными ко двору его императорского величества каракалпацкими посланцы) прапорщик Афонасий Филиппов, при нем толмачь, да писарь с каракалпацким владельцем с листами, которому велено, по их же каракалпацкому требованию, объявить, чтоб жили дружно с поданными его императорского величества, в миру и посланцы со обоих сторон ездили и купечество отправлялось, по требованию ж каракалпацких владельцов свобожено с каторги два человека каракалпаков и посланы с ними ж посланцы.

2. В 1723 году отиравлен в Бухары к секретарю Флорию Беневени с рескриптом об отзыве ево оттуды присланной от него Флория уфимской татарин Максюта Юносов.

3. А в доношении оного татарина Максюты с присланным от него уфимским татарином Сафаром Росхозяевым и свобожденными тем Максютою ис полону ис каракалпацкой орды помянутым прапорщиком и яицким казаком Андреем Семеновым, о присланном прапорщике Афонасье написано, что за посланца [каракалпаки] не приняли для того, что он запечатанной грамоты им не объявил, а как Максюта прибыл и, от него уведомясь, их посланцов ему отдали и просят, чтоб за то не было на них гневу императорского величества; в листу Шиха Азиза и протчих начальников написано, присланного де ис Казани, которой приехал к ним с посланцом их Джанбеком, за посланца они не приняли для того, что он не привез от его императорского величества грамоты, а когда уведомились о нем от муллы Максюты, что оной подлинно прислан посланником и оного Максюта, взяв, паки отправил. Прапорщик, посыланной за посланца, сказал; не доезжая киргис-казацкой орды дней за пять едущей с ними ис каракалпацких посланцов один Тулузбай поехал в каракалпацкую орду, объявя ему прапорщику, что он [едет] о приезде их объявить начальником и вышлютца на встречю провожатые для береженья; и после трех дней встретили их каракалпаки Адым с товарищи двенатцать человек и, отъехав с ними с версту, у него прапорщика письма отняли и их ограбили и развезли в разные места и держали за караулом и по приезде татарина Максюты ево прапорщика отпустили в Росию, а толмача оставил он Максюта у себя, а о писаре объявили, что он за блудное дело убит.

Мнение коллегии иностранных дел на 3 [пункт]. Присланного ис каракалпацкой Орды от татарина Максюты Юносова татарина Сафара отпустить по прежнему к нему Максюте и с ним отпустить вызволенного от каракалпак яицкого казака Андрея Семенова на Яик, а за него отпустить с ним Сафаром киргисца Аркеля, о котором промемориею из Военной коллегии показано, что об отпуске ево на Яик и грамота послана, а х казанскому губернатору послать грамоту, дабы он ево Сафара отправил и с ним х каракалпацким владельцом писал, представляя им, что, когда присыланы были в 1722 году их посланцы Джанбек Батырь с товарыщи, блаженные и вечнодостойные памяти его императорское величество изволил принять милостиво и его императорского величества жалованьем и в дорогу кормом были удовольствованы и по требованию их каракалпацких владельцов через тех посланцов отпущено с ними два человека каракалпаков, которые за тяжкие свои вины посланы и надлежали быть вечно на каторге; против же того они каракалпаки, когда с их же посланцы отправлен был ис Казани посланец прапорщик Афонасей Филиппов и с ним толмачь и писарь, с оным не токмо как посланному от его импера-

торского величества надлежало з достойным почтением приняту быть, поступлено яко с злодеями, ограблены и взяты в полон, а одного из них писаря и до смерти убили, и дабы они каракалпацкие владельцы впредь поданных своих от таких непорядочных поступок унимали и впредь так чинить не допускали.

4. В доношении татарина Максюты от каракалпак противности никакой не показано, но склонность, которую 1 000 храбрых начальников единогласно объявили, что от них его императорскому величеству противности никогда не будет и не было от давных времен, а объявляют они каракалпаки и казаки, ежели повелено будет им в Крым или на всех степных обывателей итти, то они с охотою служить готовы; когда от них отправлен будет кто в Россию, чтоб пропусканы были как туды, так и назад незамедля; росийского народа у них многое число, а и их де народов в России имеетца; чтоб одного за одного розменить и посланного Сафара с есырем отправить возвратно. Ежели какое будет отправление, тоб велеть быть уфимскому толмачю Петру Куклину, понеже он обычай их и обхождение и путь знает и дело благое может сочинить; Худай Назар к прежним посланцом был приятен и шурин ево Мурза и ево Хаджан Бердеев сын Арык, Именглебаев сын, которые желают подарков, и ежели будут подарены, то видя, и протчие возимеют склонность, а прислать бы для пробы красных сукон рублев на пятьдесят или на сто, что надеетца примут благодарно.

На 4 [пункт]. Потом надлежит их каракалпаков приласкать и уговаривать, чтоб они с подданными ея императорского величества жили в миру спокойно и никаких набегов под российские городы и народу российскому вреды не чинили, обнадеживая их ея императорского величества милостью, что ежели они исполнят оное повеление, то ее величество изволит их содержать в высокой своей милости и посланцов их в Казань и к Москве допускать и купечество свободно отправлять повелит. И ежели [посланный] усмотрит их склонность и добродетельство к стороне ея величества, тогда, разведав подлинно, отправить ему посланцов, ис кого он по тамошнему состоянию усмотрит, с которыми послать к тамошним владельцам, которые к стороне ея величества доброжелательны, подарков рублев на сто.

5. В листу Шиха Азиса и протчих начальников написано, ежели изволят быть в приятстве, то прислать посланца, понеже у них имеется русских 4 000 человек, которые взяты из Ургенча и ис казаков, тако ж и у казаков имеется русских 5 000 человек; ежели изволят с ними смирно жить, то б прислать в город Уфу, которые взяты от них в полон, на посмену человек против человека, а посланной от муллы Максюты Сафар, как можно вскоре, был отпущен и с ним отправить посланца и роспись имянам тем пленным, которые взяты от них. Присланной от Максюты уфимской татарин сказал, присланного де яицкого казака он Максюта высвободил на поруки, в том, что ему Максюте высвободить киргисца и привесть ему Сафару с собою и велено ему Сафару прибыть туда конечно в майе месяце сего года, а яицкой казак Андрей Семенов сказал, чтоб обещано вместо ево высвободить казака Аркеля, которой содержится на Яике.

На 5 [пункт]. О размене пленных дать комиссию казанскому губернатору, чтоб он к ним каракалпацким владельцом отписал, что понеже они сами требуют, дабы розмену учинить, что и с стороны ея величества оное милостиво приемлетца, того ради дали б они знать, сколько у них, как в нижних, так и в верхних юртах российских пленных и ис каких чинов и, ежели от них такая ведомость пришлетца, то ему губернатору осведомясь подлинно, что их каракалпаков пленных имеется в Казанской губернии, дать знать и им каракалпаком и согла-

шаться с ними об оной розмене, чтоб о том учинить комиссию на Уфе, понеже о сем и их каракалпацких владельцов желание есть и, согласясь, чинить размену, проведывая и усматривая, которой бы человек рангом и знатью против которого стоил, а прежде вызволять афицеров и других служилых людей, а потом и о протчих подлого народа российских.

6. В доношении татарина Максюта [указано] ежели к ним прислан будет указ, так же и ему повелено будет, то они обещают посланника Флория, как возможно проводить, что предлагают с общаго совета, что никакой неправды не учинять; Флорий обретаетца в Бухарах здоров, токмо из служителей ево шесть человек у него отняты для услуг хану, в чем он противитца не может; ему Максюте оттуда проехать никуда не мочно, хотя и казаки посылаютца в Бухары, а как купецкие люди поедут, то и он с ними отправитца и поспешать будет, а ныне обретается в местечке Дарья Сыр.

На 6 [пункт]. К нему ж губернатору писать, дабы он отправленному уфимскому татарину Сафару приказал, чтоб он, прибыв в каракалпаки, татарину Максюте Юносову объявил, дабы он всякими способы домагался проехать в Бухары к Флорию Беневени и ево оттуда высвобожал, требуя и от них каракалпаков в том споможения, обещая им (ежели они в том спомогут), что учинено будет им за то награждение, и быть ему Сафару у каракалпак до возвращения ево Максюты из Бухар; а когда он Максюта из Бухар возвратитца, тогда ему с ним Максютою ехать в Росию и явитца в колегию иностранных дел, и для той посылки надлежит ему Сафару дать на дорожной проезд и для тамошняго жития пятьдесят рублев.

7. В доношении прапорщика, как он ехал ис каракалпаков в степи, между Яиком и башкирцами на реке Сакмаре строят городок, о котором, как он слышал, что строят пришлые руские люди сибиряки, а по какому указу и подлинно ль они сибиряки тот город строят, того он не знает, а ведает о том подлинно яицкой казак, которой с ним прислан Андрей Семенов, тако ж и татарин Сафар; казак сказал, что в том месте городок строитца, а какие люди и по какому указу не знает; а татарин сказал: между Яиком и башкирцы на реке Сакмаре городок строитца, а какие люди и по какому указу строят, о том Сафар не знает.

На 7 [пункт]. О сем правительствующему сенату коллегия иностранных дел доносит во известие.

Промемория военной коллегии в коллегию иностранных дел, 26 июля 1725 г.

Сего 1725-го году февраля 26 дня, в военную колегию ис колегии иностранных дел в промемории написано: явился де в той коллегии яицкой казак Андрей Семенов, которой показал, что был он в полону у киргис-казаков, и выпросил де ево у хозяина на поруки уфимской татарин Масюта Юнасов со обещанием, что вместо ево отпустит киргис-казака Аркеля; и по приговору военной колегии велено об отдаче в киргисцы помянутого, обретающегося на Яике, пленного киргис-казака Аркеля, вместо оного выпущенного за порукою яицкого казака, Андрея Семенова учинить на Яике по сенацкому определению, о чем на Яик из военной колегии и грамота послана и в колегию иностранных дел промемориею ответствовано марта 27 дня. А прошедшего июня 19 дня в военную колегию в доношении приезжаго с Яику лехкой станицы атамана Ивана Логинова с товарищи написано: по указу де из военной колегии велено пленного киргис-казака Аркеля отдать с Яику, вместо выпущенного за порукою уфимского татарина Максюты ка-

зака Андрея Семенова, а оной де Аркель взят у них в полон с тремя братьями родными Карамельгеном и Салтаем и, будучи на Яике, обещали за себя на три тысячи рублев купить в своей земле русских добрых десять человек казаков, по которому обещанию отпустили из них одного Карамельгена, а Аркель и Салтай содержались на Яике. И в прошлом де году Салтай бежал, и требуют, чтоб оного Аркеля, которой в поруке по братьях своих и в поставке русских казаков, вместо казака Андрея Семенова не отдавать, а отдать бы равного ему, понеже де он Аркель может дать десять человек, а ежели де и ево отдать только бы он поставил вместо братьев своих русских казаков, понеже он по них ручался, а покамест оного не учинит, по то время ево с Яику не отпущать. А понеже по резолюции правительствующего сената марта 8 дня сего 725 году велено яицким казакам взятых в полон каракалпаков и киргиз-казаков отдавать на розмену на взятых же ими яицких казаков с свидетельства атаманского и всего войска и притом смотреть, ежели ис тех пленных и из их народа будут какие знатные люди, то за таких яицких казаков брать числом людей со излишеством, смотря по достоинству, а не один на одного менять; разве таких одного против другова менять, ежели явятца рядовые каракалпаки убогие люди равные с яицкими казаками, и как оным доношением о помянутом киргисце Аркеле объявлено, что из их народа знатной он человек и за порукою ево для исходатайствования ис полону яицких казаков выпущен брат ево, с которым они десять человек выкупить обещали, и сего июля 24 дня по указу ея величества государыни императрицы государственная военная коллегия приказали: по оному правительствующего сената определению, вместо выпущенного ис полону яицкого казака Семенова, отпустить на розмену равного ему из рядовых киргиз-казаков, или каракалпаченина одного, а вышеозначенного Аркеля удержать, покаместь, по обещанию ево з братьями, вместо себя десять человек из русских казаков или сколько, по разсмотрению яицкого войскового атамана и всего войска поставят. И о том на Яик послать грамоту, а для известия в коллегию иностранных дел промеморию, в которой объявить, хотя в военной коллегии, по предложению оной коллегии иностранных дел и учинено такое решение, чтоб помянутого киргисца Аркеля отдать вместо отпущенного от них яицкого казака Андрея Семенова, токмо тогда неизвестно было, каким образом оной Аркель на Яике содержался; а ныне, по объявлению яицких казаков, за вышеявленным правительствующего сената определением отпустить ево невозможно, ис чего видно, что братья ево: один отпущенной за их порукою, а другой, ушедшей, не хотя о выкупе яицких пленных казаков обещания своего исполнить чрез означенного уфимского татарина Максюту одного казака за всех за трех под видом, якобы на одного Аркеля отпустили подлогом, а оному Максюте в такие дела и вступать повеления не было; и о том на Яик из военной коллегии грамота послана, и государственная коллегия иностранных дел да благоволит о том ведать.

Из донесения казанского губернатора А. Салтыкова в коллегию иностранных дел, 10 августа 1725 г.[1]

В грамоте ея величества государыни императрицы и самодержицы всероссийской, из государственной коллегии иностранных дел, писанной в Санкт-Питербурхе майя 24, а в Казани полученной прошедшего июля 26 дня сего 725 году, ко мне писано: майя де в 8 день сего году ис правительствующаго сената в присланной в коллегию иностранных дел

[1] МИД. ф. № 55. Каракалпакские дела. 1724 г.

резолюции написано: велено присланного ис каракалпацкой орды от татарина Максюты Юнусова татарина Сафара Росхозяева отпустить по прежнему к нему Максюте и с ним отпустить вызволенного от каракалпак яицкого казака Андрея Семенова на Яик, а за него отпустить с ним Сафаром киргисца Аркеля, о котором промемориею из военной коллегии показано, что об отпуске ево на Яик ея величества государыни императрицы грамота як послана, а по оной бы грамоте мне ево Сафара отправить и с ним х каракалпацким владельцом писать... И по той ея величества государыни императрицы грамоте в Каракалпацкую Орду означенного татарина Сафара Росхозяева отправил и как оною грамотою мне повелено х каракалпацким владельцом с ним писал. А по прибытии ево на Уфу об отправлении против прежних таких же посланных послан указ в тое Уфинскую правинцию х полковнику и воеводе князю Шаховскому и писано во оном, чтоб он по отправлении ево татарина проведывал на Уфе тайно всячески и чрез шпионов, что у них каракалпаков по приезде ево будет чинитца и к стороне Российской склонность какая от них иметца и, ежели какие ведомости иметь будет, то бы он о том писал ко мне во всякой скорости и какое известие от него воеводы, также и от объявленных татар Максюты и Сафара против посланного х каракалпацким владельцом листа получу, и к Российской стороне их каракалпацкую склонность усмотря, по вышеозначенному указу купя подарков на деньги по присланному векселю на сто рублев [1], отправлю к ним каракалпаком с нарочным немедленно и в государственную иностранных дел коллегию репортовать и о всем по оной грамоте исполнять и старание в том иметь буду; токмо чтоб каракалпаки в отдаче российских пленных и во всем, как чрез письмо объявляют, исполнили надеетца невозможно и, признавая, что оные только чинят под одним видом и выманивая подарков и еще из Росии к себе людей в плен и ко учинению тем посланным вреда, как и с преждеотправленным означенным прапорщиком учинили, ис чего признать можно, что и оной отправленной татарин Сафар Росхозяев требовал с собою посылки на объявленные деньги подарков или оных денег да для провожания из ясашных татар десяти человек и чрез поданное доношение объявил, якобы о том сказано было ему, что велено дать в иностранной коллегии и затем жил болея дву недель и не ехал, а как к езде с немалым принуждением от меня и склонен, то сказал, что ему в дороге пропитать себя нечем, понеже данные ему деньги пятьдесят рублев будто все издержал, и не смея я во оном ево отправлении учинить остановки, а в показанном деле от того не произошло б помешательства и не причлось бы того ко мне, выдал ему на оное в дороге пропитание десять рублев и потом, как выше объявлено, он отправлен и для охранения ево в пути послал с ним до Уфы дву человек салдат, и ему и под посланных с ним салдат даны три подводы и дано ис казанской рентерей прогонных денег дватцать один рубль.

А о строении городка в степи между башкирцами и Яиком на реке Сакмаре пришлыми людми и по какому указу и давно ль стали строить, о проведывании писал я на Яик и послал нарочно ундер-афицера х полковнику Захарову, которой тамо имеетца у розыскных дел, а в небытность ево к войсковому атаману, чтоб они с Яику на ту реку Сакмару послали от себя кого пристойно и тот городок осмотрили, а осмотря, писали в Казань немедленно, понеже по присланным с Яику ведомостям, оная река Сакмара граничит близь реки Яику и Казачья городка, которой на Яике, и яицкие казаки на ту реку Сакмару ездят,

[1] Речь идет о сумме, предназначенной на покупку сукна для раздачи влиятельным членам каракалпакской верхушки с целью их подкупа.

а от Казани о той реке знаемых людей нет, а посылать ис Казани для осмотру оного городка нарочных людей от набегов неприятельских каракалпак и киргиз небезопасно, чтоб оные посланные напрасно не пропали. А как о том ведомость о них получю в государственную коллегию иностранных дел репортовать буду ж.

Донесение казанского губернатора А. Салтыкова в коллегию иностранных дел, 27 сентября 1725 г.[1]

В нынешнем 1725 году, августа 10 дня, посланным в государственную коллегию иностранных дел ис Казанской губернии, против присланной грамоты из оной коллегии об отправлении в каракалпаки к татарину Максюта Уфинского уезда татарина ж Сафара Росхозяева и о проведывании о строении городка в степи между башкирцами и Яиком на реке Сакмаре пришлыми людьми и по какому указу и давно ль стали строить, доношением писано, в котором объявлено, что для того уведомления послан нарочной ундер-афицер и писано с ним на Яик к полковнику Захарову, которой тамо имелся у розыскных дел, а в небытность ево к войсковому атаману, чтоб они с Яику на ту реку послали от себя кого пристойно и тот городок осмотрели; тако ж на Яике киргизец Аркель, которого по той же грамоте велено отпустить с тем татарином, в плену имеетца ль, а буде нет, куды послан и какая о том с Яику ведомость получена будет, в государственную коллегию иностранных дел писано будет немедленно. А сего сентября 15 дня означенной посланной ис Казани ундер-афицер с Яику возвратился и подал от оных яицких казаков отписку, в которой написано, что де по указу ея императорского величества, присланному ис Казанской губернской канцелярии для проведывания оного городка они казаки от себя посылали и возвратясь те посланные сказали: на помянутой де реке Сакмаре строят городок пришлые из Сибирской губернии из разных городов люди самовольно без указу, а в переписных де книгах нигде они не написаны и в тех де городах, ис которых они вышли, их не держат, а строят де они тот городок на шляхах неприятельских людей каракалпаков и киргис-казаков, по которым де шляхам те каракалпаки к росийским городам приходят, а означенного де киргисца Аркеля на Яике у них не сыскано и не имеетца.

Резолюция сената, 8 ноября 1725 г.[2].

По указу ея императорского величества правительствующий сенат, слушав доношения иностранной коллегии о строящемся вновь в степи городке меж Яика и башкирцами на реке Сакмаре, приказали казанскому губернатору послать на Яик кого из офицеров или из дворян доброго человека, которому на Яике, взяв пристойной комвой казаков, ехать с ними к означенному городку, и, приехав, того городка жителем объявить, что он прислан к ним по указу ея императорского величества для осмотру того их поселения и места, где оной городок они строят, и чтоб они впредь до указу ея императорского величества жили в том месте, и всех их переписать, из которых они уездов сходцы и каких чинов или чьи люди и крестьяне, и сколько их всех в том месте поселилось и давно ль на то место они пришли; при том же тому посланному описать положение того места и какою крепостию тот городок утвержден и есть ли при нем лес, пашня и другие угодьи, и в каком разстоянии тот городок, как от Яика, так и от Российских

[1] МИД, ф. № 55. Каракалпакские дела. 1724 г.
[2] МИД, ф. № 55. Каракалпакские дела. 1724 г.

городов и уездов, также и от каракалпаков и киргиз-казаков, и подлинно ль строитца на тех дорогах, которыми под российские городы те народы приходят, как о том преждепосланным казакам от жителей объявлено, также река Сакмара в которые реки впадает, и тому всему, учиня чертеж, и с вышепомянутым известием прислать того посланного в сенат немедленно, а буде паче чаяния, того городка жители учинятца противны и в городок не пустят и переписывать себя и никакого известия, как о том писано выше сего, не дадут, и тому посланному как возможно, доведыватца о том о всем чрез яицких казаков, и в каком числе они обретаютца и какое ружье у себя имеют и откуду пропитание получают и не имеют ли с тамошними противными народы согласия, а к Российской стороне противности, и, розведав о всем о том подлинно, возвратитца тому посланному в Казань, а ис Казани с тем известием прислать ево в сенат немедленно, и о том в Казанскую губернию, а о посылке на Яик о даче конвою грамоты в военную коллегию послать указы.

(*Продолжение следует*)

Борьба царского правительства и цензуры с революционным „Кобзарем“ Т. Г. Шевченко

К 125-летнему юбилею со дня рождения

Великий поэт украинского народа Тарас Григорьевич Шевченко всю силу своего поэтического таланта отдал на служение трудящимся массам.

«Я мужицкий поэт» — говорил он о себе. И действительно Шевченко был поэтом трудового народа, поэтом революционной демократии, воплотившим в своем творчестве чаяния и надежды трудящихся Украины. Поэзия Шевченко была поэзией крестьянских восстаний. Пламенный боец-революционер призывал угнетенный народ к низвержению эксплоататоров.

. . . . Вставайте,
Кайданы порвіте,
Уварожою злою кровью
Волю окропіте.

Будучи сыном трудового народа, Шевченко был и лучшим его поэтом. «Тарас Шевченко — поэт совершенно народный», — говорил Н. А. Добролюбов.

Выражая беззаветную любовь к украинскому трудовому народу, Шевченко вел беспощадную борьбу против самодержавия и угнетателей, против всех палачей народного счастья, называя их тиранами, псарями и душегубами. Поэтому понятно, что царское правительство жестоко расправилось с революционным демократом и поэтом угнетенных тружеников. Шевченко был арестован, отдан в солдаты и сослан на 10 лет «под строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать, дабы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений». Одновременно по цензурному ведомству было предписано запретить изданный в 1840 г. «Кобзарь» Шевченко, и изъять его из продажи. Царская цензура прекрасно знала, что произведения Шевченко, написанные на украинском языке, проникают прежде всего в среду украинского народа, и что этот народ высоко ценит и глубоко любит своего великого поэта, призывавшего украинский народ вести беспощадную борьбу с тиранами и палачами за свое счастье и свободу.

Вот почему цензура, стоявшая на страже интересов реакции и царизма, не мало потрудилась над «Кобзарем» Шевченко, то кромсая его и изгоняя из него революционный дух, то предавая его аресту и запрещению, а издателей судебному преследованию. Во всех изданиях «Кобзаря» в России до 1905 г. постоянно исключались революционные и противоправительственные стихотворения Шевченко, во многих дозволенных стихах цензорским пером вычеркивались стихотворные строки и целые абзацы, одни стихи и слова заменялись другими, по усмотрению цензора или издателя. Стихи Шевченко они всячески искажали для того, чтобы великого революционного поэта превратить в либерального писателя, якобы примирившегося с самодержавием. Ввиду того, что в России нельзя было напечатать полное издание «Кобзаря», были сделаны неоднократные попытки издать его за границей. В эти издания иногда попадали запрещенные

русской цензурой стихи Шевченко. Но нужно сказать, что в заграничных изданиях «Кобзаря», предпринимаемых с целью наживы, стихи Шевченко так же извращались; в них беспощадно вычеркивалось все, что могло бы явиться препятствием к легальному распространению издания в царской России.

После революции 1905 г. удалось издать «Кобзарь» Шевченко со всключением в него некоторых запрещенных стихотворений (правда, в искаженном виде). Когда этот «Кобзарь» попал в руки разных царских мракобесов, он им показался революционной бомбой, и боясь ее взрыва они стремились немедленно уничтожить ее. Архиепископ харьковский и ахтырский Арсений 5 января 1911 г. доносил харьковскому губернатору и обер-прокурору синода, что многие произведения «Кобзаря» «проникнуты злобно-революционным духом как против христианской веры, так и по отношению к царской власти». Дело дошло до Главного управления по делам печати и до министра внутренних дел П. А. Столыпина, который 15 февраля 1911 г. сообщил обер-прокурору, что на издания «Кобзаря» наложен арест, а против виновных в его издании возбуждено судебное преследование.

Особое внимание цензура обращала на стихотворения из «Кобзаря»: «Цари», «Юродивый», «Бували войны», «Завещание» и др., в которых Шевченко беспощадно критикует царей и их приспешников, призывая народ отрубить им головы, «восстать, порвать цепи и окропить свободу злой вражеской кровью».

Все подобные стихотворения из изданий «Кобзаря» (1908, 1910 и 1911 гг.), на основании приговора СПБ судебной палаты и сената, были уничтожены.

Некоторые революционные стихотворения из «Кобзаря», изданные после революции 1905 г., неоднократно перепечатывались в различных сборниках, вместе с произведениями других украинских и русских писателей. Эти сборники также вызывали возмущение охранителей самодержавия. Так, например, 8 июля 1911 г. Киевский временный комитет по делам печати доносил в Главное управление по делам печати, что в сборнике «Украинский декламатор» «Розвала» т. I—II напечатаны противоправительственные стихотворения Шевченко, которые 7 марта 1911 г. были признаны С. Петербургской судебной палатой «подлежащими исключению из всех собраний сочинений Т. Шевченко». Киевский комитет доносил [1], что в стихотворении «Холодный яр» поэт оскорбляет царя эпитетом «лютого Нерона», а верных слуг царских называет «ненасытными разбойниками и голодными воронами». В стихотворении «Во Иудеи во дни оны» Шевченко именует своего монарха «пьяным царем владыкой», а в стихотворении «И Архимед и Галилей» он пророчествует о монаршей власти в следующих выражениях: «Плод от царского семени будет избит, а люди вырастут; царята умрут еще незачатыми и не будет врага-супостата на обновленной земле». В поэме «Цари» поэт просит музу «показать ему, как разделывать коронованные главы божьих помазанников, чтобы и он подержал в руках святопомазанный чуб».

Эти стихотворения Шевченко царская цензура подвергла аресту и уничтожению.

Все представители царизма и реакции обрушились на Шевченко. В 1914 г. Киевский губернский союз русского народа в докладной записке министру внутренних дел, выражая злобу и ненависть к украинскому поэту, указывал, что Шевченко в «Кобзаре» призывает народ к восстанию против самодержавия и выступает против христианской религии и церкви. Поэтому эти черносотенцы, презренные лакеи царизма, ходатайствовали перед министром внутренних дел о запрещении празднования 100-летнего юбилея со дня рождения Шевченко и о запрещении постановки ему памятника. Мракобесы и палачи стремились уничтожить самую память о гениальном украинском народном Кобзаре.

Ненавидя революционного поэта Шевченко и боясь революционизирующего

[1] В настоящей публикации этого донесения не воспроизведено, оно публикуется в сборнике «Шевченко и царская цензура», составленном нами для литературного издательства УССР.

влияния его произведений на народные массы, царское правительство запретило чествование 100-летнего юбилея со дня рождения Шевченко.

Запрещались не только собрания и литературные вечера в память поэта, запрещались даже панихиды по Тарасе Шевченко. Одесский архиепископ Назарий на запрос елизаветградских крестьян ответил: «О хулителе пречистой божией матери Тарасе Шевченко молиться усердно нужно, но по совести, чтобы бог ему простил гнусные писания его; но панихиды пригласите служить у себя на дому, а не в церкви» [1].

В юбилейные дни наглости царских палачей не было предела. Жандармы и полиция разгоняли собрания и митинги, посвященные Шевченко, избивая и подвергая аресту почитателей великого украинского поэта. Цензура запрещала статьи, посвященные памяти поэта. За статью о Шевченко была оштрафована большевистская газета «Правда».

Репрессии против Шевченко и его революционного творчества превратились однако в лучшее средство пропаганды и агитации среди трудовых масс за народного поэта.

«Запрещение чествования Шевченко,—писал В. И. Ленин в апреле 1914 г.,—было такой превосходной, великолепной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя. Я думаю, все наши лучшие социал-демократические агитаторы против правительства никогда не достигли бы в такое короткое время таких головокружительных успехов, каких достигла в противоправительственном смысле эта мера. После этой меры миллионы и миллионы «обывателей» стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть «тюрьма народов» [2].

Чествование памяти великого поэта превратилось в революционную демонстрацию протеста против всего самодержавного режима бесправия и произвола.

Большевики связывали чествование памяти Шевченко с борьбой пролетариата против угнетения всех наций, с борьбой против капитала — за социализм. Киевский комитет РСДРП в своей прокламации подчеркивал, что Тарас Григорьевич Шевченко был не только украинский народный поэт. В своих произведениях он отразил весь гнет крепостнического строя, весь ужас народного бесправия». Прокламация заявляла:

«В день памяти поэта вы, товарищи, присоединяйтесь к общему протесту против правительственного угнетения, протестуйте против поработителей ваших прав и прав нации. Только с падением самодержавного строя будет легче рабочему бороться за свою долю, о которой так часто упоминал покойный поэт, В день памяти поэта-трибуна вспомните о светлом грядущем строе, о социализме. Помните, что в борьбу за социализм против угнетателей всех наций идет рабочий класс — пролетариат» [3].

Украинские националисты пытались извратить революционное творчество Шевченко, пытались представить великого поэта борцом за «самостийность» Украины. Националисты играли на ненависти Шевченко к самодержавной России. Но эта ненависть Шевченко и трудящихся Украины была ненавистью к царскому правительству и его палачам, угнетавшим русский и украинский трудовой народ. Для Шевченко царская Россия была тюрьмой народов. И бичуя самодержавие со всей силой своего могучего поэтического таланта Т. Г. Шевченко боролся за светлое будущее не одного украинского народа, но за свободу и счастье всех народов нашей великой родины.

Великая Октябрьская социалистическая революция, свергнув ненавистное иго царизма и капитализма, навсегда уничтожила национальную рознь и национальный гнет. «При советском федеративном государстве нет больше ни угнетен-

---

[1] Стенографический отчет Государственной думы. Четвертый созыв, сессия 2-я, ч. 11, СПБ, 1919 г., стр. 1185.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 324—325.

[3] «Красный архив», № 3 (76), 1936 г., стр. 227.

ных национальностей, ни господствующих, национальный гнет уничтожен...» [1]. Сейчас Советская Украина расцветает вместе со всеми братскими республиками великого Советского Союза. Над Советской Украиной сияет солнце Сталинской Конституции. Красная Москва стала символом освобождения трудящихся всего человечества.

Трудящиеся Советской Украины и всего Советского союза высоко чтут великого революционного поэта Тараса Григорьевича Шевченко, певца Украинского трудового народа, певца свободы и народного счастья.

И. Ковалев

Письмо харьковского губернатора Катеринича начальнику Главного управления по делам печати Бельгарду, 5 января 1911 г. [2]

Архиепископ харьковский и ахтырский Арсений, прислав мне для ознакомления издание сочинений «Кобзарь», сообщил при этом, что в Харьковской губернской земской управе, а также и в публичной продаже по городу Харькову этот сборник в настоящее время находится в свободном обращении, а между тем некоторые стихотворения, помещенные в этой книге, по своему содержанию являются совершенно антирелигиозными и направленными к подрыву религиозного чувства в среде народной. Такова, например, поэма «Мария», в которой в описании событий благовещения пресвятой богородицы и рождества христова допущены автором циничные выражения, унижающие достоинство богоматери и ее непорочность и извращающие истинный смысл христианского понимания означенных событий. В стихотворениях «Цари» и «Саул» (стр. 380 и 587) допущено кощунственное глумление над царственным пророком Давидом и царем Саулом. Другие же стихотворения, как например: «Молитва» (стр. 587), «Сон» (стр. 511), «Юродивый» (стр. 546), проникнуты злобно революционным духом как против христианской веры, так и по отношению к царской власти.

По изложенным основаниям его высокопреосвященство находит означенную книгу крайне вредной для народного обращения, а потому просит меня принять меры к изъятию ее из склада Харьковской губернской земской управы, где она предназначена для распространения в народных библиотеках-читальнях, а также из школ, библиотек и читален и к воспрещению публичной продажи ее в книжной торговле как по городу Харькову, так и по всей Харьковской губернии.

Ознакомившись с указанным изданием сочинений Шевченко, я не мог не согласиться с мнением высокопреосвященного Арсения; но в целях всестороннего освещения этого вопроса, я ознакомился частным образом с мнением лиц, специально изучивших малорусскую литературу и, в частности, с мнением профессора Харьковского университета по кафедре истории западно-европейской литературы Соловьева. По мнению профессора Соловьева, знакомого с сочинениями Шевченко по прежним их изданиям, многие стихотворения «Кобзаря» встречаются в этом сборнике впервые и не вяжутся с тем крайне-религиозным направлением, которым проникнуты все сочинения Шевченко, так резко высказавшегося против атеизма и обвинявшего немецкую науку в пропаганде атеизма. В некоторых стихотворениях, помещенных в «Кобзаре», профессор Соловьев совершенно не узнает поэта Шевченко, так часто говорившего о силе молитвы, о чудотворном образе богоматери, с благоговением относившегося к киевским свя-

[1] Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос. Партиздат, 1934 г., стр. 79.

[2] Центральный архив революции (ЦАР) УССР, Главное управление по делам печати, 1 отд., 1911 г., д. № 33, лл. 1—2.

тыням и покорно склонившегося перед провидением. Ввиду такого отзыва профессора Соловьева, я склонен даже допустить мысль, что не являются ли некоторые стихотворения, помещенные в «Кобзаре», сочинениями чуждыми поэту и внесенными в сборник в подрыв религиозных верований и политических убеждений малорусского населения.

Поэтому я позволяю себе обратиться к вашему превосходительству с покорнейшей просьбою, не признаете ли вы возможным пересмотреть прилагаемый при сем сборник сочинений Шевченко «Кобзарь» и принять меры к его изъятию из обращения, о последующем же не откажите почтить меня своим уведомлением.[1]

Губернатор М. Катеринич.

Представление С.-Петербургского комитета по делам печати в Главное управление по делам печати, 28 января 1911 г.[2].

Вследствие циркулярного предложения от 29 декабря 1906 г. за № 13785, С.-Петербургский комитет по делам печати имеет честь представить Главному управлению по делам печати, что комитетом сего числа наложен арест на следующие неповременные издания:

1) «Т. Г. Шевченко. Кобзарь». Второе издание «Общества имени Шевченко и благотворительного общества издания общеполезных и дешевых книг». СПБ. 1908. Тип. Шмидта, XXXII+612 стр., цена 60 к.

2) То же издание на веленевой бумаге с тремя портретами. XX + 634 стр., цена 3 руб.

3) То же издание с одним портретом. XX + 643 стр., цена 1 руб. 50 коп.

4) «Шевченко. Кобзарь». Третье полное издание В. Яковенко, СПБ 1910. Типография Эрлиха.

5) «Шевченко. Твори в двох томах. Том перший. «Кобзарь», издание В. Яковенко (с рисунками), СПБ, 1911, Типография Эрлиха[3].

За председательствующего, член комитета (подпись).

Сообщение С.-Петербургского комитета по делам печати прокурору Петербургской судебной палаты, 10 февраля 1911 г.[4].

На рассмотрение С.-Петербургского комитета по делам печати поступила книга под заглавием «Т. Шевченко. Твори в двох томах. Том перший «К о б з а р ь». Під редакцією В. Доманицького 3 життєписом, портретом і 53 малюнками Н. Ткаченка та С. Дудиана. Видання В. Яковенка. СПБ. 1911. Типография Ю. Н. Эрлих» (влад. А. Э. Коллинс), Мал. Дворянская, 19. Цена 1 руб. 10 коп., 2100 экземпляров.

Названное издание «Кобзаря» является почти тождественным с выпущенным в свет тем же В. И. Яковенко в 1910 г. сборником произведений Шевченко под заглавием «Т. Шевченко. Кобзарь. Трете полне видання під редакцією В. М. Доманицького з портретом и життєписом. Ціна 60 к. 1910 г. Типография Ю. Н. Эрлих». Разница

[1] Письмо такого же содержания за подписью прокурора синода Лукьянова было послано 10 января 1911 г. министру иностранных дел Столыпину.

[2] ЦАР УССР, Главное управление по делам печати, 1 отд. 1911 г., д. № 33, л. 6.

[3] 11 февраля 1911 г. С.-Петербургский комитет по делам печати сообщил в Главное управление по делам печати, что «Комитет постановил возбудить против лиц ответственных за напечатание этих изданий, уголовное преследование... а на самые издания наложить арест» (Главное управление по делам печати, 1 отд., д. № 33, 1911 г., л. 3).

[4] ЦАР УССР, Главное управление по делам печати, 1 отд., д. № 33, 1911 г., лл. 11—15.

между этими изданиями заключается лишь в том, что в последнем издании 1911 г. помещены иллюстрации к тексту стихотворений.

Кроме вышеуказанных изданий «Кобзаря» надлежат быть отмеченными еще три издания, вышедшие в свет в 1908 г. под заглавиями «Т. Шевченко. Кобзарь». Друге видания «Общества имени Т. Г. Шевченко для вспомоществования нуждающимся уроженцам Южной России, учащимся в высших учебных заведениях С.-Петербурга» та «Благотворительного общества издания общеполезных и дешевых книг». СПБ. Книгопечатня Шмидта, Звенигородьска, 20, 1908». Эти издания содержат в себе один и тот же состав стихотворений в одной и той же редакции и разнятся между собою тем, что в одном из них (XXXII+612 стр., цена 60 коп.) помещено жизнеописание Тараса Шевченко, а в двух других (XX + 634 стр. и 3 портрета, цена 3 руб.) вместо этого находится: предисловие ко 2-му изданию и пояснительные примечания. С изданиями ранее указанными эти три издания также тождественны по составу стихотворений и отличаются только редакциею текста, так как в них приведены полностью в нескольких стихотворениях слова, замененные точками в изданиях 1910 и 1911 годов.

Переходя к содержанию поименованных изданий «Кобзаря», комитет считает должным выделить две группы стихотворений, образующих собою состав преступлений, предусмотренных ст.ст. 128 и 73 и 74 угол. улож. изд. 1903 г.

В первую группу входят следующие произведения: 1) «Сон» (стр.стр. 160—176 по изданиям 1910 и 1911 гг.; стр.стр. 169—185 по изданиям 1908 г.). Здесь автор рассказывает, что во сне он прилетел в Петербург и попал на царский парад. «Сам» изволит сегодня гулять»,— объясняет спрошенный солдат. «А где же она, эта цаца?» — вопрошает автор, и тотчас очутился во дворце. «Вот и сам, высокий сердитый выступает. Рядом с ним жиночка несчастненькая, как засушенная опенька, тонкая, длинноногая, да еще к тому же сердечная трясет головою. Так вот она эта богиня? Горе с тобою... А я, глупый, не видевший тебя, цацу, ни разу, поверил тупорылым твоим виршеплетам». «Царь говорит, а див-царица, как та цапля среди птиц, скачет, бодрится. Долго вдвоем прохаживались как надуты сычи». «Вдруг царь подходит к наистаршему, да как ударит его по лицу!.. Тот облизался, да меньшого в пузо!.. А на улице православные, получив побои, как рявкнут: «Гуляет наш царь батюшко, гуляет!.. Ура»!..». «К рассвету все уснуло, только православные по углам стонали, та стоная за батюшку господа просили. Смех и слезы».

Затем автор увидел памятник, на котором стоит надпись: «Первому Вторая». «Это тот Первый,— говорит он,— что распинал нашу Украину, а Вторая доканала вдову-сиротину. Палачи, палачи, людоеды. Наелись оба, накрались!.., а что взяли на тот свет с собою!».

Далее автор от разных лиц обращается к Великому Петру с следующими словами: «О, царь поганий! царь проклятый, ненасытный, аспид лукавый! что сделал ты с казаками... И мы скованы с тобой, людоед, змей. На страшном судилище мы бога закроем от твоих ненасытных очей... Веселися, лютый палач, проклятый, проклятый». Очутившись снова во дворце, автор видит, что все смотрят на двери и ждут выхода царя. «Двери отворилися. Как будто из берлоги медведь вылезает. Еле-еле передвигает ноги, одутловатый, даже посинеет: проклятое похмелье мучило его. Он выпучил глаза на лоб, и все затряслись. Как сумасшедший кричит он на меньших,— те в землю; он к мелким,— те пропадают; он к челяди — челядь пропала; к солдатам,— солдатики тяжко застонали и ушли в землю!».

2) «Великий льох» (стр. стр. 213, 214, 215, 216, 217, 220 по изданиям 1910 и 1911 гг.; стр.стр. 224, 225, 226, 227, 228, 232 по издания 1908 г.). В этом стихотворении рассказывается о том, за что три девичьи души не могут попасть в рай. Первая за то, что с полным ведром перешла дорогу гетману, который ехал присягать Москве. Вторая — за то, что напоила коня московского царя. Третья — за то, что будучи еще ребенком, усмехнулась глядя на московскую царицу (Екатерину II), когда та ехала по Днепру. «Разве я знала,— жалуется эта душа,— что та царица, лютый враг Украйны, голодная волчица».

В этом же стихотворении ворона хвастается, что в Московщине она «три раза накаркала»; другая же говорит: «и я люта, а все-таки не сумею сделать того, что на Украйне москали делают с казаками. Возьмут да издадут указ: «По милости божией и вы наши, и все наше что годится и не годится».

3) «Кавказ» (стр.стр. 244 и 247 по изданиям 1910 и 1911 гг.; стр.стр. 257 и 260 по изданиям 1908 г.). Рассказывая про Кавказские горы, автор говорит: «Легло костьми людей муштрованных не мало. А слез? А крови? Хватило бы утопить всех императоров с детьми и внуками, утопить во вдовьих слезах». «Слава,— иронизирует он далее,— слава лягавым, гончим и псарям, и нашим батюшкам... Слава» (в изданиях 1908 г. вместо точек поставлено «царям»). Сожалея о своем друге, посланном на Кавказ, автор высказывает: «Не за Украину, а за ее палача пришлось пролить честную кровь, пришлось запить из московской чарки московскую отраву».

4) «Холодний Яр» (стр. 256 в изданиях 1910 и 1911 гг., стр. 270 в изданиях 1908 г.). Здесь говорится: «Не прячьте, не топчите святой закон и не зовите преподобным лютого Нерона! Не славьтесь царевою святою войною, ведь вы сами не знаете, что цари делают, а кричите, что несете и душу и тело за «отечество». Ей-богу, овечья натура!..».

5) «Цар» [1] (стр.стр. 361, 362, 367 в изданиях 1910 и 1911 гг., стр.стр. 380, 386, 387 в изданиях 1908 г.). Во вступлении к этому стихотворению автор, обращаясь к музе, говорит, что ему хотелось бы согнать оскомину на коронованных главах, на тех помазанниках божиих. «Так что ж? Не сумею. Если ты поможешь и покажешь, как этих птиц ощипывают и потрошат, то может быть и мы подержали бы в руках свято-помазанную чуприну». Оканчивается это стихотворение следующими словами: «пусть бы палачи поотрубили головы этим царям, палачам людей». «Что же мне теперь делать с этими поганцами? Скажи, прекрасная сестра Аполлона. Научи, голубка! Помоги полазить немного около трона».

6) «Юродивый» (стр.стр. 517—519 в изданиях 1910 и 1911 г.; стр.стр. 545—547 в изданиях 1908 г.). Содержание следующее: «Во дни фельдфебеля-царя капрал Гаврилович Безрукий и пьяный унтер Долгорукий управляли Украйной. Не мало добра натворили,— не мало людей оголили эти сатрапы-унтера. А в особенности стриженный Гаврилыч со своим скорым и лихим ефрейтором до того людей домуштровали, что сам фельдфебель дивился в маршировке и всему и «благосклонны пребывали всегда к ефрейторам своим». А мы смотрели и молчали, немые, подлые рабы, подножки царские, лакеи пьяного капрала!». «Когда дождемся мы,— восклицает автор,— Вашингтона с новым справедливым законом; а ведь когда нибудь дождемся!». Далее повествуется, что нашелся на Украйне «святой рыцарь», который ударил по лицу Гаврилычу Безрукого, а «фельдфебель ваш, Сарданапал, послал на каторгу святого, а к побитому сатрапу на-

[1] В издании 1932 г. «Література і министецтво», Харьков — Киев, это стихотворение значится под заголовком: «Старенька сестра Аполлона», стр. 190.

всегда «остался благосклонным». В дальнейшем про царя Николая говорится, что его дела безбожные. «Безбожный царь, творец зла, жестокий гонитель правды!» заявляет автор, а затем обращается к всевидящему оку со словами: «Ты спишь, в киоте, а... (в изданиях 1908 г. «цари») — да чур им, тем (в изданиях 1908 г. «царям») поганым! Пусть к ним вернутся оковы».

7) «Слава» (стр. 522 в изданиях 1910 и 1911 гг.; стр. 550 в изданиях 1908 г.). Здесь автор так говорит, обращаясь к славе: «хотя ты и возгордилась и ходила по кабакам с пьяными кесарями, а в особенности с тем Николаем в Севастополе, но мне все равно».

8) «Я не нездужаю» (стр. 523 в изданиях 1910 и 1911 гг.; стр. 551 в изданиях 1908 г.). «Добра не жди,— рассуждает автор,— не жди обещанной воли, она уснула: царь Николай проспал ее, а чтобы пробудить желанную волю, нужно всем миром, громадою отлить стальной обух, хорошо наострить топор, и тогда уже начинать будить. А то она проспит до страшного суда. А господа будут колыхать ее, строить храмы, палаты, любить своего пьяного царя и византийство прославлять».

9) «Во Иудеи, во дни оны» (стр. 531 в изданиях 1910 и 1911 гг.; стр. 559 в изданиях 1908 г.). В этом стихотворении автор взывает: «Спаси ты нас, младенче праведный, великий, от пьяного царя владыки! От худшего тебя спасла твоя преправедная мать. Но где же нам найти ту мать? Мы сердцем голы! Рабы с кокардою на лбу, лакеи в золотом одеянии, тряпка, сор, с помела его величества вот и все!»

10) «Осии глава XIV» (стр. 555 в изданиях 1910 и 1911 гг.; стр. 585 в изданиях 1908 г.). «Вы говорите,— наставляет автор,— что царь — наш бог, и царь — надежда, и вскормит и согреет вдову и сироту... Нет не то! Скажи им так: лгут боги, эти идолы в чужих чертогах Скажи, что правда оживет и вызовет не древнее растленное слово, а слово новое громко возвестит людям и спасет окраденный народ от милости царской».

11) «Молитви»(стр.стр. 557—558 в изданиях 1910 и 1911 гг., стр. 587—588 в изданиях 1908 г.). В этом стихотворении цари называются «всемирными и кровавыми кабатчиками» с «ненасытными очами».

12) «Хоча лежачего не бьт» (стр.стр. 572—573 в изданиях 1908 г.). Здесь говорится, что «люди тихо, без всякого лихого лиха... (в изд. 1908 г. «царя») поведут к палачу»!

13) «О люди, люди, небораки» (стр. 573—574 в изданиях 1910 и 1911 гг.; стр. 604—605 в изданиях 1908 г.). Автор восклицает: «О люди, люди простаки, к чему вам... (в изд. 1908 г. «цари») и далее: «будет ли суд и будет ли кара... (в изд. 1908 г. «царям, царевичам») на земле? Будет ли правда среди людей? Должна быть. Не то солнце станет и сожжет оскверненную землю».

14) «Якось-то йду я уночі» (стр.стр. 575—576 в изданиях 1910 и 1911 гг.; стр.стр. 607—608 в изданиях 1908 г.). Автор говорит: «Если бы рабы не уступили, то не стояли бы над Невою эти оскверненные палаты, а то теперь... псари с псарями царят».

15) «Бували войни» (стр. 576 в изданиях 1910 и 1911 гг.; стр. 608 в изданиях 1908 г.). Здесь автор предсказывает, что вырастут зеленые побеги, которые «раскрошат трон, порвут порфиру, раздавят вашего кумира».

16) «І Архімед і Галілей» (стр. 566 в изданиях 1910 и 1911 гг.; стр. 597 в изданиях 1908 гг.) Здесь автор говорит так: «Будет уничтожена царями сеянная рожь... умрут еще незачатые царята и на обновленной земле не будет врага».

Ко второй группе относятся стихотворения:

1) «Кавказ» (стр. 245 в изданиях 1910 и 1911 гг.; стр. 259 в изданиях 1908 г.). Здесь находится следующее место: «У вас святую библию читает святой чернец и научает, что какой то царь пас свиней и взял себе жену друга, а друга убил — и теперь на небе! Вот видите, какие у нас на небе! Все еще темные, не наученные догматами! У нас поучитесь! У нас дери, дери, потом дай и ступай прямо в рай, даже возьми всю родню!»

2) «Царі» (стр.стр. 362—367 в изданиях 1910 и 1911 гг., стр.стр. 381—386 в изданиях 1908 г.). В этом стихотворении царственный пророк Давид называется ненасытным царем, убийцею, блудным котюгою с волчьей натурой, причем добавляется: вот таковы то эти святые цари!

3) «Неофіти» (стр. 501 в изданиях 1910 и 1911 гг., стр. 528 в изданиях 1908 г.). Здесь находится такое выражение: «Не говорит ни сам творец, ни его святые помощники, поборники, кастраты немые».

4) «Гимн черничий» (стр. 563 в изданиях 1910 и 1911 гг., стр. 593—594 в изданиях 1908 г.). Содержание следующее: «Ударь гром над этим домом! Над этим божьим, где мы умираем, тебя, боже, оскорбляем, оскорбляя, поем: аллилуя! Если бы не ты, мы познали бы любовь, вырастили бы детей, научили бы и пели: аллилуя! Ты обманул нас несчастных, мы же окраденные сами тебя обманули и со смехом возопили: аллилуя! Ты постриг нас в черницы, а мы молодицы танцуем и поем,— и с пением восклицаем: аллилуя!»

5) «Світе ясний!» (стр. 564—565 в изданиях 1910 и 1911 гг.; стр. 595—596 в изданиях 1908 г.). Содержание следующее: «Свет ясный, свет тихий, свет вольный. За что тебя, свет-брат, в своем хорошем теплом доме заковали, замуровали (премудрого обманули), багряницами накрыли и распятием добили? Не добили! Встрепенись и над нами возсияй! Возсияй! Будем, брат, багряницы рвать на тряпки, из кадил закурим трубки, «явленными» печь истопим, кропилами будем, брат, новую избу выметать».

6) «Саул» (стр. 568—571 в изданиях 1910 и 1911 гг.; стр. 599—602 в изданиях 1908 г.). В этом стихотворении говорится, что Саул, помазанный в цари, «не будучи дурак» набрал себе гарем не малый и стал самодержцем; берет он город и аул, берет девушку и ягненка, живет среди роскоши, пока наконец, недалекий умом, не лишился разсудка. Когда для его развлечения Давид заиграл на гуслях и запел, то Саул, как тот солдат, стал честить свою родню вдоль и поперек. «Горе, горе,— заключает автор,— мельчают люди на земле, растут и превозносятся цари!»

7) Кроме вышеуказанных стихотворений надлежит быть отмеченной поэма «Мария» (стр. 531—551 в изданиях 1910 и 1911 гг.; стр. 560—581 в изданиях 1908 г.), которая написана на тему благовещения девы Марии, рождения христа, бегства в Египет и отроческой жизни спасителя. Хотя поэма эта в своем содержании проникнута благоговейным чувством к деве Марии и к Иисусу христу, но все же заслуживает внимания реалистическое трактование автором избранной им темы.

В виду вышеизложенного С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: 1) привлечь к уголовной ответственности, по силе ст.ст. 73, 74 и 128 угол. улож. изд. 1903 г., виновных в напечатании всех вышеперечисленных изданий «Кобзаря» Шевченко и 2) наложить на все эти издания арест на основании ст. 3 отд. IV временных правил для неповременной печати 26 апреля 1906 года.

Сообщая о сем, в дополнение к отношениям своим от 28 января сего года за №№ 156, 158, 160 и 164, комитет имеет честь покорней-

ше просить ваше превосходительство возбудить судебное преследование против издателей — В. И. Яковенко и лиц, являющихся ответственными по делам «Общества имени Т. Г. Шевченко для вспомоществования нуждающимся уроженцам Южной России, учащимся в высших учебных заведениях С.-Петербурга» и «Благотворительного общества издания общеполезных и дешевых книг», имена и местожительства коих комитету неизвестны, а равно и против других лиц, могущих оказаться виновными по тем же делам.

Пять экземпляров вышеуказанных изданий при сем препровождается.

К сему С.-Петербургский комитет считает долгом добавить, что при обсуждении этого дела им было обращено внимание на сделанное в предисловии ко второму изданию «Кобзаря» заявление издателей о том, что первое издание напечатано с дозволенного цензурой в 1905 г. Львовского издания 1902 г., и что второе издание представляет собой полное, лишь несколько исправленное воспроизведение первого издания.

По справке в делах С.-Петербургского цензурного комитета оказалось, что 28 ноября 1905 г. за № 2013 цензурой действительно разрешено было напечатание сборника стихотворений под заглавием «Поэзии Тараса Шевченко», под условием соблюдения общерусского правописания, однако разрешение это издателями использовано не было и за воспоследованием высочайше утвержденных временных правил о неповременной печати 26 апреля 1906 г. потеряло свое значение.

Так как подлинный разрешенный цензурой экземпляр стихотворений Шевченко был выдан издателям, в распоряжении комитета не имеется экземпляра, вышедшего в 1907 г., первого издания, то комитет не мог установить тождества разрешенной рукописи в обоих первых изданиях. В виду этого в случае, если при производстве следствия выяснится справедливость утверждения, сделанного издателями в вышеуказанном предисловии, то комитет полагал бы вполне целесообразным и правильным, с одной стороны, наложить арест и на первое издание, и с другой, применить к делу о всех вышеуказанных изданиях «Кобзаря» ст. 1213[16] уст. уг. суд.

Председательствующий А. А. Катенин

Письмо министра внутренних дел Столыпина обер-прокурору синода Лукьянову, 15 февраля 1911 г.[1]

Вследствие отношения от 10 минувшего января за № 305 имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что по рассмотрении изданий полного собрания стихотворений Т. Шевченко под заглавием: 1) «Твори в двох томах. Т. I «Кобзарь» Під редакцією Доманицького. Видання В. Яковенко. СПБ. 1911. Типография Эрлиха. Цена 1 руб. 10 коп.; 2) «Кобзарь». Трете Нов. видання під редакцією Доманицького. Видання Яковенко. СПБ. 1910. Типография Эрлиха. Цена 60 коп.; 3) «Кобзарь». Друге видання «Общества имени Т. Г. Шевченко для вспомоществования нуждающимся уроженцам Южной России, учащимся в высших учебных заведения С.-Петербурга» та «Благотворительное общество издания общеполезных и дешевых книг». СПБ. 1908 г. Типография Шмидта, XXXII + 612 стр.,

[1] ЦАР УССР, Главное управление по делам печати, 1 отд., д. № 33, 1911 г., л. 8. Письмо такого же содержания, за подписью начальника Главного управления по делам печати Бельгарда, было послано 17 февраля 1911 г. Харьковскому губернатору Катериничу (Там же, л. 9).

цена 60 коп.; 4) То же издание с пояснительными примечаниями (XX + 634 стр.), цена 1 руб. 50 коп. и наконец 5) То же издание на веленевой бумаге с 3-мя портретами, цена 3 руб.» С.-Петербургским комитетом по делам печати постановлено возбудить против лиц, виновных в напечатании этих изданий, уголовное преследование по силе ст.ст. 73, 74 и 128 уг. изд. 1903 г., а на самые издания наложить арест, согласно ст. 1213-п уст. угол. судопр., по прод. 1906 года.

(подпись).

Отношение помощника петербургского градоначальника в Главное управление по делам печати, 15 июля 1911 г.[1]

Вследствие отношений от 31 марта и 11 июня сего года за №№ 4176 и 6826, имею честь уведомить, что из всех арестованных экземпляров книг «Шевченко. Кобзарь», как издания Яковенко 1911 и 1910 гг., так и издания «Общества издания общеполезных и дешевых книг» 1908 г., сделаны вырезки страниц, а именно «160, 176, 213—220, 243, 248, 256, 361—368, 501, 517—524, 531—576 (изд. 1911 и 1910 гг.), 169—186, 223—232, 257—260, 269, 270, 379—388, 527, 528, 545—559—588, 593—608 (изд. 1908 г.). Все эти вырезки 15 июля сего года в типографии С.-Петербургского градоначальства, в комиссии, уничтожены посредством разрывания на части.

И. о. помощника градоначальника (подпись).

Приговор сената об уничтожении пяти изданий «Кобзаря» Т. Г. Шевченко, 18 декабря 1912 г.[2]

По указу его императорского величества, уголовный кассационный департамент правительствующего сената, в открытом судебном заседании, слушал дело по аппеляционному отзыву поверенного благотворительного «общества издания общеполезных и дешевых книг» и дворянина Валентина Яковенко на приговор С.-Петербургской судебной палаты по делу об уничтожении пяти изданий собраний стихотворений Тараса Шевченко «Кобзарь» 1908, 1910 и 1911 годов.

23/28 мая 1912 г. С.-Петербургская судебная палата, выслушав дело по предложению прокурора С.-Петербургской судебной палаты от 9 апреля 1912 г. об уничтожении пяти изданий собраний стихотворений Тараса Шевченко «Кобзарь» 1908, 1910 и 1911 годов, нашла: 1) что в содержании некоторых из стихотворений, а равно и некоторых частей стихотворений, помещенных в означенных собраниях их, под заглавием «Кобзарь», изданий 1908, 1910 и 1911 годов, заключаются признаки преступных деяний, предусмотренных 73, 74 и 128 статьями Уголовного уложения; 2) что определением С.-Петербургской судебной палаты от 7 марта 1911 г. постановление С.-Петербургского Комитета по делам печати о наложении ареста на означенные собрания стихотворений утверждено впредь до исключения из них двадцати одного стихотворения; 3) что дело об издании и распространении этих собраний стихотворений определением С.-Петербургской судебной палаты от 30 апреля сего года, за недоказанностью события преступления, дальнейшим производством прекращено, и 4) что в виду ходатайства В. Я. Яковенко и поверенного правления «Общества имени Тараса Григорьевича Шевченко» в Петербурге, которым принадлежат означенные выше издания собраний стихотво-

[1] ЦАР УССР. Главное управленце по делам печати. 1 отд., д. № 33, 1911 г., л. 31.
[2] Правит. сенат, уголовно-кассац. департамент, 1912 г., лл. 1—8.

рений Шевченко, представляется возможным, не уничтожая всех этих книг, выпустить в обращение собрания стихотворений «Кобзарь», но с исключением из них тех стихотворений и тех отдельных в них мест, которые содержат в себе признаки преступных деяний, предусмотренных 73, 74 и 128 статьями уголовного уложения.

Вследствие сего Судебная палата о п р е д е л и л а на основании 73, 74 и 128 статьи уголовного уложения и 1213[16] статьи устава уголовного судопроизводства, собрание стихотворений Тараса Шевченко под заглавием «Кобзарь» в трех изданиях 1908 г. и в изданиях 1910 и 1911 гг. допустить к обращению, но лишь по исключении из сего собрания нижеследующих мест: 1) частей стихотворения «Сон»: а) начиная словами: «Сам» ізволіт сегодні гуляті» и кончая словами: «веселился лютий кате, проклятий, проклятий», и б) начиная словами «Неначе з берлога ведмідь виліз» и кончая словами: «Я перелякався, та й прокинувсь»; 2) частей стихотворения «Великий льох»: а) всего отдела под заголовком: «Друга душа»; б) в отделе под заголовком: «Третя душа», начиная словами: «Я глянула, усміхнулась» и кончая словами: «голодна вовчиця»; в) слов: «Е, сестріци, много. Три указа накракала на одну дорогу», и г) начиная словами: «І я люта, а все таки того не зумію» и кончая словами: «І ви — наші, і все — наше, і гоже й не гоже»; 3) частей стихотворения «Кавказ»: а) начиная словами: «За горами гори» и кончая словами: «І нашим батюшкам-царям слава»; б) начиная словами: «Що царь якийсь то» и кончая словами: «От бачите, які у нас сидять на небі» и в) начиная словами: «І тебе загнали, мій друже единий» и кончая словами: «З московської чарки московську отруту»; 4) части стихотворения «Холодний Яр», начиная словами: «Не ховайте, не топчіте святого закона» и кончая словами: «За отечество»! Эй, богу, овеча натура»; 5) частей стихотворения «Царі»: а) начиная от слов: «Хотілося б зігнать оскому» и кончая словами: «І ми б подержали в руках святопомазану чуприну», и б) начиная словами: «Так отакії то святії оті царі» и кончая словами: «Та ревносно, в новій лівреї, заходимось царів любить»; 6) в стихотворении «Неофіти», слов: «Не говорить ні сам сивий верхотворець, ні його святії помощники, поборники, кастраты німиії»; 7) стихотворения: «Юродивий»; 8) части стихотворения: «Слава», начиная словами: «Ти хоча й пишалась» и кончая словами: «Та мені про те байдуже»; 9) части стихотворения: «Я не нездужаю», начиная словами: «Цар Микола її приспав» до конца этого стихотворения; 10) частей стихотворения: «Во Іудеі, во дні они», начиная словами «Спаси ти нас, младенче праведний», до конца этого стихотворения; 11) стихотворения «Мария»; 12) части стихотворения «Осіі глава XIV», начиная словами «І додай, такеэ слово», до конца этого стихотворения; 13) частей стихотворения «Молитви»: а) начиная словами «Царям, всесвітнім шинкарям» и кончая словами: «І пута кутії пошли», б) начиная словами: «Царів, кровавих шинкарів» и кончая словами: «В склепу глибокім замуруй»; в) слов: «Тим неситим очам, земним богам царям»; г) слов: «Все на світі — не нам, все богам тим, царям»; 14) стихотворения «Гимн черничий»; 15) стихотворения: «Світе ясний, світе тихий»; 16) стихотворения: «І Архімед, і Галілей»; 17) стихотворения «Саул»; 18) части стихотворения: «Хоча лежачого й не б'ют», начиная словами: «Чи псами...[1] з міністрами — рабами», до конца этого стихотворения; 19) в стихотворении «О люди, люди, небораки» слов «Царям, царятам на землі»; 20) части стихотворения: «Якось-то йду я уночі», начиная словами: «Якби то, думаю» и кончая словами: «Псарі з псарятами царять» и 21) части

[1] Тут пропущено слово «царі».

стихотворения: «Бували войни», начиная словами: «І виростуть; і без сокири», до конца стихотворения.

На приговор этот поверенный правления благотворительного «Общества издания общеполезных дешевых книг» и дворянина Валентина Яковенко, присяжный поверенный Грузенберг подал апелляционный отзыв[1], в коем он изложил, что во 1) в исключенных из стихотворения «Сон» отделах имеются строки подвергшиеся исключению, в виду связи их с теми отдельными фразами, которые остановили на себе внимание Палаты, но вне этой связи, при исключении инкриминированных фраз — не дающие оснований к изъятию их из книги и не содержащие в себе признаков преступлений, предусмотренных 73, 74 и 128 статьями уголовного уложения, на которые имеется ссылка в приговоре Палаты, если выпустить в отрывке, исключенном Палатою, первые три строчки от слов «сам ізволіт сегодні гуляті» и кончая словами «та де ж вона, тая цяця?». На стр. 177 останется отрывок от слов «вот — відішь палати?» и кончая словами на стр. 178 «Виступае. Обік його жіночка[2] небога», в котором нет признаков преступления, предусмотренного 128 ст. Уголовного уложения. Далее на стр. 178 снова начинается отрывок от слов «за богами — панства панства» и кончая словами «щоб то ближче стати», в котором нет состава преступления, предусмотренного 128 статьей уголовного уложения. Далее снова начинается отрывок от слов «Довгенько вдвох походжали» и кончая словами «сіла мовчки на дзиглику», в котором также нет признаков преступлений статей 73, 74 и 128 предусмотренных. Далее на стр. 179 от слов «зареготався я, та й годі» — снова начинается отрывок, в котором нельзя усмотреть признаков преступления, статьей 128 предусмотренного,— до самого конца означенного стихотворения, за исключением некоторых резких строк, по отношению к которым приговор Палаты должен оставаться в силе, именно: на странице 181, 7-ая строчка сверху, «Кати людоїді, наілись обоє, накралися!», затем на той же странице, 10-я стр. снизу «О, царю поганий, царю проклятий, лукавий, аспиде неситий»; на стр. 182 «І ми сковані з тобою, людоїде змію!»; на странице 182 от слов «та й порізав, а з шкур наших собі багряницю»... и до самого конца этого отрывка «веселися лютий кате, проклятий, проклятий».

Во втором отделе стихотворения «Сон», в последнем двухстишье, нельзя усмотреть признаков какого бы то ни было преступления, именно в словах «я перелякався, та й прокинувсь».

2) В стихотворении «Великий льох», начиная от начала стихотворения, на стр. 225 и кончая словами «що цареві московському коня напоїла» на стр. 227 не заключается признаков преступлений, предусмотренных 73, 74 и 127 статьями угол. улож.; не заключается также признаков преступления в отрывке этого стихотворения на стр. 227, начиная словами «я глянула, усміхнулась» до самого конца страницы, а также в словах, цитируемых Палатой при упоминании пункта «в» второго стихотворения, а также в пункте «г», если пропустить в нем слова «по милості божій».

3) Не заключается также признаков преступлений, предусмотренных 128 статьей уголовного уложения в стихотворении «Кавказ» — в части упоминаемой Палатой в пункте «3 а» от слов «за горами гори, хмарою повиті, засіяні горем кровію политі» до самого конца озна-

[1] Апелляционный отзыв присяжного поверенного О. О. Грузенберга находится в фонде уголовно-кассационного департамента правительствующего сената, 1912 г., д. № 139/11054, лл. 2—6. Этот апелляционный отзыв целиком и дословно приводится в приговоре правительствующего сената.

[2] В подлинном тексте «царица».

ченного в пункте «а» отрывка в стихотворении, если пропустить некоторые резкие строки и заменить их точками. Именно: стр. 257, вторая строчка «кати знущаються над нами», 18-я строка «отам то милостиві ми», в 24-й строке, пропуская слово «цариків» [1], а также заменив точками последние две строчки «и нашим батюшкам-царям! Слава!», а затем в пункте «3 б» стихотворения не заключается признаков 128 статьи уголовного уложения, если пропустить в 3-й строчке означенного отрывка слова «а за її ката».

4) В части стихотворения «Холодный Яр», исключенной по приговору Палаты, также не заключается признаков какого бы то ни было преступления, если пропустить в строке «не славтіся царевою» слово «царевою» и двумя строками ниже слова «что царики коять».

5) В стихотворении «Цари», упомянутом в приговоре Палаты под № 5 в пунктах «а» и «б»; в пункте «б» имеются фразы вне связи с предыдущим, не заключающие в себе признаков какого бы то ни было преступления, именно в главе 5 7-ая строчка, «Скажи, найкраща сестра Аполлона! Навчи, голубко! Поможи» (затем пропуская одну строку) «намистечко, як зароблю, тобі к великодню куплю».

6) В стихотворении «Юродивий», упоминаемом в приговоре Палаты под № 7, начиная с начала, нет признаков какого бы то ни было преступления, если исключить и заменить точками следующие места: на стр. 545, строчка 12, начиная словами «що сам фельдфебель дивувались» и кончая словами «всегда к ефрейторам своїм», в 20-й строке слов «підніжки царскії», на стр. 546, от 11 строки снизу до 6-й, начиная словами «А бивий фельдфебель ваш» и кончая словами «сатрапа «навсегда» оставсь преблагосклонним», далее выпустив на стр. 547, 2-ую строку сверху «якраз на смітничок Миколи» и на той же стр. 547 стр., выпуская от 7-ой строки сверху от слов: «його безбожнії діла» и кончая словами «нехай верзуться їм кайдани».

7) В стихотворении «Слава» (стр. 550), значащемся в приговоре под № 8, если выпустить из места, исключенного приговором Палаты, слова «а надто з ним Миколою у Севастополі» остаются строки, имеющие отношение к древне-римской истории и не заключающие в себе признаков какого бы то ни было преступления.

8) В стихотворении «Я не нездужаю» нет признаков преступления вне связи со всем стихотворением в строках, на стр. 552 «а то проспить собі, небога, до суду божого страшного», а также в последней строчке «та й більше бачиться, нічого!»

9) В стихотворении «Во іудеї», на стр. 559—560 отрывок, исключенный приговором Палаты, не будет содержать в себе признаков преступления, если выпустить на стр. 559 последнюю строку «од п'яного царя-владики!» и на стр. 560, в последней строке, слова «Його величества».

10) В стихотворении «Осії глава XIV» (стр. 585) упомянутый в приговоре Палаты отрывок не будет содержать в себе признаков какого бы то ни было преступления, если исключить из него строки «що цар — наш бог и цар — надія, і нагодує і огріє вдову и сирот» и далее строку «од ласки царської».

11) Нет состава преступного деяния, предусмотренного 128 статьей уголовного уложения, в стихотворении «І Архімед і Галілей», если выпустить строки «Буде бите царями сіянее жито, а люди виростуть. Умруть ще не зачатії царята».

12) Если из исключенного приговором Палаты стихотворения «Саул» выпустить строки, относящиеся к общей мысли о царской власти, то останется библейский сюжет, относящийся к лицу, не кано-

[1] В подлинном тексте: «імператорів».

низированному христианской церковью, и в указанном стихотворении не будет признаков преступлений, предусмотренных 128, 73 и 74 статьями уголовного уложения. Приговор Палаты и по отношению к этому стихотворению должен быть отменен, по исключении из него следующих строк: на стр. 599 от слов «Аж ось — лихий царя несе» и кончая словами «і з кізяка хоч олтаря у іх немае», на стр. 600; далее на стр. 600 в последней строчке слово «самодержавця», на стр. 601 от слов «Наш мудрий цар» и до слов «чи заходиться та зробить царя здоровшого» и на стр. 602 последний абзац от слов «Якоби він знав, яке то лихо з його вийде» до конца этого стихотворения.

13) В стихотворении «Якось то йду я», на стр. 607, исключенном приговором Палаты, если пропустить строчку «то не стояли б над Невою оцих осквернених палат», а также последние две строчки — не будет состава преступления, предусмотренного 128 статьей уголовного уложения.

14) Стихотворение «Марія», глубоко-религиозное по своему содержанию, не содержит в себе признаков преступления, предусмотренного 73, 74 статьями уголовного уложения, если пропустить в конце второй главы слова« І гисть за нею, і в ярочку догнав Марію...»

15) В стихотворении «Неофіти» (стр. 528), если выпустить последнюю строчку, не будет состава преступного деяния.

16) Равно нет признаков преступного деяния, статьями 73 и 74 предусмотренного, в стихотворении «Світе тихий» стр. 595—596, если выпустить из него последние две строки на стр. 595 «багряницями закрито і роспʼятіем добито?», и на стр. 535 3-ю строку сверху от слов «будем брате» до самого конца стихотворения.

Ввиду этих соображений и находя: 1) что произведения Тараса Шевченко являются живым свидетельством русского гения и каждая строчка их дорога потомству; 2) что резкость его стихотворений, написанных более 60 лет тому назад, по отношению к верховной власти, является следствием его ненависти к крепостному праву и имеет в настоящее время исключительно историческое значение; 3) что статья 128 относится к порицанию верховной власти современной, а не прошлой, и что статья 107 ограничивается карой за оскорбление не далее деда царствующего императора, и на основании I статьи уголовного уложения, не подлежит распространительному толкованию; 4) что при другом понимании 128 и 107 статьи уголовного уложения памятники, изучаемые в школе, как переписка князя Курбского с Иоанном Грозным и др. или «Медный всадник» Пушкина, являлись бы недозволенными произведениями; 5) что Палата приговор об исключении 21 стихотворения из «Кобзаря» Шевченко мотивировала — 128, 73 и 74 статьями уложения; 6) что, между тем, по исключениям и замене точками описанных выше некоторых мест из отрывков, исключенных Палатою, в этих стихотворениях не будет признаков преступного деяния статьями 73, 74 и 128 предусмотренных,— апеллятор ходатайствует приговор С. Петербургской судебной палаты от 23 мая 1912 года отменить и исправить допущением к обращению всех вышеозначенных отрывков из стихотворений, исключенных приговором Палаты, в которых нет состава преступных деяний, ст.ст. 73, 74 и 128 предусмотренных, на которые ссылается приговор С. Петербургской судебной Палаты.

Выслушав доклад по настоящему делу, прения сторон и ознакомившись с полным содержанием вышеперечисленных стихотворений правительствующий сенат находит: 1) что Судебная палата вполне правильно усмотрела в вышеупомянутых некоторых целых стихотворениях и частях других признаки преступлений, предусмотренных

73, 74 и 128 статьями уголовного уложения и 2) что соображения, изложенные в апелляционном отзыве, не соответствуют содержанию помянутых стихотворений и что замена точками некоторых выражений, признаваемых самим апеллятором резким, или исключение их из стихотворений, в коих они помещены, не изменят настолько общий смысл вышеперечисленных стихотворений, чтобы они утратили признаки преступлений, правильно усмотренных в них Судебной палатою.

В виду вышеизложенного и не находя каких-либо оснований к отмене или изменению обжалованного приговора по настоящему делу, правительствующий сенат определяет: приговор Судебной палаты утвердить, оставив апелляционный отзыв без последствий, о чем С. Петербургской судебной палате, с возвращением подлинного дела, послать указ.

Подписали сенаторы: Василий Лутковский
Николай Чебышев
Николай Шульгин
Леонид Позен

Из записной книжки архивиста

Новые данные об убийстве Ладо Кецховели

Публикуемые нами документы сообщают новые данные об убийстве в Метехском замке крупнейшего деятеля большевистских организаций Закавказья Ладо Кецховели, одного из замечательных людей большевизма, ближайшего соратника товарища Сталина.

Молодым юношей примкнул Ладо Кецховели к революционному рабочему движению в Закавказье. С первых шагов своей революционной деятельности он отличался незаурядными качествами профессионального революционера и борца за дело рабочего класса. Ни аресты, ни тюремное заключение не могли сломить боевой дух Ладо.

Вместе с товарищем Сталиным Ладо Кецховели неутомимо работал над созданием и сплочением социал-демократических организаций в Закавказье, над распространением ленинской «Искры». Под руководством товарища Сталина и при помощи группы тифлисских социал-демократов Ладо Кецховели наладил в Баку нелегальное размножение «Искры» в организованной им подпольной типографии. В 1901 г. Кецховели принимает участие в подготовке первомайской демонстрации в Тифлисе, в которой участвовал и которой руководил лично товарищ Сталин.

2 сентября 1902 г. Ладо Кецховели был арестован в Баку, откуда в конце сентября он был переведен в тифлисскую тюрьму, в так называемый Метехский замок.

И в тюрьме Кецховели продолжал борьбу. Он отказывался давать показания на допросах, связывался с заключенными и организовывал протесты против тюремных порядков. Это сделало его особенно ненавистным царским палачам. В письме на имя начальника тифлисского жандармского управления начальник Метехской тюрьмы писал в июле 1903 г.:

«Имею честь просить ваше высокоблагородие о переводе в военную тюрьму содержащегося в замке политического арестованного Владимира Кецховели, как заявляющего себя постоянно с самой нехорошей стороны своими неблаговидными поступками, во все течение времени со дня заключения его в Метехской тюрьме. Большинство происшедших, в промежуток времени его в тюрьме заключения, беспорядков обязаны своим происхождением опять-таки этому арестанту, действующему самым деморализующим образом на окружающих его в секретах сотоварищей. В последних, 15 сего июля, беспорядках Кецховели принимал самое деятельное участие, за что ныне подвергнут дисциплинарному взысканию, посадкой в тюремный карцер на семь суток. По окончании срока этого дисциплинарного наказания желательно было бы, не заводя Кецховели в корпус секретных помещений, в ту обстановку, в которой его влияние находило глубокую почву, немедленно перевести его в военную тюрьму, дабы в будущем устранить беспорядки среди политических арестантов, восстановить попираемый престиж власти, внушить уважение к законным требованиям тюремной администрации и тем беспрепятственно исполнять в точности все служебные обязанности» [1].

Тюремщики искали подходящего повода, чтобы навсегда избавиться от ненавистного им Ладо Кецховели. Очередной обычный протест политических заключенных против нестерпимых придирок тюремной администрации, произошедший 17 августа 1903 г., и был использован царскими палачами для осуществления их гнусной цели. 17 августа в 10-м часу утра политические заключенные вели обычную между собой беседу через решетки окон своих камер. Начальник тюремного караула офицер Строев отдал часовому приказание стрелять по политическим заключенным за непрекращение, этого обычного между ними, разговора. Гнусный приказ явно метил в Ладо Кецховели и был слепо выполнен часовым, выстрелившим в Кецховели и убившим его наповал в окне тюремной камеры в 10 ч. 30 мин. утра 17 августа 1903 г.

Убийцы побоялись выдать тело Кецховели для погребения. Тайком от рабочих и от ближайших родственников жандармы похоронили его ночью на тифлисском военном кладбище.

---

[1] Сборник «Ладо Кецховели», Партиздат ЦК ВКП(б), 1938 г., стр. 14.

Весть о гнусном убийстве Ладо взволновала рабочих Тифлиса и Баку. Партийные комитеты РСДРП Тифлиса и Баку выпустили по поводу убийства Ладо Кецховели листовки. Тифлисский комитет в своей листовке писал: «С юных лет и до последнего вздоха он отстаивал священные права человека и протестовал против всякого произвола и насилия. Ни тюремные стены, ни карцер не ослабил его энергии; ежедневно тюрьма оглашалась его громкими криками: «Долой самодержавие, да здравствует республика и социализм» [1].

В листовке Бакинского комитета так оценивалась роль Ладо в социал-демократическом рабочем движении: «Владимир вступил в ряды борцов в самое тяжелое время, когда весь русский рабочий класс, казалось, спал непробудным сном, и борьба с правительством велась лишь отдельными лицами из рабочих и интеллигенции [2]. Неутомимая революционная энергия Ладо характеризовалась в этой же листовке в следующих словах:

«Не зная усталости и отдыха, Владимир (или Ладо, как его называли) провел это время в изнурительной работе и неустанной борьбе за интересы трудящихся. То он работает в кружке рабочих, то организует огромную стачку в Тифлисе, то где-нибудь в глуши Озургетского уезда призывает крестьян сбросить с себя ярмо господского деспотизма и примкнуть к борющемуся пролетариату, то, наконец, при самых невозможных условиях, работает дни и ночи за вольным типографским станком, печатая книжки для рабочих и крестьян» [3].

Ничем неоправдываемая гнусность подлого убийства Ладо настолько была вопиюща, что даже царская военная прокуратура, которая, как известно, не отличалась либерализмом и беспристрастием по отношению к рабочим революционерам, и та была вынуждена признать «беззаконность» этого убийства. В заключении военно-прокурорского надзора Кавказского военно-окружного суда по делу об убийстве Ладо Кецховели говорилось, что «беспорядки», которые выдумала и задним числом раздувала тюремная администрация в оправдание расправы над Кецховели, по мнению военно-прокурорского надзора, «не заключали в себе ничего угрожающего». Военно-прокурорский надзор вынужден был признать «незаконность» совершенного убийства и высказался за привлечение к уголовной ответственности царского офицера Строева, по приказу которого был убит Ладо Кецховели. Военный прокурор был вынужден признать, что «беспорядки» могли быть прекращены «без употребления оружия».

Понятно, что признание военно-прокурорским надзором виновности Строева было лишь формальным, было лишь громоотводом против огромного возмущения трудящихся Закавказья, вызванного подлым убийством революционера-большевика царскими палачами. Палач Строев не только не был судим, но даже не был привлечен к ответственности. Военное начальство Строева, в лице командира корпуса, категорически отказало военно-прокурорскому надзору в привлечении Строева к ответственности. Военная прокуратура сочла свои обязанности оконченными, и на этом дело о подлом убийстве одного из лучших сынов рабочего класса Ладо Кецховели было положено под сукно.

Публикуемые документы хранятся в Центральном Государственном Архиве внутренней политики, культуры и быта в Ленинграде. Документы подготовлены к печати Г. Н. Дубровиным.

С. Болтинов

Телеграмма и. д. прокурора Тифлисской судебной палаты министру юстиции, 17 августа 1903 г.[1]

Сегодня в 9 утра в тифлисском Метехском замке часовой, стоявший у наружной стены, выстрелом из ружья убил высунувшегося из окна арестанта Владимира Кецховели, обвиняемого [по] 251,252 [ст.]. Часовой объясняет, что арестант этот бросал в него камни.

И. д. прокурора палаты Леммерман.

Заключение военно-прокурорского надзора Кавказского военно-окружного суда, 7 октября 1903 г.[2]

17 августа 1903 года, в 10 часов 15 мин. утра, часовой на посту № 6 при тифлисском Метехском замке, рядовой I Кавказского стрелкового батальона Сергей Дергилев убил из винтовки арестанта Владимира Кецховели, содержавшегося в замке по обвинению в государственных преступлениях.

На произведенных по сему случаю дознании и предварительном следствии выяснено, что пост № 6 находился снаружи замка, на отвесном берегу Куры, который возвышается в этом месте сажень на 25 над рекою. Пост представляет тропу, длиною 106 и шириною от 4—6 шагов, огражденную со стороны берега каменною стенкой, около 2 арш. высоты. Против него, на другом берегу реки, расположены разные торговые и промышленные заведе-

---

[1] Сборник «Ладо Кецховели», Партиздат ЦК ВКП(б), 1938 г., стр. 60.
[2] Там же, стр. 62.
[3] Там же, стр. 64.

[1] Министерство юстиции, I департамент, I уг. отд., 2-е д-во, 1903 г., д. № 2122, л. I.
[2] Там же, л. 10—13.

ния, в расстоянии около 200 шагов по воздушной линии от гребня Метехской скалы. Назначение поста № 6 состоит, между прочим, в охранении политических арестантов, помещающихся на этой стороне замка, в камерах, окна коих выходят на пост № 6. В число особых обязанностей часового сего поста входит наблюдение за тем, чтобы арестанты не портили оконных рам и решеток, не бросали ничего из окон и не переговаривались.

По поводу убийства Кецховели показания спрошенных свидетелей разделяются на две группы, состоящие: одна из чинов караула, а другая — из политических арестантов.

По словам часового, рядового Дергилева, разводящего, ефрейтора Егорова, и караульного унтер-офицера Габуния, тотчас по вступлении на пост Дергилева в 9 часов утра, политические арестанты начали бесчинствовать: влезать на подоконники, просовывать головы сквозь решетки, переговариваться на туземных наречиях между собой и с людьми, находящимися на другом берегу, кричать, свистать и бросать камушки, известку и бумажки, причем, как показалось Дергилеву, заключенные целились этими предметами в него, хотя и не попадали; на увещания же Дергилева прекратить беспорядки арестанты отвечали: «Какое тебе дело. Ты ходи из угла в угол, дурак!» Видя бесполезность своих увещаний, Дергилев вызвал свистком разводящего Егорова, который, в свою очередь, пробовал успокоить арестантов, но столь же безуспешно. Минут через 5 по уходе Егорова, Дергилев снова дал свисток, на который явились Егоров и унтер-офицер Габуния. Увещания последних двух лиц также не имели никакого успеха, шум и крики продолжались, причем Габуния, как грузин, разобрал грузинские фразы, обращенные к людям, стоявшим на том берегу: «Что вы там сидите, отчего нам не помогаете, мы тут за вас мучаемся». Больше всех буянил и горячился арестант Кецховели, сказавший, между прочим Габунии: «Балбес, спите вы все и не знаете, что на белом свете делается. Ступай отсюда, дурак!» Тогда Габуния громко приказал часовому стрелять в случае нового непослушания, но потихоньку сказал ему, чтобы он не стрелял, пока не будет на то распоряжения караульного начальника. Беспорядки, по словам Габуния, происходили не только на посту № 6, но и на № 2, у простых уголовных арестантов, которые тоже кидали в своего часового арбузными корками, хлебом и даже попали в него пустой водочной бутылкой. Когда Габуния доложил обо всем караульному начальнику, поручику того же батальона Строеву, то последний велел ему обойти все посты и приказать часовым, что если арестанты будут продолжать беспорядки, то часовые должны стрелять в них после троекратного предварения. Между тем на посту № 6 дело обстояло хуже прежнего: свистки и крики раздавались уже не только со стороны арестантов, но им вторили и ответные крики с другого берега. Появившийся снова Габуния громко передал Дергилеву приказание поручика Строева, на что арестанты ответили: «Не смейте стрелять, мы не собаки!» По уходе Габуния прежний шум возобновился, причем более всех выделялся тот же Кецховели, стоявший на своем подоконнике и потрясавший оконную решетку. На угрозу часового стрелять, если он не сойдет с подоконника, Кецховели ответил: «Не смеешь стрелять!» На вторичное предупреждение он выпятил грудь со словами: «Ну, стреляй в меня!» Тут кто-то из соседних арестантов добавил: «Не посмеет выстрелить, они тут всегда курками щелкают, а стрелять не смеют!» Часовой в третий раз предупредил Кецховели, на что тот снова ответил: «Не будешь, не смеешь», и не сошел с подоконника даже тогда, когда часовой прицелился в него. Тогда Дергилев выстрелил и убил его наповал.

Описанная картина беспорядков основана, главным образом, на показаниях свидетелей, данных на предварительном следствии; на дознании же, произведенном в батальоне, в показаниях стрелка Дергилева находятся некоторые преувеличения, не соответствующие обстоятельствам дела. Так, например, Дергилев говорил, будто арестанты били стекла, так что они летели в Куру; между тем обстоятельство это опровергается как показаниями лиц тюремного управления, так и осмотром камер, произведенным 24 августа, причем оказалось, что хотя, действительно, в некоторых камерах нет верхних рам, а в одной разбито несколько стекол, но рамы эти вынуты и стекла разбиты до 17 августа, и лишь в одной камере стекло разбито, повидимому недавно, но в нем нехватает только маленького кусочка, величиною в 2 кв. вершка.

Что касается лиц второй группы, а именно [политических] арестантов, то они отрицают какие бы то ни было беспорядки: по словам их, все дело произошло оттого, что заключенные по своему обычаю, просунув головы сквозь решетки, вели между собой невинную беседу, а на требование часового сойти с подоконника, иначе он будет стрелять, вежливо доказывали ему, что нельзя убивать людей только за то, что они между собой разговаривают.

Из дела видно, что убитый Кецховели имел за собою довольно богатое и разнообразное революционное прошлое и принадлежал к числу наиболее деятельных и вредных кавказских бунтовщиков, он отличался буйным необузданным нравом и всегда был зачинщиком и устроителем всех тюремных беспорядков.

Начальник караула, поручик Строев, показал, что о беспорядках на постах унтер-офицер Габуния докладывал ему трижды: сначала он доложил о бутылке, брошенной в часового на посту № 2. Тотчас же он, свидетель, послал Габунию на пост № 2 предупредить арестантов, чтобы они вели себя смирно. Затем, минут через 15, Габуния доложил о бесчинствах, творимых арестантами на посту № 6, которые шумят, становятся на окна, машут платками, переговариваются с людьми на том берегу, ругают часового и кидают в него «обломками кирпичей». Поручик Строев велел Габунии сходить на пост № 6 и предупредить заключенных, что против них может быть употреблено оружие. В то же время он велел тюремному надзирателю Гребцову сходить к смотрителю тюрьмы с просьбой принять самые решительные меры к прекращению беспорядков. На это Гребцов ответил ему, поручику Строеву, что эта просьба бесполезна, так как арестанты буйствуют ежедневно, и никто с ними справиться не может. Доложил ли Гребцов смотрителю просьбу поручика Строева, это последнему неизвестно. Наконец, в третий раз Габуния доложил, что его слова встречены арестантами смехом и бранью, часть которой относилась и к нему, поручику Строеву, и что положение часового на посту № 6 опасное. В то же время продолжались бесчинства и на посту № 2. Тогда поручик Строев велел Габунии сходить опять на пост № 6 и в последний раз предупредить арестантов, что если они не прекратят буйства, то в них будут стрелять; часовому же сказал, чтобы он разводящего более не вызывал, а действовал бы по предоставленной ему уставом власти, т. е. если будет грозить опасность посту или его жизни, то зарядил бы свою винтовку на глазах арестантов и, в случае неисполнения его требований после троекратного предварения, стрелял бы в них. Вскоре после ухода Габуния, с поста № 6 послышался выстрел, которым и был убит Кецховели.

По словам надзирателя Гребцова, поручик Строев только один раз посылал его к смотрителю с просьбой унять арестантов, а именно минут за пять до убийства Кецховели, но это показание противоречит показанию помощника смотрителя тюрьмы Носенка, бывшего в утро происшествия фактическим начальником тюрьмы. По словам Носенка, Гребцов докладывал ему только о беспорядках на посту № 2, где будто бы чуть не убили часового бутылкой, оказавшейся обыкновенной сараджевской полбутылкой тонкого стекла, которою убить никого нельзя. Тем не менее Носенко послал Гребцова объявить в той камере, откуда была брошена бутылка, что если арестанты будут бесчинствовать, то караул будет стрелять. О беспорядках же на посту № 6 он, свидетель, ничего не знал и никто ему о том не докладывал; но если бы ему доложили, то в его распоряжении были средства унять арестантов и не прибегая к помощи оружия, а именно: он мог бы их рассадить по карцерам, которых хватило бы и на двадцать человек.

Сообразив изложенные обстоятельства, военно-прокурорский надзор полагает, что в данном случае возникает вопрос о том, имел ли поручик Строев законное основание отдать часовым приказ стрелять в арестантов при повторении беспорядков.

Нисколько не отрицая вызывающего поведения арестантов и крайней дерзости их в отношении чинов караула, военно-прокурорский надзор находит однако ж, что размеры учиненных арестантами беспорядков представлены были поручику Строеву, повидимому, преувеличенными. Так, например, камушки, которыми, по словам Дергилева, бросали арестанты, превратились при докладе Габунии в «обломки кирпичей» — выражение, позволяющее, по своей неопределенности, предполагать куски кирпичей большого размера; на самом деле, разводящий Егоров, прибывший по первому свистку на пост № 6, удостоверяет, что он не видел на земле, под окнами ни камней, ни кирпичей. Из слов того же Егорова можно заключить с большой вероятностью, что арестанты бросались даже и не камушками, а кусками извести или гажи, которая, как это видно из протокола осмотра камер, легко отделяется от своего места. То же можно сказать и о брошенной на посту № 2 бутылке, которая, будто бы, чуть не убила часового. И, вообще, все эти беспорядки, по мнению военно-прокурорского надзора, были выражением бессильной злобы и не заключали в себе ничего угрожающего. Ни побег арестантов со стороны поста № 6, ни нападение на этот пост извне, среди дня, невозможны по свойству местности, описанной в начале сего заключения. Но, допустив даже, что поручик Строев был введен в заблуждение докладчиками и что в его глазах беспорядки эти приняли размеры опасного возмущения, он все же обязан был, ввиду прямого смысла § 183 устава гарнизонной службы, прибегать к оружию только по требованию тюремного начальства. Между тем, из показаний свидетелей Гребцова и Носенка, а также и самого поручика Строева, видно, что хотя он и посылал Гребцова один раз к смотрителю Носенка, но никакого распоряжения от последнего о необходимости действовать оружием не получал. Правда, в особом объяснении, приложенном к делу, поручик Строев говорит, что он дважды посылал Гребцова к смотрителю Носенке: в первый раз после известия о беспорядках на посту № 2, причем просил Носенка притти в караульное помещение. На этот раз Гребцов вернулся с ответом, что смотритель придет, когда кончит пить чай. Вторично он послал Гребцова после доклада о беспоряд-

ках на посту № 6, но передал ли Гребцов его слова, это ему осталось неизвестным; во всяком случае, по словам поручика Строева, в течение 40 минут, прошедших с первого доклада и до выстрела, Носенко к нему не являлся. Однако ж, это важное обстоятельство, указывающее на то, что тюремное начальство отнеслось к делу совершенно безучастно и как бы предоставило караульному начальнику распоряжаться по собственному усмотрению, не было упомянуто поручиком Строевым ни в своем первом рапорте, ни на дознании, ни на предварительном следствии, и указано им впервые только тогда, когда возник вопрос о привлечении его в качестве обвиняемого, и командир батальона потребовал от него объяснений. Это умолчание лишает приведенное объяснение необходимого доверия.

Ввиду изложенного, военно-прокурорский надзор полагает, что по делу имеется достаточно данных для привлечения поручика Строева в качестве обвиняемого в том, что будучи 17 августа 1903 года начальником караула при Метехском тюремном замке и получив доклад о беспорядках, производимых арестантами, которые шумели, перекликались с посторонними, бросали в часовых камушками, известкой и т. п. и оскорбляли их, он, вопреки § 139 устава гарнизонной службы, не испросив надлежащего распоряжения тюремного начальства, которое имело возможность прекратить эти беспорядки без употребления оружия, самовольно приказал часовым, при повторении подобных беспорядков, стрелять в арестантов, вследствие чего одним из часовых, рядовым Дергилевым был убит буйствовавший арестант Владимир Кецховели, что предусмотрено 141,1 п. 144 и 145 ст. XXII, кн. С. В. П. 1869 года изд. 3.

Отношение прокурора Тифлисской судебной палаты в Министерство юстиции, 9 октября 1903 г.[1]

В дополнение к сообщению от 25 минувшего сентября за № 2705, имею честь препроводить в первый департамент копию заключения военно-прокурорского надзора Кавказского военно-окружного суда по следственному производству об убийстве политического арестанта Владимира Кецховели и к сему добавить, что командир I Кавказского стрелкового батальона не изъявил согласия на предание поручика Строева суду, ввиду чего вопрос этот поступит на разрешение корпусного командира, в случае несогласия которого с заключением военного прокурора, о существе разногласия этого военный прокурор имеет в виду представить, в установленном порядке, главному военному прокурору.

Прокурор палаты Коваленский.

Новые материалы о диссертации Н. Г. Чернышевского

Н. Г. Чернышевский, окончивший полный курс петербургского университета в июне 1850 г., в мае 1853 г. подал в петербургский университет заявление о желании держать магистерский экзамен. Вскоре после этого Чернышевский начал писать свою магистерскую диссертацию на тему: «Эстетические отношения искусства к действительности», которая оказалась сокрушительным ударом, направленным против дворянской эстетики, выдвигавшей теорию «чистого искусства», отрешенного от жизни. Чернышевский этому идеалистическому «канону» противопоставил диаметрально противоположную материалистическую систему взглядов. «Прекрасное есть жизнь», «произведения искусства... имеют значение приговора о явлениях жизни». Понятно, что среди сторонников господствовавшей барской эстетической теории диссертация после своего появления в свет вызвала самые резкие отзывы. На самом деле, Чернышевский, по меткому выражению А. В. Луначарского, своей диссертацией «защищал священную гигиену демократии от всего этого эстетизма, который своими удушливыми парами, на первый взгляд как будто благоговейными, хочет отравить молодую демократию»[2].

«Жрецы науки» того времени не сразу разобрались в характере и смысле диссертации Чернышевского. Чернышевский 21 сент. 1853 года писал об этом отцу так: «По секрету можно сказать, что гг. здешние профессора словесности совершенно не занимались тем предметом, который я взял для своей диссертации, и потому едва ли увидят какое отношение мои мысли имеют к общеизвестному образу понятий об эстетических вопросах. Им показалось бы даже, что я — приверженец тех философов, которых мнение оспариваю». А. В. Никитенко брал диссертацию на предварительный просмотр в «частном» порядке и при беглом просмотре не нашел в ней ничего опасного. Но позднее он спохватился и стал подозревать в ней скрытую полемику и враждебность. В течение целого года тянул А. В. Никитенко вопрос и все не решался представить ее

[1] Там же, л. 9.

[2] А. В. Луначарский, сборн. стат.: «Критика и критики». Гослитиздат 1938 г., стр. 166.

в факультет вместе со своим отзывом. Отзыв А. В. Никитенко ясно показывает его неуверенность, а главное непонимание настоящего смысла этой работы Чернышевского, оказавшей огромное революционизирующее влияние на философско-эстетическую мысль последующего времени.

Чернышевский просил дать ему шестимесячный срок для подготовки к экзамену; помимо усиленных занятий, связанных с экзаменами и подготовкой диссертации, он начал сотрудничать в журналах «Мода», «Отечественные записки» и в «Современнике» Некрасова.

В ноябре 1853 г. Чернышевский приступил к сдаче устных магистерских экзаменов. 25 ноября сдал устный экзамен по русской словесности у проф. А. В. Никитенко, известного историка литературы, цензора и мемуариста; 7 декабря — сдал устный экзамен по русской истории у проф. Н. Г. Устрялова и 18 января 1854 года у проф. И. Срезневского по славянскому языку и славянским наречиям. Каждый устный экзамен состоял, по установленному правилу, из ответа на 2 вопроса по сдаваемой дисциплине. Темы устных экзаменов указаны в публикуемых здесь документах.

После устных экзаменов Чернышевский должен был написать контрольные сочинения. 1-го марта 1854 г. им было написано сочинение на тему: «О словопроизводстве в русском языке», а 4 марта — на тему: «Русские трагики Сумароков, Княжнин и Озеров». Эти две работы Чернышевского оставались до сих пор неизданными. Они хранятся в Ленинградском Областном Историческом Архиве — в 2-х делах Совета быв. СПБ университета: одно — о допущении Н. Чернышевского к экзамену на степень магистра (№ 5315, фонд 14, связка 118) и другое — «Магистерские и докторские испытания Историко-филологического факультета» (№ 15973, фонд 14, связка 110).

В литературе факт сдачи Чернышевским магистерского экзамена до недавнего времени подвергался сомнениям, хотя это событие из ученой жизни Чернышевского освещено было в печати Е. А. Ляцким в статье «Н. Г. Чернышевский и его диссертация об искусстве» (Из биографических очерков по неизданным материалам), напечатанной в журнале «Голос минувшего» 1916, № 1.

В названных делах Ленинградского Областного Исторического архива сохранились документы, рисующие все основные стадии прохождения Чернышевским длительного и сложного процесса получения ученой степени магистра.

Наиболее ценными документами из публикуемых здесь надо признать две статьи Н. Г. Чернышевского: 1) «О словопроизводстве в русском языке» и 2) «Русские трагики: Сумароков, Княжнин и Озеров».

В этих работах, написанных в короткий срок (в час-два), в официально-экзаменационной обстановке, Чернышевский обнаружил исключительную осведомленность в очень специальных областях знания, как например, в языкознании.

Ответы на предложенные вопросы Чернышевский дал обоснованные на живом знании материала, богатые наблюдениями и зрелыми выводами.

И та и другая из публикуемых работ свидетельствует о широте научного кругозора великого русского революционера 60-х годов. Написанные под бдительным оком начальства эти ранние работы говорят о непоколебимой убежденности Н. Чернышевского в великих силах русского народа. Ленин говорил о присущей Чернышевскому «настоящей любви к родине»[1]. Эти слова Ленина находят подтверждение в этих ранних статьях Чернышевского, которые по понятным причинам не сочли нужным опубликовать дореволюционные либерально-буржуазные ученые (Ляцкий и др.), хотя и знали о их существовании.

Выражаем проф. Г. В. Прохорову благодарность за помощь в деле обнаружения названных дел о Н. Г. Чернышевском.

Н. Бельчиков

Прошение Н. Чернышевского ректору Петербургского Университета о допущении к экзамену на степень магистра русской словесности, 9 ноября 1853 г.[2]

В 1850 году окончив курс в С. Петербургском Университете по филолого-историческому отделению со степенью кандидата, теперь я имею желание подвергнуться в том же Университете экзамену на степень магистра русской словесности. Почему имею честь покорнейше просить ваше превосходительство о назначении времени для этого испытания. Мой диплом на степень кандидата буду иметь честь представить в совет Университета по окончании моего экзамена.

Кандидат С. Петербургского университета Николай Чернышевский.

Жительство имею: Петербургской части 1-го квартала в доме Бородиной.

Отношение ректора Петербургского университета П. А. Плетнева декану историко-филологического факультета Н. Г. Устрялову, 16 ноября 1853 г.

Ректор императорского С. Петербургского университета, свидетельствуя совершенное почтение Николаю Герасимовичу, имеет честь покорнейше просить его превосходительство сделать распоряжение о допущении кандидата СПБ университета Николая Чернышевского, согласно проше-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 81.

[2] На прошении есть резолюция ректора — «Предложить г. декану» и надпись «23 ноября определено: о результате испытания ожидать донесения г. декана».

нию, к экзамену на степень магистра русской словесности и о последующем уведомить.

Секретарь Совета (подпись)

Протокол устных магистерских экзаменов Н. Чернышевского, 25 ноября 1853 г.

В заседании историко-филологического факультета 25 ноября 1853 г. происходило испытание кандидату Чернышевскому на степень магистра русской словесности из истории русской словесности и русского языка в филологическом и историческом отношении. Предложены были следующие вопросы:

1) состояние образования и литературы в России в век Александра I.

2) Историческое обозрение русских баснописцев.

3) История русского языка с XVII столетия.

На эти вопросы кандидат Чернышевский отвечал удовлетворительно.

А. Никитенко, декан Н. Устрялов, А. Мухлинский, И. Срезневский, Шейх Таитави, М. Касторский, Секретарь Сухомлинов.

Протокол устных магистерских экзаменов Н. Чернышевского, 18 января 1854 г.

18 января 1854 г. экзаменован был из русской истории, как второго предмета, на степень магистра русской словесности Николай Чернышевский; причем разрешил вопросы о Малороссии и присоединении ее к России и оказал успехи удовлетворительные.

Профессор Н. Устрялов, М. Куторга, А. Мухлинский, М. Касторский, И. Срезневский.

Отвечал еще из церковно-славянского языка и главных слазянских наречий —

— О древнейших памятниках церковно-славянского языка и их достоинствах.

— О видоизменениях языка древнего славянского по наречиям, обозначив главные признаки их.

Отвечал удовлетворительно.

И. Срезневский, декан Н. Устрялов, М. Куторга.

Протокол устных магистерских экзаменов Н. Чернышевского, 25 февраля 1854 г.

Экзаменующийся на степень магистра кандидат Чернышевский в заседании факультета 25 февраля 1854 г. был испытываем из истории русского языка; вопрос был предложен ему: об успехах учебной обработки нашего синтаксиса, начиная от Ломоносова и о состоянии этой отрасли знания в настоящее время. Отвечал: удовлетворительно.

А. Никитенко, Декан Н. Устрялов, А. Фишер, М. Куторга, А. Мухлинский, Шейх Таитави, Н. Благовещенский, И. Штейнман, Секретарь Сухомлинов.

О словопроизводстве в Русском языке[1]

Словопроизводство в русском языке, подобно словоизменению, отличается, сравнительно с тою же стороною других новейших европейских языков, гораздо большим разнообразием. Можно даже сказать, что русский язык (подобно другим славянским наречиям) развил в себе много таких способов произведения слов, которые остались мало развитыми в греческом и латинском языках, по богатству словопроизводственных способов, стоящих несравненно выше новых европейских языков.

Было бы слишком обширною задачею рассматривать здесь русское словопроизводство во всех его отраслях; потому ограничимся теми случаями словопроизводства, которые находятся в самой близкой связи с грамматическими флексиями слов (склонением, спряжением и возвышением в степени).

Почти то же самое, что для прилагательного — возвышение и степени, для существительного — образование уменьшительных, ласкательных и т. д. слов. Не будем говорить о богатстве этих изменений в русском языке: оно давно признано всеми; докажем только отношение русского языка в этом случае к другим родственным.

В латинском языке довольно много уменьшительных окончаний, но увеличительных (мужичище и т. п.) решительно нет; несколько отдельных слов вроде virago (девчище), неправильно образованных, ничего не значат, не составляя отдельного клана; от имен собственных римляне почти не могли производить уменьшительных (слова вроде Terentilla от Terentia и т. д. редки, малоупотребительны и почти лишены уменьшительного значения). В греческом гораздо меньше, нежели в латинском, уменьшительных нарицательных имен; зато есть уменьшительные собственные имена, впрочем довольно мало употребительные, и едва ли не в одном только пошлом смысле. В немецком только одно окончание для уменьшения (слова, принимающие chen, не могут принимать lein и наоборот). В английском уменьшительную форму принимают только собственные имена; во французском языке также и эта форма бывает в обоих языках почти всегда только одна

[1] Контрольное сочинение Н. Чернышевского на магистерских экзаменах. Написано 1 марта 1854 г. На сочинении рукою проф. Никитенко написано «удовлетворительно. А. Никитенко».

для каждого имени. У нас этих форм множество.

Наши уменьшительные от нарицательных имен имеют, кроме значения уменьшения, еще значение привязанности или нежности. Этот оттенок могут принимать существительные уменьшительные почти только в одном итальянском, который из всех известных нам языков только один выдерживает до некоторой степени соперничество с русским в образовании уменьшительных и увеличительных, обладая окончаниями обоих разрядов, но с гораздо меньшим разнообразием, нежели русский.

Надобно сказать, что народный (великорусский) язык превосходит литературный язык в этом отношении, и что народный малорусский еще богаче народного великорусского разнообразием и употребительностью уменьшительных.

Кроме собственно-существительных имен, уменьшительные окончания в русском, особенно в народном языке принимают и несклоняемые части речи, например: от ась? (что?) — асинька, от тут — туточко и т. д.

В прилагательных и производных от них наречиях, уменьшительные окончания, подобные окончаниям существительных, употребляются в таком же обширном размере. Из других языков только латинский, до некоторой степени, имеет это свойство (tantillus — и т. п.) — другие все лишены его.

Чрезвычайно оригинальное явление в русском языке — образование особенной сравнительной степени с предлогом по (потише, полегче); подобного явления не представляет ни один европейский язык, кроме русского.

В глаголах наши виды и неразрывно с ними связанное сочетание глаголов с предлогами придает русскому глаголу такую живость и определенность оттенка в отношении к образу действия, какого не в состоянии выразить ни один язык из известных нам. Некоторое сходство с нашими видами представляют латинские начинательные и, особенно учащательные глаголы. Их число невелико, а употребление очень ограничено. Erubesco еще сохранило начинательный смысл, но ignosceo, irascor и т. д. уже потеряли его. Ventito прекрасно выражает учащение, подобно нашему «хаживать», но подобных ему слов в латинском немного и они редко употреблялись. Кроме того, в латинском эти подобия наших видов образуются только окончаниями их (sco и ito), а предлоги не участвуют в этих тонких изменениях значения, и потому в русском число оттенков значения, которое принимает одно глагольное понятие, несравненно более, нежели в латинском (erubesco и ventito — только 2 формы, одна для начинательного, другая для учащательного смысла — в русском этих видоизменений десятки: читаю, почитываю, перечитываю, начитываюсь и т. д. и т. д.).

Нам кажется, что эти бесконечно разнообразные изменения глаголов посредством видовых окончаний и предлогов, с единственною целью определить способ, каким происходит действие, придает русской фразе живость и определенность, которая в большей части случаев не может быть выражена на других языках; и нам кажется, что эта особенность русского словопроизводства еще драгоценнее его способности к образованию уменьшительных и увеличительных имен.

Точно такое же решительное превосходство русского языка над другими европейскими языками по богатству и разнообразию словопроизводства найдется и во всех почти других отраслях словопроизводства.

Н. Чернышевский.

Русские трагики: Сумароков, Княжнин и Озеров[1]

Постараемся в нескольких словах охарактеризовать содержание и форму произведений наших первых трех трагиков, имена которых выставлены в заглавии нашего очерка.

Прежде всего мы должны обратить внимание на ту сторону их трагедий, о которой менее всего думали они сами — на содержание. И Сумароков, и Княжнин, и Озеров сходны между собой (как трагики) в том отношении, что все были подражателями французским трагикам. Сумароков подражал Корнелю и Расину; отчасти Вольтеру, Корнелю и Расину подражал и Княжнин. Озеров подражал уже Люсису, переводчику и переделывателю Шекспира, и до некоторой степени знал греческих трагиков (понимал их так же, как Люсис понимал Шекспира). От этого происходит основное различие между нашими трагиками XVIII века и трагиком начала XIX века по содержанию: у Озерова оно глубже и разнообразнее (как у Люсиса, сравнительно с Корнелем), нежели у Сумарокова и Княжнина, которые (подобно псевдоклассическим французским трагикам) ограничивались тесным кругом г е р о й с к и х чувств, изображаемых обыкновенно в борьбе с н е ж н о ю любовью. У Озерова, как у Люсиса, вместо неподвижного в своем величии героя сумароковских и княжнинских трагедий, является человек, правда, слишком мечтательный, сантиментальный и даже до приторности нежный, но все-таки человек, а не бесчувственный резонер, только говорящий о возвышенных чувствах, но едва ли на самом деле проникнутый этими чувствами.

Сумароков и Княжнин сходны в том, что оба описывают своих героев с портре-

[1] Контрольное сочинение Н. Чернышевского на магистерских экзаменах. Написано 4 марта 1854 г. На сочинении рукою проф. Никитенко написано: «удовлетворительно. А. Никитенко».

тов, или лучше сказать, идеальных бюстов, показанных свету Корнелем и Расином. Но Сумароков выгодно отличается от Княжнина тем, что он подражает, а не просто переводит, как почти всегда поступает Княжнин. Потому даже критики псевдоклассической школы, признававшие подражание делом поэзии, нисколько не затруднялись признавать Сумарокова гениальным трагиком, говоря только, что он подражал Корнелю, как Корнель подражал Эсхилу и Софоклу, и не признавали самобытности и гениальности трагедий Княжнина: он и им (напр. Мерзлякову) казался просто «перелагателем».

Озеров подражает так же, как Сумароков: у него есть целые сцены, целые действия, буквально переведенные с французского, но много у него найдется отрывков и собственно ему принадлежащих. С этим не согласятся многие; но мнение, нами разделяемое о том, что Озеров не просто переводчик, что у него есть много не заимствованного, а выливавшегося из души, достаточно подтверждается уже тем, что личность Озерова видна в его трагедиях, между тем как не только Княжнин, но и Сумароков нигде не высказываются в своих трагедиях. Об Озерове можно было сказать:

Его чувствительность сразила,
Чувствительность, которой сила
Моины душу создала —

а ничего подобного нельзя сказать об отношении трагедий Сумарокова и Княжнина к «душе» авторов.

Само собою разумеется, что при такой подражательности и таким образцам, которые сами очень мало заботились о народности в своих трагедиях, нечего и спрашивать о народности у Сумарокова, Княжнина и Озерова. Русского в их «Дмитрии Самозванце», «Рославе» и «Дмитрии Донском» столько же (за исключением имен), сколько их в «Гамлете» и «Эдипе». Едва ли не единственные строки, имеющие какое-нибудь существенное отношение к русской, если не народности, то по крайней мере истории-перифраз нескольких мест из Наказа и указов Екатерины II в «Титовом милосердии» у Княжнина.

Что же касается формы, о которой больше всего заботились наши трагики (подобно своим образцам), то надобно сказать, что план трагедий Княжнина вообще лучше, нежели планы трагедий Сумарокова, а язык у Княжнина едва ли не больше еще напыщен, нежели у Сумарокова. По языку, нам кажется, Сумароков для своего времени стоял гораздо выше, нежели Княжнин для своего. Правда, что диких несообразностей в выражении у Княжнина менее, нежели у Сумарокова, но это дело времени, а не автора.

У Озерова форма прекрасна (по мерке его времени) и язык очень хорош. Некоторые стихи даже и для нашего времени еще не потеряли всего своего достоинства.

Н. Чернышевский.

Заключение:

Историко-филологический факультет, в заседании 11 апреля 1855 года, признав рассуждение Н. Чернышевского Эстетические отношения искусства к действительности, представленное для получения степени магистра русской словесности, удовлетворительным, положил: кандидату Чернышевскому дозволить оное напечатать и защитить в публичном заседании факультета.

Декан Н. Устрялов, А. Никитенко, А. Мухлинский, Ш. Таитави. М. Касторский, Н. Благовещенский, И. Штейнман, И. Срезневский.

Отзыв проф. А. В. Никитенко о диссертации Н. Г. Чернышевского, 13 апреля 1855 г.

Рассмотрев представленную кандидатом Чернышевским для получения степени магистра русской словесности диссертацию под названием «Эстетические отношения искусства к действительности», честь имею представить факультету следующее:

Задача автора состоит в том, чтобы прояснив, по возможности, идею изящного, как основной элемент искусства и следовательно и словесности, и устранив все преувеличенные понятия о превосходстве искусства над природою и действительностью, доказать, что оно не в состоянии противопоставить своей красоты красотам последней; что эта красота всегда выше художественной, и что искусство может только воспроизводить то прекрасное, которое существует в природе. Этим полагает он поставить искусство в настоящие его пределы и уничтожить все сбивчивые понятия, которыми нынешние теории затемняют один из самых важных и существенных вопросов науки.

Автор начинает свое рассуждение критикою принятых ныне определений изящного из коих особенно подвергает своему исследованию понятие, что прекрасное есть тождество идеи с образом или, что прекрасно то существо, в котором вполне выражается идея этого существа. Он принимает за истину другое определение: что прекрасное есть то, в чем видим мы жизнь такою, какою она должна быть по нашим понятиям. Приведя разные доказательства в пользу этой мысли, он рассматривает высокое и комическое, преимущественно же первое, и отвергает понятие, что высокое есть предмет, возбуждающий в нас идею и чувство бесконечного. Он заменяет это понятие тем, что высокое есть то, что больше другого в том же роде. Затем он переходит к разъяснению: существует ли прекрасное в природе (объективное прекрасное) и разрешая этот вопрос утвердительно, переходит к другому: справедливо ли, что искусство признает кра-

соту выше той, какая представляется нам в действительности, как думают новейшие эстетики, особенно Фишер, мнение которого о превосходстве искусства над природою автор излагает и опровергает подробно? Доказав, что действительность выше искусства, он рассуждает о сущности и значении последнего и полагает, что задача его состоит только в том, чтобы воспроизводить природу, как упомянуто мною выше. Самое происхождение искусства автор объясняет иначе, нежели думают многие из теоретиков и критиков художественных и литературных произведений: оно возникает не из побуждений дополнить недостатки природы в эстетическом отношении, а из одного стремления чуждую нам или отдаленную от нас действительность сделать нам доступною, сопричущею и тем расширить пределы нашего созерцания и чувства. Здесь показывает он отношение принимаемого им учения к известной теории подражания природе и различие между тем и другим. Он опровергает также мысль, что искусство имеет в виду одно только прекрасное и доказывает, что вместе с изображением прекрасного оно стремится выразить все, что нас интересует, разумеется, в смысле духовном и нравственном.

Из сего краткого обзора видно, что автор обратился в своем рассуждении к самым основным началам, от которых зависит правильный взгляд на литературу и здравая о ней критика. Ибо идеи, служащие основанием искусства, служат, как известно, также основанием и литературе, первенствующему искусству между всеми. Предметы эти, несмотря на их трудность и отвлеченность, обняты автором и развиты весьма хорошо; он обладает даром твердого и строго логического мышления и хотя вдается в многосложные и утонченные подробности, вытекающие впрочем из самого свойства его задачи, но не теряет нигде руководящей нити и не выходит из пределов своей основной мысли. Ему известны все лучшие сочинения по его предмету, и видно, что он не только прочитал их, но прочитал со вниманием и взвесил их мысли самостоятельно. Не со всеми положениями его можно согласиться; но нельзя не отдать справедливости уму и искусству, с какими он их поддерживает, имея всегда при том в виду отстоять понятия об искусстве и литературе от всего туманно-умозрительного и утверждая их на указаниях опыта. Примеры, приводимые им, придуманы остроумно и верно. К этому надобно прибавить, что несмотря на отвлеченность содержания своего рассуждения, он выражается везде ясно и точно — заслуга весьма важная особенно у нас, где о подобных предметах писано еще так мало и где исследователи, большею частию, довольствуются плохими перифразами прочитанного ими в немецких книгах.

По всем сим уложениям я нахожу рассуждение г. Чернышевского вполне удовлетворительным для получения степени магистра.

Орд. профессор А. Никитенко.

Донесение декана историко-филологического факультета в совет Петербургского университета, 2 мая 1855 г.

Имею честь донести совету университета, что защищение диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» на степень магистра русской словесности кандидатом Чернышевским назначено 10 мая во вторник, в час пополудни; оппонентами будут проф. А. В. Никитенко и адъюнкт М. И. Сухомлинов.

Декан факультета Н. Устрялов.

Список лиц, которых желает пригласить на свой диспут дефендент Н. Чернышевский [2].

А. А. Краевский, И. И. Панаев, П. В. Анненков, Л. А. Мей, А. Н. Пыпин, П. П. Пекарский, А. Ф. Тюрин, И. И. Введенский, П. И. Тер... (?), А. Э. Раев, В. И. Ламанский, Е. Е. Попов, А. А. Шишкин, А. Н. Струговщиков, Ф. И. Корш, А. Т. Шелгунов, И. В. Писарев, П. З. Тарасевич, Н. С. Степанов, Ф. И. Захаров.

Отношение ректора Петербургского университета в Публичную библиотеку, 14 мая 1855 г.

Имею честь сообщить при сем два экземпляра диссертации под заглавием «Эстетические отношения искусства к действительности», представленной кандидатом Н. Чернышевским на степень магистра русской словесности.

Ректор Университета (подпись).

---

[1] На обороте донесения надпись: «31 мая определено: принимая в соображение, что словесные и письменные испытания кандидата Чернышевского, а равно и защищение представленной им в факультет диссертации, удовлетворяют своей цели, донести о том г. попечителю учебного округа с предоставлением копии с протокола об экзамене Чернышевского и просить его превосходительство об утверждении его (Чернышевского) в степени магистра русской словесности».

[2] Заголовок подлинника; список написан рукой Чернышевского. На списке имеется пометка, сделанная также рукою Чернышевского: «Для означенных лиц 20 билетов получил. Н. Чернышевский».

Донесение историко-филологического факультета в совет Петербургского университета, 26 мая 1855 г.

По отношению г. ректора от 16 ноября 1853 г. за № 1538 кандидат Чернышевский допущен к испытанию на степень магистра русской словесности. В заседании историко-филологического факультета 25 ноября 1853 происходило испытание из истории русской словесности и русского языка в филологическом и историческом отношениях. Предложены профессором Никитенко следующие вопросы: 1) Состояние образования и литературы в России в веке Александра I, 2) Историческое обозрение русских баснописцев, 3) История русского языка с XVII столетия. На эти вопросы Чернышевский отвечал удовлетворительно.

В заседании 18 января 1854 происходило испытание из русской истории. Предложены профессором Устряловым вопросы: 1) о Малороссии и 2) о присоединении Малороссии к России. Отвечал удовлетворительно.

В заседании 18 января 1854 происходило испытание из церковнославянского языка и главных славянских наречий. Предложены профессором Срезневским вопросы: 1) о древнейших памятниках церковно-славянского языка и их достоинствах; 2) о видоизменениях языка древнего славянского по наречиям, обозначив главные признаки их.

В заседании 1 марта письменно решен вопрос о словопроизводстве в русском языке.

В заседании 4 марта письменно решен вопрос: русские трагики: Сумароков, Княжин и Озеров. Испытание во всех трех заседаниях признано удовлетворительным.

По окончании испытания Чернышевский представил рассуждение под заглавием: «Эстетические отношения искусства к действительности». Рассуждение было рассмотрено членами факультета, а письменный разбор оного представлен профессором Никитенко. В заседании 10 мая 1855 г. происходило публичное защищение рассуждения. Оппонентами были: профессор Никитенко и адъюнкт Сухомлинов. Защищение признано удовлетворительным.

Так как и словесные и письменные ответы и защищение диссертации признаны удовлетворительными, то историко-филологический факультет определил: кандидата Чернышевского удостоить степени магистра русской словесности и донести о сем совету Университета.

Декан Н. Устрялов.

Отношение попечителя Петербургского учебного округа совету Петербургского университета, 4 ноября 1858 г.

Г. Министр народного просвещения, по докладу департаментом народного просвещения дела, начавшегося в 1855 г. по представлению бывшего попечителя С.-Петербургского учебного округа, об утверждении кандидата С.-Петербургского университета Чернышевского, согласно удовлетворению совета сего Университета, в степени магистра русской словесности, не находя причин останавливать утверждение Чернышевского в ученой степени, так как из представленных в Министерство по сему предмету сведений видно, что он удовлетворил всем требованиям высочайше утвержденного 6 апреля 1844 г. положения о производстве в ученые степени, в предложении, от 29 минувшего октября за № 8475, утвердил Чернышевского в степени магистра русской словесности.

Уведомляя об этом совет С.-Петербургского университета в ответ на представление оного, от 9 июня 1855 г. за № 778, имею честь возвратить при сем диплом Чернышевского на степень кандидата.

Попечитель И. Делянов.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ
публикаций журнала „Красный архив“ за 1938 г.

Политические статьи, речи и постановления.

Письмо т. Иванова и ответ товарища Сталина, т. 1(86). — Речь товарища Сталина на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 г., т. 3(88). — Речь товарища В. М. Молотова на Первом всесоюзном совещании работников высшей школы 15 мая 1938 г., т. 3(88). — Могучее оружие овладения большевизмом (передовая), т. 4—5 (89—90). — Постановление ЦК ВКП(б) о постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)», т. 6(91).

К 20-летнему юбилею Красной армии.

К двадцатилетию Рабоче-Крестьянской Красной армии и Военно-морского флота, т. 1(86). — Три телеграммы В. И. Ленина, т. 1(86). — И. Сталин, О трех особенностях Красной армии, т. 1(86). — Речь т. Ворошилова на торжественном заседании пленума Моссовета, посвященном 10-летнему юбилею Красной армии, 25 февраля 1928 г., т. 1(86). — Из документов по истории организации Красной армии, т. 1(86). — Рабочий класс и профсоюзы в создании Красной армии, т. 1(86).

История социалистической революции в СССР.

Агитпоездки М. И. Калинина в годы гражданской войны, т. 1(86). — Памяти 26 бакинских комиссаров, т. 4—5(89—90). — К истории проведения в жизнь Ленинского декрета о земле, т. 4—5(89—90). — Из истории борьбы продовольственных отрядов рабочих за хлеб и укрепление советской власти, т. 4—5(89—90). — Немецкие оккупанты в Полесье, т. 6(91). — Сучанская долина в годы гражданской войны, т. 6(91).

Революционное рабочее движение.

Из революционной деятельности Г. К. Орджоникидзе, т. 1(86). — «Коммунистический манифест» и царская цензура, т. 1(86). — К истории празднования международного женского дня, т. 2(87). — К истории всеобщей стачки на Юге России в 1903 г., т. 3(88). — Студенческие волнения в 1901—1902 гг., т. 4—5(89—90). — К истории рабочего движения 80—90-х годов, т. 6(91). — Волнения на Глушковской суконной фабрике (1797—1798 гг.), т. 6(91). — Некоторые данные об убийстве Ладо Кецховели, т. 6(91).

Крестьянское движение.

Волнения чувашского крестьянства в 1842 г., т. 2(87). — Крестьянское движение в конце XIX в. (1881—1894 гг.), т. 4—5(89—90).

История народов СССР.

Из истории Казахстана XVIII в., т. 2(87). — Андижанское восстание в 1898 г., т. 3(88). — Попытки освоения природных богатств Осетии в XVIII столетии, т. 3(88). — Царская Россия и каракалпаки в XVIII в., т. 6(91).

История международных отношений.

Захват Германией Киао-Чао, т. 2(87).— Агрессивные планы Италии в связи с переговорами о возобновлении тройственного союза, т. 2(87).— К истории Франко-русского соглашения 1859 г., т. 3(88).— Австрийская революция 1848 г. и Николай I, т. 4—5(89—90).— Франко-германский кризис 1875 г., т. 6(91).

История литературы.

К 50-летию смерти В. М. Гаршина, т. 2(87).— Борьба царской цензуры с произведениями А. С. Серафимовича, т. 2(87).— Байрон в Греции, т. 2(87).— Борьба царской цензуры с революционным «Кобзарем», Т. Г. Шевченко, т. 6(91).— Новые материалы о диссертации Н. Г. Чернышевского, т. 6(91).—

Географические исследования.

Царское правительство и полярная экспедиция Г. Я. Седова, т. 3(88).

Мемуары.

К истории развития пароходства на Волге (из записок П. Н. Мельникова), т. 4—5(89—90).

ОТ РЕДАКЦИИ.

В № 4—5 «Красного Архива» во 2-м примечании на стр. 262 ошибочно указано, что документы подготовлены к печати М. Сыромятниковой. На самом деле документы подготовлены к печати научным сотрудником Архива революции А. Кобяко.

Содержание

Постановление ЦК ВКП(б) — О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса Истории ВКП(б)» 3
Сучанская долина в годы гражданской войны. Вводная статья *М. Губельмана* 16
Германские оккупанты в Полесье. Вводная статья *К. Софроненко* 89
Франко-германский кризис 1875 г. Вводная статья *А. Ерусалимского* 106
К истории рабочего движения 80—90-х годов. Вводная статья *Б. Златоустовского* 150
К истории волнений на Глушковской суконной фабрике (1797-1798 гг.) Вводная статья *К. Сивкова* 199
К истории каракалпаков XVIII в. Вводная статья *А. Бирзе* 225
Борьба царского правительства и цензуры с революционным «Кобзарем» Т. Г. Шевченко. Вводная статья *И. Ковалева* 255

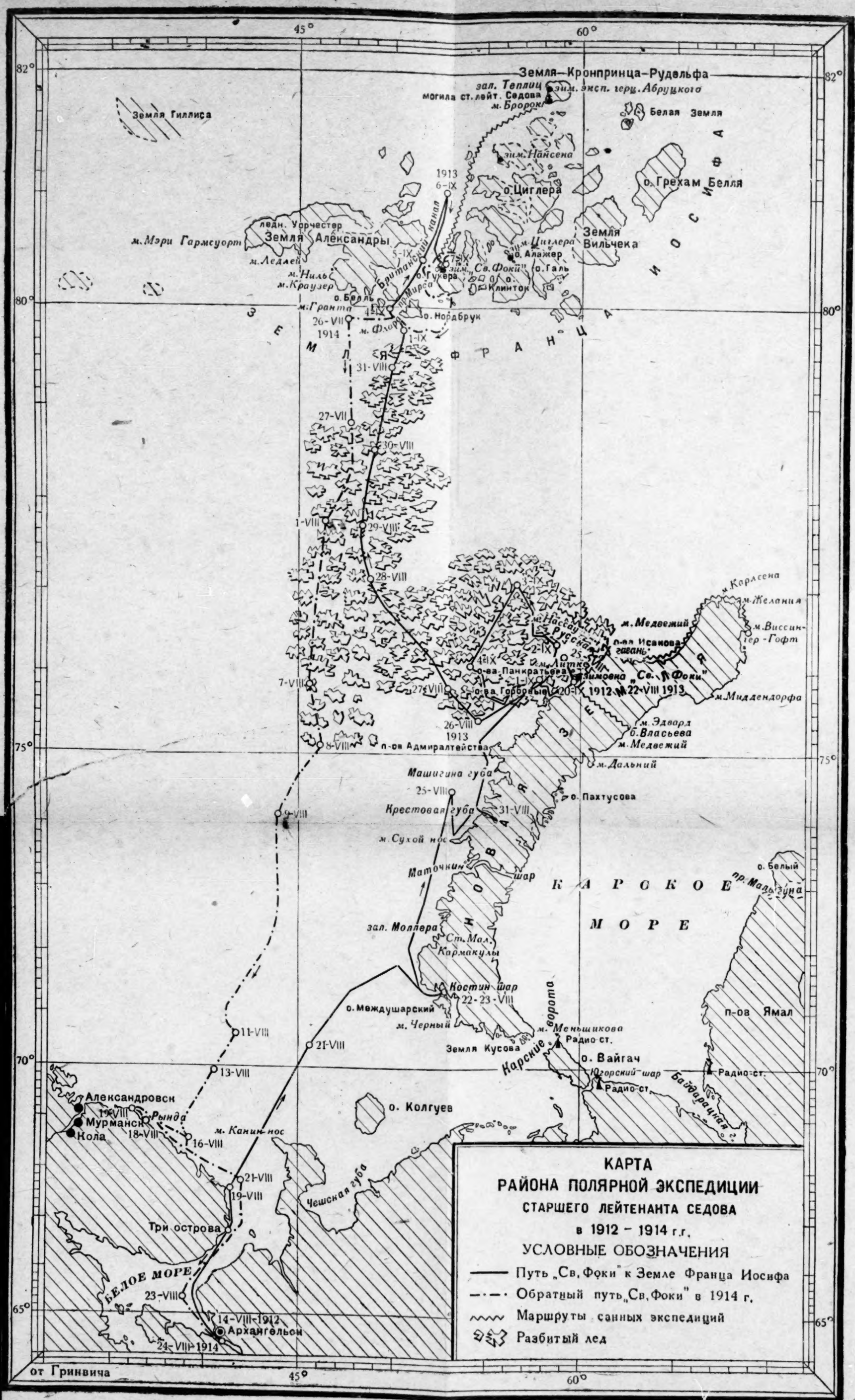
ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА

Новые данные об убийстве Ладо Кецховели. Вводная статья *С. Болтинова* 271
Новые материалы о диссертации Н. Чернышевского. Вводная статья *Н. Бельчикова* 275
Тематический указатель публикаций журнала «Красный архив» за 1938 г. . . . 282

Редакционная коллегия

Сдано в производство 20/XI — 7/XII 1938 г. Подписано к печати 9/II 1939 г. Статформат Б, 176×250. 17¾ печ. л. 61 880 зн. в печ. л. О.-Э. (п.) № 82 Заказ 1427 Уполномоч. Главлита РСФСР № А—4812. Техредактор А. Налимов. Тираж 4170 экз.

18-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10


КАРТА
РАЙОНА ПОЛЯРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
СТАРШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА СЕДОВА
в 1912 – 1914 г.г.
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
Путь „Св. Фоки" к Земле Франца Иосифа
Обратный путь „Св. Фоки" в 1914 г.
Маршруты санных экспедиций
Разбитый лед
Земля Кронпринца Рудольфа
зал. Теплиц
зим. эксп. герц. Абруцкого
могила ст. лейт. Седова
м. Бророк
Белая Земля
Земля Гиллиса
зим. Нансена
о. Циглера
о. Грехам Белля
Земля Вильчека
ледн. Уорчестер
Земля Александры
м. Мэри Гармсуорт
м. Ледлей
м. Ниль
м. Краузер
о. Белль
м. Гранта
Британский канал
о. Гукера
зим. „Св. Фоки"
о. Клинток
о. Алажер
о. Галь
о. Нордбрук
м. Флора
ЗЕМЛЯ ФРАНЦА ИОСИФА
1913
6-IX
5-IX
7-IX
4-IX
1-IX
26-VII
1914
31-VIII
27-VII
30-VIII
1-VIII
29-VIII
28-VIII
3-IX
2-IX
4-IX
1-IX
27-VIII
26-VIII
1913
8-VIII
9-VIII
11-VIII
13-VIII
21-VIII
19-VIII
18-VIII
16-VIII
21-VIII
19-VIII
23-VIII
14-VIII-1912
24-VIII-1914
м. Карлсена
м. Желания
м. Виссингер-Гофт
м. Медвежий
о-ва Исакова
гавань
м. Литке
о-ва Панкратьева
о-ва Горбовые
зимовка „Св. Фоки"
1912 – 22-VIII 1913
м. Миддендорфа
м. Эдвард
б. Власьева
м. Медвежий
м. Дальний
о. Пахтусова
п-ов Адмиралтейства
Машигина губа
25-VIII
Крестовая губа
31-VIII
м. Сухой нос
Маточкин шар
НОВАЯ ЗЕМЛЯ
КАРСКОЕ МОРЕ
о. Белый
пр. Мальгина
зал. Моллера
Ст. Мал. Кармакулы
Костин шар
22-23-VIII
о. Междушарский
м. Черный
Земля Кусова
Карские ворота
м. Меньшикова
Радио-ст.
о. Вайгач
Югорский шар
Радио-ст.
Байдарацкая
Радио-ст.
п-ов Ямал
о. Колгуев
Александровск
Мурманск
Кола
Рында
м. Канин нос
Чешская губа
Три острова
БЕЛОЕ МОРЕ
Архангельск
от Гринвича
45°
60°
82°
80°
75°
70°
65°